МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

**Материалы V Международной
научно-практической конференции**

(5–6 декабря 2018 года)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"Perm University Press"

Пермь 2018

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

PERM STATE UNIVERSITY

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL IN MODERN SOCIETY

Materials of the V International Scientific and Practical Conference

(December 5–6, 2018)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"Perm University Press"

Perm 2018

УДК 316.32
ББК 60.52
А19

А19 **Актуальные** проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе [Электронный ресурс]: материалы V междунар. науч.-практ. конф. (5–6 декабря 2018 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2018. – 12 Мб; 440 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/actualnye-problemy-razvitiya-chelovecheskogo-potenciala.pdf. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7944-3210-7

Сборник содержит материалы (статьи), представленные на V Международной научно-практической конференции (Пермь, декабрь, 2018) исследователями из регионов России и стран ближнего зарубежья. Обсуждаются актуальные проблемы в области социально-гуманитарного знания.

Предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей и специалистов, работающих в смежных областях.

The collection contains materials presented at the V International Scientific and Practical Conference (Perm, December, 2018) by researchers from the regions of Russia and the countries of the near abroad. Actual problems in the field of social and humanitarian knowledge are discussed.

Designed for students, graduate students, teachers and specialists working in related fields.

УДК 316.32
ББК 60.52

Издается по решению кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета

ISBN 978-5-7944-3210-7
© ПГНИУ, 2018

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.022

И.Г. Безрукова

АДРЕСНОСТЬ КОММУНИКАЦИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ

Работа посвящена определению условий влияния учреждений культуры на уровень и качество досуга населения. Дается характеристика понятия «учреждение культуры», его сущность, цели и задачи. Рассмотрены основные направления в работе учреждения культуры.

Ключевые слова: адресность коммуникаций, учреждения культуры.

В настоящее время многие регионы заняты поиском методов, механизмов повышения уровня регионального развития. Сегодня культура воспринимается не только как совокупность общенациональных ценностей и не связывается исключительно с культурным наследием и народным творчеством, а воздействует на всестороннее развитие человека. Одновременно работу, связанную с развитием, пропагандой традиционной культуры ведут сегодня практически все типы учреждений культуры. Таким образом, все типы учреждений культуры имеют все условия для своего развития и совершенствования [5, с.115].

Современный этап мирового общественного развития характеризуется завершением индустриальной эпохи и переходом к постиндустриальному обществу, понятие которого было введено американским социологом Д. Беллом ещё в 1974 г. Оно соответствует признакам общества, перешедшего на стадию предоставления услуг.[1]

Сфера услуг в современном мире становится приоритетной. Каждое учреждение культуры призвано стать для человека любимым местом отдыха, встреч с друзьями и знакомыми, разумного проведения своего досуга. Уровень и качество жизни человека определяется степенью удовлетворения комплекса его потребностей, интересов и ценностей, которые и выражают качество человека, его индивидуальность, отделяет его от других социальных субъектов. Роль учреждений культуры, рассматриваемая в рамках влияния на уровень и качество жизни населения велика. Получат ли они качественные услуги и моральное удовлетворение?

© Безрукова И.Г., 2018

В отношениях с людьми следует соблюдать такт, подходить индивидуально в каждом отдельном случае, считаясь с настроением и запросами аудитории, с конкретной обстановкой, то есть творчески. Поэтому очень важно при организации культурно досуговой деятельности учитывать возрастные особенности населения [3, с. 66–67].

В каждом возрасте имеется некоторый потенциал ведущих запросов, который должен быть реализован в это время, иначе сами запросы могут так и не проявиться. Эта закономерность особенно ярко проявляется в период детства. Особенно внимательно следует продумывать содержание, формы и методы работы среди молодежи [3, с. 67]. Пик потребностей общения со сверстниками наблюдается у молодежи 15–25 лет. Молодежь составляет более половины всего взрослого населения страны, а среди посетителей учреждений культуры она – в подавляющем большинстве. Поэтому работа с молодежью, очень ответственная задача, требующая для своего выполнения глубоко продуманной и интересной работы.

Серьезного отношения требует деятельность учреждений культуры среди пенсионеров. При правильном определении содержания и соответствующих методах работы люди пожилого возраста могут стать постоянными посетителями и активистами в подготовке и проведении культурно-досуговых программ. [3, с. 67]. Представители "третьего возраста" (по определению социальных работников и демографов) далеко не всегда желают проводить свободное время, сидя у телевизора или отдыхая на дачном участке.

Особо следует сказать о семейном отдыхе. Кратковременный или длительный отдых вместе с членами семьи всегда имел немало сторонников. В последние десятилетия организаторы развивают внедомашний семейный отдых. Появляются такие виды организации свободного времени, как семейный туризм, семейные пансионаты, семейные клубы и другие [3, с. 67].

В практике досуговой деятельности не принято специально выделять досуг мужчин или женщин. Тем не менее, имеются досуговые предпочтения, к которым тяготеют преимущественно мужчины (рыбалка, охота, участие в некоторых видах спорта и другое) или по большей части женщины (рукоделие, цветоводство и другое). Для женщин создаются кружки и курсы кройки и шитья, ведения домашнего хозяйства, университеты или факультеты педагогических знаний; они вовлекаются в подготовку и проведение практически всех форм культурно-досуговой деятельности. При некоторых учреждениях культуры работают любительские объединения женщин или клубы по интересам, созданы комнаты матери и ребенка, что

дает возможность для женщин-матерей посещать различные программы [3, с. 67].

Помимо возраста, семейного положения и социального статуса существуют другие критерии, которые позволяют сегментировать потребителей досугового сервиса, в наибольшей степени учитывая многообразные особенности досуговых предпочтений и запросов. Например, организуется корпоративный досуг представителей отрасли, конкретного вида бизнеса или создаются условия для отдыха участникам научного семинара, персонала фирмы и тому подобное [3, с. 91]. Предприниматели, организаторы досуга учитывают содержательные предпочтения отдыха представителей разных социальных групп. Немаловажно также место проживания потребителей досуговых услуг: жители мегаполиса, крупного, среднего или небольшого города, поселка или села. Предпочтения жителей города и села заметно разнятся.

Формирование культурных потребностей происходит через: культурно-досуговые учреждения (количество культурно-досуговых учреждений), показатели динамики, распределение их по формам собственности, так как от этого зависит содержание мероприятия и формирования культурных потребностей, территориальному расположению (географический, человеческий фактор); численность посещаемости культурно-досуговых учреждений по видам, жанрам; динамика этих показателей; материально-техническая база культурно-досуговых учреждений разного типа принадлежности; объемы и структура доходов и расходов культурно-досуговых учреждений, влияющие на качественное содержание и эстетическое оснащение. Набор таких показателей является критерием развития и формирования культурных потребностей через культурно-досуговые учреждения [7, с. 7].

Статистика показывает, что общий объём платных услуг культуры населению неуклонно возрастает. С одной стороны, это создаёт определённые трудности в деятельности клубных учреждений и сложности в выполнении планов платных услуг. С другой стороны, эта тенденция приводит к тому, что многие руководители и работники клубных учреждений всё активнее изучают своего посетителя и его социально-культурные потребности в свободное время. Качество предоставляемых услуг начинает неуклонно повышаться, так как именно за качественную культурную услугу люди готовы платить. [11, с. 465].

Для повышения уровня и качества жизни населения необходимо разработать целый комплекс мероприятий. Он должен быть направлен на:

- развитие системы обратной связи с потребителями, реагирования на жалобы и предложения;
- улучшение обеспечения информацией о работе с помощью рекламы в СМИ, Интернете и т.д., а также PR-мероприятий;
- улучшение качества обслуживания – путем проведения тренингов и семинаров по обучению работников;
- внедрение системы мониторинга удовлетворенности посетителей качеством и доступностью услуг;
- обеспечение эффективного обмена информацией между федеральными, областными учреждениями культуры, учреждениями культуры муниципальных образований.

Регулярный мониторинг мнений потребителей услуг представляет собой эффективный инструмент принятия управленческих решений по улучшению и развитию деятельности учреждений и в результате способствует повышению уровня и качества жизни населения.

Список литературы

1. Аванесова Г.А. Культурно-досуговая деятельность: теория и практика организации: учебное пособие для студентов вузов / Г.А. Аванесова. М.: Аспект Пресс, 2006. 236 с.
2. Андросова Н.О., Бердник А.Н., Савотченко С.Е. Интегральные критерии оценки деятельности / Андросова Н.О., Бердник А.Н., Савотченко С.Е. // Справочник руководителя учреждений культуры. 2007. № 9. 22–34 с.
3. Васильева Т.Г. Культурно-досуговая деятельность: учебник для вузов культуры и искусств; под науч. ред. А.Д. Жаркова, В.М. Чижикова. М.: МГУК, 1998. 461 с.
4. Горушкина Н.С. Управление культурными процессами: муниципальная сеть учреждений культуры в условиях модернизации / С.В. Горушкина // Справочник руководителя учреждений культуры. 2005. № 3. С. 7–16.
5. Дымникова А.И. Методика разработки Положения о миссии организации культуры / Дымникова А.И. // Справочник руководителя учреждения культуры. 2007. № 3. 40–51 с.
6. Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент: Рабочая книга менеджера PR: 2-е изд. СПб.: СОЮЗ, 1997.
7. Зиятдинова Ю.Е. Ноосфера культурных потребностей: социокультурный феномен: автореф. дис. … д-ра. социол. наук: 22.00.06 Ю.Е Зиятдинова; Адыгейск. гос. ун-т. Майкоп, 2010. 52 с.

8. Козел А.А., Лойко Л.Е. и др.; Философия: учеб. пособ. Под общ. ред. А.А.Козела. Минск :Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 416с.

9. Сидоренко С.В., Тарасова Н.А. Мониторинг как инструмент оценки качества услуг / Сидоренко С.В., Тарасова Н.А. // Справочник руководителя учреждения культуры. 2007. № 10. 16–25 с.

10. Смаргович И.Л. Основы культурно-досуговой деятельности: учеб.-метод. пособие / И.Л. Смаргович // Мин-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. Минск: БГУКИ, 2013. 174 с.

11. Смаргович И.Л. Реформирование и оптимизация деятельности клубных учреждений в Беларуси / И.Л. Смаргович // Культура. Наука. Творчество: сборник научных статей / Белорусская государственная академия музыки [и др.]. Минск, 2011. Вып. 5. С. 463–469.

I.G. Bezrukova

TARGETED COMMUNICATIONS CULTURAL INSTITUTIONS AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF PEOPLE'S LEISURE

The work is devoted to determining the conditions of influence of cultural institutions on the level and quality of leisure of the population. The characteristic of the concept "establishment of culture", its essence, goals and objectives is given. The main directions in the work of cultural institutions are considered.

Key words: targeting of communications, cultural institutions.

УДК 316.3

О.А. Ганина, Г.И. Селеткова, В.А. Федотова, Ю.В. Городкова

ОСОБЕННОСТИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНЫХ КАЧЕСТВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ЖИТЕЛЯМИ ПЕРМИ И ЧАЙКОВСКОГО

В статье рассматривается межпоколенческие различия в отношении к предпринимательской деятельности. Авторы опираются на результаты стандартизированного анкетного опроса представителей трех поколений, рожденных в 1970–1980, 1980–1990 и 1990–2000 года, проживающих в г.Перми и г.Чайковском. Согласно результатам исследования, среди взрослых горожан младше 50 лет преобладает позитивное отношение к предпринимательской деятельности, а самыми частыми характеристиками предпринимателей выступают среди положительных качеств – смелость, умение действовать в условиях риска и деловая хватка, а среди отрицательных – жажда наживы. В разрезе поколенческих различий отмечается снижение с возрастом интенсивности и положительных, и отрицательных оценок.

Ключевые слова: отношение, поколение, молодежь, предпринимательская деятельность.

Отношение к предпринимательской деятельности имеет важное значение в формировании социальных и культурных условий предпринимательской среды. Процесс пополнения рядов предпринимателей и активность создания новых предприятий во многом связаны с особенностями восприятия предпринимательской деятельности среди населения. Кроме того, отношение к предпринимательству влияет на оказываемую государственными и муниципальными органами поддержку предпринимательства.

Феномен предпринимательства изучали В. Зомбарт [2], Шумпетер [9], М. Вебер [1], среди отечественных авторов М. Шкаратан [8], А. Чепуренко [7, с. 102–124], В. Радаев [4] и другие, которые рассматривали роли предпринимателей в обществе и основы такой деятельности, а также их образы и типы.

Исследования ВЦИОМ в 2016 году свидетельствуют, что отношение к предпринимательской деятельности несколько изменилось за последние 25 лет: современники проявляют большую активность в открытии собственного дела и надежду на успех, чем жители позднего СССР [6]. В большей степени отмечают готовность к предпринимательской деятельности молодежь от 18 до 24 лет (60%). Результаты исследования «Глобального мониторинга предпринимательства» в 2016 г также говорят о большей степени готовности к предпринимательству молодежи от 18 до 34 лет. [3, с.18] Поэтому представ-

© Ганина О.А., Федотова В.А., Селеткова Г.И., Городкова Ю.В., 2018

ляется актуальным исследование межпоколенческой динамики отношения к предпринимательской деятельности через оценку профессиональных и личных качеств предпринимателя.

С целью изучения особенностей межпоколенческой динамики отношения к предпринимательской деятельности через оценку профессиональных и личных качеств предпринимателей в июне 2018 г. был проведен стандартизированный анкетный опрос. Объем выборки составил 100 человек. Среди опрошенных почти равномерно представлены мужчины (46%) и женщины (54%). Респонденты принадлежали к трем разным поколениям: рожденные в 1970–1980 года (около 38–49 лет), 1980–1990 года (28–37 лет) и 1990–2000 года (18–27 лет). Возрастные границы поколений были выбраны на основе определения паттерна поколения Х. Беккера, предложившего ряд критериев понимания «поколения»: социальный контекст становления поколения; состояние СМИ в тот же период; система социализации; социальные возможности в формативный период; системные и биографические характеристики поколения [5, с. 219]. Выделенные поколения представлены в выборке следующим образом: 18 до 27 лет – 48%, от 28 до 37 лет – 33%, от 38 до 49 лет – 19%. Таким образом, характеристики выборки позволяют провести анализ межпоколенческих различий в оценке профессиональных и личных качеств предпринимателя.

Согласно результатам исследования, роль предпринимательства в целом оценивается положительно: три четверти опрошенных (76%) отмечают, что деятельность российских предпринимателей идет на пользу обществу. При этом поколение, рожденное в 1970–1980 (от 38 до 49 лет) по сравнению с поколением 1990–2000 годов (от 18 до 27 лет) реже согласны с положительными утверждениями о роли предпринимательства (52,6% против 79,2%) и чаще с негативными (47,4% против 27,1%).

Что касается качеств предпринимателя, выяснилось, что самые юные опрошенные чаще других указывали смелость (56,3%), высокий профессионализм (25%), честность и порядочность (18,8%). Поколение 1980–1990 года (28–37 лет) чаще других групп отмечают среди положительных качеств предпринимателей трудолюбие (48,5%) и высокий профессионализм (24,2%), старшее поколение – инициативность (57,9%). Основная часть респондентов всех трех поколений согласны, что умение действовать в условиях риска и деловая хватка характерны для предпринимателей.

Интересно, что оценки честности и порядочности предпринимателей падают с возрастом респондентов – чем старше поколение, тем ниже оценки этих качеств. Зато с возрастом повышаются оценки инициативности предпринимателей. Неоднозначна динамика оценки трудолюбия предпринимате-

лей – младшая группа оценивает ее ниже других поколений (35,4%), средняя группа – максимально (48,5%), а старшее поколение – средне (42,1%) (см. табл.).

Оценка представителями разных поколений профессиональных и личных черт, присущих отечественным предпринимателям

Возраст респондентов	от 18 до 27 лет	от 28 до 37 лет	от 38 до 49 лет
Положительные характеристики			
Смелость	**56,3%**	48,5%	42,1%
Умение действовать в условиях риска	52,1%	51,5%	47,4%
Деловая хватка	50,0%	57,6%	57,9%
Трудолюбие	35,4%	**48,5%**	42,1%
Инициативность	35,4%	42,4%	**57,9%**
Высокий профессионализм	**25,0%**	**24,2%**	10,5%
Честность, порядочность	**18,8%**	12,1%	5,3%
Отрицательные характеристики			
Жажда наживы	56,3%	51,5%	57,9%
Склонность к жульничеству и мошенничеству	**50,0%**	24,2%	31,6%
Отсутствие нужного образования в своей сфере	37,5%	**45,5%**	42,1%
Нежелание честно трудиться	**25,0%**	21,2%	10,5%
Отсутствие деловых навыков	18,8%	21,2%	21,1%
Неумение организовать свою работу	**14,6%**	12,1%	5,3%
Неразборчивость в средствах достижения цели	12,5%	18,2%	**26,3%**

Среди отрицательных характеристик опрошенные 18–27 лет чаще других поколений отмечали склонность к жульничеству (50%), нежелание честно трудиться (25%) и неумение организовать свою работу (14,6%). Респонденты 28–37 лет чаще других отмечали отсутствие у предпринимателей нужного образования в своей сфере (45,5%), а респонденты 38–49 лет – неразборчивость предпринимателей в средствах достижения цели (26,3%). Чем старше респонденты, тем реже они считают, что предприниматели не желают

честно трудиться и не умеют организовать свою работу. С другой стороны, чем старше опрошенные, тем чаще они отмечают неразборчивость предпринимателей в средствах достижения цели. По мнению большинства опрошенных, для предпринимателей характерна жажда наживы и не характерно отсутствие деловых навыков.

В целом отметим, что все поколения отмечали положительные качества несколько чаще, чем отрицательные. Респонденты 18–27 лет чаще других поколений называли и положительные и отрицательные качества, а оценки респондентов 38–49 лет были самыми сдержанными, нейтрально близкими к средним по выборке.

Итак, среди горожан 18–49 лет преобладает позитивное отношение к предпринимательской деятельности. Респонденты чаще соглашаются с позитивными утверждениями о роли предпринимателей и отмечают положительные черты отечественных предпринимателей. Взрослые горожане младше 50 лет в большинстве своем согласны, что для предпринимателей характерны смелость, умение действовать в условиях риска, деловая хватка и жажда наживы. Среди межпоколенческих различий в отношении к предпринимательской деятельности можно отметить категоричность оценок поколения 1990–2000 годов (18–27 лет) и нейтральность, сдержанность оценок поколения 1970–1980 (от 38 до 49 лет). Поколение 1990–2000 чаще воспринимает предпринимателей как смелых, но склонных к жульничеству; поколение 1980–1990 – как трудолюбивых, профессиональных, но с отсутствием нужного образования в своей сфере, а поколение 1970–1980 – как инициативных, но неразборчивых в средствах достижения цели.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма М.: Прогресс, 1990.

2. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс. 2004. С.413–613.

3. Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016». [Электронный ресурс]. URL: http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016–2017.pdf (дата обращения: 26.08.2018)

4. Радаев, В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия / В. Радаев // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 79

5. Семенова, В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» / В.В. Семенова // Россия реформирующаяся: ежегодник 2003 / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт. социологии. РАН, 2003. С. 213–23

6. Свой бизнес: сегодня и 25 лет назад. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=328 (дата обращения: 26.08.2018)

7. Чепуренко, А.Ю. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) / А.Ю. Чепуренко // НИУ ВШЭ, Москва. Новая экономическая ассоциации. № 2. (14), С. 102–124

8. Шкаратан, М.О. Феномен предпринимателя: интерпретация понятий / М.О. Шкаратан // Мир России. Социология. Этнология. 1994. №2. С. 149–177.

9. Шумпетер И. Теория экономического развития. М.: 1982.

O.A. Ganina, G.I. Seletkova, V.A. Fedotova, Y.V. Gorodkova

FEATURES INTERGENERATIONAL ASSESSMENT OF PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF THE ENTREPRENEUR INHABITANTS OF PERM AND TCHAIKOVSKY

The article deals with intergenerational differences in attitudes to entrepreneurship. The authors rely on the results of a standardized questionnaire survey of representatives of three generations born in 1970–1980, 1980–1990 and 1990–2000. According to the results, a positive attitude towards entrepreneurship prevails, and the most frequent characteristics of entrepreneurs are among the positive qualities – courage, ability to act in risk and business acumen, and among the negative ones – the thirst for profit. In the context of generational differences, there is a decrease in the intensity of both positive and negative estimates with age.

Key words: attitude, generation, youth, entrepreneurial activity.

УДК 316.774

М.А. Вожакова, А.С. Дубровина

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННЫХ КОМИКСАХ DC И MARVEL

В статье с помощью метода анализа документов были проанализированы изображения в нескольких комиксах двух популярных американских издательств – DC и Marvel. Рассматриваются феминные и маскулинные стереотипы, которые часто можно увидеть в комиксах данных издательств. Было отмечено, что через мужских персонажей транслируются маскулинные стереотипы, в то время как женские персонажи имеют как феминные, так и маскулинные характеристики. Это обусловлено трансформацией гендерных норм, происходящей в современном обществе.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, комиксы, массовая культура.

Массовая культура играет важную роль в определении господствующих норм и ценностей современного общества. Сохраняют свою популярность такие средства массовой культуры как комиксы, которые привлекают внимание людей, прежде всего потому, что отражают проблемы современного общества [4], изменения, происходящие в обществе, в т.ч. и гендерные.

Под гендером понимается социальный пол, определяющий поведение человека в обществе и то, как это поведение воспринимается [1]. Гендерные стереотипы – упрощенное обобщение представителей половой группы, которое позволяет воспринимать их согласно соответствующим ожиданиям [5]. Стереотипные представления о том, какими должны быть мужчины и женщины появляются до сих пор – изменяются вместе с трансформацией общества. В настоящее время в научной литературе различают половые и гендерные стереотипы [3]. Первые основаны на биологических различиях мужчины и женщины (рост, масса тела, строение тела, физическая сила и т.д.), а вторые включают в себя характеристики, сформированные в обществе (различия в мышлении, личных качествах, в отношении к людям и т.п.).

Существуют гендерные стереотипы, основанные на личных качествах: мужчина – сильный, рациональный, надёжный, серьёзный, упрямый, независимый, стремящийся к лидерству, самодостаточный, но при этом непостоянный и агрессивный; женщина – эмоциональная, добрая, робкая, заботливая, аккуратная, легкомысленная, наивная, слабая и т.д. Также, можно выделить статусно-ролевые стереотипы: мужчина – карьерист, защитник, кормилец и глава семьи; женщина – мать, жена, домохозяйка, хранительница очага и т.д. В современной реальности гендерные стереотипы в основном транслируются

© Вожакова М.А., Дубровина А.С., 2018

через СМИ и медиа. Как отмечают А. Е. Здравомыслова и А. А. Тёмкина, «средства массовой информации воспроизводят и усиливают образы гендерного мира. Они создают однозначно относимую к тому или иному полу и заряженную сексуальностью символику...» [2, с. 63].

Комикс, выступая как канал коммуникации, может пониматься как последовательная серия изображений, которая составляет единую историю. Особенность комикса состоит в единстве повествования (наличие текста) и визуального действия (изображений). Зачастую именно через изображения транслируются гендерные стереотипы. Поэтому целью данной работы является анализ гендерных стереотипов в комиксах именно через изображения.

Для анализа гендерных стереотипов были выбраны комиксы крупнейших издательств DC и Marvel. У Marvel выбраны следующие комиксы: Сущность Бесконечности №1, Капитан Америка: Стив Роджерс №1, Чёрная Вдова №1. Среди комиксов DC анализироваться будут следующие материалы: Бэтмен приключения: Безумная любовь, Бэтмен: помешанный Аркхем №17 и Сногсшибательные №1.

В качестве метода исследования был выбран анализ документов, который позволил выявить некоторые особенности конструирования феминных и маскулинных стереотипов.

Первым для анализа был выбран комикс Marvel. Сущность Бесконечности, выпуск №1. В комиксе присутствуют агрессивные персонажи мужского пола, которые изображены чересчур мускулистыми – это подчёркивает их обтягивающая одежда. На протяжении всего комикса как главные, так и второстепенные персонажи изображены бесстрашными, сильными, готовыми вступить в драку в любой момент. Мимика персонажей агрессивна: присутствует оскал и прищур. Об агрессии можно судить и по их по их позам: руки сжаты в кулаках, иногда расставлены, часто в руках изображено оружие, (ноги согнуты в коленях, руки сжаты в кулаках). Ещё один второстепенный персонаж – женщина. Она изображена так, будто скопирована с мужских персонажей: это подтверждает слишком большое количество мускул для женского тела. В целом, можно сказать, что в данном комиксе присутствуют маскулинные стереотипы, в частности агрессивность и сила.

Следующим был проанализирован комикс Капитан Америка: Стив Роджерс, выпуск №1. На обложке изображены главный и второстепенные мужские персонажи, также один женский. Все они выглядят агрессивно: прищуренный взгляд, поджатые губы, руки сжаты в кулаках. Главный герой этого комикса, – Капитан Америка, – изображён в обтягивающем костюме. Он выступает в качестве борца за справедливость и идеала мужественности: он изображён мускулистым, с мужественной челюстью и выступающими

скулами, светлыми волосами. В комиксе также присутствует несколько второстепенных женских персонажей. Некоторые из них частично скопированы с мужских: мускулистое тело, обтягивающие костюмы, они изображены нападающими на врагов. А один второстепенный женский персонаж, напротив, имеет типичные феминные качества: она заботливо заклеивает рану главному герою, смотрит на него сочувствующим взглядом.

Ещё один комикс Marvel, выбранный для анализа – Чёрная Вдова, выпуск №1. Главный персонаж – женщина, одета в закрытый костюм, не привлекающий к себе внимание. В комиксе она изображена сильной, независимой, смелой, отважной (одна сражается с врагами, сжатые кулаки, позы боевой готовности), что соответствует маскулинным, а не феминным характеристикам. Однако изображение её лица соответствует типичным женским характеристикам: пухлые губы, румяные щёки, «кошачий» взгляд. На некоторых изображениях видна слабость главной героини во время битвы (полузакрытые глаза, опущенная голова, согнутые в коленях ноги и опущенные руки). Однако затем героиня находит в себе силы сражаться дальше и побеждает. Так, у неё практически отсутствуют типичные феминные характеристики.

Также были проанализированы несколько комиксов издательства DC. Первый из них – Бэтмен приключения: Безумная любовь. Главные герои комикса – двое мужских персонажей (Бэтмен и Джокер) и один женский (Харли Квинн). Бэтмен одет в обтягивающий костюм, подчёркивающий его мускулы, у него широкий подбородок, широкие плечи. Его мимика не так разнообразна: изображён прищуренный взгляд и поджатые губы, либо оскал. Джокер, часто изображён с оружием в руках, с ухмылкой, оскалом и опущенными бровями. Это говорит о его агрессии. Харли Квинн, имеет типичные феминные характеристики: легкомысленность (широкая улыбка, закатанные или широко открытые глаза) и влюбчивость (смотрит на объект любви с широко открытыми глазами и улыбкой, закатывает глаза). Также она изображена как сексуальный объект. Её одежда либо закрытая, но обтягивающая, либо очень открытая. Так, в данном комиксе мужские персонажи имеют типичные маскулинные характеристики, а женский – типичные феминные.

Следующий комикс DC – Бэтмен: помешанный Аркхем, выпуск №17. Первое, на что хочется обратить внимание – объективированные образы женских персонажей: нереалистично тонкие талии, большая грудь, обтягивающие и открытые костюмы, большие глаза. Так изображены трое главных женских персонажей, присутствует некая однотипность. Часто они вступают в битвы с мужчинами, выглядят агрессивно на некоторых изображениях. Но такая типичная женская характеристика как слабость также присутствует в

данном комиксе. Второстепенный персонаж здесь мужской – Бэтмен. Через него транслируются стереотипные мужские характеристики: сила (мускулистый), агрессия (сжатые в кулак руки, раскинутые руки, оскал), надёжность (вмешивается в битву с целью помочь женским персонажам). Так же как и предыдущий, этот комикс содержит в себе большое количество изображённых маскулинных и феминных гендерных стереотипов.

Последний комикс DC, выбранный для анализа – Сногсшибательные, выпуск №1. Главные персонажи здесь – три женщины. Они также изображены однотипно и с некоторой долей объективации. Однако нужно отметить, что этот современный комикс стилизован под 40–50-е годы XX столетия, а именно стиль «пин-ап» (стиль американской графики середины XX века, ключевым моментом которого является изображение полуобнажённых женщин). Поэтому главные героини изображены в открытой одежде, с длинными ногами, тонкими талиями и большой грудью. Также стоит отметить, что в этом комиксе мужские персонажи появляются крайне мало и играют второстепенную роль, акцент сделан именно на женщинах. Т.е., в данном комиксе содержатся только феминные стереотипы.

Проанализировав комиксы двух издательств, можно отметить, что между ними есть некоторые различия. Было выявлено, что в анализируемых комиксах Marvel женские персонажи в большей степени имеют характеристики, скопированные с мужских. Также женские персонажи могут выступать в качестве главных героев. Что касается мужских персонажей в Marvel, они имеют такие типичные мужские характеристики, как сила и агрессия. В комиксах DC присутствуют мужские персонажи, обладающие стереотипными мужскими характеристиками, однако акцент здесь сделан на женских персонажах. Они изображены как сексуальные объекты, которые при этом могут даже выступать главными героинями комикса. Среди их характеристик также присутствуют и маскулинные, например, сила, но феминные всё же преобладают.

Таким образом, в комиксах американских издательств DC и Marvel присутствует немалое количество персонажей, через которых транслируются типичные мужские и женские характеристики. Комиксы как часть массовой культуры не могут не отражать современные реалии: сейчас происходит трансформация ценностей и нормой становится сильная, независимая от мужчины женщина. В будущем ситуация может меняться, и массовая культура будет диктовать новые нормы и ценности.

Список литературы

1. Анисимов, Е.В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема / Е.В. Анисимов // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 328–335.

2. Здравомыслова, Е.А., Тёмкина, А.А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура / под ред. З. Хоткиной, Н. Пушкарёвой, Е. Трофимовой. М.: МЦГИ, 1999. С. 46–56.

3. Ильин Е. П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. с. 688.

4. Пигалев, Е.А. Гендерные аспекты в культуре комиксов (на примере комиксов «X–men») // Вестник науки и образования №7 (9) / Е.А. Пигалев // Bulletin of Science and Education, 2015. С. 109–112.

5. Тищенко, Ю.Г. Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи: социологический анализ. Дис.: канд. наук. Ставрополь, 2014. С. 40–45.

M.A. Vozhakova, A.S. Dubrovina

GENDER STEREOTYPES IN MODERN DC AND MARVEL COMICS

The article determines the relevance of the sociological study of gender stereotypes in modern comics. Using the document analysis method, images were analyzed in several comic strips of such popular American publishers as DC and Marvel. It is concluded that feminine and masculine stereotypes are often present in the comics of these publishers. It was noted that masculine stereotypes are transmitted through male characters, while female characters have feminine, but in some cases masculine characteristics. This is caused by the transformation of gender norms occurring in modern society.

Key words: gender stereotypes, comics, popular culture.

УДК 614.8.084

Д.И. Ефимов

К ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ

В статье актуализируется проблема соблюдения техники противопожарной безопасности. Автором анализируются ситуации, сопровождающиеся подобными нарушениями, предлагается возобновление практики обучения и информирования граждан о мерах безопасности, правилах первой помощи пострадавшим на предприятиях, путем средств массовой информации.

Ключевые слова: техника безопасности, торгово-развлекательный центр, профилактика.

На современном этапе формирования противопожарных комплексов Россия все больше приближается к прогрессивной и стабильной материально-технической базе. Вопросы, касающиеся проблем, связанных с техническими средствами, приобретают все большую актуальность. В то же время, наблюдаются проявления халатного отношения к проведению плановых проверок и соблюдению самых простых норм противопожарного законодательства. Нормативно – правовые акты, регламентирующие этот вопрос, в полной мере отражают необходимые действия для профилактики проблемных ситуаций и поведение при их наступлении, предотвращая и не допуская халатное отношение лиц, непосредственно занятых в эксплуатации противопожарных средств [1].

В настоящее время множество торгово-развлекательных центров Российской Федерации снабжены новыми и мобильными системами пожаротушения, но вопрос, касающийся постоянного контроля соблюдения норм их эксплуатации территориальными органами, проведения штатных учений остается открытым.

Произошедший 25 марта 2018 года пожар в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» в г. Кемерово, позволяет дать оценку действиям органов местного самоуправления и убедиться в необходимости своевременного контроля работоспособности системы пожарной охраны комплексов. Так, в результате неисправности системы сигнализации, по информации СМИ погибло более 60 человек, множество людей получили ранения и травмы. Причем действия пожарных бригад в условиях ситуации с жестко нарастающей интенсивностью нагрузки были оценены очевидцами, как слаженные и эффективные. Однако, неподготовленность персонала торгово-развлекательно-

© Ефимов Д.И., 2018

го центра к непредвиденным ситуациям, низкий профессионализм сотрудников охраны торгового комплекса привели к трагическим последствиям как моральным, так и экономическим [1]. Примером неправомерной деятельности ответственных лиц также может послужить пожар в Пермском ночном клубе «Хромая лошадь» и масштабные последствия этого события. Выявленные нарушения техники безопасности, несоответствие профессиональных навыков персонала клуба определённой обстановке позволяют говорить об определенной закономерности в отношении сотрудников к соблюдению норм противопожарной безопасности, знанию этих правил. Проведение мероприятий с персоналом заведений по отработке действий при пожаре часто носит формальный характер, откладывается на неопределенный срок либо вообще не осуществляется [1, 4, 5].

В качестве регулятивных норм, являющихся базовыми и профилактирующими подобные чрезвычайные ситуации, следует упомянуть следующие нормативно-правовые акты:

1. Федеральный закон от 21.12.1994 N 69-ФЗ «О пожарной безопасности»

2. Федеральный закон от 22.07.2008 N 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»

3. «СП 6.13130.2013. Свод правил. Системы противопожарной защиты. Электрооборудование. Требования пожарной безопасности» (утвержденный Приказом МЧС России от 21.02.2013 N 115).

Кроме того, проблемой является то, что рядовые посетители, возлагая надежды на персонал и администрацию современных развлекательных центров, полагают, что в критической ситуации они находятся в полной безопасности, утрачивают способность адекватно реагировать и принимать самостоятельные решения при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

По мнению Макаровой О.Л. (2007), чрезвычайные ситуации, имеющие происхождение природного характера, воспринимаются человеком намного проще, чем антропогенные. Переживая землетрясения и ураганы, люди относятся к ним как явлениям, обусловленным силами природы, как проявлению «высшей силы». К трагедиям антропогенного характера отношение абсолютно другое. Подобные чрезвычайные ситуации являются психотравмирующими, дезорганизующими «Я»-концепцию личности, разрушающими базовое доверие к миру, систему жизненных координат [3].

Поведение человека – сложный и многогранный процесс. Прежде чем адекватно сориентироваться в чрезвычайной ситуации, оказать помощь другим, необходимо понимать, прежде всего, самого себя: особенности своих чувств, мыслей, поступков для того, чтобы преодолеть негативное психическое состояние, совладать с проблемной ситуацией и др. Существует доста-

точно много приемов и техник, способствующих активизации внутренних ресурсов личности, повышению самоэффективности, но, чтобы отобрать из огромного арсенала методов адекватные, соответствующие проблемной ситуации, необходимо знать их особенности, назначение и возможности применения [2].

Возможно, возобновление практики обучения и информирования граждан о мерах безопасности, правилах первой медицинской и психологической самопомощи и помощи пострадавшим на предприятиях в средствах массовой информации позволит сформировать у населения четкий алгоритм действий и придаст им уверенность в себе при возникновении чрезвычайной ситуации.

Список литературы

1. Владимир Путин о «Зимней вишне» [Электронный ресурс] // Бизнес – газета. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/376979 (Дата обращения: 09.10.2018).
2. Гурова О. В. Технологии эффективной саморегуляции в деятельности сотрудников УИС // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Пермь, 04–06 апреля 2018 г. Пермь, 2018. С. 240–243.
3. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных: учебное пособие / под общей ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. 319 с.
4. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности" // "Собрание законодательства РФ», 26.12.1994, № 35, ст. 3649 [Электронный ресурс] // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId =67014 (Дата обращения: 09.10.2018).
5. Федеральный закон от 22.07.2008 N 123–ФЗ "Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [Электронный ресурс] // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=298291 (Дата обращения: 09.10.2018).

D.I. Efimov

TO THE PROBLEM OF ENSURING THE FIRE SAFETY IN SHOPPING AND ENTERTAINMENT CENTERS

The article actualizes the problem of compliance with fire safety techniques. The author analyzes situations involving such violations, suggests resuming the practice of teaching and informing citizens about safety measures, first–aid rules for victims in enterprises, through the mass media.

Keywords: safety, shopping and entertainment center, prevention.

УДК 316.776.32

Е.А. Жуланова, О.А. Швецова

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СЕТИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ)

В статье рассматривается проблема самопрезентации молодежи в сети. С помощью метода анализ документов были проанализированы некоторые пользователи социальной сети Вконтакте и сделаны выводы, что молодежь формирует сетевой образ опираясь на свою индивидуальность, отражая свои интересы и увлечения, при этом самопрезентация юношей и девушек имеет свои различия в силу гендерных особенностей.

Ключевые слова: самопрезентация, коммуникация, социальная сеть.

В современном мире огромную роль играют Интернет-коммуникации, которые отличаются своей скоростью и простотой: люди общаются текстовыми сообщениями, смайликами, при этом реальное общение отходит на второй план [4, с. 287]. С появлением интернета произошла колоссальная трансформация, как в коммуникации в целом, так и в самопрезентации. Коммуникация приобрела иной характер: количество контактов в сети возросло в ущерб их качеству, а тенденция к краткости приводит к упрощению речи [3]. Люди общаются в социальных сетях, выстраивая свой образ таким, каким им хочется казаться, приукрашивают себя, т.е. формируемый образ может не соответствовать реальности.

Самопрезентация в социальных сетях представляет интерес для исследований, так как сегодня каждый пользователь социальных сетей старается управлять впечатлением, производимым на других. Самопрезентация – это управление впечатлением для обозначения многочисленных стратегий и техник, применяемых индивидом при создании и контроле своего внешнего имиджа и впечатления о себе, которое он демонстрирует окружающим. [2]

Социальная сеть сегодня — это не столько способ общения со старыми друзьями, сколько способ обрести новых знакомых. [1] Самая популярная социальная сеть в России – Вконтакте, она выступает в качестве канала коммуникации. Каждая личность представляет себя всей аудитории пользователей социальной сети, используя при этом такие параметры, как:

– имя профиля (никнейм) – индивидуальное имя, идентифицирующее пользователя в социальной сети;

– фото пользователя (аватар), различные фото- и видеоальбомы;

– анкета – социально-демографические характеристики пользователя (пол, возраст, семейное положение, образование и т.д.);

© Жуланова Е.А., Швецова О.А., 2018

– посты;
– друзья;
– сообщества и т.д.

Таким образом, личный профиль в социальной сети презентует виртуальный образ личности и сообщает нам об особенностях ее социальной идентичности.

Нами было проведено исследование, где в качестве метода выступает анализ документов, для которого были выбраны 8 случайных пользователей Вконтакте от 18 до 30 лет, из которых четыре девушки и четыре юноши.

Сперва были проанализированы никнеймы. Большинство из выбранных пользователей указывают свое настоящее имя и фамилию – 6 человек. Одна девушка предпочла скрыть свою настоящую фамилию, заменив ее вымышленной, и один парень выбрал полностью придуманный никнейм. Стоит обратить внимание, что в социальной сети «Вконтакте» не приветствуются выдуманные никнеймы. Поэтому сообщение своих настоящих имени и фамилии скорее является внешним требованием анализируемой платформы. Большей социальной одобряемостью и доверием пользуются профили, которые не скрывают личность человека и его персональные данные. Другим пользователям проще начать коммуникацию с таким человеком.

Не менее важную роль в процессе самопрезентации играет аватар. Это основная фотография на странице, на которую всегда обращают внимание другие пользователи социальной сети. При анализе было выявлено, что 3 из 8 человек предпочли скрыть свое лицо, поставив картинку вместо реальной фотографии, при этом двое из них – юноши. Это можно объяснить тем, что девушки больше внимания уделяют своей внешности, для них важно показать себя, выбрав хорошую фотографию, которая будет показывать их с лучшей стороны, юноши, в свою очередь, меньше зациклены на внешнем виде. Им проще поставить картинку, чем потратить время на то, чтобы сделать хорошую фотографию.

Продолжая анализ фотографий, мы посмотрели фотоальбомы пользователей, наиболее заполненные оказались у юношей. В среднем у них более 1200 фото, в то время как у девушек около 400. Причем содержание также отличалось. У юношей превалируют групповые фотографии с друзьями, а также много повседневных фотографий – город, природа, машины, люди. У девушек фотографии в большей степени отражают их увлечения – йога, путешествия, аниме, семья, дети. Эти различия объясняются гендерными особенностями пользователей. Но в то же время, у девушек гораздо больше кар-

тинок в фотоальбомах: арты, цитаты, рисунки, цветы, которыми они выражают себя и свою индивидуальность.

Далее были проанализированы социально-демографические характеристики пользователей или по-другому, анкета. У 7 из 8 указана основная информация, большая часть проанализированных пользователей (6 из 8) не скрывают дату рождения, семейное положение указано у трех девушек и ни одного юноши. Более полную информацию о себе в этом блоке предоставляют девушки, которые кроме даты рождения, города и места работы или учебы, также указывают контактные данные, что можно объяснить их большей открытостью и желанием рассказать миру о себе.

В разделе «главное в жизни» 3 из 4-х девушек выбрали вариант «семья и дети», в то время как парни чаще выбирали варианты «саморазвитие» и «совершенствование мира». Это говорит о том, что пользователи стараются самопрезентовать себя с точки зрения традиционных гендерных норм и ценностей. В разделе «главное в людях» 5 из 5-ти пользователей, заполнивших этот пункт, выбрали вариант «доброта и честность». Такое единодушие можно объяснить стремлением показать себя с лучшей стороны, создать свой идеальный виртуальный образ. В разделах «отношение к курению» и «отношение к алкоголю» юноши выбирали варианты «негативное» и «резко негативное», а девушки в основном негативно относятся к курению, но к алкоголю более положительно. Это может быть связано с большей искренностью девушек при заполнении анкеты.

Раздел «Друзья», в среднем у всех количество друзей находится в диапазоне от 100 до 300, только у одного юноши их количество около 1500, что является слишком большой цифрой даже для очень общительных людей. Количество друзей и подписчиков для некоторых пользователей может быть показателем популярности, общительности, поэтому они стремятся добавить в друзья как можно больше человек. Такое поведение характеризует в основном детей и подростков, чем старше становится человек, тем меньше количество друзей, но бывают и исключения.

Наибольший интерес вызывают посты, поскольку в них пользователь наиболее полно может раскрыть свою индивидуальность. Однако пользователи не так часто пишут посты от своего имени, делятся своими мыслями и переживаниями, гораздо чаще они заполняют это пространство репостами из сообществ и групп, которые они посещают. Так, только 2 из 8-ми пользователя иногда пишут посты самостоятельно, остальные лишь делают репосты, причем тематика постов у юношей и девушек разная. Первые чаще добавля-

ют на стену фотографии и музыку, вторые – посты, связанные с их интересами и увлечениями: цитаты из книг, фотографии из путешествий, посты с детской тематикой, аниме и сериалами, рисованием.

Таким образом, профили молодежи в социальной сети «Вконтакте» показали следующие особенности самопрезентации:

1. Юноши и девушки предпочитают формировать виртуальный образ, отражая свою индивидуальность и мировоззрение, увлечения и интересы, используя реальную информацию о себе и транслируя ее всему миру.

2. Молодежь редко полностью заполняют свой профиль, каждый раздел, но девушки заполняют больше личной информации о себе, делятся персональными фотографиями, открыто рассказывают о своих увлечениях и не скрывают свое семейное положение, в отличие от юношей, профили которых более обезличены.

3. Юноши чаще и в большем объеме выкладывают фотографии, но на них изображены в основном другие люди, места, объекты, также присутствует много групповых снимков. Девушки, в свою очередь, реже делятся фотографиями, зато это одиночные качественные снимки с обработкой.

4. В среднем, количество друзей у пользователя составляет от 100 до 300 человек.

Сегодня личный профиль Вконтакте, отражающий индивидуальность личности, презентует виртуальный образ и сообщает другим пользователям об особенностях его социальной идентичности, а также дает возможность человеку самопрезентовать себя так, как он сам хочет.

Список литературы

1. Антонова, Ю.А., Демина, С.А. Аватар как элемент самопрезентации в социальной сети / Ю.А. Антонова, С.А. Демина // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 15–20.

2. Гофман Ирвинг Представление себя другим в повседневной жизни / Ирвинг Гофман: Пер с англ. А.Д. Ковалёва: Ин-т социологии РАН. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково-поле, 2000. 302 с.

3. Кожевникова О.В., Кононенко Н.А., Шавалеева З.Н. Особенности самопрезентации и личностные свойства участников интернет-коммуникации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. №2. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n /osobennosti-samoprezentatsii-i-lichnostnye-svoystva-uchastnikov-internet-kommunikatsii (Дата обращения: 06.11.2018).

4. Чернобровкина И.Г. Особенности самопрезентации в интернет-коммуникации // Царскосельские чтения. 2012. №XVI. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoprezentatsii-v-internet-kommunikatsii (Дата обращения: 06.11.2018).

E.A. Zhulanova, O.A. Shvetsova

FEATURES OF YOUTH IN THE NETWORK SELF-PRESENTATION (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE)

The article explains the problem of self-presentation of young people in the network. Using the document analysis method, some users of the Vkontakte social network were analyzed and the conclusions were drawn that young people form a network image based on their individuality, reflecting their interests and hobbies, while the self-presentation of boys and girls has its own differences due to gender characteristics.

Keywords: self-presentation, communication, social network.

УДК 347.7

М. Жумадилова, М.К. Жусупбекова

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В статье рассматриваются проблемы электронной торговли. Указывается, что электронная торговля имеет ряд преимуществ, а именно доступность, экономия времени, удобная доставка, отсутствие очередей, общение через сайт, использование различных способов оплаты. В статье приведены определение и признаки электронной торговли, понятие электронной торговой площадки; проводится анализ правовых актов, касающихся электронной торговли и предлагаются предложения по совершенствованию правовых актов, касательно электронной торговли. Так, предлагается ввести изменения в Закон РК «О защите прав потребителей», где можно предусмотреть специальную главу, которая называлась бы «Защита прав субъектов получения услуг в элекронной форме». Вместе с этим, предлагается принятие нового Закона РК «Об электронной торговле».

Ключевые слова: электронная торговля, защита прав потребителей.

В настоящее время договор купли продажи считается самым распространенным договором, который каждый день встречается в повседневной жизни человека. В Гражданском кодексе Республики Казахстан определены письменная и устная формы договора купли-продажи. В рыночное время к одной из форм договора купли – продажи можно отнести электронную торговлю. Так, статья 152 ГК РК гласит, «к совершению сделки в письменной форме приравнивается, если иное не установлено законодательством или соглашением сторон, обмен письмами, телеграммами, телефонограммами, телетайпограммами, факсами, электронными документами, электронными сообщениями или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления» [1].

Электронная торговля является быстро развивающейся сферой купли-продажи. Если посмотреть мировую практику, то в таких странах как: Китай, США, Британия, Япония, Германия, Франция, Южная Корея, Бразилия электронная торговля развита очень сильно. Это связано с тем, что в этих странах гигантскими темпами увеличивается количество интернет пользователей. Так, в Китае, США, Великобритании каждый второй житель пользуется интернетом. В Казахстане же доля онлайн-торговли составляет – 1–1,5 % [2]. Чаще всего заказывают по интернету товары для красоты и здоровья: то есть маски, шампуни, кремы; кухонные принадлежности, посуда, электроника, товары для детей и т.д. В чем же преимущество

© Жумадилова М., Жусупбекова М.К., 2018

электронной торговли? Нужно отметить, что во-первых, электронная торговля может способствовать увеличению конкурентноспособности некоторым производителям товаров. Во-вторых, быстрая реакция на спрос; в-третьих, для покупателей – это экономия времени, доставка курьерской службой бесплатно или по почте, отсутствие очередей, использование различных способов оплаты, круглосуточный доступ, заказ можно отменить или дополнить уже после оформления, достаточно написать письмо на сайт, детальное ознакомление с товаром.

Термин «электронная торговля» в переводе с английского «e-commerce» означает «электронная коммерция» [3]. По определению ВТО «электронная коммерция — это процесс производства, продажи, рекламы и распространения какой-либо продукции по всем телекоммуникационным сетям». Поэтому, можно считать. Что определения «электронная коммерция» и «электронная торговля» являются синонимами[4]. В соответствии с определением Комиссии ООН по праву международной торговли (UNCITRAL) электронная торговля – это организация и технология продажи товаров, услуг электронным способом с использованием телекоммуникационных сетей и электронных финансово-экономических инструментов» и посредством которого могут заключаться договора купли-продажи, поставки, а также факторинг, лизинг, консалтинг и другие [4]. По определению организации экономического сотрудничества и развития «электронная торговля – совокупность любых коммерческих сделок, реализованных на основе использования средств компьютерной и телекоммуникационной техники»[3]. По нашему законодательству электронная торговля предполагает продажу товаров через интернет, то есть по статье 1 Закона РК «О регулировании торговой деятельности» «электронная торговля – это предпринимательская деятельность по реализации товаров, осуществляемая посредством информационных технологий» [5]. Из этих определений можно выделить признаки электронной торговли, которые отличают ее от розничной торговли. Во-первых, виртуальность, то есть недостаточность личного контакта между участниками процесса купли-продажи. Во-вторых, интерактивность, то есть информационное обеспечение покупателя посредством предоставления сведений по цифровым технологиям. В-третьих, глобальность, то сеть не имеет границ по территории и времени, связи могут быть налажены по всему миру. В-четвертых, динамичность, быстрое развитие. В-пятых, эффективность, способность обеспечить прибыль и другие экономические выгоды.

Правовой основой электронной торговли являются Закон РК «Об информатизации» от 11 января 2007 года, который ввел такие понятия как:

«электронные информационные ресурсы», «электронная услуга». Позже был принят новый Закон РК «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года, который ввел такие понятия ка «электронный носитель», «субъект получения услуг в элетронной форме», «субъект оказания услуг в электронной форме».

Помимо этого, электронная торговля регулируется Гражданским кодексом РК и специальными Правилами осуществления электронной торговли, включая функционирование электронных торговых площадок, утвержденные Приказом Министерства национальной экономики РК №12689 от 25 ноября 2015 года. Основным правовым актом является Закон РК «О регулировании торговой деятельности», где указаны участники электронной торговли, которыми являются физические и юридические лица, участвующие в качестве покупателя, продавца и (или) посредника в электронной торговле. Кроме этого, в законе дается определение электронной торговой площадки. Так, «электронная площадка – комплекс вычислительных средств, программного обеспечения, баз данных, телекоммуникационных средств и другого оборудования, необходимый для осуществления электронной торговли и обеспечивающий автоматизацию процесса электронной торговли, а также сбор, хранение, обработку и раскрытие информации»[2].

Таким образом, электронная торговля – это предпринимательская деятельность, осуществляемая через Интернет, которая предполагает размещение информации о товарном предложении на сайте и ожидание ответа со стороны покупателя в виде входных звонков или письменных предложений. Электронная торговля включает в себя выбор товара, заказ товара, ее оплату и доставку товара покупателю.

Одним из прав покупателей является защита прав потребителей, которая действует и при электронной торговле. Поэтому Закон РК «О защите прав потребителей» должен защищать и субъекта получения услуг в электронной форме, то есть электронного потребителя. В данном законе нет нормы защищающей права субъекта получения услуг. На самом деле клиент интернет-магазина, то есть субъект получения услуг в электронной форме или электронный покупатель имеет те же права, что и обычный покупатель. Например, по статье 428 ГК РК покупатель при покупке товара ненадлежащего качества имеет право требовать от продавца соразмерного уменьшения покупной цены, безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок, возмещения своих расходов на устранение недостатков товара, замены товара ненадлежащего качества на товар, соответствующий договору, отказа от исполнения договора и возврата уплаченной за товар денежной суммы. А по статье 7 Закона РК «О защите прав потребителей» покупатель имеет право на обмен или возврат товара как надлежащего, так и

ненадлежащего качества. Значит и электронный покупатель имеет эти же права, но на практике сделать это зачастую невозможно. Помимо этого, при электронной торговле возможны случаи мошеничества, например, создание в сети однодневных интернет-магазинов, которые могут обмануть доверчивых покупателей и обогатиться за счет них; могуть быть проблемы и по информационной безопасности, когда все пользователи интернет услуг могут узнать о том кто какие товары приобретает. В этой связи, субъект оказания услуг в электронной форме должен завоевать доверия со стороны субъекта получения услуг в электронной форме. Из сказанного следует, что электронная торговля – это лишь способ приобретения товаров и услуг, которая максимально ускоряет время и упрощает доставку, но не улучшает качество товаров и услуг. Например, если создается искусственный дефицит железнодорожных билетов, то его нельзя исправить продажей этих билетов через Интернет, а интернет-магазины не улучшат качество товаров, когда китайскую вещь могут продать как европейскую.

На основе вышесказанного мы считаем, что нужны внести соответствующие изменения в некоторые правовые акты.

Во-первых, нужно ввести соответствующие поправки в Закон РК «О защите прав потребителей», даже в этом законе можно предусмотреть специальную главу, которая называлась бы «Защита прав субъектов получения услуг в элекронной форме».

Во-вторых, в Закон РК «О регулировании торговой деятельности» предлагаем ввести норму о качестве товара и услуг, предоставляемых в электронной форме и расписать пункт 2 статьи 29 касательно защиты прав участников электронной торговли, а не отсылать к другим правовым актам.

В-третьих, в Закон РК «О рекламе» нужно ввести отдельную главу об ответственности, где нужно предусмотреть и ответственность за достоверность рекламы на интернет-сайтах.

Вместе с этим, предлагается принятие нового Закона РК «Об электронной торговле», который регулировал бы все отношения, возникающие по поводу электронной торговли.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2018г.). [Электронный ресурс] – URL: http://online.zakon.kz/ (Дата обращения: 3.11.2018).

2. Электронная коммерция в Казахстане: итоги года и перспективы. [Электронный ресурс]. URL: http://en-ua.com/. (Дата обращения: 3.11.2018).

3. Мировая электронная торговля. [Электронный ресурс]. URL: http://textbook.news/ekonom. (Дата обращения: 3.11.2018).

4. Понятие и правовая основа электронной торговли. [Электронный ресурс]. URL: http: //шпаргалки.com/kommercheskoe (Дата обращения: 3.11.2018).

5. Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2004 года № 544-II «О регулировании торговой деятельности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.05.2018 г.). [Электронный ресурс] URL: http://online.zakon.kz/ (Дата обращения: 3.11.2018).

M. Zhumadilova, M.K .Zhusupbekova

SOME LEGAL ASPECTS OF ELECTRONIC TRADE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article deals with the problems of electronic commerce. It is indicated that e-commerce has a number of advantages, namely availability, time saving, convenient delivery, no queues, communication through the website, the use of various payment methods. The article presents the definition and characteristics of electronic commerce, the concept of an electronic trading platform; an analysis of legal acts relating to electronic commerce is carried out and proposals are proposed for the improvement of legal acts concerning electronic commerce. Thus, it is proposed to introduce changes to the Law of the Republic of Kazakhstan “On Protection of Consumer Rights”, where a special chapter could be called, which would be called “Protection of rights of subjects of receiving services in electronic form”. At the same time, the adoption of the new Law of the Republic of Kazakhstan “On electronic commerce” is proposed.

Keywords: electronic commerce, consumer rights protection.

УДК 316.74

Ю.И. Заломова, Е.В. Каргаполова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АСТРАХАНЦЕВ ОБ ИТОГАХ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ FIFA-2018

В статье на основе результатов социологического исследования, инициированного и реализованного Российским обществом социологов (РОС), анализируются представления астраханцев о предположительных итогах Чемпионата мира по футболу FIFA-2018 и возможности сборной России достичь высоких результатов.

Ключевые слова: футбол, чемпионат мира, сборная, команда.

В 2018 г. знаковым событием для жителей Российской Федерации стало проведение домашнего Чемпионата мира по футболу FIFA-2018 в 11 городах нашей страны. FIFA (фр. Fédération Internationale de Football Association – «Международная Федерация Футбола») – это международная футбольная организация, являющаяся крупнейшим международным руководящим органом в футболе, а также занимающаяся проведением межнациональных турниров по футболу во всем мире. В 2010 г. состоялся очередной съезд членов исполнительного комитета организации FIFA в Цюрихе, на котором при помощи голосования выявили, что организатором XXI Чемпионата мира по футболу FIFA в 2018 г. станет Россия. Местом проведения данного чемпионата были выбраны 11 городов России: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Сочи, Саранск, Калининград, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Волгоград и Самара.

В преддверии этого мегасобытия Российским обществом социологов было инициировано и реализовано конкретное социологическое исследование «Чемпионат мира по футболу 2018 в оценках и мнениях молодежи». Основным методом сбора социологической информации выступило онлайн анкетирование. Полевой этап исследования прошел в ноябре–декабре 2017 г. Более подробно технические параметры исследования представлены на официальном сайте РОС. В массив данных для обработки было отобрано 4703 анкеты студенческой молодежи из 50 вузов 25 городов России. В Астрахани, кроме студенчества, были опрошены представители других социально-демографических групп различного возраста. Общее число опрошенных в Астрахани составило 392 чел., из которых 181 женщин и 211мужчин.Результаты исследования нельзя считать репрезентативными. По отдельным городам ошибка выборки выше, чем по всему массиву в целом. Однако большой объем опрошенных (как демонстрирует анализ резуль-

© Заломова О.И., Каргаполова Е.В., 2018

татов данного и ему подобных исследований, реализованных РОС) позволяет сделать содержательные выводы (см., например, [1–3]).

При анализе ответов на вопрос «Как Вы полагаете, сборные команды каких стран имеют наибольшие шансы победить на Чемпионате мира по футболу в 2018 г.?» следует, что лидирующие строчки по количеству выборов среди вариантов ответов студентов занимают такие сборные, как Германия (31,6%), Испания (22,4% от ответивших), Россия (18,6% от ответивших) и Бразилия (17,9% от ответивших), в то время как самым распространенным ответом среди респондентов был «затрудняюсь ответить» (42,3% от ответивших). Из этого можно составить вывод о том, что астраханцы отдают большее предпочтение сборным, которые уже неоднократно становились чемпионами мира на данном турнире за все годы его существования, что показывает осведомленность жителей региона о футбольных соревнованиях. Также, отдавая предпочтение России, астраханцы выражают свой патриотизм и веру в родную страну. Менее популярными ответами на данный вопрос стали Аргентина, Франция и Португалия (12%,11,2%10,5% от ответивших соответственно). Также упоминались такие сборные, как Англия (7,9% от ответивших), Италия (3,6% от ответивших) и Бельгия (2,8% от ответивших).

Табл. 1.

Ответы астраханцев на вопрос «Как Вы полагаете, сборные команды каких стран имеют наибольшие шансы победить на Чемпионате мира по футболу в 2018 г.?»

Варианты ответа	%от ответивших
Затрудняюсь ответить	42,3
Германия	31,6
Испания	22,4
Россия	18,6
Бразилия	17,9
Аргентина	12,0
Франция	11,2
Португалия	10,5
Англия	7,9
Другие страны (частота меньше 20 чел.)	4,8
Италия	3,6
Бельгия	2,8
Нидерланды	0,5
США	0,5
Уругвай	0,5
Точно не Россия	0,5
Непонятно что	0,5
Сумма:	188,3

Астраханцам предлагалось ответить также вопрос: «Как Вы полагаете, каковы шансы Российской сборной по футболу на данном чемпионате?». При анализе результатов опроса, представленных в таблице 2, мы видим, что самым распространенным ответом был вариант о том, что Россия «Дойдет до 1/8 финала», который составил 21,9% от ответивших. Второе место занял ответ «Дойдет до 1/4 финала» (18,1% от ответивших), а третье место досталось ответу «Не сможет выйти из группы» (16,6% от ответивших). Практически равное количество астраханцев ответили, что либо Россия «Дойдет до полуфинала», либо просто затруднились ответить (14% и 14,9% от ответивших соответственно). Из этого следует, что большая часть респондентов искренне верят в способность нашей сборной улучшить свои спортивные результаты по сравнению с предыдущим Чемпионатом мира, проходившим в Бразилии в 2014 г., где сборная России не смогла достичь даже выхода из группы. Самые низкие проценты составили ответы «Станет чемпионом мира 2018 года» (6,6% от ответивших) и «Дойдет до финала» (7,9% от ответивших), из которых можно сделать вывод о том, что большинство опрошенных студентов реально оценивают шансы на победу сборной России на данном Чемпионате Мира по футболу по сравнению с другими, не менее сильными и выдающимися, сборными.

Табл. 2.

Ответы астраханцев на вопрос «Как Вы полагаете, каковы шансы Российской сборной по футболу на данном чемпионате?»

Варианты ответов	%от ответивших
Не сможет выйти из группы	16,6
Дойдет до 1/8 финала	21,9
Дойдет до 1/4 финала	18,1
Дойдет до полуфинала	14,0
Дойдет до финала	7,9
Станет чемпионом мира 2018 года.	6,6
Затрудняюсь ответить	14,9
Итого ответивших:	100,0

Таким образом, результаты опросов о предположительных итогах XXI Чемпионата мира по футболу FIFA выявляют степень осведомленности и проявления интереса астраханцев к главному спортивному событию страны, а также показывают, какое влияние имеет футбол в жизни населения современного российского региона. При этом не может не радовать тот факт, что

астраханцы проявляют свою любовь и патриотизм по отношению к сборной России и в большинстве случаев желают ей только побед и новых достижений.

Список литературы

1. Давыдова, С.А. Чемпионат мира по футболу FIFA – 2018: ожидания и мнения студентов России / С**.А.** Давыдова, Н.В. Дулина, Е.Н. Икингрин, Ю.В. Коричко // Теория и практика физической культуры. 2018. № 6. С. 68–72.

2. Каргаполова, Е. В. Олимпиада в Сочи в оценках молодежи / Е.В. Каргаполова, Н.В. Дулина, С.В. Каргаполов // Вестник Тюменского государственного университета. Сер. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Том 1. №4(4). С. 63–68.

3. Шкурин, Д. В. Чемпионат мира по футболу 2018 в оценках и мнении молодежи / Д.В. Шкурины// XXI Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2018. С. 675–693.

J. Zalomova, E. Kargapolova

VIEWS OF ASTRAKHAN PEOPLE ON THE OUTCOME OF THE WORLD CUP FIFA 2018

The article, based on the results of the sociological research initiated and implemented by the Russian society of sociologists (RSS), analyzes the views of the Astrakhan people about the expected results of the FIFA world Cup 2018 and the possibility of the Russian national team to achieve high results.

Keywords: football, world Cup, national team, team.

УДК 364.442

П.А. Липина

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье представлены основные принципы волонтёрства, описаны мотивы осуществления деятельности, обозначен исторический аспект формирования и становления добровольческого движения, обоснована его актуальность.

Ключевые слова: волонтёрство, добровольческое движение, волонтерская деятельность.

2018 год в Российской Федерации именуется Годом добровольца (волонтера), он был объявлен таковым Указом Президента России, вступившим в силу 6 декабря 2017 года [3].

Волонтёрство (добровольчество) – это деятельность, совершаемая добровольно на благо общества или отдельных социальных групп, без корыстного расчета на вознаграждение. Волонтёрами становятся не из финансовых побуждений, а ради помощи другим и приобретения бесценного жизненного опыта, в связи с тем, что оно даёт множество возможностей, позволяющих смотреть на себя и на мир вокруг другими глазами, а также каждый раз учиться чему-то новому. Волонтерство позволяет человеку реализовать свою активность в социально одобряемом направлении, почувствовать себя нужным и востребованным, способствует установлению новых знакомств и развивает коммуникативные навыки [2].

К основным принципам волонтёрской деятельности можно отнести следующее:

– добровольность;
– безвозмездность;
– уважение;
– ответственность;
– самосовершенствование;
– здоровый образ жизни (ЗОЖ);
– нравственность;
– равенство.

Для большинства волонтёров важно быть полезным другому человеку, найти опору для себя и избавиться от ощущения одиночества и неполноценности жизни.

© Липина П.А., 2018

Мотивация волонтёра состоит в осознанном желании улучшить жизнь всего населения, самому достичь социальной зрелости и ответственности, гармонии в сопряжении личных и общественных интересов, удовлетворить свои духовные потребности.

Быть волонтёром было престижно во все исторические этапы, потому что это деятельность, вызывающая уважение и одобрение общества. На каждом из этапов формировалась роль волонтёрских движений, их влияние на зарождение профессиональной социальной работы.

Ценность взаимопомощи возродилась в 1920 году в качестве противодействия ненависти после событий Первой мировой войны.

Во время Холодной Войны возникла угроза «обморожения» сердец и разума людей. Опасность заключалась в том, что люди охладеют к волонтёрской помощи, вследствие чего она превратится в мощнейшее оружие в руках конкурентов. Однако, благодаря ЮНЕСКО и её Координационному Комитету Международных Волонтёрских Организаций, созданному в 1948 году, восточные и западные организации сохранились и не утратили актуальности и под «Железным занавесом». В начале 1960-х годов в международных волонтёрских рабочих лагерях принимали участие представители СССР, США, ГДР и Венгрии, где происходил активный обмен знаниями и опытом, рождалась истинная дружба [2].

Хорошими волонтёрами могут стать люди с различными интересами и достоинствами, характером и возможностями. Ценен каждый человек в его индивидуальности. Наиболее важными качествами волонтёра являются такие особенности личности, как высокий уровень субъектной активности, стремление делиться знаниями, помогать окружающим, способность сопереживать другим – качества, позволяющие с наибольшим эффектом и результативностью решать основные задачи социально-педагогического характера.

Осуществление волонтёрского движения предоставляет человеку множество возможностей. Для многих важной будет насыщенная языковая практика, в области иностранных языков, хорошие перспективы при поступлении в учебные заведения, трудоустройстве, так как сертификаты с перечнем личных достижений дают весомый бонус. В качестве значимых аспектов можно выделить также возможность погружения в культуру и быт другого города или страны. Общение с разными людьми в новом городе позволяет выйти из зоны комфорта, активизирует сознание, бодрит душу, расширяет горизонты бытия.

Важным представляется информирование о волонтерском движении подростков и молодежи. Актуализация в сознании молодых людей знаний о возможностях и способах воплощения их активности и энергии в социально полезном направлении, позволит профилактировать асоциальное поведение и снизить уровень правонарушений, совершаемых молодежью. Так, хорошим примером может быть интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?», посвященная Году добровольца (волонтера), состоявшаяся 19 апреля 2018 года в Пермском институте Федеральной службы исполнения наказаний России. Интеллектуальное состязание заинтересовало многих обучающихся, активизировало интерес к истории развития волонтерства, его организации в России, известных людях и общественных организациях, занимающихся данной деятельностью. Волонтёрство является неотъемлемым фактором развития и формирования современного общества, провозглашающего идеи гуманизма. Добровольческая деятельность способствует изменению мировоззрения современного человека. Добровольцы приобретают социально важные практические навыки и умения, удовлетворяют потребность в общении и самоуважении, получая благодарность за проделанный труд. Волонтёрские труды помогают самосовершенствоваться и развивать в себе только лучшие личностные качества. Важным является то, что молодежный возраст, как значимый период в становлении субъектной активности индивида, определяет вектор стратегий, обеспечивающих индивидуализацию личности: выбор социально-одобряемого поведения и просоциальной деятельности или деструктивные, антисоциальные способы утверждения субъектной позиции у взрослого человека [1].

Волонтерство – сложный социокультурный феномен, значимый и функциональный для молодого человека. Добровольческая деятельность позволяет подросткам и юношам понять себя, осознать и стабилизировать свою социальную позицию, что в свою очередь способствует формированию и развитию гражданского общества, аккумуляции его социального, культурного капитала.

Список литературы

1. Гурова, О.В. Психологические аспекты развития и реализации субъектности в подростковом возрасте: особенности и проблемы // Сборник материалов: IV Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина:, 2–4 октября 2018 г. / сост. В.А. Овченков. Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2018. С. 55–58.

2. Социальная работа с молодежью: учебное пособие / под ред. д.п.н. проф. Н.Ф. Басова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. 382 с.

3. Указ Президента РФ от 06.12.2017 N 583 "О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера) [Электронный ресурс] // URL: http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-06122017-n-583-o-provedenii/ (Дата обращения: 18.10.2018).

P.A. Lipina

VOLUNTEERING AS A FACTOR OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

This article presents the basic principles of volunteer activity, describes the motives for the implementation of activities, the historical aspect of the formation of the volunteer movement, and justifies its relevance.

Key words: volunteerism, volunteer movement, volunteer activity.

УДК 316.752

Ю.С. Маркова, Е.Б. Плотникова

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ: МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ АКТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье акцентируется внимание на проектном подходе модернизации как способа развития общества. Эффективность разноуровневых модернизационных проектов определяется деятельностью социальных групп территорий. Вследствие чего в материале представлены модели поведенческих активностей россиян в отношении моденизационных процессов: адаптивная (приспособительная), инициирующая, протестная, модель исключения. В каждой из моделей выделены особенности, характеризующие деятельность населения, ценностный потенциал, способствующий реализации модернизационных проектов. Наряду с этим выделены барьеры в реализации модернизационных проектов.

Ключевые слова: модернизация, модернизационный проект, модернизационные модели поведения социальных групп.

В современной теоретической социологии сформировались различные подходы к исследованию модернизации, пониманию ее ключевых характеристик и форм. В большинстве из них (У. Бек, П. Штомпка, Н. Смелзер, Ш. Эйзенштадт, О.Н. Яницкий и др.) модернизация рассматривается как социально-исторический системный процесс изменений общества, сопряженный с появлением новых или усовершенствованием старых общественных отношений, культурных и институциональных форм. В таком понимании модернизация проявляется в возникновении новых секторов экономики (вторичного, третичного, четвертичного), существенных демографических изменениях (снижении рождаемости, увеличении продолжительности жизни и др.), росте социального и субкультурного разнообразия, расширении возможностей для личного выбора стилей и образов жизни и др. Подобный темпоральный аспект в исследованиях отражает объективность модернизации как социокультурного процесса.

Во многом иное понимание представлено в тех работах, где модернизация трактуется как «проект», поэтапно и целенаправленно осуществляемый основными модернизационными акторами (М.К. Горшков, В.А. Ядов, Т.И. Заславская). Ключевым механизмом реализации модернизационного проекта выступают инновации, сущность которых состоит во внедрении качественно нового – новых форм социальной деятельности, институтов, практик, обеспечивающих улучшение условий и качества жизни населения. Подчеркнем, что не все инновации достигают этих целей. Вместе с тем модернизация ос-

© Маркова Ю.С., Плотникова Е.Б., 2018

новывается не только на обновлении; ее успешность зависит от учета традиций, специфики базовых социальных институтов, способности поддерживать оптимальное функционирование общественных подсистем. Значительная роль в модернизационных процессах принадлежит стабилизационным механизмам, включая стабилизирующие ценности. Идеи о значении социокультурного базиса общества, его истории, менталитета и коллективных ценностей в обосновании целей, задач и способов реализации модернизационного проекта были выработаны в ходе длительного пути развития модернизационной теории и получили глубокое обоснование в новейшей концепции «множественности модернов», настаивающей на необходимости отказа от универсализма в исследовании модернизации.

Проектный подход заложен в российской государственной политике, определяющей модернизацию в качестве магистрального пути и основного способа развития общества, содействующего обогащению человеческого потенциала и сохранению конкурентоспособности российской экономики на международной арене. При этом необходимо подчеркнуть разноуровневость модернизационных проектов, осуществляемых в пределах как общества в целом, так и отдельных регионов, муниципальных образований и организаций. Более того, успех модернизации страны сегодня все более зависит от активной роли в этом процессе конкретных территорий, в которых создается и воспроизводится экономический, инновационный и человеческий потенциал общества [1]. Отсюда реализацию модернизационного проекта (или отдельных модернизационных проектов в рамках определенных структур и организаций) не следует рассматривать как полностью управляемый процесс. Модернизация как проект осуществляется в результате как преднамеренных, так и непреднамеренных последствий деятельности различных групп населения, проживающих на территориях, где происходят модернизационные преобразования.

Можно выделить ключевые типы поведенческих моделей россиян в отношении реализации модернизационных проектов: адаптивная (приспособительная), инициирующая, протестная, модель исключения. Адаптивная модель является на сегодняшний день преобладающей в российском обществе: население, зачастую вынужденно, приспосабливается к инициируемым властью модернизационным проектам, охватывающим основные сферы их жизненного мира (образовательную, трудовую, сферу здоровья и др.). Но нельзя не отметить, что в обществе существует запрос на самостоятельность, активность, высокий образовательный и творческий потенциал. Так, согласно дан-

ным проведенного исследования (2017 г.)[1] 33% респондентов разделяют идею инициативности, предприимчивости и поиска нового в работе и жизни, то есть тех ценностей, которые лежат в основе модернизационного развития. Люди, высоко поддерживающие данные ценности, в большей мере склонны придерживаться инициирующей модели поведения и выступать в качестве активных участников и лидеров модернизационных проектов. Прежде всего, акторами модернизации являются представители бизнес сообщества, общественных организаций, деятели науки и культуры, так как они не только успешно адаптировались к переменам, связаны с передовыми инновационными технологиями, ориентированы на социальную ответственность, но и сами готовы инициировать изменения. Кроме того, обладая высоким культурным капиталом, они задают вектор общественного развития, базирующийся на близком им модернизационном ценностном ядре.

Две иные модели поведения – протестная и модель исключения из участия в модернизации отражают неприятие населением тех или иных модернизационных проектов. Отчуждению от модернизации могут способствовать как объективные причины, связанные с сущностью, формами и темпами внедрения проектов, так и субъективные – отражающие неадекватность образа и стиля жизни социальных общностей, отсутствие знаний, навыков, ценностей и мотивов.

В российском обществе существует ряд острых проблем, затрудняющих активизацию модернизационного потенциала населения и тормозящих реализацию модернизационных проектов. Власть, конструируя реформы, зачастую сохраняет в новых формах выгодный ей патернализм и игнорирует опыт людей, их реальные проблемы и потребности, навязывая искусственные схемы. Установка на экономию денежных ресурсов и акцент, прежде всего, на технологических, а не на социальных инновациях приводит к значительным противоречиям в качестве достижения целей модернизационных проектов. Кроме этого, для успешной реализации проектов по модернизации требуется определенная социальная и культурная готовность общества к восприятию и продуцированию новых идей, решений и практик. Данная готовность определяется запасом социокультурных ресурсов населения: образовательных, профессиональных, материальных, мотивационно-ценностных. Однако социальная стратификация российского общества, отражающая его ресурсный потенциал, продолжает соответствовать «пирамидальной» модели.

[1] Исследование «Социокультурный портрет Пермского края» проведено ПЦСПиСИ методом формализованных интервью. Методологической основой исследования стала «Программа и типовой инструментарий “Социокультурный портрет региона”». Объём выборочной совокупности составил 1000 наблюдений.

Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что большая часть населения (до 75%) относится к низшим и промежуточным социальным слоям [2]. В условиях кризисных тенденций развития российского социума, закрытия «социальных лифтов», нестабильности экономики «запас прочности» большинства социальных слоев населения снижается, как и их шансы на жизненный успех. Поэтому российское общество характеризуется острым противоречием между превалирующими ориентациями на технологическую модернизацию и слабой развитостью (и даже архаичностью) социальной структуры и стратификации.

В силу указанных обстоятельств в российском обществе складывается низкий уровень взаимопонимания и доверия между населением и представителями органов власти разного уровня. Это затрудняет построение эффективной стратегии и координации деятельности социальных субъектов в осуществлении модернизационных проектов, усиливает социальную апатию. Требуется разработка механизмов по учету ресурсного потенциала населения, ценностей и потребностей различных социальных групп при формировании общероссийских и региональных программ модернизации.

Список литературы

1. Лапин, Н.И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства / Н.И. Лапин // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №3. С.14–19.

2. Ястребов Г.А. Характер стратификации российского общества в контексте международных сопоставлений: автореф. дис. … к.соц.н. // Официальный сайт ИС РАН. – 2011. [Электронный ресурс]. URL:http://www.isras.ru/publ.html?id=2112 (дата обращения: 25.10.2018 г.)

3. Лапин Н.И., Беляева Л.А., Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., МФРАН, 2010. 135 с.

Y.S. Markova, E.B. Plotnikova

MODERNIZATION PROJECTS: MODELS OF BEHAVIOR OF THE ACTORS IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article focuses on the design approach of modernization as a way of developing society. The effectiveness of multi-level modernization projects is determined by the activities of social groups of territories. As a result, the material presents the models of behavioral activities of Russians in relation to modifying processes: adaptive (adaptive), initiating, protest, model of exclusion. In each of the models, the features characterizing the activities of the population, the

value potential contributing to the implementation of modernization projects are highlighted. In addition, barriers to the implementation of modernization projects have been highlighted.

Key words: modernization, modernization project, modernization models of social groups.

УДК 316. 728-053.81+646

А.И. Мухутдинова

ВЛИЯНИЕ ЖУРНАЛОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ О МОДЕ

В статье рассмотрены результаты исследования молодежной моды. Детальное внимание уделено аспекту формирования представлений о моде с помощью изучения молодежью модных журналов. Рассмотрены мотивы обращения молодежи к модным изданиям.

Ключевые слова: мода, молодежь, модный журнал, блог.

В молодежной среде существует множество факторов формирования представлений о моде: интернет, телевидение, общение в молодежной группе. Каждый из них обладает своей спецификой и особенностями влияния на молодежь. В этой статье мы уделим особое внимание изучению такого фактора формирования представлений о моде у молодежи, как чтение модных журналов и блогов о моде.

Многие исследователи подчеркивают роль журналов в распространении моды в обществе. По мнению Р. Барта, массовое распространение модных журналов позволили трансформироваться феномену моды. Став категорией письменной коммуникации, мода стала самостоятельным культурным объектом, обладающим своеобразной структурой и новыми целями [1, С.31].

В исследовании формирования представлений о моде нас особенно интересовала молодежь, как наиболее активный участник модного процесса [2, С.56].

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных автором в Екатеринбурге. Методом сбора информации выступал анкетный опрос. Выборочная совокупность анкетного опроса составила 500 человек – представителей учащейся, студенческой и работающей молодежи Екатеринбурга.

Исследование зафиксировало, что изучает специализированные издания, посвященные моде немногочисленная группа респондентов. Всего 20,4% читают журналы о моде. Отметим, что популярность электронных ре-

© Мухутдинова А.И., 2018

сурсов (представляющих печатное издание) несколько выше, чем у печатных изданий, что отражает ситуацию, сложившуюся на данный момент – увеличение популярности контента «всемирной паутины» и отходом на «задний план» остальных источников информации.

Среди тех, кто просматривает модные журналы 87,8% женщин и 12,2% мужчин. Меньше всего любителей читать модные журналы среди представителей работающей молодежи – 9,4%, больше всего – среди школьников (32,4%). Среди студентов – 27,8%. Представители работающей молодежи меньше всего вовлечены в сферу моды и модной одежды.

Среди тех, что изучает модные блоги и публичные страницы в социальных сетях о моде – 20,8% мужчин и 79,2% женщин. Отметим, что мужчины, если и склонны изучать информацию о моде, делают это чаще с помощью интернета. Мы полагаем, что это связано с тем, что просмотр информации в интернете – более доступный вариант, нежели целенаправленная покупка журнала. В интернете мужчины могут отслеживать информацию «мимолетно», когда эта информация попадается им на глаза в общем потоке новостей и информации. Среди отмеченных просматриваемых блогов о моде респонденты практически единодушно отмечали страницы в социальных сетях, посвященные моде. Также примечателен тот факт, что для респондентов наиболее интересны аккаунты журналов в социальных сетях, нежели их бумажные версии. Например, неоднократно была упомянута страница в сети «Инстаграм» журнала «Vogue».

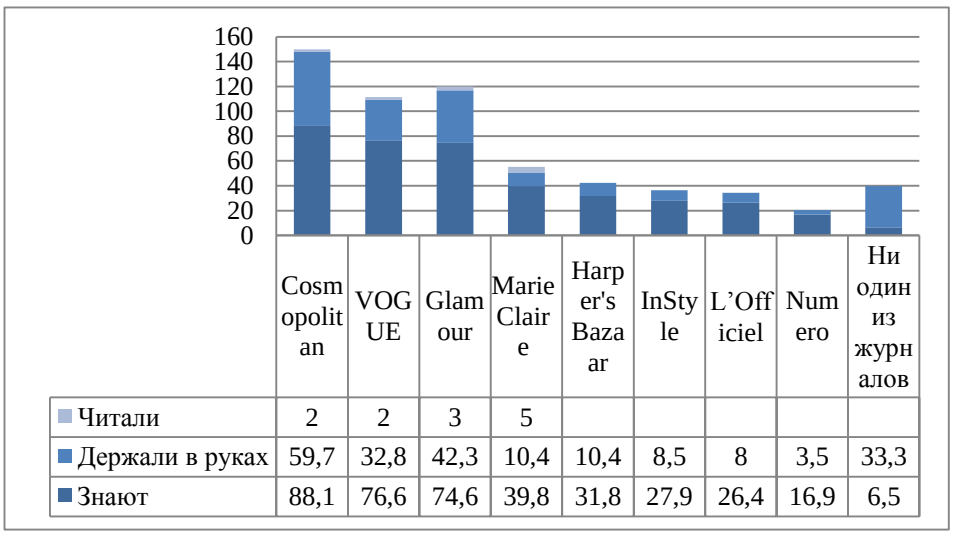
Исследование показало, что одной из главных причин, почему респонденты не читают издания о моде, является нехватка времени (43,2%). Далее в списке причин – мнение о том, что модные журналы не информативны и бессодержательны (41,2%), содержат много рекламы (20,3%) и воспевают мнимые ценности (20,3%).

Мужчины чаще отмечали, что у них нет времени на просмотр журналов (70,3% ответивших мужчин). Женщины чаще выбирали среди причин высокую стоимость журналов (81,8%).

Представители работающей молодежи чаще остальных указывали такую причину, как нехватка времени (34,4%).

Нами был выяснен вопрос об узнаваемости респондентами модных журналов. Из предложенного списка наиболее популярных изданий респондентам нужно было отметить, какие из них они знают, какие держали в руках и какие когда-либо читали.

В списке «признаваемых» модных журналов лидирует издание «Cosmopolitan», 88% ответивших указали, что знают данный журнал. Всего 6,5% респондентов указали, что не знают ни одного из перечисленных журналов.



	Cosmopolitan	VOGUE	Glamour	Marie Claire	Harper's Bazaar	InStyle	L'Officiel	Numero	Ни один из журналов
Читали	2	2	3	5					
Держали в руках	59,7	32,8	42,3	10,4	10,4	8,5	8	3,5	33,3
Знают	88,1	76,6	74,6	39,8	31,8	27,9	26,4	16,9	6,5

*Респондент мог дать несколько ответов на поставленный вопрос

Рис. **Распределение журналов о моде по популярности среди респондентов, в % от ответивших**

Журналы «Cosmopolitan», «Glamour», «Vogue» лидируют в трех списках: именно их чаще всего респонденты «признавали» и имели непосредственный опыт просмотра или чтения. Более половины ответивших респондентов ни разу не читали ни один из перечисленных журналов.

Стоит отметить, что малоизвестные и специфические модные издания, такие как L'Officiel и Numero, выбирались респондентами очень редко, что еще раз подтверждает их низкую вовлеченность в сферу моды.

Отмечая, что нравится респондентам в журналах и, на что они обращают внимание, большинство выбрало вариант «интересные статьи» (37,3%). Возможность ознакомиться с модными тенденциями также привлекает молодежь в журналах (32,5%). Отсюда мы можем сделать вывод, что отслеживание модных тенденций с помощью журналов практикуется молодежью, но это – не главное, что привлекает их в изданиях о моде. Мы можем полагать, что модные журналы не являются помощником для ориентации в мире моды, а всего лишь заполнителем образовавшегося свободного времени. Чтение журналов для молодежи – приятный досуг, а не руководство к стилю поведения и манере одеваться.

Мужчин больше всего привлекает яркое и броское оформление журналов (29,8%), а женщин – возможность ознакомиться с модными тенденциями (44,6%) и интересные статьи (43,6%).

Люди с высшим образованием чаще склонны использовать модные журналы по одному из их главнейших назначений – с помощью журналов они отслеживают модные тенденции (43,1%). Респонденты с начальным

профессиональным образованием чаще обращают внимание на оформление журнала (42,9%) и информацию о жизни звезд (42,9%).

Мы не можем утверждать определенно негативную модальность отношения молодежи по отношению к модным изданиям. По мнению опрошенных, модные журналы и блоги ориентированы, в основном, на людей, желающих быть в курсе модных тенденций (71,4%), в большей степени, на женщин (51,1%) и на молодежь (28,1%). Варианты, демонстрирующие негативное отношение, практически не выбирались респондентами: они не считают, что журналы ориентированы на «человека массы» или человека, которому нечем заняться.

Мужчины склонны чаще женщин выбирать негативные суждения о том, что модные журналы ориентированы на людей, которым нечем заняться, на «человека массы», с несформировавшейся системой ценностей.

Основной задачей модных журналов и блогов, по мнению респондентов, является продвижение товаров и услуг на рынке (53,8%), трансляция модных тенденций (49,2%) и развлечение (38,2%).

Здесь мы отмечаем пропагандистский аспект модной сферы с точки зрения респондентов: журналы и блоги, по их мнению, часть экономический политики внутри модной сферы.

Итак, исследование зафиксировало, что молодежь склонна демонстрировать равнодушие к сфере моды и не сильно заинтересована в ее изучении посредством модных изданий. Отсюда можно сделать вывод, что на формирование представлений о моде в молодежной среде влияние изданий о моде имеет не преобладающее значение.

Список литературы

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры // пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

2. Гофман А. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 1994. С. 187.

A.I. Mukhutdinova

THE INFLUENCE OF JOURNALS ON THE FORMATION OF THE VIEWS OF YOUNG PEOPLE ABOUT FASHION

The article deals with the results of the study of youth fashion. Detailed attention is paid to the aspect of the formation of ideas about fashion through the study of youth fashion magazines. The motives of youth appeal to fashion publications are considered.

Keywords: fashion, youth, fashion magazine, blog.

УДК 316.354

А.И. Накарякова

ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В статье представлена информация о теоретических и практических подходах к определению и целям социального развития на промышленных предприятиях современной России. Приведены результаты социологического исследования в стиле case study, проведенного на базе нефтяной компании ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь». Кратко представлены характеристики приоритетных направлений социального развития в понимании современных компаний, сущность которых раскрыта на примере нефтяной компании ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь».

Ключевые слова: социальное развитие, промышленное предприятие, социальные программы предприятия.

В современном мире на первый план выдвигается социальная сущность человека, работник становится главным элементом системы. Следовательно, без социальной ориентации управления организации невозможно в полной мере выполнять свои функции и реагировать на внешние социальные условия. Ответом компаний на изменяющиеся условия становится внедрение и поддержание такого направления деятельности организаций как социальное развитие.

Рассмотрим научные подходы различных авторов к определению понятия «социального развития организаций». Е.Ю. Кравченко рассматривает «социальное развитие организации как развитие социальной среды и сферы социальных отношений, основанное на законах практической деятельности людей, проявляющееся во всестороннем улучшении качества жизни работников трудового коллектива» [1, с. 149]. Т. И. Тарасова придерживается схожей позиции, понимая «под социальным развитием организации процесс или последовательность изменений социальной подсистемы организации, в ходе которой происходит ее качественное изменение в прогрессивном направлении» [2, с. 159]. Наиболее полным можно назвать определение А.Я. Кибанова. В данном случае социальное развитие организации содержит в себе «все изменения в ее социальной среде – в тех материальных, общественных и духовно-нравственных условиях, в которых работники организации трудятся и в которых происходят распределение и потребление благ, складываются объективные связи между личностями, находят выражение их морально-этические ценности» [3, с. 412] Таким образом, можно сделать вывод, что

© Накарякова А.И. 2018 г.

современное социальное развитие промышленного предприятия – это постепенный процесс улучшения элементов социальной среды компании, происходящий за счет замещения старых элементов новыми, более инновационными и качественными компонентами.

С целью раскрыть сущность понятия и цель социального развития на современных промышленных предприятиях, было проведено исследование в стиле case study. Объектом исследования выступила нефтяная компания ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ». Основными методами, использованными в исследовании, являлись глубинные интервью с работниками предприятия, специалистами отдела социальных программ, руководителем отдела социальных программ и традиционный анализ документов (соглашение между работодателем и профессиональным объединением Публичного акционерного общества «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» на 2015–2020 гг., Социальный кодекс ПАО «ЛУКОЙЛ» 2017 г., сборник положений в области социальной политики ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ»).

Так, было выявлено, что в организации понятие «социального развития» совпадает с определением «социальной политики», данный факт был отмечен руководителем отдела социальных программ при ответе на вопрос: «Что такое социальное развитие для Вашего предприятия?» Основной целью социальной политики, по мнению специалиста отдела социальных программ, является *«мотивация работников к производительному труду, чтобы работники были заинтересованы в работе на нашем предприятии, в том числе привлечение новых специалистов, молодых кадров на предприятие»* (из интервью со специалистом отдела социальных программ).

Что же касается целей социального развития организаций, то данную проблему в науке отдельно рассматривает Б.П. Кутырев [4]. Б.П.Кутырев пишет о том, что на предприятиях редко уделяют внимание четкой постановке целей социального развития и их анализу. Причину данного явления автор видит в научной неопределенности, что приводит к тому, что общественные цели, например, такие как всестороннее развитие личности, повышение эффективности производства и так далее, переносятся и накладываются на феномен социального развития. Вследствие отсутствия четкой определенности целей каждый коллектив работников по-разному для себя расставляет приоритеты развития; следовательно, на предприятии наблюдается проблема разнообразия и трансформации систем целей и ценностей. Помимо этого, данная проблема касается не только работников организации, но и самой компании. Существует также концепция, согласно которой предприятие должно ставить себе множество целей (производственную, экономическую, техническую, социальную и другие), но при принятии данной концепции возможно

возникновение противоречивых целей. Например, облегчению условий труда работников может сопутствовать дальнейшее понижение уровня заработной платы.

Рассмотрим, какие цели социального развития устанавливают для себя современные промышленные предприятия.

В ПАО «ЛУКОЙЛ» в декабре 2017 года совет директоров утвердил Программу стратегического развития Группы «ЛУКОЙЛ» на 2018–2027 годы. Основной целью данного документа, согласно новостной информации на сайте компании, является «сбалансированное устойчивое развитие бизнеса Компании в условиях меняющейся макросреды. Основными приоритетами являются высокая инвестиционная дисциплина, консервативная финансовая политика, контроль над расходами, повышение производственной эффективности, устойчивый рост дивидендов, минимизация воздействия на окружающую среду и обеспечение безопасных условий труда» [5].

По результатам исследования было определено, что цели социального развития компании ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» разделены по приоритетным направлениям социальной деятельности компании. Главным направлением социального развития ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» является охрана труда, здоровья и окружающей среды. Данное направление реализуется в компании с целью «сохранения и укрепления физического и психологического здоровья каждого работника» [6, с. 7]. С долгосрочной целью «повышения уровня возмещения утраченного заработка работников организаций Группы "ЛУКОЙЛ" в рамках корпоративной пенсионной системы» [6, с. 10] реализуется такое направление, как негосударственное пенсионное обеспечение. Учитывая остроту проблем с обеспечением граждан Российской Федерации жильем в компании реализуется еще одно приоритетное социальное направление – жилищная политика ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ». Целью жилищной политики компании является обеспечение жилищными условиями работников Общества и улучшение условий проживания работников, исходя из возможностей Общества» [7 с. 103]. Таким образом, в компании существуют три приоритетных направления социального развития, которые реализуются за счет закрепленных социальных программ. Но интересным остается тот факт, что специалисты отдела социальных программ вкладывают в понятие «социальных программ» более глубокий смысл: они утверждают, *что «это у нас только называется социальные программы, все равно это напоминает программы, но я думаю здесь еще глубже, потому что за эти долгие годы очень большие наработки появились, так как у нас очень большая география предприятий»* (из интервью с руководителем отдела социальных программ). Так, можно утверждать, что описанные выше направления можно считать долго-

срочными приоритетными направлениями социального развития ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ».

Еще одним направлением социального развития ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ», которое не входит в перечень социальных программ, а является отдельной составляющей социальной политики Общества, является предоставление социальных льгот и гарантий работникам предприятия. Например, в организации «для обеспечения социальной стабильности трудовых коллективов и социальной защищенности работников, членов их семей и неработающих пенсионеров» [8, с. 41] существуют выплаты, закрепленные в коллективном договоре, которые могут получить все работники предприятия, при рождении ребенка, при вступлении в брак и в других случаях.

Еще одним наиболее масштабным направлением социальной деятельности занимается отдел оценки и развития персонала. Специалисты данного отдела внедряют современные методы оценки персонала, формируют корпоративные программы обучения, развивают системы дистанционного обучения и сотрудничества с высшими учебными заведениями. Исходя из многогранности направлений деятельности, перед отделом стоит сразу несколько целей. Среди них: «повысить профессиональную квалификацию работников; развить личностный потенциал работников; содействовать формированию единой корпоративной культуры, соответствующей целям и стратегии Общества; содействовать повышению конкурентоспособности общества» [9, с 2].

Таким образом, можно сделать вывод, что в компании ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» существуют два отдела в области управления персоналом (отдел социальных программ, отдел развития и оценки персонала), которые за счет реализации социальных и корпоративных программ реализуют и транслируют приоритетные направления социального развития предприятия. Общей цели социального развития предприятия в проанализированных локальных нормативных актах обнаружено не было. Следовательно, формально закрепленного понятия социального развития организации, например, как «социальная политика» или «социальные программы», в ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» не существует. Но работники отмечают, что компания *«конечно, развивает нас, нас постоянно обучают, предприятие вкладывает в своих сотрудников»* (из интервью с работником). Сотрудники старшего возраста замечают, что предприятие стремится развивать их только в профессиональном плане, что же касаемо личностного роста, то *«в основном это охватывает более молодое поколение, с молодыми специалистами и молодыми работниками ведется очень большая работа»* (из интервью с работником). Несмотря на незакреплённость системы социального развития социальная дея-

тельность в компании активно ведется, и предприятие держит ориентир на развитие не только социальной, но и других сфер деятельности Общества.

Список литературы

1. Кравченко, Е.Ю. Теоретические аспекты проблемы управления социальным развитием организации / Е.Ю. Кравченко // Вестник белгородского университета кооперации, экономики и права. 2011. №3 (39). С. 149–152.
2. Тарасова, Т.И. Эффективность социального развития предприятия и его особенности / Т.И. Тарасова // Управление развитием. 2012. №11. С. 159–160.
3. Кибанов, А.Я. Управление персоналом / А.Я. Кибанов, Д.К. Захаров. М.: ГАУ, 2003. 412 с.
4. Кутырев, Б.П. Стратегия социального развития коллектива: Теория и практика социального управления на предприятии / Б.П. Кутырев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 166 с.
5. Официальный сайт компании ПАО «ЛУКОЙЛ» [Электронный ресурс]. URL: http://www.lukoil.com/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease ?rid=189501 (Дата обращения: 30.10.2018 г.).
6. Социальный кодекс ПАО «ЛУКОЙЛ». Москва. 2017. 25 с.
7. Сборник положений в области социальной политики ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ». Пермь. 2018. 177 с.
8. Соглашение между работодателем и профессиональным объединением Публичного акционерного общества «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» на 2015–2020 гг. Москва. 2015. С. 68 с.
9. Положение о системе корпоративного обучения в ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь», от 17.10.2014 № а-919, Пермь 2014. 22 с.

A.I. Nakaryakova

THE CONCEPT AND GOALS OF SOCIAL DEVELOPMENT IN MODERN ENTERPRISES

The article presents information on theoretical and practical approaches to the definition and objectives of social development in industrial enterprises of Russia. The results of sociological research in the style of case study conducted on the basis of the oil company "LUKOIL-Perm" are presented. The characteristics of priority directions of social development in the understanding of modern companies, the essence of which is disclosed by the example of the oil company "LUKOIL-Perm", are briefly considered.

Key words: social development, industrial enterprise, social programs of industrial enterprises.

УДК 316.334.3

Г.Д. Погадаева

ТРЕТЬЕ ЛИЦО ВЛАСТИ: ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ

В статье рассматривается сущность понятия «власть» сквозь призму теории о «лицах» или измерениях власти, выделены основные особенности каждой из теории. Более того, с точки зрения «третьего лица» власти автор анализирует пенсионные реформы в России в 2015 и 2018 гг. Приведена статистика, определяющая отношение различных категорий граждан к политическим реформам.

Ключевые слова: власть, пенсионная реформа, конфликт, манипулирование.

Дискуссии относительно того, что именно следует считать властью и ее проявлениями, ведутся не первое десятилетие. Доминирующая традиция в понимании сущности власти связана с именами Т. Гоббса, М. Вебера, Р. Даля, Г. Лассуэлла, С. Льюкса и др. Они рассматривали власть как ассиметричное социальное отношение между субъектом и объектом, который включает актуальный или потенциальный конфликт.

Так, плюралист Р. Даль сформулировал классическую формулу власти, которая впоследствии получила название «первого лица» или измерения власти: «А обладает властью над Б в такой степени, в какой он может заставить Б сделать то, что Б в ином случае не стал бы делать» [3]. В данном случае власть «негативна», направлена против интересов объекта.

Власть это те, кто ставит точку в принятии решений. Бахрах и Барац первыми обратили внимание на то, что власть может проявляться в непринятии каких-либо решений. Тем самым они обнаружили «второе лицо» власти. Это измерение спрятано от нас в «закулисье» и обнаруживается только в том случае, если мы знаем, что ищем [4]. Сущность власти состоит в том, что власть способна не только влиять на принятие решений, но и изначально определять вопросы, которые будут подняты в повестке. Иными словами, власть может избегать, отказываться от обсуждения сенситивных тем. Это лицо власти активно прибегает к стратегии избегания, умалчивания проблем, решение которых проблематично или невозможно в существующих условиях. Следует отметить, что второе лицо власти заключается в том, чтобы заставить Б что-то не делать или думать, или решать, если А это неугодно.

«Третье измерение власти» появилось благодаря развитию в 1974 г. теории власти С. Льюкса. Это лицо заметно меньше, чем второе. Теперь мы находимся не просто в сфере делания или неделания, а обращаемся к прак-

© Погадаева Г.Д., 2018

тикам трансформации общественного сознания путем формирования политической повестки и, шире, идеологии. «Третье лицо власти» проявляется в отсутствии обозреваемого конфликта: «А может осуществлять власть над Б не только заставляя его делать то, что он не хочет, но и путем формирования его желаний и влияя на них». Это высшая, но наиболее «коварная» форма власти: объект действует в соответствии со своими намерениями, однако вопреки своим реальным неосознанным интересам.

Невидимое воздействие власти имеет место при манипулировании общественным мнением. Это происходит тогда, когда люди становятся участниками инициируемых властями процессов, ясно не осознавая истинных целей и замыслов правящих кругов. Подобное манипулирование – это кратковременная форма властвования, которая заканчивается, как только объект власти приобретает нужную ему информацию. Таким образом, власть можно определить, как способность субъекта обеспечить подчинение сознания и/или поведение объекта в соответствии со своими намерениями.

С точки зрения теории властей можно анализировать любые процессы, в том числе социально-экономические. С 1 января 2015 года в систему обязательного пенсионного страхования РФ ввели два вида пенсии – страховую и накопительную. При начислении заработной платы работодатель должен перечислять за своих работников страховые взносы в размере 30% от фонда заработной платы. В связи с новой реформой, страховые взносы, которые поступают в Пенсионный фонд РФ за каждого работника, не тратятся на текущие пенсии, а распределяются по индивидуальным счетам и инвестируются в ценные бумаги. Это позволяет увеличить пенсионные накопления [9.С.72–75].

Данный пример трансформации пенсионной реформы можно рассматривать в русле третьего лица власти, когда органы государственной власти принимают решение об изменении закона вне воли и мнений граждан своего государства. При этом проявление недовольства сознательной частью населения страны не наблюдалось в явной форме. Граждане слабо ориентируются в системе формирования пенсии, поэтому часто не поддерживают подобные инициативы [6].

На сегодняшний день существует следующая проблема: противоречие интересов среднесрочного и долгосрочного развития, в котором заинтересована политическая элита, и краткосрочных интересов широких масс населения, которые опасаются снижения привычного уровня получаемых благ.

В последнее время обострилась дискуссия о повышении пенсионного возраста в России, особенно в период недостатка денежных средств в Пенсионном фонде РФ. Исследователи связывают необходимость повышения

пенсионного возраста с демографическими проблемами. Тем не менее, особенность России – малое количество лет дожития, низкий коэффициент замещения заработной платы пенсионными выплатами.

Трансформация пенсионной реформы в РФ входила в положения предвыборной кампании Д.А. Медведева в 2008 году. На данный момент дискуссия о перспективах повышения пенсионного возраста в России набирает значительные обороты. 14 июня 2018 года премьер-министр РФ Д.А. Медведев объявил о повышении пенсионного возраста. Правительство высказало предложение об увеличении пенсионного возраста для мужчин с текущих 60 до 65 лет, для женщин – с текущих 55 до 63 лет [2].

Отметим, что большая часть населения России весьма негативно воспринимает инициативу по повышению пенсионного возраста. В 2010 году число граждан-противников повышения пенсионного возраста было более 80%, при этом подобную позицию занимали в равной доле и мужчины, и женщины, представители всех возрастных категорий, всех типов населенных пунктов. Даже у респондентов с высоким уровнем материального обеспечения уровень сопротивления составил 79% [1.С.226–236].

В 2018 году состав общероссийского объединения «Конфедерации труда России» и его президент Б.Е. Кравченко составили и разместили в Интернете петицию против повышения пенсионного возраста. За неделю их петиция собрала более 1,5 млн. подписей. Реакция представителей органов государственной власти в связи с действием противоборствующих организаций была неоднозначна. Д.С. Песков, пресс-секретарь Президента РФ В.В. Путина, заявил, что Владимир Владимирович не принимает участие в обсуждении данной темы, поэтому обращение к нему с просьбой о наложении вето на закон после принятия необоснованно, потому что конкретные положения данной реформы официально не прописаны [5].

По мнению автора данной работы, процесс реформирования пенсионной системы, очевидно, «укрывается» органами государственной власти. Это связано со стремлением избежать протестных волнений со стороны населения страны. Более того, органы государственной власти выбрали наиболее подходящее время для сообщения о реформировании пенсионной системы, так как уверены, что протестные акции не будут проводиться в период чемпионата мира по футболу, в связи с введением специального режима согласований массовых акций.

В связи с недовольством населения, Правительство РФ может пересмотреть повышение пенсионного возраста, дабы найти некий компромисс, например, с 60 лет – женщины, с 63 – мужчины. Данный факт уже был освещен в СМИ. Однако нужно понимать, что это типичные действия Пра-

вительства РФ с точки зрения сомнительных социальных инициатив. Прежде всего, выносится наиболее «жесткий» вариант законопроекта, и в дальнейшем, когда волна протестов среди населения начинает нарастать, Правительство РФ «смягчает» вынесенные положения на заранее продуманные и подготовленные позиции. Население страны, в конечном итоге, соглашается с представленными позициями, тем самым, государство добивается поставленных целей.

По опросам ВЦИОМ, граждане РФ демонстрируют недоверие к государству и стремятся сохранить имеющиеся социальные гарантии в максимально полном размере. Причинами для повышения пенсионного возраста, по мнению россиян, выступают негативные характеристики власти – коррупция и попытка отвлечь внимание населения от реальных, сенситивных проблем [1.С.226–236].

Таким образом, пенсионная система – один из главных базовых показателей стабильного социального развития общества, потому что затрагивает интересы нетрудоспособного населения, опосредованно затрагивает интересы фактически всего трудоспособного населения страны. В настоящее время вопрос о глобальном изучении пенсионной реформы в России актуален [8.С.601–604].

Государственная власть в России действует в соответствии с концепцией третьего лица власти С. Льюкса. Механизмами, которые власть использует для достижения своих целей, являются манипулирование общественным мнением, умалчивание информации. Власть вынуждает население думать, что любое совершенное действие – инициатива самих граждан. Тем самым, конфликт интересов разрешается сам собой, однако в пользу целей и замыслов государственной власти.

Список литературы

1. Баскакова, Ю.М. Проблема повышения пенсионного возраста в зеркале опросов ВЦИОМ / Ю.М. Баскакова / Социология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 226–236.

2. В России повысят пенсионный возраст / Экономика // LENTA.RU [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/brief/2018/06/14/pensions_up/ (Дата обращения: 23.06.2018 г.).

3. Желтов, В.В. Политическая социология / В.В. Желтов, М.В. Желтов // Учебное пособие для ВУЗов. 2-е изд., доп. и испр. М.: Академический проект. 2009. 668 с.

4. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд [Текст] / пер. с англ. А.И. Кырлежева; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшая школа экономики. 2010. 240 с.

5. «Народ против». В России началась кампания за отмену пенсионной реформы / Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: https://www.svoboda.org/a/2929651 0.html (Дата обращения: 23.06.2018 г.)

6. Россияне не оценили пенсионные реформы / Известия от 9.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/news/585177 (Дата обращения: 25.06.2018 г.).

7. Старшее поколение / Население // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (Дата обращения: 23.06.2018 г.).

8. Тесленко, М.О. Проблемы и перспективы пенсионной реформы в Российской Федерации / М.О. Тесленко // Экономика и управление // Молодой ученый. 2015. №24. С. 601–604.

9. Черных, А.А. Особенности пенсионной реформы в России / А.А. Черных // Экономика и экономические науки // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. №1. С. 72–75.

G.D. Pogadaeva

THE THIRD FACE OF POWER: PENSION REFORM OF RUSSIA

The article examines the essence of the concept of «power» through the prism of the theory of faces or the dimensions of power, highlighted the main features of each of the theories. Moreover, from the point of view of the third face of power, the author analyzes pension reforms of Russia in 2015 and 2018 years. The statistics, determining the attitude of various categories of citizens to political reforms, is given.

Key words: power, pension reform, conflict, manipulation.

УДК 316.42

А.В. Ростова

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (ЭТАП РАЗРАБОТКИ ИННОВАЦИЙ)

В ходе исследования автором была разработана модель формирования инновационной открытости населения, включающая три основных элемента: разработка, апробация и доработка идей, а также внедрение инноваций в практику. В статье подробно рассматривается первый этап разработанной модели, характеризующийся в первую очередь оценкой возможности создания инноваций на базе аккумулированных идей.

Ключевые слова: инновация, модель, инновационная открытость, население, разработка инноваций.

Инновации сегодня стали неотъемлемой частью жизни современного общества. Проблема принятия инноваций не нова в социологии. Над данным вопросом задумывался еще Г. Тард, отмечая, что освоение инноваций, восприятие нового часто происходит не путем приспособления, а в борьбе между традицией и инновацией. Р. Мертон в своих трудах описал пять типов приспособления индивида в обществе, среди которых есть и инновация, предполагающая использование институционально запрещаемых, но часто бывающих эффективными средств для достижения цели [3]. Диффузная модель Ф. Басса [1, p.1–22] позволяет сделать оценку степени проникновения новшеств благодаря двум типам поведения – инноваторы и имитаторы. Э. Роджерс в своих работах выделил основных субъектов – потребителей инноваций – и показал, что при достаточном количестве так называемых «ранних потребителей» (инноваторов) процесс распространения инноваций приобретает необратимый характер[2].

Современные российские реалии требуют осмысления по-новому процесса принятия инноваций со стороны населения. В быстроизменяющихся условиях остро стоит вопрос о необходимости формирования открытости населения к различного рода новшествам.

На основе исследования проведенного в Самарской области при помощи анкетирования (N = 704) и экспертного опроса (N = 70) нами была построена модель формирования инновационной открытости населения, включающая в себя три основных этапа, которые в свою очередь имеют более сложную структуру.

На первом этапе происходит разработка инновационного продукта или услуги; на втором – апробация и доработка и третий – внедрение инноваций. Элементарная структура данной модели отображена на рис. 1.

© Ростова А.В., 2018

Следует отметить очень важный элемент данной модели – запросы населения на инновации. Как показало исследование, население очень сложно принимает новшества, идущие «сверху», поэтому необходимо использование двух путей по снижению сопротивления новшествам. Первый включает формирование при помощи различных социальных технологий потребностей населения в новшестве. Осознание своей потребности приведет к более лояльному отношению населения к нововведениям. Второй путь – аккумулирование идей самого населения в так называемых «банках идей». В данном случае часть наиболее активного – инновационно открытое население [4] – инициирует изменения, которые могли улучшить функционирование социальных институтов. Прежде чем стать привычной в жизни ее потребителей, проходит сложный процесс «отбраковки» или принятия. Каждый механизм фильтрации [5] отвечает на соответствующие вопросы, которые должны быть решены при разработке и внедрении инноваций.

Целью представленной работы выступает описание первого этапа модели – разработка инноваций. Этап разработки инноваций предполагает формирование «банка идей» на основе запросов и потребностей населения. Следует отметить, что инновационные идеи могут выдвигать не только отдельные индивиды, но и различные социальные группы, коллективы, представители гражданского общества и государственные структуры.

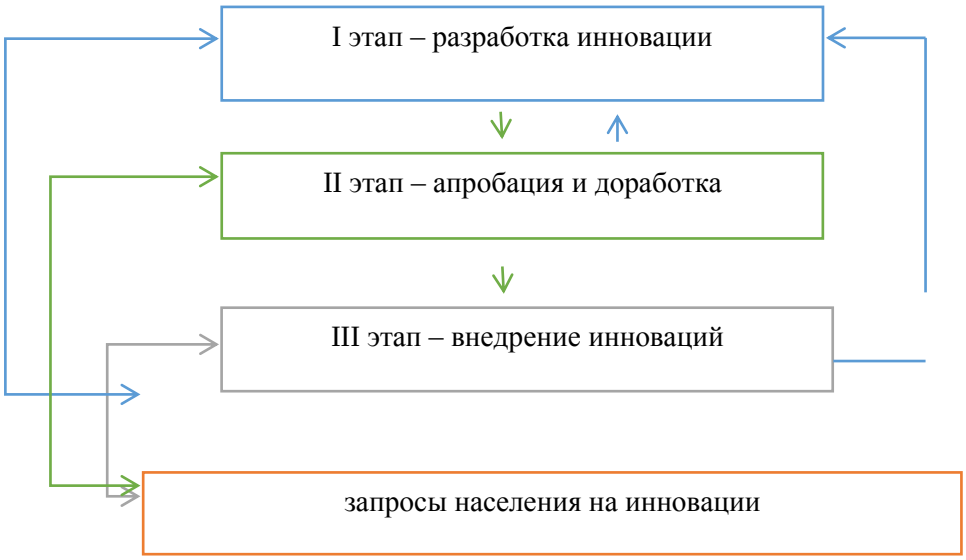


Рис.1. **Элементарная структура модели формирования инновационной открытости населения**

Аккумулированные проекты инноваций проходят независимую оценку экспертов по четырем составляющим: экономические и технические возможности реализации инноваций, правовые аспекты функционирования новшества, а также социокультурные аспекты.

Под экономическими возможностями внедрения инноваций подразумевается финансовые затраты и окупаемость новшества. В случае отсутствия таковых происходит поиск инвесторов, готовых взять на себя ответственность по финансовому сопровождению внедрения инновации.

Технические возможности реализации инновации включают в себя реальность разработки различного рода программного обеспечения и других технических сторон функционирования и реализации нововведения. При наличии технических сложностей необходимо обращение к научному сообществу и экспертам, готовым разработать и внедрить инновацию в практику.

Анализ правовых аспектов функционирования инновации при необходимости включает в себя законотвореческую инициативу и дальнуйшую работу над созданием правового поля для работы нововведения.

Наибольшую сложность при внедрении инновации, на наш взгляд, представляет анализ социокультурных аспектов внедрения и функционирования инновации. В большинстве случаев, принимая во внимание травмогенный характер российских изменений, население с недоверием относится ко всему новому. Именно здесь необходима тщательная подготовка и формирование социокульутрной среды для более легкого вхождения инновации в повседневную практику населения.

Немаловажное значение для формирования положительного отношения к внедряемым новшествам имеет согласование интересов всех групп населения. Иными словами, должны учитываться запросы и потребности всех групп населения, независимо от пола, возраста и других социально-экономических и соиально-демографических характеристик.

С целью формирования социокультурной среды широкие возможности предлагает гражданская экспертиза, т.е. публичное (в т.ч. и в сети Интернет) обуждение предлагаемых нововведений, рассмотрение положительных и отрицательных сторон новшества. Подобная экспертиза позволит разработчикам учесть пожелания и опасения населения. Мощным фактором для формирования лояльности к нововведениям, на наш взгляд, является социальная реклама.

При положительной оценки всех четырех показателей предложенной идеи осуществляется разработка новшества на основе модели фильтрации инноваций, включающей в себя, такие показатели, как оценка информационной доступности инновации, соответствие инновации потребностям населения, доверие новшеству и ее авторам, техническая доступность, простота использования и удобство [5].

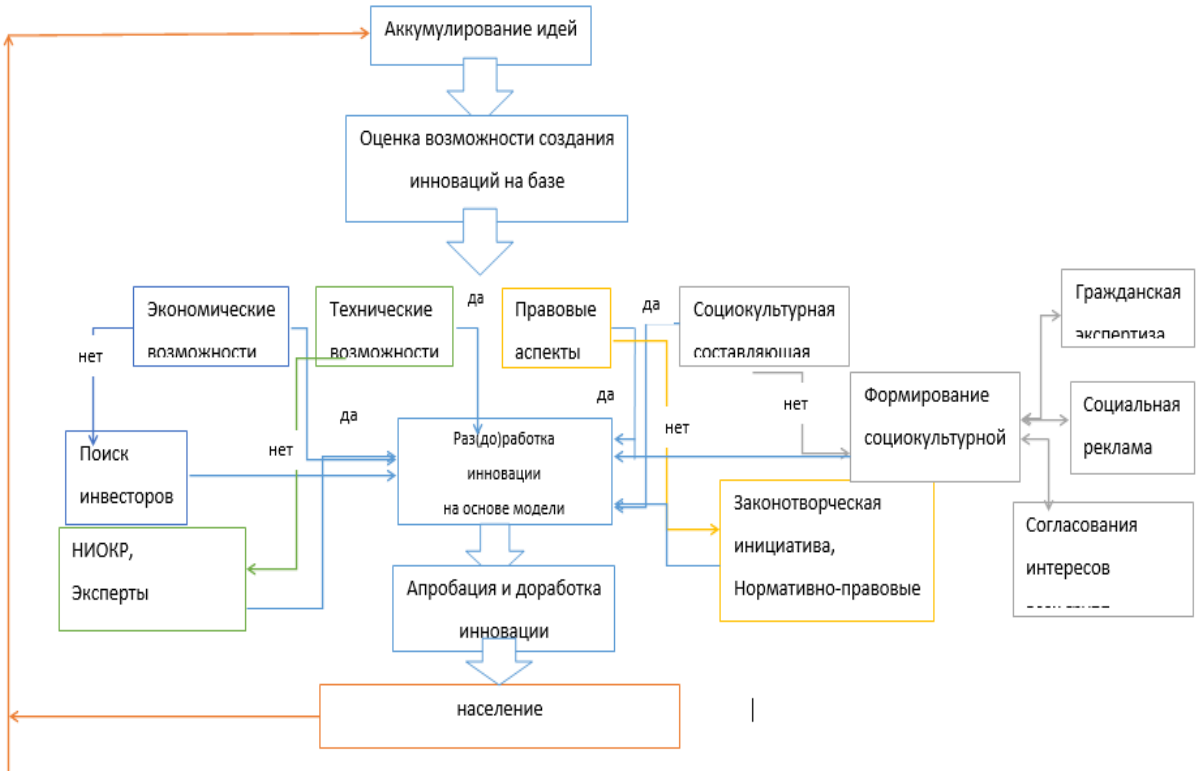


Рис.2. **I этап. Разработка инноваций**

Список литературы

1. Bass, F. M. The Evolution of General Theory of the Diffusion of Technological Innovations. Polykarp Kusch Series. The University of Texas at Dallas, 1994.
2. Rogers, E.M. Diffusion of innovations. – Simon and Schuster, 2010. 518 p.
3. Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1996
4. Ростова, А.В. Инновационная открытость населения: типы стратегии поведения / А.В. Ростова // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М., 2016. С. 2087–2091.
5. Ростова, А.В. Модель фильтрации инноваций (по материала социологических исследований) / А.В. Ростова // Наука XXI века: актуальные направления развития. Самара: СГЭУ, 2017. С. 118–121.

A.V. Rostova

MODEL OF FORMATION OF THE INNOVATIVE OPENNESS OF THE POPULATION (PHASE OF INNOVATION)

During the study, the author developed a model of formation of innovative openness of the population, which includes three main elements: the development, testing and refinement of ideas, as well as the introduction of innovations into practice. The article discusses in detail the first stage of the developed model, characterized primarily by the assessment of the possibility of creating innovations based on accumulated ideas.

Keywords: innovation, model innovation openness, population, innovation.

УДК 373.24

К.В. Салдаева

ВЛИЯНИЕ ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЙ НА РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ

В статье рассмотрены особенности овладения речью детьми разных полов. Описаны различия и специфические черты освоения языка, характерные каждому из полов.

Ключевые слова: дошкольники, половые различия, речевое развитие.

Своевременное речевое развитие является одним из основополагающих условий благоприятного формирования личности человека, а также успешной социализации. В раннем возрасте ребенок осваивает речь, а в дошкольном – совершенствует ее. Все дети развиваются по-разному, поэтому, при изучении особенностей овладения речью детьми, необходимо учитывать не только возрастные особенности, но и половые различия. Исследования Т.П. Хризман, А.Г. Арушановой, М.Ю. Бужигеевой и других современных ученых позволяют говорить о том, что вопрос о гендерных различиях достаточно популярен. Стоит подчеркнуть, что одним из приоритетных направлений является изучение проблемы половых различий в овладении детьми речью. Актуальность статьи обусловлена тем, что данная тема недостаточно исследована и требует более глубокого рассмотрения.

Стоит отметить тот факт, что большая часть исследователей (А.Г. Арушанова [1], Т.В. Бендас [2], Т.П. Хризман [7; 8] и другие) утверждают, что мальчики и девочки по-разному осваивают язык и учатся говорить, следовательно, гендерные различия существенны при освоении ребенком речи. Вслед за учеными, целесообразно также говорить о влиянии гендерных различий на овладение связной речью детьми дошкольного возраста. Проанализировав научную литературу, рассмотрев различные исследования, посвященные теме половых различий в речевом развитии, опишем особенности овладения речью мальчиками и девочками дошкольного возраста.

Речь напрямую связана с активностью мозга. Исследования в нейрофизиологии свидетельствуют о том, что мозг мальчиков устроен иначе, чем у девочек, и функционирует также по-другому. Отличия в развитии девочек и мальчиков проявляются уже с начальных этапов формирования центральной нервной системы. Новорожденные девочки, в среднем, опережают мальчиков в развитии на 3 недели [2].

© Салдаева К.В., 2018

Важно подчеркнуть, что процесс созревания мозга протекает с разной скоростью у мальчиков и девочек. Левое полушарие мозга отвечает за производство речи и контролирует ее. Учеными доказано, что левое полушарие развивается быстрее у девочек, поэтому они, активно знакомясь с окружающим миром, пополняют свой активный словарный запас, строят сложные фразы, стремятся говорить правильно (подражают взрослым) [1; 2; 7]. Как правило, мальчики начинают говорить позже, чем девочки, однако, этот факт не позволяет говорить о наличии у них отклонений [8]. Формирование мозговых структур мужского пола протекает так, что у мальчиков стремительнее развивается правое полушарие, отвечающее за логическое, пространственное мышление, за вычислительные способности. Также, передний мозг более активен у мальчиков, а это объясняет избирательность восприятия. По утверждению М.Ю. Бужигеевой, у мальчиков в дошкольном возрасте речь логична и стройна, девочки хорошо используют вербальные навыки и менее гармонично формируют свои высказывания [3].

Е.Е. Ляксо замечает, что все дети последовательно овладевают сначала простыми – гласными звуками, затем согласными. Как правило, как для мальчиков, так и для девочек, затруднено произнесение таких звуков, как [р], [л], [ш], [ч], [щ] [6].

Стоит отметить, что артикуляционных способностей девочек первого класса мальчики достигают только к концу второго класса. Девочки, как правило, имеют большую скорость чтения, чем мальчики, они легко могут закончить предложение или продолжить рассказ. Речь мальчиков наполнена словами, выражающими действия, в то время как девочки чаще употребляют оценочные слова.

В среднем к концу второго года словарный запас девочек составляют около 350 слов. Мальчики достигают такого результата четырьмя месяцами позднее.

С грамматической стороны речь девочек разнообразна – они употребляют различные глаголы, пользуются местоимениями, предлогами, союзами.

Согласно В. Н. Дружинину, девочки в дошкольном возрасте опережают мальчиков в речевом и интеллектуальном развитии. Такой вывод логичен – это связано с тем, что формирование речи у них происходит раньше [2].

Стоит подчеркнуть, что особым показателем во владении речью является ее связность. Ребенок может использовать речь в различных ситуациях общения, однако, говорить непонятно и бессвязно. В таком случае сложно сказать, опережает ли ребенок своих сверстников или же отстает от них.

Под связной речью А.Г. Арушанова понимает способ осуществления речевой деятельности в течение речевой коммуникации. Связная речь выражает понимание и отношение ребенка к окружающему [1].

На связность речи могут влиять различные факторы, такие как:

сформированность зон мозга, отвечающих за производство речи;

особенности строения артикуляционного аппарата;

развитость слухового анализатора, фонематического слуха;

речевое окружение дошкольника [3].

Ученые выделяет две группы факторов, которые определяют различия в вербальных способностях мальчиков и девочек: биологические и социальные. К биологическим составляющим можно отнести нейрофизиологические особенности – функциональную ассиметрию мозга обоих полов, онтогенетические особенности развития мальчиков и девочек, гормональные факторы [4, с.134]. Исследования показывают, что речь развивается на одном уровне, однако, данный процесс составляет взаимосвязь разных функциональных систем. Социальные факторы составляют различия в поведении детей в играх, отношение родителей к мальчикам и девочкам [4].

Таким образом, подводя итоги, следует сказать о том, что овладение речью, в том числе связной речью, зависит от половых различий, а именно от особенностей развития мозговых структур. В целом, установлено, что девочки начинают осваивать речь раньше, что мальчики – это обусловлено их психофизиологическими особенностями. Мальчики вычленяют в услышанном самое главное, это характерно и для их речепроизводства. Для девочек характерно выделение внешних признаков предмета, объекта, что объясняет богатую окрашенность их речи. Гендерные различия – аспект, которые необходимо рассматривать при изучении особенностей развития человека.

Список литературы

1. Арушанова А.Г. Речь и речевое общение детей 3–7 лет. М.: Детство-Пресс, 2009. 88 с.

2. Бендас Т.В. Гендерная психология: учебное пособие для вузов по направлению и специальностям психологии: доп. УМО вузов РФ. СПб.: Питер, 2009. 431 с.

3. Бужигеева, М.Ю. Гендерные особенности детей на начальном этапе обучения / М.Ю. Бужигеева // Педагогика. М., 2002. №8. С. 29–35.

4. Бужигеева, М.Ю. К вопросу о развитии речи у дошкольников: гендерный аспект / М.Ю. Бужигеева // Сибирский психологический журнал. 2005. №21. С. 133–137.

5. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. 366 с.

6. Ляксо Е.Е. Развитие речи: от первых звуков до сложных фраз. Учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2010. 190 с.

7. Хризман Т.П. Мальчики и девочки – два разных мира. Нейропсихология – учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. М.: Линка-Пресс, 2000. 184 с.

8. Хризман Т.П. Эмоции, речь и активность мозга ребенка. М.: Педагогика, 1991. 232 с.

K.V. Saldaeva

THE IMPACT OF GENDER DIFFERENCES ON LANGUAGE DEVELOPMENT OF PRESCHOOLERS

The article deals with the features of mastering the speech of girls and boys. The differences and specific features of language learning characteristic of each gender are described.

Key words: preschoolers, gender differences, speech development.

УДК 316.346.32-053.9

Л.В. Сокрута

ПЕНСИОННЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ И МИРЕ

В статье рассмотрены основные причины повышения пенсионного возраста в России и странах мира, сравнение протекания процессов их внедрения. Также определены проблемы, которые могут возникнуть при их реализации.

Ключевые слова: пенсионная реформа, продолжительность жизни, демографисекая структура.

Во многих странах, особенно развитых, в течение последних десяти лет наблюдается тенденция к повышению пенсионного возраста [5]. Согласно статистическим данным Отдела народонаселения Организации Объединенных Наций доля людей в возрасте старше 60 лет (что в некоторых странах является пенсионным порогом) растет быстрее доли трудоспособных людей [4]. При сохранении данной тенденции социально-экономическое положение стран с такой демографической структурой в перспективе может ухудшиться и привести к негативным последствиям. Потому реформы, которые направлены на изменения существующей пенсионной сферы являются необходимостью для многих стран. Законопроект о повышении пенсионного возраста в России на сегодняшний день является одним из основных и самых обсуждаемых вопросов в социальной и политической среде. При этом пенсионные реформы за рубежом начали внедряться уже с начала 2000-х годов.

Почему изменения, происходящие в пенсионной сфере, имеют такое важное значение? Существует ряд проблем, которые могут возникнуть с повышением пенсионного возраста. Среди них можно выделить: во-первых, рост рынка труда за счет людей предпенсионного возраста, и как следствие, есть риск повышения уровня безработицы среди молодого населения. Например, в России, в связи с принятие законопроекта о повышении пенсионного возраста, работодатели начинают увольнять людей предпенсионного возраста, которые попадают под действие новых правил выхода на пенсию, и государственные органы для регулирования данных правонарушений применяет санкции в отношении недобросовестных владельцев компаний [6]. Таким образом, рабочие места остаются занятыми и молодым специалистам будет сложнее реализовать себя в профессиональной сфере. Во-вторых, снижение продолжительности жизни, в связи с более длительной трудовой деятельностью, также снижение уровня жизни в целом из-за комплекса возникающих социальных проблем и т.п.

Изменения в пенсионной среде требуют постепенного и осознанного внедрения для того, чтобы данные программы способствовали развитию как социальной, так и экономической сфер. Требуется понимание со стороны

государства и частного сектора: с одной стороны, как распорядиться имеющимися трудовыми человеческими ресурсами, т.е. людей, попавших под действие программы, с другой стороны, определить возможности освоения навыков и компетенций, которые будут необходимы в новых реалиях.

По данным Федеральной службы государственной статистики [9] в России ожидаемая средняя продолжительность жизни на 2017 год составляет чуть больше 72 лет. При этом для мужчин она составит около 67 лет, а для женщин – более 77 лет [7]. Согласно данным, представленным в Законопроекте № 489161–7 и внесенным в него поправкам, с 01.01.2019 планируется начать постепенное повышение пенсионного возраста до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин, в течение 10 лет (до 2028 для мужчин и для женщин) [8].

Для сравнения возьмем одну из европейских стран, например, Германию, в которой уже произошли изменения в пенсионном законодательстве. В Германии поэтапное повышение пенсионного возраста началось в 2007 году и будет продолжаться до 2029. Для мужчин и женщин пенсионный возраст составит 67 лет. При этом по статистическим данным Федерального ведомства, ожидаемая продолжительность жизни на 2016 год составляет для мужчин чуть более 78 лет, для женщин – более 83 лет [2].

Путем элементарных действий, можно сделать вывод, что в России мужчины после пенсии смогут в среднем пожить около 2 лет, а в Германии и во многих других европейских странах, например, таких как Англия, США и др. более 10 лет. Также скорость внедрения изменений в России выше, нежели в Германии, Англии, Италии, США – это можно проследить по времени, в течение которого внедряются изменения. Например, в США в настоящее время государственный пенсионный возраст в настоящее время составляет 65 лет для мужского населения, для женщин на данный момент он постепенно увеличивается от 60 до 65 лет. Помимо этого, правительство планирует дальнейшее увеличение, которое повысит государственный пенсионный возраст с 66 до 67 в период между 2026 и 2028 годами. Таким образом, в США реформа по изменению пенсионного возраста рассчитана на 44 года, при этом шаг этого увеличения составляет 2 месяца. В России же в течение 7–8 лет планируется поднять пенсионный возраст на 5 лет с шагом в 1 год. Такие резкие изменения провоцируют отторжение и рост недовольства нововведениями, что несет за собой социальную напряженность и конфликты.

При внедрении изменений в социальную систему важно брать во внимание многие факторы. Подготовка к экономическим и социальным сдвигам, которые связаны со стареющим населением, имеет важное значение развития страны, общества и мира в целом. Тенденции в области старения населения особенно актуальны для целей устойчивого развития [3], связанных с иско-

ренением нищеты, повышением уровня здоровья, гендерным равенством и занятостью, а также проблемами сокращения неравенства внутри и между странами. По мере повышения доли людей старшего возраста важно разрабатывать инновационную политику, включающую пенсионное регулирование в области обеспечения благоприятных условий для жилищной политики, занятости, здравоохранения и социальной защиты.

Список литературы

1. Changes to State Pension age [Electronic resource]. URL: https://www.ageuk.org.uk/information-advice/money-legal/pensions/changes-to-state-pension-age/ (accessed at 04.11.2018).
2. Eurostat. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/publications/statistical-books (accessed at 16.11.2018).
3. The Sustainable Development Goals. [Electronic resource].URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/ (accessed at 03.11.2018).
4. United Nations [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/index.html (accessed at 01.11.2018).
5. Горлин, Ю.М., Гришина, Е.Е. Повышение пенсионного возраста: опыт зарубежных стран и оценка эффектов для России / Ю.М. Горлин, Е.Е. Гришина, В.Ю. Ляшок, В.В. Федоров // Финансовый журнал. 2017. №6. С. 85–97.
6. Госдума ввела штрафы до 200 тыс. рублей за увольнение лиц предпенсионного возраста. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/5601017 (Дата обращения: 16.10.2018).
7. Демографический ежегодник России – 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (Дата обращения: 19.10.2018).
8. Законопроект № 489161-7. [Электронный ресурс]. URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/489161-7 (Дата обращения: 01.11.2018).
9. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (Дата обращения: 25.10.2018).

L.V. Sokruta

PENSION REFORMS IN RUSSIA AND THE WORLD

The article discusses the main reasons for raising the retirement age in Russia and around the world, comparing the course of their implementation. Also identified problems that may arise during their implementation.

Keywords: pension reform, life expectancy, demographic structure.

УДК 316.752

А.В. Старикова

РОЛЬ СМИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена раскрытию функций и роли СМИ и ее агентов в социализации молодежи, анализу степени включенности данного института в жизнь молодого поколения, на основе идей ученых, исследовавших молодежь как социальную группу и СМИ как сферу влияния на индивидов. Также в работе рассмотрены трактовки понятия молодежь и описание важности периода социализации для данной социальной группы.

Ключевые слова: молодежь, СМИ, роль, социализация.

Средства массовой информации – это социальный институт, который включает прессу, книжные издательства, агентства печати, радио, телевидение, интернет. Обеспечивающие сбор, обработку и распространение информации в массовом масштабе. Все они являются распространенными каналами коммуникации, и наиболее часто с ними взаимодействует молодежь, т.к. именно они являются активным их пользователем. «Молодежь – как раз тот период и цикл, который наиболее привлекателен для информационно-психологических воздействий» [7]. Не случайно современное молодое поколение называют медиапоколением.

Молодежь как социальная группа в трактовке Т.В. Лисовского характеризуется как поколение людей от 16 до 30 лет, главным процессом которого является социализация, в том числе усвоение таких социальных функций, как образовательная, культурная, профессиональная и др. [8, с.7] Данное определение выделяют как одно из самых ранних среди всех предложенных (1962 г.). Существует множество трактовок термина «молодежь», это зависит от научной сферы: психология, демография, социология, политика, и периода развития общества. Как писал И.М. Ильинский: «Молодежь – понятие конкретно-историческое, зависящее от характера и уровня развития общества. Определенного, раз и на все времена, всеми приемлемого понятия “молодежь” в мире никогда не было, нет и быть не может».[4] Его слова можно интерпретировать так: в психологии молодежь определяют как группу с особенными психофизическими характеристиками, в политологии – как ресурс развития государства, в социологии – как специфическую социокультурную группу и т.д. Но все же можно попытаться вывести общее определение понятия «молодежь» – социально-демографическая группа с возрастными границами от 14 до 30 лет. В этот возрастной период происходит существенная перестройка организма, в том числе активная социальная мобильность, связан-

© Старикова А.В., 2018

ной с переходом от детской несамостоятельности к личностному самоопределению в обществе. Также он характеризуется внутренней дифференцированностью и формированием базовых характеристик и особенностей личности.

Важным периодом в жизнедеятельности любого человека является прохождение процесса социализации, т.к. она подразумевает процесс становления личности, усвоения социального опыта, в ходе которого формируются черты личности. Суть социализации личности состоит в усвоении индивидом «определенной системы знаний, образцов поведения, социальных норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества». [11] Детство, юность и молодость являются периодами, в течении которых закладывается основной интеллектуальный и нравственный потенциал человека, влияющий на все его дальнейшее существование. В силу возрастных характеристик молодежь наиболее восприимчива к получаемой информации, в том числе вызывает интерес все новое: технологии, досуг.

В настоящее время, с уверенностью можно сказать, что современная молодежь активно использует средства массовой информации (интернет, телевидение, печатные издания, радио, а также информационные технологии (телефонные и сотовые сети, компьютер, телевизор, планшет, телефон)). Таким образом, каждый день молодого поколения сопровождается использованием массовой информации. С начала активного роста влияния СМИ на человека, стали активно изучать данный феномен. Например, А.В. Сафарян в своей работе «СМИ как «четвертая власть» и институт социализации», рассматривает средства массовой информации как высшую власть в информационном обществе. По результатам социологических исследований, представленных в статье А.В. Сафаряна, что еще в начале XXI века более 90% горожан каждый день проводили перед телевизором, а среди студентов московских вузов 85% выделяют телевидение как значимый источник информации и только 1,5% – преподавателей и учебники. По опросу ВЦИОМ 2013 года доля тех, кто выбрал телевидение, уменьшилась до 60%, социальные сети набрали 23%, радио лишь 5%, личные и другие разговоры – 4%, остальные печатные бумажные СМИ набрали лишь 7%. [5]

Формирование личности происходит под постоянным влиянием получаемой информации, воздействующей на ценностные ориентации, установки и поведение молодых людей. «…Вне социальных условий одна только биологическая основа еще не делает человека личностью. Другими словами, человек не рождается личностью, он ею становится в ходе своего индивидуального развития, происходящего в обществе. Человек обретает личностные

качества, приобщаясь к социальному опыту и ценностным ориентациям общества, в котором он живет…». [3, с.53] Социализация включает в себя обучение, воспитание, освоение социальных ролей, взросление, адаптацию, интеграцию.

Французский социолог А. Моль, говорит, что с распространением масс-медиа прошлое культурное достояние общества и индивида утрачивает свое значение. Большую роль для личности играет то, что скажут по телевизору и радио, печатают в печатных изданиях. В результате чего на мировоззрение и структуру индивида постоянно воздействуют масс-медиа. [2, с.43]

В ситуации усиления влияния информационных технологий в начале XXI века наблюдается несколько тенденций, которые относятся к современной российской молодежи:

– унификация социальных и культурных признаков молодого поколения, происходящая посредством глобализации. В результате проявляется универсализация моделей поведения и развития молодежи;

– отчуждение или потеря ценностей, идеалов и принципов прошлых поколений;

– основополагающим элементом социальных отношений служат информационно-компьютерные технологии, таким образом, молодежь в сети Интернет проводит не только большую часть свободного, но и рабочее время. В результате этого утрачивается ценность «живого» общения.

Таким образом, в настоящее время в культуре акцентируется внимание на усредненный, непритязательный и не разборчивый вкус большой аудитории, от которой не требует критического анализа, а это и есть массовая культура. «У человека остается все меньше действительного, настоящего досуга, наполненного размышлениями, общением с самим собой, становлением собственной души, её осознанием и воспитанием». [1, с.66] Поэтому повторяемость, доступность, «клиповость» и эскапизм, стремление и желание человека уйти от реальности в виртуальный мир, стали принципами, характеризующими восприятие молодежи. Ведь, молодое поколение в силу не сформировавшегося полностью сознания является наиболее свободным для внушения каналом развития масскультуры, т.к. оно вбирает и потребляет с легкостью всё, что производится. Благодаря именно этим качествам и происходит процесс массофикации, т.е. становление массового человека, «подгонки» его под стандарт, изменение мышления и сознания личности. Это подтверждает выражение «СМИ – четвертая ветвь власти», которое впервые упомянул британский писатель, историк и философ Томас Каргейль. [6, с.151] [5] Оно отражает мысль о значимом влиянии СМИ на общество. А.В.Сафарян утверждал: «В плане воздействия на людей, особенно молодежь, роль СМИ как

«четвертой власти», по всей видимости, следует видеть не столько в возможности регулировать стили жизни и картину мира, сколько в придании значения тем или иным событиям и лицам, которые не находятся в непосредственном окружении «обыкновенного человека» и составляют для него фрагменты макросоциальной ситуации, неподвластной ему и достаточно отдаленной от него. Только, в конечном счете, можно говорить о воздействии СМИ на глубинные пласты человеческого восприятия мира и на его поведение». [10, с.62–65] То есть влияние, и сила воздействия зависит еще и от направленности и значения информации, то есть неотъемлемым фактором является сфера интересов читателей, слушателей.

В работе «Массовые коммуникации, популярные вкусы и организованное социальное действие» П. Лазерсфельда и Р. Мертона была раскрыта специфика «власти» СМИ, показав в основном на материале прессы и радио, что СМИ обладают способностью присваивать статус социальным явлениям и через это осуществлять воздействие на общество. Обыватель воспринимает мнение СМИ как мнение эксперта, профессионала, причем эта оценка не обязательно должна быть положительной, достаточно попасть в сферу их внимания, и это уже дает более престижное положение по сравнению с тем, чему не уделяется это внимание. [9, с.138–149]

Постепенно к настоящему времени сложилось мнение о значительной силе СМИ. СМИ влияют на сознание молодежи, заимствуют новые культурные образцы, распространяют западные нормы и ценности, способствуют процессу вестернизации.

СМИ охватывает большую часть деятельности молодого поколения. Причем массовая культура проникла во все сферы общества, прежде всего благодаря современным технологиям, виртуальной среде. В процессе формирования личности средства массовой информации являются источником личностных качеств, социальных ролей и опыта. В результате чего происходит изменение ценностных ориентаций молодого поколения и формирование новой унифицированной личности.

Список литературы

1. Акопян К.З. Массовая культура: уч. пособие М.: Альфа-М: Инфра-М, 2004. 304 с.

2. Голованова Н.Ф. Общая педагогика: уч. пособие. СПб.: 2005. 320 с.

3. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Кандыбович С.Л. Психология высшей школы. Минск: Харвест, 2006. 383 с.

4. Ильинский И.М Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы М., 1999. 324 с.

5. Исследование ВЦИОМ: Какие источники информации пользуются доверием среди россиян в 2013 году. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/2013/08/26/6177 (Дата обращения: 03.11.2018)

6. Карлейль Т. История французской революции. М., Мысль, 1991. 575 с.

7. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проспект, 2005. – 340 с.

8. Лисовский В.Т. Эскиз к портрету: жизненные планы молодежи. М., 1962. 208 с.

9. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Хрестоматия. М., 2002. 106 с.

10. Сафарян, А.В. СМИ как «четвертая власть» и институт социализации / А.В. Сафарян // Власть, 2008. 62–65 с.

11. Шиняева О.В. и др. Социология. Ульяновск: УлГТУ, 2011. 110 с.

A.V. Starikova

THE ROLE OF THE MEDIA IN THE SOCIALIZATION OF THE RUSSIAN YOUTH

The article is devoted to the disclosure of the functions and role of the media and its agents in the socialization of young people, the analysis of the degree of involvement of the Institute in the life of the young generation, based on the ideas of scientists who studied youth as a social group and the media as a sphere of influence on individuals. Also, the paper considers the interpretation of the concept of youth and the description of the importance of the period of socialization for this social group.

Key words: youth, mass media, role, socialization.

УДК 316.772.4

Н.А. Тер-Никогосова

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье автор рассматривает рекламную деятельность в аспекте её влияния на формирование общественной жизни. Реклама отвечает запросам современности и наилучшим образом отражает ценностные установки общества.

Ключевые слова: реклама, общество, средства массовой информации, вторичный анализ данных.

Особое влияние в аспекте современной жизни имеет рекламная деятельность. Человек ежедневно, с самого утра и до позднего вечера, сталкивается с рекламной продукцией, которая повсюду привлекает его внимание и буквально приковывает своей яркостью и многообразием. Реклама настолько универсальна, что пестрит среди газет и журналов, пробирается на телевидение и даже звучит во время радиовещаний. Данный феномен не стоит на месте, а непрерывно меняется с развитием науки, культуры и технологии массовой коммуникации. Реклама отвечает запросам современности и наилучшим образом отражает ценностные установки общества.

Потребительская реклама, направленная непосредственно на жаждущих приобрести тот или иной товар, часто встречается среди объявлений в различных средствах массовой информации. Затрагивая вопрос экономической сферы, реклама оказывает значительное влияние на увеличение или уменьшение спроса [2]. Она не только создаёт новые потребности, но и влияет на эстетические вкусы, мировоззрение и ценности человека. Рекламная деятельность воздействует на сознание, внедряя в него тот или иной образ, в последствии становящийся стереотипом, через который будет намного проще воздействовать на индивидов [1].

Реклама является непосредственным агентом социализации и внедряет установки, ценности, социальные нормы и жизненные ориентации в общественное сознание. Затрагивая процесс субъективации социальной стратификации, стоит отметить, что данный феномен способствует процессу перехода индивидуального самоутверждения в обществе из непосредственно трудовой деятельности в сферу потребления. Человек, пытаясь утвердиться в социальном пространстве, зачастую делает это через обладание тем или иным товаром.

© Старикова А.В., 2018

К агентам вторичной социализации можно отнести множество организации и учреждений, начиная со школы и заканчивая средствами массовой информации. Реклама как конкретный канал воздействия относится к данной категории агентов, популяризируя и распространяя определённые стили, нормы и образцы поведения. Рекламная деятельность в аспекте современности воспринимается молодым поколением как нормативный элемент культуры, демонстрационный материал которой не всегда отвечает истинным критериям ценностный ориентаций. Именно молодёжь наиболее подвергнута воздействию, так как с лёгкостью воспринимает всё новое в силу не устоявшихся вкусов [3].

Рассматривая исследования по данной проблематике, стоит обратить внимание на опрос «Левада-центра», где можно проследить восприятие рекламной продукции населением. Большинство россиян не доверяют рекламе (60%), только лишь 2% опрошенных руководствуются ей при выборе товаров потребления. Интересно, что сюжетные решения рекламных роликов привлекают внимание 29% опрошенных. Только лишь 7% рассматривают рекламу как критерий модных тенденций.

При проведении данного исследования 42% респондентов ответили, что под влиянием рекламы никогда не совершали покупок, но целых 37% не были столь категоричны и выбрали вариант «очень редко». Для того, чтобы просто попробовать новый продукт, совершают покупки 20% и только 2% довольно часто отдают предпочтение тому или иному товару под воздействием навязчивости рекламы.

Изучая мнение экспертов, стоит обратить внимание на пояснения Карины Пипия, социолога «Левада-центра», которая отметила, что реклама выполняет скорее развлекательную функцию для общества, так как потребитель зачастую получает информацию из отзывов о товаре в Интернете. Константин Калачев, руководитель «Политической экспертной группы», говорит о вечном желании человека выглядеть более продвинутым и, тем самым, недоверчивым к рекламным роликам, но так или иначе всё ровно индивид остаётся объектом манипуляций. Граждане просто недооценивают воздействующий фактор рекламы, ведь людям крайне неловко признаваться в том, что рекламная деятельность оказывает на них влияние [4].

Подводя итоги, стоит отметить, что реклама оказывает значительное влияние на формирование общественного сознания. Человек, воспринимая готовый образ, буквально примеряет его на себя, запоминая те или иные шаблоны поведения и применяя их в повседневной жизни. Людям неловко признавать довлеющую силу рекламного воздействия, но факт его существования и трансляции в современном обществе неоспорим.

Список литературы

1. Андросова, Л.А., Кондратьева И.Г. Ценности молодёжи в современной рекламе: социологический анализ / Л.А. Андросова, И.Г. Кондратьева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. №4 (4). С. 54–58.

2. Безродная, Л.В., Казанцев, В.Ю. Влияние современной рекламы на общество / Л.В. Безродная, В.Ю. Казанцев // Материалы конференций ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ». Апрель 2016: Сборник избранных статей. СПб.: ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», 2016. С. 134–136.

3. Передня Д.Г. Социология рекламной деятельности: учебное пособие / Д.Г. Передня. – М. : Инфа-М; Znanium.com, 2017. 130 с.

4. Реклама не обманула россиян // Левада-центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/08/03/reklama-ne-obmanula-rossiyan/ (Дата обращения: 27.10.2018 г.).

N.A. Ter-Nikogosova

INFLUENCE OF ADVERTISING ON THE LIFE OF MODERN SOCIETY

In this article the author considers advertising in terms of its influence on the formation of public life. Advertising meets the needs of modern times and best reflects the values of society.

Key words: advertising, society, media, secondary data analysis.

УДК 026.06

К.Д. Холкина

ИМИДЖ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Имидж – непостоянное понятие и ему свойственно меняться. Особенно выражено наблюдается динамика изменения имиджа публичных библиотек в условиях развития интернет-технологий. В данной статье анализируется имидж публичных библиотек и отношения к ним населения города Ульяновска.

Ключевые слова: имидж, библиотеки, информатизация.

Библиотеки – древнейшие культурные институты человечества. За долгий период существования состав и форма хранимых ими документов, назначение и функции библиотек претерпели существенные изменения. Стремительное развитие цифровых технологий и глобальной сети Интернет влияют на библиотеки и впервые ставят вопрос о «границах» библиотечного пространства и самих основах существования традиционных библиотек. Читатели массово покидают библиотечные залы и превращаются в «удаленных пользователей»; публичная библиотека перестает быть популярной, происходит глобальное отчуждение аудитории от книги, увлечение визуальными и слуховыми медиа. В связи с образовавшимися тенденциями вопрос об актуализации имиджа публичных библиотек в условиях информатизации становится весьма актуальным.

Цель нашей работы – определить имидж публичных библиотек в общественном сознании в современных условиях.

Понятие «имидж» происходит от «image» – «образ», «представление». Имидж – образ–представление, который создают (строят, конструируют, программируют) специально для объекта. Создание имиджа библиотеки в информационном пространстве – процесс, необходимый и актуальный. Если не выстраивать целенаправленно собственный имидж, он будет формироваться спонтанно. Благоприятный имидж библиотеки помогает привлечь пользователей, создать климат для инвестиций, обеспечить приток в профессию молодых специалистов [3, с.49].

Дискуссии о будущем библиотек постоянно ведутся на страницах профессиональной печати. Высказываются самые разнообразные точки зрения, от утверждений о неизбежном их исчезновении вместе с бумажными книгами, до оптимистичных заявлений о возрождении библиотечного дела, о том, что в информационном обществе социальная значимость библиотек повысится. Впервые пессимистичные высказывания о будущем библиотек были сделаны М. Маклюэном еще в 60-х годах XX века. Он выдвинул идею о том,

© Холкина К.Д., 2018

что печатные источники информации полностью будут вытеснены электронными носителями. С.А. Басов, присоединяясь к дискуссии, отмечает, что библиотеке следует использовать «все три свои коммуникативные практики: устные, книжные, электронные». Он уверен, что грамотное применение PR-средств позволит перевернуть сложившиеся условия в пользу библиотеки, при условии грамотного сегментирования потребностей реальных и потенциальных посетителей [1, с.8]. Один из доводов о возрастающей роли библиотек в новом информационном обществе был высказан М.Я Дворкиной: «Если библиотека возникла с появлением искусственных носителей информации, которые со временем видоизменились, то она не должна исчезнуть с появлением новых языков и новых носителей информации (аудиовизуальных, электронных), так как они выступают лишь средствами, обеспечивающими возможность выполнения библиотекой ее основных функций – собирать, хранить наследие культуры и делать его доступным для человечества, а эти функции библиотек сохранятся и в новом обществе, как и сама потребность передачи информации через устную речь» [2, с.16].

Кафедрой «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета в 2016 году было проведено социологическое исследование среди жителей города Ульяновска «Роль городской публичной библиотеки в условиях перехода к информационному обществу». Выборка составила 700 человек в возрасте от 18 до 61 года. Результаты исследования показали, что библиотека является приоритетным учреждением культуры в регионе: 11% респондентов посещают ее ежедневно, 22% – 2–3 раза в месяц. Это значительно больше, по сравнению с другими культурными учреждениями. Можно сделать вывод о том, что библиотека как социальный институт не перестает играть важную роль для населения. Больше половины населения считают библиотеку местом сохранения и передачи культурного наследия. Среди тех, кто чаще считает библиотеки не нужными, – предприниматели (16%). В консультации библиотекарей в большей степени нуждаются люди из молодых семей с детьми (39%). Однако, по мнению молодежи, она давно является предметом скуки и старины. Анализ ответов показал, что молодежь скорее предпочитает Интернет, нежели библиотеки: «Сейчас вся информация представлена в Интернете, и, я думаю, библиотеки стали не так востребованы, как были раньше. Но все же библиотеки существуют и это, скорее всего, связано с тем, что информации в Интернете много, но она не всегда достоверна». Для респондентов в возрасте 25–30 лет важно помимо доступа в Интернет также наличие дополнительных сервисных услуг, комфортная обстановка, наличие зон для отдыха и общения. Горожане в возрасте от 31 до 40 лет добавляют к выше перечисленному уровень массовой работы, но для них не менее важно наличие зон отдыха и общения. Респондентам в возрасте 41–60 лет вовсе неважно наличие доступа в Интернет и им не нужны дополнительные сервисные услуги. Для них более

важным является режим работы, большой фонд книг, уровень массовой работы. В ходе анализа была определена следующая тенденция: чем старше человек, тем он требовательнее подходит к выбору культурного учреждения для реализации своих потребностей, однако имидж заведения для них не столь важен. Его потребности становятся более социальными и духовными. Исследование показало: каналы и формы коммуникаций библиотек мало эффективны. До целевых аудиторий не доходит большая часть информации о проводимых мероприятиях и услугах. Мероприятия мало посещаются, постоянных участников мероприятий, проводимых городскими библиотеками, немного. При этом сами мероприятия готовятся высокими профессионалами и имеют разную направленность: творческие вечера и конкурсы, мастер-классы, фотовыставки, театрализованные праздники. Распространенными каналами коммуникаций являются радиореклама, газеты и печатные издания, но 66% жителей не замечают рекламу городских библиотек. Для более эффективного воздействия необходимо сегментировать аудитории и использовать каналы, которые будут эффективны для конкретной группы населения.

Итак, имидж библиотек таков, что библиотека остается лишь местом хранения книг и доступа к информации, а не многофункциональным культурно-досуговым центром, с грамотными многопрофильными специалистами, владеющими новыми компьютерными технологиями. Библиотека является посещаемым учреждением культуры для среднего и старшего поколений – от 40 лет и старше. Для молодого поколения значимость библиотек значительно ниже. Молодежь выбирает учреждения развлекательного характера, делая акцент больше на интересный досуг.

Список литературы

1. Басов, С.А. Функции библиотек в современных условиях / С.А. Басов // Информационное обеспечение науки: новые технологии. 2012. №1. С. 6–16

2. Дворкина, М.Я. Научная библиотека в информационном обществе / М.Я. Дворкина // Науч. и техн. б-ки. 2013. № 14. С.15–20

3. Фатыхова, Д.Р. Роль социальных медиа в формировании имиджа политика / Д.Р. Фатыхова // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3. С. 49–60

K.D. Holkina

IMAGE OF PUBLIC LIBRARIES IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION

Image – a changeable concept and to him it is peculiar to change. It is especially expressed dynamics of change of image of public libraries in the conditions of development of Internet technologies is observed. In this article the image of public libraries and the attitude of the population of the city of Ulyanovsk towards them is analyzed.

Keywords: image, libraries, Informatization.

УДК 316.75

Н.А. Шибанова

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена социологическому осмыслению ценностей современной российской молодежи. Ценности современной российской молодежи весьма разнообразны. В рамках анализа социологических исследований ценности современной российской молодежи разделяются на материальные и духовные. На формирование ценностей влияют такие факторы как возраст, образование, система трудовых социальных ожиданий, условия информационной среды, семейно-брачные отношения.

Ключевые слова: российская молодежь, материальные ценности, духовные ценности, факторы формирования ценностей.

В науке молодежи всегда уделялось особое внимание, так как она обладает потенциальными физическими и интеллектуальными ресурсами и представляет собой будущее общества. На основе анализа различных научных источников предложим следующее определение понятия: *молодежь – социально-демографическая группа, возраст которой определяется от 14 до 35 лет, состоящая из индивидов, с характерными для них возрастными социально-психологическими свойствами и социальными ценностями, которые обуславливаются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в обществе.*

Система ценностных ориентаций – ядро культуры любого общества, от которого зависят социальные отношения в нем. Поэтому особое внимание со стороны ученых уделяется изучению ценностей молодежи. Проанализировав определения ученых, например, Г. Риккерта, М. Вебера, М. Рокича и других, можно привести общее определение понятия «ценность». *Ценность – это убеждения, с помощью которых люди пытаются назвать и объединить совокупность явлений, состояний и целей, к которым нужно стремиться* [1, с.43]. Следовательно, ценности являются определяющим фактором поведения и стремлений, как отдельного индивида, так и социальной группы.

Для современной российской молодежи являются значимыми как материальные, так и духовные ценности, ради которых молодые люди прилагают усилия. Ценности для молодого поколения – это то, ради чего стоит жить и то, что ценится. Совокупность ценностей, объединенных в определенную иерархию по степени важности для человека, представляет собой систему ценностных ориентаций. Понятия «ценность» и «ценностные ориентации» не стоит отделять друг от друга, так как они связаны [10]. В социологии под

© Шибанова Н.А., 2018

ценностными ориентациями понимаются идеологические, политические, моральные основания оценок субъектом действительности и ориентации в ней, а также способ дифференциации объектов по их значимости [9].

Процесс усвоения ценностей происходит на протяжении всей жизни и определяется макро- и микросредой. На формирование системы ценностных ориентаций современной молодежи влияет ряд факторов: *возраст, образование, система трудовых социальных ожиданий, условия информационной среды, семейно-брачные отношения* [5].

В связи с молодым возрастом молодежь получает знания, выполняет специфические социальные роли. Сравнивая молодежь с другими возрастами, можно выделить два особых признака. Первый признак – это незавершенность процесса социализации, то есть молодежь находится в состоянии социальной незрелости. То есть, так как процесс формирования ценностей, установок еще считается не законченным, значит, нет социально-психологических барьеров отторжения чего-то нового [11]. Второй признак – это творческая активность и сила. Творческая активность напрямую зависит от формирования ценностных ориентаций и интересов молодого поколения. Ценности в молодежной среде изменчивы, так как молодежь находится в стадии социализации и адаптации в обществе, а в нем, в свою очередь, меняются условия развития.

На основе изучения научных источников можно выделить различные классификации ценностей по разным основаниям и критериям. Так, по субъекту выделяют ценности общества, группы и индивида. По типу отношений ценности делятся на моральные, религиозные, экономические, правовые и политические. По объективным характеристикам процессов и явлений выделяются объективные и субъективные ценности. Австрийский экономист и государственный деятель Ойген фон Бём-Баверк предложил следующую классификацию. Субъективная ценность – это значение материального блага или совокупность материальных благ для благополучия молодежи. Объективная ценность – это способность вещи давать объективный результат, обмениваться на другие материальные блага [2, с.7].

Еще одна классификация ценностей – это разделение их на материальные и духовные. Основанием для выделения группы материальных ценностей являются материальные блага. К таким ценностям можно отнести деньги, материальный быт, товары и услуги, еду, материальные стимулы достижений, уход за телом, развлечения и гедонизм, высокооплачиваемая работа, недвижимость. Духовные ценности – это совокупность нравственных, моральных и этических принципов и убеждений личности, которые меняются со временем и совершенствуются в процессе социализации. К ним можно отнести универ-

сализм, доброту, свободу, любовь, дружбу, веру, знания, гуманизм, альтруизм, служение обществу, мораль и нравственность [6].

На формирование ценностей молодежи оказывают влияние различные социальные институты. В формировании ценностей российской молодежи важную роль играет институт семьи. Семья – социальный институт, определяемый системой связей и отношений индивидов, оказывающий значительное влияние на социализацию молодого поколения. От семьи зависит степень воспитанности молодого человека, его нравственные качества [5]. Институт образования является наиболее значимым компонентом в системе общественного воспроизводства. Именно образование приобщает молодого человека к жизни в обществе через передачу системы ценностей, знаний и навыков, то есть тем самым выполняет социализирующую функцию. Система образования оказывает целенаправленное воздействие на молодежь: несет в себе оценки своей деятельности, то есть анализирует то, что получилось «на выходе» заявленному идеальному образцу, предполагает время сроков воздействия и наличие профессиональных специализаторов. Задачей института образования является формирование системы ценностей молодежи на основе представлений об истине, добре, взаимопомощи и взаимоуважении, что в дальнейшем поможет цивилизованно жить с окружающими людьми, тем самым помогать себе и обществу развиваться [3].

Ценности современной молодежи формируются под воздействием средств массовой коммуникации. Сфера культуры, к которой приобщается индивид, определяется состоянием общества. В современных условиях информационного бума на формирование ценностей молодых людей значительное влияние оказывает интернет, который включает в себя социальные сети, блоги, рекламу, сериалы и кинопродукция.

На формирование ценностей молодежи свое влияние оказывает труд. Для молодежи процесс выполнения трудовых обязанностей является итогом формирования модели социально-трудового поведения. Трудовая деятельность выступает в качестве значимого фактора формирования материально-экономических ценностей. Стремление к карьере, получение высокого дохода, самореализация себя и своих способностей, интересная работа – все это занимает не последнюю роль в системе ценностных ориентаций современной молодежи. На протяжении всего времени материальная состоятельность, обеспечение себя являлись отличительной особенностью взрослого человека. Современная российская молодежь стремится к материальной независимости, то есть старается самостоятельно принимать решения. Материальная обеспеченность является важным фактором для молодежи и в построении семьи, и в профессиональной деятельности [7]. На основе работы Ю.Р. Вишневского и

В.Т. Шапко можно сделать вывод о том, что материальное благосостояние и материальная обеспеченность для молодежи на сегодняшний день находятся в приоритетной позиции. Ценность качественного труда и трудолюбия упала, а гораздо выше стала находиться ценность оплаты труда [4]. Профессионализм и образованность приобрели большую ценность для молодежи, так как являются шансом для получения высокооплачиваемых должностей и обретения независимости.

Таким образом, ценности разнообразны и структурируются по различным основаниям. Они определяют пути самореализации молодежи, ее поведение и социальные отношения. На формирование ценностей молодежи оказывают влияние семья, образование, труд и профессиональная деятельность. Для современной российской молодежи все большую роль начинают играть материальные ценности, в основе которых лежит стремление к материальным благам, деньгам, вещам.

Список литературы

1. Батурин, В.К. Пространство и время «человека экономического» или в поисках новой социологии / В.К. Батурин // Пространство и Время. 2011. С. 38–47.

2. Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ / Е. Бём-Баверк. М: Директмедиа Паблишинг, 2008. С.7.

3. Брик, Л.В. Традиционные и инновационные факторы формирования социально-позитивных ориентаций молодежи / Л.В. Брик // Извести Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №60. С. 336–345.

4. Вишневский, Ю.Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек / Ю.Р. Вишневский // Социологические исследования. 2006. №6. С. 26–36.

5. Гончаренко, О.Н. Факторы, влияющие на формирования ценностей сельской молодежи / О.Н. Гончаренко // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2014. С. 197–201.

6. Иванычева, Т.А., Карамединова, Ю.И. Ценности современной молодежи / Т.А. Иванычева, Ю.И. Карамединова // Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scienceforum.ru/2013/226/2719 (дата обращения: 04.01.2018).

7. Кошарная, Г.Б., Афанасьева, Ю.Л. Ценностные ориентации современной российской молодежи / Г.Б. Кошарная, Ю.Л. Афанасьева // Извести высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. №4. С. 41–52.

8. Матвиенко, М.А., Егушев, К. Е., Пименов Н. О., Файрузов Р. Р. Ценности современной молодежи / М.А. Матвиенко, К.Е. Егушев // Молодой ученый. 2015. №10. С. 1523–1525.

9. Нагоева, Л.Х. Ценностные ориентации: понятие и феномен / Л.Х. Нагоева // Новые технологии. 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-ponyatie-i-fenomen (дата обращения: 04.01.18).

10. Токтаров, Б. Ценности современной молодежи / Б. Токтаров // Мысль. 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://mysl.kazgazeta.kz/?p=45 (дата обращения: 04.01.18).

11. Толмачева, С.В. Факторы формирования мировоззрения молодежи г. Тюмени / С.В. Толмачева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. №6. С. 160–162.

N.A. Shibanova

VALUES OF MODERN RUSSIAN YOUTH

The article is devoted to the sociological comprehension of the values of modern Russian youth. The values of modern Russian youth are very diverse. As part of the analysis of sociological research, the values of modern Russian youth are divided into material and spiritual values. The formation of values is influenced by such factors as age, education, the system of labor social expectations, the conditions of the information environment, family–marriage relations.

Key words: Russian youth, material values, spiritual values, factors of formation values.

УДК 659.1

З.Н. Шуклина

ОМНИКАНАЛЬНОСТЬ В ПОВЫШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье проанализированы важность социальной рекламы в современном обществе; использование омниканальности для повышения общественной ценности и эффективности; взаимовлияние макроэкономических проблем и социальных последствий, методов определения целевой аудитории, точного сегментирования, управления всеми каналами связи с реципиентом для повышения эффективности коммуникации. Обозначены направления и синергетическая эффективность социальной рекламы, гармонизации информирования и манипуляции, пропагандирования и побуждения, привлечение внимания и акцентированного выбора поведения личности и общества.

Ключевые слова: социальная реклама, омниканальность, взаимоотношения, общество.

Развитие и динамичная трансформация рыночных отношений, востребованность и проявление маркетинговых коммуникаций заставляют всех участниками коммерческих и социальных процессов оптимизировать связи, искать направления повышения эффективности и комфортности. В этой связи особое место в исследованиях занимает социальная реклама, формирующая общественное мнение и нравственные ценности, привлекающая внимания к проблемам общества, влияющая на мировоззрение, культурные и этические нормы поведения человека.

Для определения общественной ценности социальной рекламы важно обозначить платформу, на которой строится гуманитарный и нормативный консенсус прав, обязанностей и принципов, регулирующих отношения между членами общества, между обществом и государством, между экономическими, социальными и политическими системами. Общественная ценность проявляется на уровне социума через опыт, полученный общественностью. Совместный опыт относительно качества взаимоотношений между индивидуумом и обществом создаёт или разрушает общественную ценность. Для развития общества всегда существует проблема выбора ценностей, связанная с традициями, стереотипами, особенностями ментальности, рекомендуемыми или обязательными нормами.

При выборе средств воздействия социальная реклама решает задачу определения целевой аудитории, точного сегментирования, то есть определения реципиентов, на которых будет непосредственно направлено действие

© Шуклина З.Н., 2018

рекламы. Важность качества и дифференцирования аудитории, ее потребностей и реакций связана с конкретными социальными целями. С помощью информирования, коммуницирования, пропагандирования прививаются, воспитываются и выявляются ценности и потребности, обозначаются условия удовлетворения, направления развития и перспективы оптимального взаимодействия общества и личности [4]. Повышение общественной ценности и эффективности социальной рекламы может быть связано с омниканальными коммуникациями, которые позволяют выбрать и использовать систему наиболее удобных способов и приемом социального общения и влияния на общество.

Суть омниканальных коммуникаций проявляется в удобстве и обратной связи, что повышает лояльность личности и эффективность коммуникационного бюджета. Для создания эффективной социальной рекламы применяют следующие инструменты: ролевая модель; метафора; конкретизация; позитивное обращение, мотивация к определенной роли и поведению [2]. Другое достоинство омниканальности – это способность управлять всеми каналами связи с реципиентом, клиентом из единого центра, что повышает эффективность коммуникации. Сочетание и единство коммуникационных каналов формирует big picture, то есть общую картину процесса воздействия и мониторинга реакции на приемы рекламы [2]. Если омниканальность в коммерческой рекламе предлагает полный цикл маркетинговых услуг для потребителя, то в социальной рекламе омниканальность повышает связи с общественными группами, обеспечивает влияние на отдельные личности, усиливает эффект социализации и гармонизации. Однако поиск эффективных и интегрированных приемов воздействия не исключает, а, наоборот, подчеркивает важность соблюдения корректности, законности, этики в рекламе. Невыверенные, несбалансированные методы, недобросовестная реклама могут спровоцировать социальные конфликты, способствовать неустойчивости общества, вызывать скрытые и явные агрессивные проявления, обиды и депрессии [4].

В качестве примера можно привести рекламу Utair с использованием троллинга пассажиров эконом–класса на выходе во Внуково. На баннере на фоне хрущевки размещен текст "Туда, где вас ждут...". Выставленные неприглядным образом пятиэтажки с застекленными балконами могут быть восприняты просто как реальность, наша действительность, в которой ничего нет обидного, а возможна ирония в восприятии такого образа жизни [1]. Так в большинстве своем живем мы, жили и живут наши предки, друзья, соседи и родственники. Это, с одной стороны, не очень приятная данность, просто констатация факта, а с другой стороны, резкое и уничижительное указание

места тем гражданам, кто его не знает. Знай сверчок свой шесток. Другие, те иные, лучшие из лучших, не живут тут и не летают на этих самолетах. Такая социальная реклама воспринимается как унижение, социальный шовинизм.

Еще один пример рекламы связан с размещением слогана "Не хватает на кресло – не заводи детей". Конечно, проблемы безопасности перевозок детей важны и требуют внимания, реклама может быть воспринята как грубая и резкая, но адекватные, заботливые родители, рационально подходящие к вопросу безопасности детей никогда не воспримут такую рекламу, как оскорбление их чувств и ограничение права выбора. Реклама как нечто обидное будет воспринята только теми, кто позволяет манкировать ответственностью и злонамеренно пренебрегает безопасностью своего ребенка ("правда глаза колет").

Интересным является продвижение социальных инициатив через ролики и промоакции. В январе 2018 года крупнейший российский оператор наружной рекламы Russ Outdoor запустил новую социальную кампанию "Добрые истории" в рамках собственного социального проекта "Все равно?!". Целью кампании являются популяризация благотворительности и привлечение внимания к деятельности благотворительных фондов. В основу креативных макетов кампании легли фотоистории фондов, участвовавших в конкурсе фотографий "ОБЪЕКТИВная благотворительность", который ежегодно проводит Ассоциация грантодающих организаций "Форум Доноров". В результате конкурса по критериям лаконичности, простоты и запоминаемости образа жюри Russ Outdoor отобрало сразу несколько победителей, фотоистории которых легли в основу новой социальной кампании, креативную концепцию которой разработал дизайн-центр оператора наружной рекламы: плакаты выполнены в стилистике фотоальбома с использованием реальных фотографий с настоящими жизненными историями.

Использование омниканальности должно исключать манипуляцию, когда человека понуждают всеми информационными средствами к принудительной коммуникации, конформизму, к переориентации познания с реального предметного на виртуальный мир [3]. При возникновении параллельной с реальной, виртуальной жизни усиливается дефицит смысла и ценности самой жизни человека, увеличивается возможность манипулирования сознанием, поведением и действием людей. В связи с чем острота воздействия социальной рекламы не должна вступать в противоречие с личными установками, ценностями и мировоззрением человека, не ограничивать возможности самопроявления, харизматичности и активности.

Следовательно, для решения проблем развития общества, для внедрения и распространения гуманных, традиционных или инновационных ценно-

стей, для повышения важности каждой личности используется социальная реклама, которая позволяет на основе омниканальности повысить эффективность и результативность воздействия. Многоуровневая интеграция коммуникаций и омниканальность формируют систему связей общества и государства, общества и личности для внедрения и распространения культуры, поддержания толерантности и лояльности для защиты слабых и обездоленных, для оптимизации межличностных отношений и направлений развития человека.

Список литературы

1. Зенченко, Э.Г., Шуклина, З.Н. Актуализация социальной рекламы для защиты бездомных животных / Э.Г. Зенченко, З.Н. Шуклина // Экономика и социум. 2016. № 4–1 (23). С. 689–703

2. Паначёва, А.С. Нравственные ценности: воздействие на общественное мнение через социальную рекламу / А.С. Паначева // В сборнике: XX международная научно-методическая конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью, дизайна и смежных направлений Ассоциация Коммуникативных Агентств России. 2016. С. 259–262.

3. Пискунова, М.И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии / М.И. Пискунова // Медиаскоп. 2004. №1. С. 19.

4. Шуклина, З.Н. Доминанта клиентоориентированности в маркетинге инноваций / З.Н. Шуклина // Современное общество и власть. 2015. № 1 (3). С. 113–116.

Z.N. Shuklina

OMNICHANNEL APPROACH IN IMPROVING PUBLIC VALUES AND EFFICIENCY OF SOCIAL ADVERTISING

The article analyzes the importance of social advertising in modern society; the use of omnichannel approach to enhance public value and efficiency; mutual influence of macroeconomic problems and social consequences, methods for determining the target audience, precise segmentation, management of all communication channels with the recipient to improve the effectiveness of communication. The directions and synergetic effectiveness of social advertising, the harmonization of information and manipulation, propaganda and motivation, attracting attention and an accentuated choice of behavior of the individual and society are highlighted.

Key words: social advertising, omnichannel, relationships, society.

РАЗДЕЛ 2. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

УДК 316.62

Е.Л. Бахтин

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА ЗАНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Настоящая статья призвана выявить факторы, которые мотивируют потенциальных предпринимателей в начале их деловой деятельности, и определить барьеры, которые мешают потенциальным предпринимателям в создании собственного бизнеса. Респонденты признали три основных фактора, которые мотивируют людей к началу собственной предпринимательской деятельности: самореализация и самосовершенствование, возможность более высокого заработка и независимость при принятии решений. Среди барьеров, которые препятствуют началу собственного бизнеса, респонденты ссылались на отсутствие опыта, отсутствие капитала и риск неудачи. Не было никакой разницы между женщинами и мужчинами в отношении мотивов и барьеров.

Ключевые слова: предпринимательское поведение, мотивирующие факторы, предпринимательство, студенты.

Изучению предпринимательских намерений и факторов их формирования посвящено большое количество исследований по предпринимательству. Предпринимательские намерения представляют собой предпосылки фактического поведения человека и отражают степень мотивации и готовности прилагать усилия для осуществления такого поведения. Согласно теории запланированного поведения, предпринимательские намерения отражают индивидуальное отношение к поведению, субъективным нормам и ощущаемому контролю над поведением. Они относятся к «индивидуальному суждению о вероятности владения собственным бизнесом», а также включают в себя индивидуальный план того, как стать предпринимателем.

Предпринимательские намерения служат более надежной основой для вовлечения в предпринимательскую деятельность по сравнению с другими индивидуальными атрибутами индивида, такими как установки, убеждения или личностные черты, потому что они часто трансформируются в реальные действия, что, в свою очередь, способствует росту предпринимательской активности. Предпринимательская активность является многосторонним поня-

© Бахтин Е.Л., 2018

тием, отражающим вовлеченность населения в создание нового бизнеса и управление компанией [2].

Для нас представляет интерес рассмотрение системы детерминации в аспекте формирования ориентации молодежи на занятие предпринимательством. Система детерминации представляет собой некую совокупность взаимосвязанных элементов, определяющих деятельность индивида от самых первых (возможно, и неосознаваемых) побуждений до неких конкретных поступков и действий этого индивида. Таким образом, подобное рассмотрение поможет нам выявить особенности формирования факторов ориентации молодежи на занятие предпринимательством.

Первым элементом системы детерминации является внешняя необходимость. Внешними факторами становятся природные условия существования людей, в которых они живут и существуют. Так, на наш взгляд, в первую очередь это разнообразие условий жизни каждой социальной группы людей: то есть само наличие социального расслоения обуславливает различные условия жизни каждого социального класса, что мотивирует потенциальных предпринимателей начинать своё дело с целью накопления богатств и последующего подъема по социальной лестнице (вертикальная мобильность). Также стоит упомянуть такой фактор, как наличие примеров успешных предпринимателей, уровень жизни которых выше и, соответственно, выше социальный статус.

В системе детерминации помимо внешней необходимости, существует и внутренняя, она представляет собой совокупность готовых схем взаимодействия организма только с той средой, которая уже существует тысячелетия, и должна обязательно присутствовать, чтоб появившийся на свет человек мог выжить. Таким образом, интересно отметить, что именно выживание может играть главную роль во внутренней необходимости. В случае с молодыми людьми, желающими стать предпринимателями, внутренняя необходимость заключается в принятии уровня и условий жизни молодых предпринимателей, пришедших к успеху.

Анализ внешней и внутренней необходимости показывает, что они выступают теми факторами, которые определяют следующий элемент детерминации – потребности. Потребность здесь представляет собой активность организма, направленную на реализацию имеющийся у него внутренней (и в некоторой степени внешней) необходимости. Таким образом, можно рассмотреть следующие потребности при изучении факторов формирования мотивации: потребность лучше жить (за счет включения в предпринимательскую деятельность поднять свой социальный статус), потребность в самореализации (то есть самоактуализировать собственные умения и навыки на

практике предпринимательства) и потребность в самоутверждении, которая вытекает из двух предыдущих, так как за счет поднятия социального статуса и самоактуализации придет уважение окружающих.

Определив потребности, мы можем перейти к следующему пункту детерминации – цели. Цель определяет, к чему в конце мы должны прийти. В нашем случае конечной целью является становление успешным предпринимателем, то есть улучшение общих условий жизни и повышение социального статуса.

Следующим элементом в системе детерминации становится – интерес. В ситуации, когда возникают различные варианты удовлетворения потребности, имеющейся у человека, возникает интерес. Он может быть выражен в поиске различных средств и способов достижения цели. Так, исходя из определенной нами цели, – становление успешным предпринимателем, можно выделить следующие группы интересов:

– «где взять первоначальный капитал» (например, накопить, взять кредит, найти инвестора),

– «какие знания нужны» (например, бизнес-образование, знание юридических основ, основы экономической теории и др.),

– «в какой сфере буду работать» (сфера услуг, ритейл, производство и пр.),

– «каких и сколько специалистов нужно нанять для функционирования компании»,

– «кто-то уже делал что-то подобное до меня, как у них это получалось» (познакомиться с «нужными людьми», изучить «истории успеха»).

Так, оценивая преимущества и недостатки тех или иных интересов, как вариантов удовлетворения потребности, человек производит выбор ведущего интереса. Интерес характеризует не только деятельность человека по поиску способов реализации потребностей, но и вызывает установку на создание отсутствующих средств их удовлетворения.

Перейдем к следующему элементу детерминации – ценностным ориентациям. Приобщение человека к окружающей его актуальной культуре обуславливает ценностные представления. Так, ведущая роль в формировании ценностных ориентаций принадлежит воспитанию и окружающей среде. Таким образом, базовыми в нашей теме становится получение выгоды от умений и знаний, выраженное в максимизации прибыли предприятия. Ценностные ориентации могут по-разному проявляться в различных ситуациях.

Предпоследним элементом детерминации является мотивация. Среди основных факторов мотивации могут быть следующие: накопление богатств

с целью повышения своего социального статуса (стать известным бизнесменом), желание быть руководителем и предпочитать умственный труд физическому. Так же мотивировать человека начать заниматься предпринимательской деятельностью может желание обеспечить будущее своих детей.

И, наконец, перейдем к последнему элементу детерминации – установкам. Установка здесь будет пониматься как форма проявления внутренней необходимости при выработке потребностей. Также, установка побуждает формировать и использовать ценностные ориентации в ходе выбора способов реализации потребностей, то есть готовность к конкретным действиям. В нашем случае установки будут выражаться, например, в намерении взять кредит (или пойти на встречу с инвестором) или найти единомышленников для создания совместного предприятия.

Из всего вышесказанного стоит подробнее рассмотреть некоторые внешние и внутренние факторы, которые побуждают молодежь заниматься предпринимательской деятельностью.

Начнем с внешних факторов, первыми из которых будут экономическая ситуация в стране и наличие институциональной системы мер поддержки начинающих предпринимателей. Продолжая выделять основные внешние факторы, стоит отметить ориентацию на ценности, принятые в сообществе предпринимателей. Исследования основных ценностей предпринимателей показывают, что они отдают явное предпочтение ценностям, отражающим ориентацию на личное благополучие и профессиональное саморазвитие [1]. Самой важной ценностью, по данным этих авторов, у предпринимателей оказалось здоровье, что может быть связано с высокой напряженностью их работы и необходимостью преодоления чрезмерных умственных или физических нагрузок. Важной ценностью для предпринимателей также является семья, которая становится той тихой гаванью, в которой они отдыхают после чрезмерных нагрузок, связанных с бизнесом. Кроме того, предприниматель вкладывает в семью определенную часть своих средств, превращая ее в некий символ своего благополучия и успеха. В то же время, как показали результаты исследований указанных авторов, если у потенциальных предпринимателей близость с любимым человеком выступает в роли предпочитаемой жизненной ценности, то у реальных — отвергаемой. Это может быть связано с тем, что активно работающие предприниматели на первое место ставят, прежде всего, деловые качества, отвергая эмоциональный фон жизни как одну из возможных помех в реализации своего делового потенциала. Высокий рейтинг у предпринимателей имели также такие ценности, как интересная работа и материально обеспеченная жизнь. В качестве средств для достижения поставленных целей и ценностей предприниматели выбирали эффектив-

ность в делах, твердую волю, образованность, рационализм, трудолюбие, работоспособность, образованность.

Далее мы рассмотрим внутренние факторы ориентации на предпринимательскую деятельность. Анализ деятельности российских и зарубежных предпринимателей показывает, что среди разнообразных личностных качеств можно выделить пять наиболее важных [3]:

– самостоятельность;
– амбициозность;
– настойчивость;
– трудолюбие;
– стойкость.

В итоге у нас сложилась комплексная система детерминации активизации предпринимательской активности, картина различных факторов и мотивов, побуждающих человека заняться предпринимательством вместо того, чтобы работать по найму рядовым рабочим.

Список литературы

1. Завьялова Е.К., Посохова С.Т. Психология предпринимательства: Учебное пособие. / СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. 296 с.

2. Широкова, Г.В., Цуканова, Т.В., Богатырева, К.А. Факторы формирования предпринимательских намерений российских студентов / Г.В. Широкова, Т.В.Цуканова, К.А. Богатырева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2015. №3. С. 21–46

3. Щербатов Ю.В. Психология предпринимательства и бизнеса: Учебное пособие. Издательство: Питер, 2008. С. 79.

E.L. Bakhtin

EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS OF YOUTH ORIENTATION FOR ENTREPRENEURSHIP ACTIVITIES

This paper aims to recognise the factors that motivate potential entrepreneurs in the commencement of one’s own business activity and to determine factors that hamper potential entrepreneurs in starting up their own businesses. Respondents recognised three main factors that motivate people to the commencement of one’s own business activity: self-realisation and self-satisfaction, the possibility of higher earnings and independence in decision-making. Among the factors that hamper the commencement of one’s own business, respondents cited lack of experience, lack of capital and risk of failure. There was no difference between women and men with regard to motives and barriers.

Key words: entrepreneurial behavior, motivating factors, entrepreneurship, students.

УДК 316.728

А.М. Бельский

ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (КЕЙС УЧАСТИЯ В ГОЛОСОВАНИИ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ)

На основании переосмысления методологии исследования визуального контента Умберто Эко приводится вариант анализа виртуальной репрезентации участия в голосовании на выборах президента России пользователями социальной сети Инстаграм как акта повседневности

Ключевые слова: виртуальная репрезентация, визуальный контент, повседневность.

Молодежь, которую по возрастному критерию можно отнести к «поколению Путина», во время выборов 18 марта 2018 года была в явном фокусе всеобщего внимания. Некоторые оппозиционные силы выступали за бойкотирование молодыми людьми участия в выборах, государственные деятели старались привлечь молодежь на избирательные участки. ВЦИОМ предварительно сообщал, что менее 50% жителей РФ возраста 18–24 лет высказывали намерение принять участие в предстоящих на тот момент выборах. Однако в итоге гражданская активность российской молодежи на них показала рост. Она не сравнима с традиционно высокой активностью избирателей более старших возрастных групп, однако молодежь точно не подтвердила сформированный стереотип «аполитичного поколения», которое желает находиться в стороне от политических процессов.

Видится интересным в этом направлении рассмотреть виртаульную репрезентацию участия в голосовании на выборах президента Российской Федерации молодыми пользователями в социальной сети и тем самым проверить, стал ли такого рода гражданский активизм реальным актом повседневности. Исследование будет основано на переосмыслении методологии анализа визуального контента Умберто Эко. Для анализа визуальной репрезентации отобрана социальная сеть Инстаграм. Согласно данным исследования, проведенного в 2017 году на основе данных Facebook Ads Данилом и Антоном Салюковыми о пользователях Инстаграм в России, сервисом активно пользуются около 10% россиян, т.е. 14,4 млн. чел. (ранее руководство сети называло цифру в 20 млн.) из всего населения в 146,5 млн. Аудитория в возрасте 18–34 лет составляет почти 67% всех пользователей

© Бельский А.М., 2018

российского Инстаграм. В данной социальной сети пользователи размещают фотографии, которые репрезентируют их повседневность и тем самым конструируют свою виртуальную идентичность, находящуюся в определенном соответсвии с реальной (стоит отметить возможность значительного влияния пользователя на уровень такого соответствия).

Интерфейс программного продукта позволяет осуществить поиск фотографий необходимой тематики при помощи фильтрации всего массива фото-изображений с применением хэштегирования. Заслуживает внимание то, что к большому сожалению крупные события общественно-политической жизни пост-советского простанства только в самое последнее время стали маркироваться официальными хэштегами с четкой их локализацией и привязкой к дате. Вместе с этим, сама социальная сеть не позволяет отфильтровать контент по дате и поло-возрастной структуре пользователей, что усложняет анализ, однако не исключает его возможность.

Среди множества хэштегов по выбранной проблематике для анализа был отобран наиболее релевантный согласно логике исследователя – #18марта2018. По данному хэштегу было обнаружено 11 012 публикаций. Из анализа были исключены информационные и рекламные посты, которые не иллюстрируют повседневность пользователей, а также ряд событий, не относящийся к заданной тематике. После этого был осуществлен анализ оставшегося массива визуальной информации с целью поиска наиболее распространенных репрезентаций. Это позволило выделить четыре наиболее типичные визуальные репрезентации участия в выборах президента Российской Федерации пользователями социальной сети: 1) изображение избирательного бюллетеня (без отметок в абсолютном большинстве случаев) с писчими принадлежностями, паспортом, рукой автора (может отсутствовать один из элементов); 2) изображение в антураже избирательного участка (официальное лого выборов или избирательная урна и т.д.) ребенка автора или совместное фото с ребенком в полный рост; 3) изображение автора и (или) компании (партнер/друг) в антураже избирательного участка (официальное лого выборов или избирательная урна и т.д.) в формате селфи; 4) изображение автора и (или) компании (партнер/друг) по пути на избирательный участок.

Далее работа с изображениями происходила в рамках семиотического анализа, т.е. нас интересовали содержащиеся в визуальном контенте знаки и их отношения между собой. Это позволило остановиться на базовом понятии семиотики в двух его составляющих – ***означаемое и означающее,*** где означаемым является сам атрибут изображения, а означающим – его так называемый акустический образ. Знаки-атрибуты отобранного контента организовываются автором контента в определенную систему, где и приобретают опре-

деленное значение. Таким образом, мы имеем дело с визуальными кодами. В визуальной коммуникации мы можем выделить 5 кодификационных уровней по методологии, предложенной У. Эко.

Первый уровень – иконический. В задачи нашего исследования репрезентации голосования молодых людей на выборах президента РФ как таковая кодификация иконических знаков не входит, точно так же при изучении словесного ряда мы не занимаемся денотативными значениями слов. Мы просто принимаем, что та или иная конфигурации изображает бюллетень или избирательную урну, и не задаемся вопросом, отчего это так и почему, в крайнем случае можно выделить определенный тип иконического знака, обладающего сильным эмоциональным воздействием, – назовем его «патриотическим» иконическим знаком, о котором приходится вести речь в тех случаях, когда некоторые качества изображаемого объекта (обложка паспорта с украшениями в национальном стиле, визуальные жесты позитивной направленности на фоне официальной символики, широкая улыбка в момент вброса избирательного бюллетеня) подаются так выразительно, что провоцируют внутренние интенции смотрящего, не ограничиваясь чистым означиванием: «паспорт», «урна», «бюллетень».

В случае иконографического уровня перед нами два типа кодификации. Одна — «исторического» типа, в которой размещенное изображение использует конфигурации, отсылающие к определенным значениям, принятым классической иконографией (от ребенка на избирательном участке вместе с родителем, означающее семейные узы, до сочетания фигуры голосующего с антуражем избирательного участка, связанного с идеей отражения себя как части общественно-политической жизни страны). Другая – сложившаяся в социальной сети Инстаграм как таковой, когда, например, желательно разместить на каждой фотографии свое лицо в формате селфи, отражающее свое личное участие в процессе и (или) атрибутику, характеризующую событие. Иначе говоря, социальная сеть Инстаграм вводит в обиход рамки для конструируемых иконограмм. Иконограмма между тем (как впрочем и сочетание иконических фигур) это уже не знак, а сема.

Уровень тропов включает визуальные эквиваленты словесных тропов. Троп может быть неожиданным, может обретать эстетическое значение или же он может быть попыткой визуального воспроизведения словесной метафоры, настолько стертой в обращении, что ее уже не замечают. С другой стороны, язык социальной сети Инстаграмм использует такие ставшие употребительными тропы визуальной коммуникации, которые иногда трудно возвести к словесным.

Можно привести много примеров визуальной передачи классических тропов, изображение на фотографии бюллетеня, ручки, руки действующего субъекта – отражает целую цепочку смыслов, которая являет то, что автор участвует в голосовании на выборах (интерпретация наличия бюллетеня), при этом совершает действие (он отражает не только сам бюллетень, как статику, но и ручку для голосования как наличие ресурса к совершению волевого акта). Вместе с этим, автор проявляет личное участие, активную гражданскую позицию, отражая себя на фотографии через свою руку. Наличие на фотографии паспорта транслирует идею принадлежности к своему государству, гордости и чувства патриотизма. При этом отражает активное гражданство в целом, как часть политической культуры россиянина, которое могло бы быть не отражено в случае отсутствия паспорта на фото. Одновременно с этим, на подавляющем числе фотографий не было размещено отображения «галочки», т.е. фото было сделано либо до момента определения выбора, либо место ответа было сознательно скрыто доступным предметом антуража или явно откорректировано при помощи фото редактора. Это говорит о том, что свобода политического выражения все еще не близка жителям Российской Федерации. Фотография может быть обработана в черно/белом стиле для придания строгости и официальности совершаемому акту. Предметы на фотографии могут быть расположены гипертрофированно лаконично, что также имеет эффект усиления важности транслируемого события, исключения волюнтаристского отношения к выбору. Таким образом, мы можем иметь дело с явными гиперболами, литотами, недоговоренностями или метафорами. Кроме того, возможны случаи визуализации или буквального воплощения словесной метафоры в зрительном образе: например, призыв к участию в голосовании (словесная метафора) на изображении сопровождается жестовым или мимическим призывом автора на фоне объектов избирательного участка.

Говоря о визуализации метафоры, представляющей собой ее буквальное воплощение, мы имеем дело с тем типом тропов, который также получил распространение в последнее время в виде серии фотографий «следуй за мной». Среди этих тропов укажем на причастность по смежности, на современную молодую семью, которая желает себя запечатлеть вместе со своим ребенком или без него, но в виде ячейки общества, которую они образовали, что имеет следствием распространение ореола добропорядочности, ответственности и преемственности – а вместе с этим серьезности намерений пары. Есть еще один тип фигуры, сходный с этим, обозначим его как иконограмму китч, используемую как доказательство от референтного авторитета, что вовлекает в большую сферу внимания автора изображения, уделяя ему немного от славы «референтного объекта/субъекта». Иконограммами китч

являются использование жестов или стиля знаменитых людей с целью «делать как они».

В итоге, следует заметить, что почти всякий визуальный образ представляет собой риторическую фигуру, которая при этом начинает доминировать, т. е. это случай антономасии. Кроме всего прочего, всякая отдельная вещь, всякий изображенный индивид согласно антономасии представляет еще и свой род или вид. Девушка, голосующая на выборах, делает то, что «делают все девушки» с позитивной идентичностью в понимании автора фото. Можно сказать, что указание на какой-то отдельный случай приобретает смысл примера, становится доказательством от авторитета. В голове у нас всякая отдельная вещь мысленно предваряется логическим знаком, который называется всеобщим квантификатором и, будучи поставленным перед символом «x», значит «все x». Этот механизм, опирающийся на психологические идентификациии, стало быть, на процессы, не имеющие прямого отношения к семиотике, в котором, однако, процессом идентификации заведует риторика, – благодаря ей частное принимается за всеобщее и образцовое (и тут мы снова оказываемся в сфере семиотики), – является основополагающим в области социальной коммуникации.

Уровень топосов равно включает как область так называемых предпосылок, так и общих мест аргументации или топосов, т. е. две рубрики, по которым традиционно распределялись аргументы. Применительно к целям нашего исследования достаточно признать, что возможны некоторые комплексы усвоенных воззрений, способных служить как предпосылкой энтимемы, так и выступать в качестве общей схемы объединения сходных энтимем. Поэтому мы будем говорить об уровне топосов в целом.

Кодификация топосов могла бы превратиться в подробную классификацию способов передачи словесных топосов визуальными образами; но что сразу становится очевидным при первой же попытке анализа языка изображений, так это наличие иконограмм, индуцирующих целое поле топосов, привычно ассоциативным путем наводящих на ряд неявных предпосылок, как если бы речь шла о некой аббревиатуре. Например, изображение молодой женщины с ребенком, склоняющейся с улыбкой к урне для голосования для вброса бюллетеня, на иконографическом уровне, несомненно, означает «любящая мать», одновременно вызывая множество аллюзий типа «матери не упускают возможности правильно воспитать своих детей», «мы вместе», «нет ничего сильнее материнской любви», «матери обожают детей и не отпускают ни на минуту», «все дети любят своих мам и не хотят с ними расставаться», «матери очень патриотичны», «с такими матерями у страны достойное будущее» и т. д. Но не только это наряду с этими коннотациями, представляющи-

ми собой настоящие предпосылки, в уме выстраиваются цепочки аргументов, «общих мест» в строгом смысле слова. Например, «если все матери таковы, то будь и ты такой же». Нетрудно представить себе, что на подобном поле топосов могут произрастать такие энтимемы, как «все матери стараются хорошо воспитать своих детей – все достойные матери ходят на избирательные участки с детьми – тот, кто поступает также как эта мать, является добропорядочным гражданином и доставляет радость своему ребенку, обеспечивает ему и стране светлое будущее».

Как видим, для образования энтимемы необходима соответствующая интерпретация на уровне тропов, та самая подразумеваемая антономасия, по которой «эта мама» оказывается «всеми мамами». Можно также сказать, что во многих случаях антономасия «образцово-показательная мать» индуцирует поле топосов, например, «если эталонная мать поступает так, то почему бы тебе не поступить так же?», откуда рождается аргумент: «эта мать – образец матерей – она голосует на выборах с ребенком – почему бы тебе не привести своего ребенка на избирательный участок?», в котором, как можно заметить, отсутствует универсальный квантификатор «все». Наше предположение заключается в том, что большая часть визуального контента Инстаграма рассчитывает не столько на экспликации предпосылок и общих мест, сколько на демонстрацию иконограммы, которая сама по себе коннотирует ряд топосов, в свой черед наводящих на ту или иную предпосылку.

И наконец, уровень энтимем – это уровень визуальной аргументации как таковой. Также и здесь, мы позволим себе предположить, что в связи с характерной многозначностью изображения и необходимостью закрепить за ним одно значение с помощью слов, собственно риторическая аргументация исходит либо только из словесного ряда, либо источником ее является соотнесение словесного ряда с визуальным. В таком случае, иконограммы, о которых идет речь, аналогично тому, как они вызывают в памяти целые совокупности топосов, должны будут коннотировать совокупности энтимем, отсылая к устоявшимся способам аргументации.

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что участие в выборах становится реальным обыденным актом повседневности для многих молодых людей, репрезентирует их активное гражданство и патриотизм. Данный акт повседневности органично влился в формируемую социальной сетью Инстаграм рамку передачи визуального контента с наличием атрибутики значимого события и персоны автора. Обозначенная рамка накладывает свой отпечаток на форму трансляции участия в выборах, где нередко можно наблюдать не формат «выборы и мое участие в них», а «Я и выборы», где автор демонстрирует себя с целью подкрепления своей позитивной идентично-

сти. Наличие весомого количества контента обозначенной проблематики говорит о том, что у россиян сформирована политическая культура участия в голосовании, более того, для молодых семей – это акт первичной политической социализации своих детей, для которых они выступают реальным примером. Вместе с этим, демонстрация своих политических пристрастий все еще табуирована. Абсолютное большинство фотографий явно не транслируют поддержку того или иного кандидата, что объясняется исторически сложившимся и продолжающим транслироваться стереотипом – «о политике в персоналиях лучше говорить на кухне». Однако имеются примеры открытой демонстрации выбора, что может говорить о том, что в будущем ситуация может измениться. Таким образом, мы можем утверждать, что представленная методология анализа визуального контента достаточно перспективна в обозначенном проблемном поле и позволяет получить весомое количество информации, полезной для исследований в политической сфере.

Список литературы

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. СПб.: Symposium, 2004. 544 с.

A.M. Belski

OPPORTUNITIES FOR ANALYSIS OF VIRTUAL REPRESENTATION OF EVERYDAYS BY USERS OF SOCIAL NETWORKS (CASE OF PARTICIPATION IN VOTING AT THE ELECTION OF THE PRESIDENT OF RUSSIA)

Based on the methodology for studying visual content of Umberto Eco presents a variant of analyzing the virtual representation of voting participation in the presidential elections in Russia by users of the Instagram social network as an act of everyday life.

Key words: virtual representation, visual content, everyday life.

УДК 316.752

А.В. Бородина

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ ЕВРОПЕЙСКИХ И ВСЕРОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В статье на оригинальных материалах Европейского социального исследования 2016 года, представленных автором, и на материалах других вторичных социологических исследований (Государственного университета управления, Сбербанка России, Института социологии РАН) прослеживаются некоторые факты участия современных поколений молодежи в общественно-полезной деятельности. Представлены факты эмпирически подтвержденной связи между возрастом и частотой обращения к интернет-технологиям, связи между социальной активностью и возрастом опрошенных, связи между работой в неполитических организациях или ассоциациях и возрастом.

Ключевые слова: Общественное участие современной молодежи, социальная активность молодежи, пользование интернет среди молодежи.

В самом общем смысле, общественное участие молодежи – наиболее широкая характеристика участия групп и активных представителей молодежи в общественно-полезной деятельности, включая социальное участие и некоторые формы гражданского участия, не предполагающие политическую деятельность.

На наш взгляд, в современном мире на явление общественного участия молодежи, влияют глобальные изменения, коснувшиеся, прежде всего, развития личностных свойств молодого человека и развитие факторов среды общественного участия.

Гражданская ответственность как качество, присущее современным поколениям молодых людей, повышение их субъектной позиции отмечается в работах Завгороднего Д.А., Бухнер А.А., исследованиях Сбербанка и Государственного университета управления и др. [1,2,6,7] Согласно феноменологическому подходу, изменения личностных факторов общественного участия возможно проследить, в первую очередь, посредством измерения социальных практик.

Среду общественного участия формируют как организации, так и факторы, влияющие на этот процесс. Один из самых важных факторов, формирующих современную среду общественного участия молодежи, согласно современным межпоколенческим теориям, является владение информационными технологиями [3,4].[1]

© Бородина А.В., 2018

Используя базу данных российского опроса Европейского социального исследования 2016 года,[1] проанализируем распределение ответов на вопрос «Internet use, how often» (варианты ответов переменной частоты пользования Интернет: «Never», «Only occasionally», «A few times a week», «Most days», «Every day») в зависимости от возраста респондента. Границы интервала переменной «возраст» выбирались в соответствии с задачами исследования разных возрастных групп молодежи [8].

Табл. 1

Таблица сопряженности ответов на вопрос «Пользование Интернет, частота» и «возраст», в %, в возрастных группах [2]

Пользование Интернет, частота		Возраст в интервальной шкале, лет								Итого
		16–17	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65–74	75 и выше	
никогда	% в возраст в интерв шкале	0,0%	,5%	5,3%	10,8%	34,1%	60,0%	90,3%	96,3%	31,9%
От случая к случаю	% в возраст в интерв шкале	3,1%	2,9%	7,4%	15,3%	18,9%	12,4%	2,0%	,6%	9,5%
Несколько раз в неделю	% в возраст в интерв шкале	4,6%	6,7%	14,5%	18,4%	12,1%	11,4%	2,4%	1,2%	10,9%
Большинство дней	% в возраст в интерв шкале	4,6%	4,8%	10,4%	12,1%	11,6%	5,1%	,4%	,6%	7,5%
Ежедневно	% в возраст в интерв шкале	87,7%	85,0%	62,4%	43,4%	23,3%	11,1%	4,9%	1,2%	40,2%
Итого	Частота	65	374	433	445	387	315	247	163	2429
	% в возраст в интерв шкале	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

[1] ESS – 8 волна (2016 г.). Сравнительное межстрановое трендовое исследование. Метод опроса личные интервью. Опрошено население 15 лет и старше по случайной репрезентативной выборке. В статье использована база данных российского опроса. В России опрос проведен ЦЕССИ в октябре 2016-январе 2017 года, размер выборки 2430 чел. При расчетах процентов в таблицах использованы пост-стратификационные веса PSPWGHT.

[2] Исходная переменная «Возраст» в базе приведена в шкале отношений и перекодирована нами в интервальную шкалу.

Данные Европейского социального исследования 2016 года, представленные в таблице, иллюстрируют обратную зависимость переменных «возраст» и «частота пользования Интернет»: частота пользования Всемирной сетью увеличивается с уменьшением возраста. Асимптоматическая значимость коэффициента сопряженности Хи-квадрата Пирсона=0,000, переменные «Пользование Интернет, частота» и «возраст», зависимы. В возрастных группах 25–34, 18–24 лет и 16–17 лет ежедневно используют интернет-технологии соответственно 62,4%, 85% и 87,7% молодежи этих групп [8].

Активное использование и хорошее владение информационными технологиями у представителей поколения «Z» (или Net), рожденных в 1995–2012 гг., т.е. того поколения, которое скоро начнет вступать в самый активный этап взросления, на наш взгляд, постепенно трансформируется в увеличение объема и разнообразия виртуальных практик общественного участия. Данные общероссийского исследования Института социологии РАН свидетельствуют, что уже в 2014 г. в «пятерку» практик общественной активности молодежи 18–30 лет входили: интернет-сообщества (22%), творческие союзы (15%), творческие объединения (10%), благотворительные организации (9%) и объединения фанатов и спортивных болельщиков (по 5%).[1] [5]

Проанализируем переменную «Take part in social activities compared to others of same age» во взаимосвязи с переменной «возраст». Варианты ответов переменной участия: «Much less than most», «Less than most», «About the same», «More than most», «Much more than most». Исходную переменную «Возраст» в базе приведем в шкале отношений и перекодируем в интервальную шкалу. Границы интервала выберем в соответствии с исследованием разных возрастных групп молодежи.

В целом социальная активность опрошенных россиян коррелирует с их возрастом. Асимптоматическая значимость коэффициента сопряженности Хи-квадрата Пирсона=0,000, переменные «Принимал участие в социальной активности по сравнению с другими людьми того же возраста» и «возраст», зависимы. Результаты The ESS 2016 г., свидетельствуют об оценке своего участия в социальной активности как более высокого в сравнении со своими сверстниками, у 18,2% и 12,6% лиц в возрасте 16–17, 18–24 года, и только 9,5% лиц 25–34 года. Близка доля более активных у лиц пожилого возраста – у 12,5% 55–64-летних [8].

[1] Опрос Института социологии РАН в 2014 г. по общенациональной выборке, репрезентирующей взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания. Объем выборочной совокупности 1600 респондентов.

Табл. 2

Таблица сопряженности ответов на вопрос «Принимал участие в социальной активности по сравнению с другими людьми того же возраста» и «возраст», в %, в возрастных группах

		Возраст, лет								
Принимал участие в социальной активности по сравнению с другими людьми того же возраста		16–17	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65–74	75 и выше	Итого
	Гораздо меньше чем большинство	4,5%	7,4%	11,7%	21,4%	21,7%	19,4%	29,1%	27,7 %	17,8 %
	Меньше, чем большинство	4,5%	18,1 %	19,5%	21,7%	24,2%	24,0%	22,3%	17,0 %	20,6 %
	Примерно, как все	*63,6 %*	*60,3 %*	*55,7%*	44,0%	43,9%	42,0%	35,5%	44,7 %	48,3 %
	Больше, чем большинство	***18,2 %***	***12,6 %***	***9,5%***	9,5%	5,9%	**12,5%**	6,4%	7,1 %	9,6%
	Гораздо больше, чем большинство	9,1%	1,6%	3,6%	3,4%	4,2%	2,1%	6,8%	3,5 %	3,6%
	Итого	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100 %	100 %

Общественное участие населения может быть выражено в разных видах практик и разной численности участвующих в них. В анкете Европейского Социального Исследования (The ESS) 2016 года оценить практики участия призван вопрос «Worked in another organisation or association last 12 months», он имеет варианты ответов: «Church or religious organization», «Sport or recreational organization»; «Art, music or educational organization»; «Labor Union»; «Political party»; «Environmental organization»; «Professional association»; «Humanitarian or charitable organization»; «Consumer organization»; «Self–help group, mutual aid group»; «Other organization». Исходная переменная «возраст» в базе данных приведена в шкале отношений и перекодирована нами в интервальную шкалу. Границы интервала выбирались в соответствии с задачей исследования разных возрастных групп молодежи.

Согласно анализу сопряженности ответов, на вопрос «Работал в других организациях или ассоциациях за последние 12 месяцев» и «возраст», в Рос-

сии, кроме работы в политических партиях или инициативных группах (action group), 7% и 4,4% молодежи в возрасте соответственно 18–24 и 25–34 лет, в течение последнего года, предшествовавшего опросу, работали в других организациях или ассоциациях. Признаки «работал в других организациях или ассоциациях за последние 12 месяцев» и «возраст» обратно связаны друг с другом: чем меньше возраст респондента, тем больше количество респондентов, работавших в них. Асимптоматическая значимость коэффициента сопряженности Хи-квадрата Пирсона=0,011, переменные «работал в других организациях или ассоциациях за последние 12 месяцев» и «возраст», зависимы. Так, кроме лиц указанного возраста, работали в других организациях или ассоциациях 3,2% опрошенных 35–44 летних; 3,4% 45–54 летних; 3,5% 55–64 летних, 1,6% 65–74–летних и 2,5% лиц 75 возраста и выше.

Таким образом, последние годы социальная активность представителей младших поколений молодежи имеет тенденцию к увеличению, растет количество представителей молодежи, работающих в неполитических организациях и ассоциациях, в том числе общественных. Увеличивается и будет увеличиваться число и разнообразие виртуальных практик общественного участия молодежи.

Список литературы

1. Бухнер А.А. Участие молодежи в становлении гражданского общества как теоретическая проблема. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. 4(34). [Электронный ресурс]. URL:: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie–molodezhi-v-stanovlenii-grazhdanskogo-obschestva-kak-teoreticheskaya-problema (дата обращения 30.10.2018).

2. Завгородний, Д.А. Методологические противоречия социологического исследования ценностей российской молодежи / Д.А. Завгородний // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. №3. С. 77–82.

3. Носова, С.С., Кужелева-Саган, И.П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы / С.С. Носова, И.П. Кужелева-Саган // Сибирский психологический журнал. 2013. С. 88–95.

4. Радаев, В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В.В. Радаев // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33

5. Трофимова, И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации / И.Н. Трофимова // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72–77.

6. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования [Текст]: монография / Государственный университет управления; [под общ. ред. С.В. Чуева]. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 131 с.

7. «30 фактов о современной молодежи». Исследование молодежи Сбербанка совместно с агентством Validata . [Электронный ресурс]. URL: // http://mbgazeta.ru/sovety/sberbank-rasskazal-30-faktov-o-rossijskoj-molodezhi/ (дата обращения 30.10.2018)

8. ESS Round 8: European Social Survey Round 8 Data (2016). Data file edition 2.0. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC (дата обращения 30.10.2018)

A.V. Borodina

SOME FACTS OF MODERN YOUTH`S SOCIAL PARTICIPATION (ON EUROPEAN`S AND ALL-RUSSIAN`S DATA)

The article uses relevant and original social surveys data 2016: European Social Survey, Round 8; and other all-Russian studies (Sberbank, The State University of Management(GUU); Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, ets). There are observed some facts of modern youth`s social participation. Correlation between social activism and age of respondents; correlation between Internet use and age of respondents are supported by empirical evidence.

Key words: modern youth, social participation, Internet use of modern youth.

УДК 316.35

Д.А. Булгакова, А.П. Тунева

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОКУСА ИССЛЕДОВАНИЯ*

В статье рассматриваются уровни анализа социального капитала. Особый акцент сделан на социальном капитале организаций. Рассмотрены два возможных фокуса исследовательского интереса: организация как единый и как системный субъект. Во втором случае возникает потребность в определении социального капитала члена организации, под которым предлагается понимать ресурсы индивида, доступные за счет членства во вне- и внутриорганизационных социальных сетях, использование которых способствует целедостижению организации.

Ключевые слова: социальный капитал члена организации.

Социальный капитал является концептом, изучение которого сопровождается рядом сложностей. Часть из них связана с отсутствием однозначного, общепринятого определения этого понятия и различными подходами к тому, на каком уровне его анализировать.

Сегодня наиболее распространенным является подход, основанный на выделении трех уровней анализа социального капитала – макро-, мезо- и микроуровней [6, с. 31; 5, с. 219]. При этом существует проблема перехода с одного уровня на другой, поскольку не всегда через простое агрегирование социального капитала микро- и мезоуровней можно получить социальный капитал макроуровня. В рамках этой работы мы поставили цель подчеркнуть особенности изучения социального капитала на каждом из уровней и попытались дать определение социальному капиталу члена организации, что приближает нас к решению проблемы перехода с микро- на мезоуровень.

Социальный капитал на макроуровне следует определить, как неотъемлемое свойство социальной общности, как объем ресурсов, доступных ее членам в соответствии с уровнем межличностного и институционального доверия, основанном на принятии общих норм и ценностей. Индикаторами состояния социального капитала на макроуровне являются уровень доверия, степень согласованности норм и ценностей, ощущение сопричастности к крупным социальным сетям, вроде профессиональных или муниципальных сообществ, членство в общественных организациях (политических, спортив-

© Булгакова Д.А., Тунева А.П., 2018

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальный капитал организации как фактор модернизации российской промышленности (на примере предприятий Пермского края)», №16-03-00374.

ных, творческих и пр.). Такое понимание социального капитала имеет большое значение, например, при кросскультурных исследованиях, в изучении различных стран или субъектов государства [2 и 4].

Говоря о социальном капитале на микроуровне, следует понимать под ним индивидуальное свойство каждого индивида, запас ресурсов, который ему обеспечивают 1) характерное для него место в различных социальных сетях (семейных, дружеских, профессиональных, локальных сообществ и пр.), 2) наличествующий уровень доверия к другим членам сообществ и 3) его субъективная оценка норм, правил, ценностей [5, с. 220]. Социальный капитал индивида накапливается в процессе разнообразных деятельностей, к которым он приобщается в ходе социализации, обучения, трудовой деятельности и т.д.

Что касается мезоуровня, то здесь обычно говорят о социальном капитале организаций – структурно организованных социальных объединений, деятельность которых подчинена достижению цели, разделяемой (частично или полностью) членами объединения. Как пишут И. Мачеринскене с коллегами, теория социального капитала на мезоуроне стремится объяснить, как социальные структуры и их взаимодействия связаны с результатами деятельности организации [6, с. 33] – социальный капитал выступает одним из ресурсов, обеспечивающих их целедостижение.

Изучая социальный капитал на уровне организации, важно определиться с фокусом ее рассмотрения: 1) как самостоятельный единый субъект, обладающий социальным капиталом в рамках определенной структуры – рынка или поля, или 2) как системный субъект, общность индивидов, объединенных в группы по формальному признаку членства в организации, ее подразделениях [6, с. 33].

В первом случае речь идет о социальном капитале как о ресурсах, доступ к которым организация получает, выступая как единый субъект на поле подобных акторов – в организационных сетях. Такой социальный капитал ряд исследователей называют корпоративным социальным капиталом – набором ресурсов, материальных или виртуальных, которые накапливаются организацией (корпорацией) посредством социальных отношений, содействующих достижению корпоративных целей [1, с. 8]. Корпоративный социальный капитал способствует созданию локальной институциональной среды, организация может накапливать и использовать его во взаимодействии не только с корпорациями, но и с иными контрагентами: государственными структурами, местным сообществом [3, с. 19].

Говоря о втором из возможных фокусов рассмотрения социального капитала организации, важным становится рассмотрение того, что представля-

ет из себя социальный капитал каждого члена и насколько он инкорпорирован в социальный капитал организации. Этот социальный капитал мало связан с теми ресурсами, которые накапливает корпорация в результате взаимодействия с контрагентами на рынке. Нельзя здесь говорить и об индивидуальном социальном капитале в чистом виде, поскольку не все ресурсы, доступные индивиду, являются релевантными в каждой из организаций, членом которых он является. Так возникает проблема отсутствия концепта, который бы позволил обозначить такой социальный капитал.

Можно предложить использовать понятие социального капитала члена организации, который формируется в рамках ограниченной, открытой социальной системы (организации) и представляет собой ресурсы, доступные индивиду за счет основанного на исполнении взаимных обязательств и доверии членства во вне- и внутриорганизационных социальных сетях, использование которых позволяет достигать целей, поставленных перед организацией.

Отдельно стоит отметить, в чем заключается «полезность» социального капитала для самого индивида, обладающего им в организационном контексте. Социальный капитал члена организации – ресурсы, которые позволяют достигать организационные цели. Предполагается, что индивиды, включенные в состав организации, их разделяют, поскольку эти цели совпадают с их личными устремлениями. То есть механизм работает следующим образом: член организации, используя ресурсы – его социальный капитал, вносит свой вклад в достижение организационной цели, а значит – и своей собственной, получая таким образом «прибыль» от накопления и использования социального капитала.

Подводя итог, стоит сказать, что выбор исследовательского фокуса при изучении социального капитала является принципиально важным вопросом. Индикаторы социального капитала на разных уровнях имеют свою специфику. Кроме того, внутри мезоуровня исследователь может выбирать: рассматривать организацию как единый или как системный субъект. При этом простое агрегирование оценок социального капитала индивидов не позволит исследователю судить о социальном капитале на других уровнях. Так, мы делаем акцент на социальном капитале члена организации, который не тождественен индивидуальному социальному капиталу, но включен в него как часть целого и представляет собой доступные индивиду ресурсы, использование которых способствует целедостижению организации. Мы предполагаем, что выделение концепта социального капитала члена организации позволит через его измерение, анализ и оценку формировать в дальнейшем агрегированные показатели и рассуждать о социальном капитале организации.

Список литературы

1. Gabbay S. M., Leenders R. T. A. J. Social Capital of Organizations: From Social Structure to the Management of Corporate Social Capital. In Leenders R. T. A. J. (Ed.), Social Capital of Organizations. Amsterdam: Elsevier Science Ltd. 2001. Vol. 18. P. 1–20.

2. Адам Ф., Подменик Д. Социальный капитал в европейских исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 35–47.

3. Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг. 2003. №5–6. С. 14–20.

4. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 37–51.

5. Лушникова О. Л. Уровни социального капитала: понятийный анализ // Вестник КрасГАУ. 2013. №6. С. 219–222.

6. Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследования // СоцИС. 2006. №3. С. 29–39.

D.A. Bulgakova, A.P. Tunjeva

SOCIAL CAPITAL OF ORGANIZATIONS: THE PROBLEM OF INTERPRETING THE FOCUS OF RESEARCH

There is a review of levels of social capital analysis. Particular emphasis is placed on organizations' social capital. There are two ways to consider an organization: as a single or as a system subject. In case of using the second approach, we recommend referring to the definition of the social capital of the organization's member, which is an individual's resources available through membership in external and internal social networks, the use of which contributes to the goal of the organization.

Key words: the social capital of the organization's member.

УДК 316.614.6

В.С. Волегов

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГОТОВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ: ОПЫТ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Профессиональное самоопределение, его социальные, психологические основы и педагогическое сопровождение активно входит в поле отечественной государственной политики в сфере образования. Возникает необходимость формирования объективированных механизмов оценки эффективности проводимых мероприятий, фиксации реального уровня готовности обучающихся к осознанному выбору собственной образовательной и профессиональной траектории. В статье рассматриваются вопросы, связанные с теоретико-методологическим обоснованием и первыми результатами проведения диагностики готовности обучающихся Пермского края к профессиональному самоопределению.

Ключевые слова: готовность к профессиональному самоопределению, обучающиеся, Пермский край.

Готовность обучающихся к профессиональному самоопределению, самостоятельному выбору собственных образовательных и профессиональных траекторий представляет большой практический и исследовательский интерес. Во-первых, от того, как обучающиеся справятся с поставленным вызовом, зависит наполняемость старшей ступени школы, реализация профильного или углубленного обучения по предметам, мотивация при выборе предметов государственной итоговой аттестации и многие другие важные для образовательных организаций вопросы. Во-вторых, профессиональное самоопределение является тем процессом, в котором получаемые в школе предметные знания и навыки становятся субъективно значимыми для обучающихся, превращаются в ресурсы для участия в последующих «распределительных отношениях» в обществе через процедуру поступления в учреждения послешкольного образования [1, с. 7].

В традиционных подходах, отождествляющих цели сопровождения профессионального самоопределения и профессиональной агитации и профессионального отбора, делается акцент на то, что выбор специальности имеет судьбоносный характер, а его коррективы являются нежелательными, что воспроизводит традиционные представления о профессиональной ориентации [см. напр. 2, с. 63]. Однако в современных условиях системы образования и рынка труда ситуация выглядит гораздо сложнее. Выбирая между продолжением обучения в 10–11-м классе (а в дальнейшем – поступлением в

© Волегов В.С., 2018

вуз) или получением специальности в колледже, обучающемуся приходится ориентироваться на представление о том, каким будет спрос на профессии через 5, а то 10 лет, какие потребности и интересы для него к тому времени будут актуальными. Поэтому с точки зрения организации педагогического процесса возникает необходимость формирования у обучающихся *готовности* делать выбор при формировании собственной образовательной и профессиональной траектории. В Федеральных государственных образовательных стандартах основного и среднего образования зафиксирована необходимость формирования у выпускника школ способности и «готовности к осознанному выбору профессии, понимания значения профессиональной деятельности для человека и общества» 3, с. 6].

Фиксация результатов решения такой комплексной образовательной задачи как «формирование готовности к осознанному выбору профессии» предполагает преодоление целого спектра исследовательских и практических препятствий, связанных с выделением необходимого и достаточного набора знаний, навыков и социальных компетенций, способных обеспечить осознанный и адекватный выбор обучающимися предпочтительных образовательных и профессиональных траекторий.

В качестве методологических оснований исследования использовались работы отечественных исследователей профессиональной ориентации и профессионального самоопределения, а также значительный пласт иностранных источников, относящихся к теории самоопределения (Self-Determination Theory - SDT) [4]. В последнем случае, в центре внимания оказываются присущие людям врожденные психологические потребности, которые являются основой для их самомотивации и практической деятельности, а также условия, которые способствуют этим позитивным процессам [5].

Исходя из описанных предпосылок, под профессиональным самоопределением понимается способность делать осознанный обоснованный выбор образовательных и профессиональных целей в ближайшей и отдаленной перспективе на основании адекватных представлений о внешних условиях и субъективных интересах. Готовность к профессиональному самоопределению оказывается многоплановым феноменом, включающим когнитивный, мотивационный, деятельностный и рефлексивный компоненты.

В когнитивном компоненте готовности к профессиональному самоопределению оценивались три основных группы показателей: знания о мире профессий и специфическом содержании труда представителей различных групп занятости; представления о необходимом уровне образования, здоровья (системные ограничения) для получения профессионального статуса; выбор места продолжения образования как интегральный результат, характери-

зующий степень достаточности знаний для осуществления выбора. В данном случае обучающимся было предложено соотнести различные профессии с характерными для них объектами и содержанием труда, требованиями к уровняю образования, а также вредными факторами производства.

При оценке мотивационного компонента готовности к профессиональному самоопределению исследовались представления обучающихся о том, какие аспекты профессиональной деятельности являются значимыми при выборе профессии, а также мотивы выбора предметов для сдачи экзаменов по итогам обучения в основной школе (Государственная итоговая аттестация).

Деятельностный компонент связан с наличием у обучающихся отрефлексированного опыта практической деятельности в различных сферах труда. В данном случае в фокусе внимания оказывается с одной стороны, представление обучающегося о том, какой опыт у него есть, с другой стороны, его эмоциональное отношение к этому опыту (понравилось или не понравилось), а с третьей – практический вывод – есть ли у него способности к данному виду деятельности. Кроме того, в данном случае оценивается охват обучающимися различными мероприятиями, направленными на сопровождение профессионального самоопределения.

Рефлексивный компонент позволяет фиксировать осознание обучающимся собственных интересов в учебной и практической деятельности, а также готовность корректировать собственные планы исходя из полученных знаний и практического опыта.

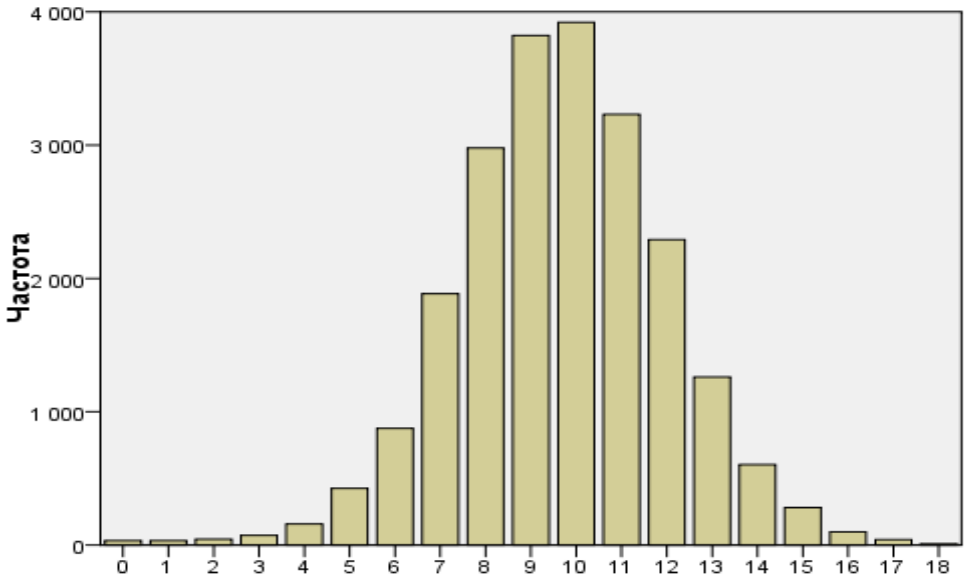
Описанные компоненты показывают насколько разнородная информация о готовности к самоопределению учитывалась в ходе диагностики. В этой связи опросный бланк был разделен на две части: тестовая, элементы которой могут быть оценены с точки зрения правильности (т.е. соответствия фактам или возрастным целям обучающихся), и мониторинговая, вопросы которой призваны детализировать отдельные психолого-педагогические аспекты готовности к профессиональному самоопределению, а также описать имеющиеся у обучающегося образовательные ресурсы.

Для определения готовности обучающихся 8-х и 9-х классов к профессиональному самоопределению было проведено диагностическое обследование в форме онлайн- опроса. В опросе участвовали 20 843 обучающихся 9-х классов (2017 г.) и 22 066 учеников 8-х классов (2018 г.) из 679 образовательных организаций Пермского края.

Одной из ключевых проблем при проведении данной диагностики было обеспечение релевантности: разработанная тестовая часть должна отражать именно готовность обучающихся к профессиональному выбору, а не род-

ственные феномены, также как обученность, уровень интеллекта, общую эрудицию, развитие социальной инфраструктуры и т.д. Для проверки данного показателя полученный средний балл прохождения тестовой части диагностики был сопоставлен с другими характеристиками (образовательные результаты по образовательной организации, тип ОО, социально-экономическое положение ОО), внешними по отношению к профессиональному самоопределению. Проведенный анализ показал отсутствие статистически значимых расхождений среднего балла в образовательных организациях разного типа (школы, лицеи, гимназии), наполняемости, уровня образовательных результатов и социальных условиях функционирования. Различие наблюдается лишь по критерию выбора сценария продолжения образования: среди обучающихся, не совершивших выбор между 10-м классом и колледжем, средний балл оказался значительно ниже, чем у их определившихся одноклассников.

Распределение обучающихся по результатам выполнения тестовой части близко к нормальному.



Распределение результатов прохождения диагностики

Таким образом, проведенное диагностическое обследования готовности обучающихся Пермского края к профессиональному самоопределению можно рассматривать как обоснованное как с теоретической, так и с методической точки зрения. Полученные результаты могут использоваться для анализа на нескольких уровнях: результаты конкретного обучающегося (наличие у него базы для обоснованного выбора направления продолжения образования), эффективность образовательной деятельности школы по направлению профильного и профессионального самоопределения и достаточность муниципальных мероприятий. При всех выявленных в ходе диагностики си-

стемных затруднениях, возникающих у обучающихся 8-х и 9-х классов, проведенное обследование оказалось значимым, поскольку позволило зафиксировать «начальную точку» для оценки эффективности последующих мероприятий по сопровождению профессионального самоопределения обучающихся.

Список литературы

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
2. Титма, М. Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР) / М. Х. Титма. М.: Мысль, 1975. 200 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413).
4. Cabeza, B., Magill, L., Jenkins, A., Carter, E. W., Greiner, S., Bell, L., Lane, K.L. (2013) Promoting Self-Determination Among Students With Disabilities:A Guide for Tennessee Educators
5. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. American Psychologist. Vol. 55, №.1., 68–78.

V.S. Volegov

EMPIRICAL INDICATORS OF READINESS OF SUDENTS TO PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION: EXPERIENCE OF PERM REGION

Professional self-determination, its social, psychological foundations and pedagogical support are actively included in the field of national state policy in the field of education. There is a need for the formation of objectified mechanisms for assessing the effectiveness of events, fixing the real level of students' readiness for the conscious choice of their own educational and professional trajectory. The article deals with issues related to the theoretical and methodological substantiation and the first results of the diagnosis of the readiness of students of the Perm region to professional self-determination.

Keywords: readiness for professional self-determination, students, Perm region.

УДК 316.334.56

Г.А. Гимранова

ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНОВ

В данной статье рассматривается применение генеральных планов в процессе планирования городского пространства. В ней проанализировано отражение городских идеологий и государственной политики в проектировании генеральных планов. Статья описывает роль социологических исследований в принятии и внесении изменений в генеральные планы городов.

Ключевые слова: планирование, генеральный план, городская идеология, государственная политика, городское развитие.

В настоящее время важно исследовать город, поскольку посредством изучения города становится возможным понимание развития общества, основных тенденций и противоречий его изменения. Как теоретическое, так и эмпирическое исследование города предполагает постоянное генерирование новых знаний, ведь город является объектом исследования, подверженным непрекращающимся изменениям. Исследователи выделяют в городском пространстве социальную и физическую составляющие. К социальному аспекту города относятся все те отношения между индивидами, которые возникают в процессе их взаимодействия в пространстве. Одновременно с социальным пространством существует его идеологическая составляющая, так или иначе оказывающая влияние на восприятие пространства индивидами [2, с. 17]. Физическое же пространство города включает все материальные объекты, составляющие основу для перемещений, коммуникаций и отношений индивидов. Формально на данный момент практика планирования городов для социальных и гуманитарных наук является малоизученной областью. В связи с этим немаловажным для социологии города представляется исследование именно этого элемента, поскольку посредством городского планирования становится возможным изменение жизни горожан путём организации целесообразного городского устройства.

Рассмотрим подробнее категорию городской идеологии. Всякую городскую идеологию следует понимать, как «устойчивый язык описания города со своей аксиоматикой, оптикой и метафорикой, встроенный в процесс принятия политических решений» [2, с.11]. В научной литературе можно обнаружить немало моделей планирования городов, каждая из которых по-своему

© Гимранова Г.А., 2018

организует город в соответствии с уровнем жизни населяющих его индивидов и глобальными процессами, сопровождающими трансформацию городов. Модели планирования и теории построения идеального города исходят из предположения, что именно процесс планирования городского пространства (в его физическом аспекте) позволит сделать более эффективным управление городскими процессами, предотвращать или решать ряд проблем городского развития, повысить качество жизни горожан и т.д. Заложенная еще Платоном в «Государстве» утопическая доктрина города организованного идеально как в социальном, так и в архитектурном плане, получила свое развитие как в концепциях социалистов-утопистов (самое яркое воплощение – «Город солнца» Т. Кампанеллы), так и в градостроительных концепциях («город-сад» Э. Ховарда, «лучезарный город» и «Афинская хартия» Ле Корбюзье, теория «центральных мест» В. Кристаллера, «Новый элемент расселения», «The City Beautiful Movement» и др). Например, концепция «города-сада» прочно закрепилась в среде городского планирования, поскольку соединяет в себе предпочтительные черты как городского образа жизни, так и сельского. Эта идея предполагала строительство городов-спутников вокруг крупных городов, что было нацелено на обеспечение безопасной и здоровой жизни горожан. По этой причине города-спутники окружали «буферными» зонами и «зелёными поясами» [3, с. 54-55]. Эта концепция была применена во многих европейских городах с целью создания надлежащей среды проживания. Теория «центральных мест» В. Кристаллера позволяет обнаружить некоторые закономерности в пространственном размещении городов, что способствует обнаружению того, в какой степени равномерно распределены те или иные расселения. Под центральным местом в данном случае следует понимать крупный город, являющийся центром для всех других населённых пунктов рассматриваемого района, а также обеспечивающий их товарами и услугами [7, с.12]. Конечной целью является равномерное распределение не только населения, но и зон сбыта, мест проведения досуга, образовательных центров и т.п. Главную роль при реализации концепции «полюсов роста» и «центров развития» Ф. Перру играют активно развивающиеся и компактно размещенные отрасли промышленности и предприятия, оказывающие влияние как на структуру, так и на динамику развития территории. Таким образом, вокруг центральной отрасли формируется полюс роста, если эта самая отрасль является лидирующей и оказывающей положительный эффект на своё окружение [7, с.12]. Получается, что все эти концепции в равной мере направлены на повышение качества жизни горожан посредством создания комфортной среды проживания в пределах городов, в некоторых случаях за счет сдерживания темпов роста, а в некоторых – включения промышленных предприятий в

инфраструктуру города. Смена городских идеологий может происходить по разным причинам. Во-первых, для общества характерна изменчивость в процессе его культурно-исторического развития. Например, концепт модернистского урбанизма связан с индустриальным обществом в уже зрелой фазе его развития; левый урбанизм ориентирован на градостроительство в рамках того же индустриального города, но как противопоставление первой концепции и как ответ на запрос на социальную справедливость, участие сообществ в решении градостроительных вопросов и т.п.; хипстерский урбанизм – как доктрина, возникшая в постиндустриальных городах и постиндустриальном обществе [2, с.11–15]. Во-вторых, та или иная модель организации городской жизни связана с протекающими в обществе социальными процессами. В частности, урбанизация, субурбанизация, джентрификация, глобализация и др. процессы становятся первопричиной, побуждающей к изменению городского уклада жизни.

Городская идеология нацелена находить своё отражение в документах территориального планирования, в частности, в мастер-планах. Если генеральный план следует понимать как формальный документ, сконцентрированный «на регулировании вопросов землепользования и размещения в городе тех или иных объектов, горожанин в этом случае рассматривается лишь как потребитель города» [6], то мастер-план – это концепция стратегического пространственного планирования города, сфокусированная на ограниченном числе целей и задач, при этом разрабатывающаяся на долгосрочную перспективу публичной властью, но в то же время при активном участии экспертов и горожан [6]. Стало быть, мастер-план, в отличие от генплана, содержит в себе концептуальную часть, позволяющую представить город в перспективе. Кстати, Пермь является первым российским субъектом, разработавшим стратегический мастер-план [8].

В генеральных планах отражается, как правило, государственная политика, т.е. на проектирование генерального плана влияет то, какой политики в отношении своих граждан придерживается государство. В исследовании Л. Кингс и Ж. Кравченко [5, с.191–192] можно обнаружить анализ генеральных планов Санкт-Петербурга и Стокгольма, позволяющий сделать вывод о том, что городские власти непосредственно осуществляют планирование на основании политических принципов и программ. К примеру, при доминировании социалистических принципов особое внимание уделялось социальной справедливости, участию государства в регулировании рынка, стандартизации потребления, широкому планированию территорий и пр. Последний принцип, в частности, отразился в генеральном плане Стокгольма следующим образом: «строительство новых жилых районов на ранее неосвоенных

пригородных территориях; обеспечение роста на основании комплексного сочетания общественных, зеленых, рекреационных и жилых зон в так называемые функциональные единицы». В Ленинградском генеральном плане выражен принцип стандартизации: «не только обеспечение стандартизованных форм производства и потребления, но и определенных стандартов мобильности в черте города и за ее пределами» [5, с.193].

Как известно, генеральные планы в нашей стране берут свое начало со времен образования СССР, однако очень редко населению удавалось принимать участие в процессах планирования городских застроек, несмотря на то, что для ряда других стран взаимодействие с общественностью принималось за обязательное условие при составлении генеральных планов городов [1, с.57–58]. На сегодняшний день немалое число российских городов прибегает к результатам социологических опросов с целью применения статистических данных при разработке стратегических планов [4, с.51–52]. Ценность опросов возрастает также и при измерении качества жизни и степени удовлетворённости деятельностью органов власти в сфере предоставления государственных услуг, медицинской помощи, жилищно-коммунальных услуг и пр. Но на данный момент затруднительно обнаружить результаты каких-либо опросов, направленных на изучение удовлетворённости градостроительной политикой государства населения, не говоря об анализе предпроектных решений городских властей [4, с.53]. Стало быть, использование социологических исследований как инструмента в налаживании взаимодействия населения и властей при планировании и реализации градостроительных программ становится актуальным, поскольку оно может стать индикатором, необходимым для понимания удовлетворенности населения принимаемыми мерами на протяжении всего процесса городского развития. К тому же, посредством проведения публичных слушаний генеральных планов удаётся контролировать соответствие принимаемых сити-планнерами решений интересам горожан. Вместе с тем, удачным в данном процессе стало бы проведение например, таких методов социологических исследований, как фокус-группы, формализованные и экспертные опросы.

Подводя итог, при реализации планов развития городов немаловажно отслеживать социальные последствия воспроизведенных градостроителями результатов. Одновременно с этим для минимизации незавершенности управленческих решений наличие обратной связи со стороны населения стало бы отображением их заинтересованности в полной реализации того или иного плана, что, в свою очередь, в некоторой степени стало бы гарантией для неукоснительного исполнения принятых решений. В связи с этим профессиональная деятельность социолога становится необходимой в этой ситу-

ации хотя бы потому, что эту самую обратную связь эффективно можно организовать посредством социологического исследования. В дальнейшем же необходима качественная оценка процессов реализации целей и задач осуществляемого планирования. Но эта область мало разработана научными исследователями, поэтому на данный момент не существует как методологических предписаний, так и исследовательских практик.

Список литературы

1. Белкина Т. Д. Стратегические планы городского развития и инструменты их реализации // Проблемы прогнозирования. – 2010. – №3. – С. 55–72.
2. Вахштайн В. С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. – 2014. – №2. – С. 9–38.
3. Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры: лицо города. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
4. Иванова З.И., Голомазова Т.Н. Необходимость социологических опросов для анализа градостроительных решений в рамках муниципальных образований //Строительство: наука и образование. – 2014. – № 1. – С. 45–54.
5. Кингс Л., Кравченко Ж. Разочарование в «грандиозных планах»? Репрезентации пространства в практике городского планирования в России и Швеции // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2013. – №5. – С. 187–193.
6. Мастер-план: зачем он Москве? [Электронный ресурс]. URL: http://strelka.com/ru/magazine/2014/12/22/master–plan (Дата обращения: 01.11.2018)
7. Носонов А. М. Теории пространственного развития в социально-экономической географии // Псковский регионологический журнал. – 2011. – №11. – С. 3–16.
8. Что такое мастер-план. [Электронный ресурс]. URL: http://моногорода.рф/news/135 (дата обращения: 01.11.2018)

G.A. Gimranova

URBAN PLANNING: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF MASTER PLANS

This article discusses the use of master plans in the planning of urban space. It analyzes the reflection of urban ideologies and public policy in the design of master plans. The article describes the role of sociological research in the adoption and introduction of changes in the General plans of cities.

Key words: planning, master plan, urban ideology, public policy, urban development.

УДК 316.4.06

Ю.П. Зыбина

КОМПОНЕНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Человеческий потенциал региона имеет сложную внутреннюю иерархическую структуру. В нем можно выделить инновационный, экономический, демографический и другие потенциалы. В то же время он сам является элементом (и ядром) еще более сложных иерархических систем – научного, инновационного, социального и других потенциалов региона [2, с. 4]. В статье рассматриваются основные составляющие человеческого потенциала – физический, интеллектуальный, нравственный, а также профессиональный элементы. На примере Курской области подчеркивается значимость для социально-экономического развития компонентов человеческого потенциала, связанных с образованием, культурой, уровнем жизни и активностью населения.

Ключевые слова: человеческий потенциал, демографический потенциал, инновации, экономический потенциал.

В научной литературе при характеристике или оценке развития страны или отдельно взятого региона все чаще стал употребляться термин «человеческий потенциал», который в настоящее время выступает важным параметром социально-экономического развития. Говоря о данном понятии, стоит отметить его неоднозначность. Мы можем встретить разнообразные трактовки о его составляющих элементах и сущности. Кроме того, существует тонкая взаимосвязь с такими понятиями, как «человеческий капитал», «трудовой потенциал» и «кадровый потенциал».

Мы можем рассматривать человеческий потенциал как совокупность основных способностей и возможностей индивида. В зависимости от того, на каком уровне развития и реализации находятся эти способности и возможности, продуктивность жизнедеятельности социума либо повышается, либо снижается [2, с. 3].

Обратимся к позициям некоторых ученых, раскрывающих сущность человеческого потенциала. Согласно Т.И. Заславской, данное понятие представляет собой интегральную характеристику жизнеспособности общества (страны, государства) как субъекта собственного воспроизводства, развития и взаимодействия с другими обществами. Человеческий потенциал является интегральной формой разнообразных свойств человеческой общности. Данная форма выражает систему отношений и возможностей развития, сложив-

© Зыбина Ю.П., 2018

шуюся в ней, на основе самореализации личности в значимой деятельности для общества [3, с. 14].

Анализируя категорию «человеческий потенциал», И.В. Соболева считает, что человеческий потенциал представляет собой накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, творческой и гражданской активности, профессиональной компетенции, который способствует реализации потребностей людей в различных областях деятельности и в определенной иерархии [7, с. 12].

На основе вышесказанного отметим ключевые составляющие человеческого потенциала. Во-первых, это физический элемент, который позволяет характеризовать физические и психологические возможности человека, зависящие от его здоровья. Во-вторых, интеллектуальная часть, в состав которой входит уровень знаний и умений, талант, врожденные способности, волевые качества, а также накопленный производственный опыт человека. Отметим и нравственное звено, являющееся моделью, благодаря которой человек представляет свои намерения в отношении полезности собственной деятельности для потенциала своей среды. Существенной характеристикой данной модели будет являться способность приносить пользу, либо наносить вред среде, в которой индивид осуществляет свою деятельность. И, наконец, профессиональная составляющая. Она представляет собой совокупную способность физических и духовных свойств отдельного работника достигать в заданных условиях определенных результатов его производственной деятельности, с одной стороны, и способность совершенствоваться в процессе труда, решать новые задачи, возникающие в результате изменений в производстве, с другой.

Говоря о феномене человеческого потенциала, укажем на его качественные характеристики, которые включают целый ряд параметров – уровень жизни, грамотность, образованность, здоровье, нравственность, творческий потенциал и активность.

Человеческий потенциал региона формируется как результат взаимодействия потенциалов, живущих и действующих в том или ином регионе различных социально-демографических и социально-профессиональных общностей. Курская область не является исключением. Так, в условиях социально-демографической напряженности значимую роль играет демографический потенциал региона. Компонент демографического потенциала мы можем определить как потребность, способность и готовность населения региона обеспечивать продолжение своего «рода» [8, с. 1]. Обратимся к некоторым данным исследования на тему: «Социальное самочувствие населения Курской области», проведенного с нашим непосредственным участием в мае

2018 года (N=550). Как показал проведенный опрос, среди причин снижения рождаемости подавляющая часть курян (64,5%) указала на низкие доходы населения; каждый третий (32,3%) респондент отметил желание семьи иметь одного ребенка; каждый пятый (26,5%) указал на неудовлетворительные жилищные условия; примерно каждый седьмой (15,1%) подчеркнул отсутствие материальной поддержки семей с детьми со стороны государства. Данные факторы являются характеристикой недостатка внешних условий, которые бы способствовали стабилизации процесса рождаемости в регионе. Не способствует повышению рождаемости в регионе и сокращение числа браков, которое происходит под влиянием таких факторов, как измены, неуважение супругов (47,8% опрошенных), нежелание людей обременять себя ответственностью по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, неумение осуществлять эти функции (37,6%). Помимо того, были обозначены причины, связанные со злоупотребление алкоголем (23,1%) и приоритет карьерных устремлений по отношению к установке на создание семьи (14,7%). Данные факторы выступают личностными, или субъективными факторамиобозначенного процесса.

Демографическое состояние региона обусловливается и миграционными процессами. Так, в Курской области сохраняется умеренная внутрирегиональная миграция, носящая, как правило, центростремительный характер (миграция населения в областной центр и районные города).

Важной составляющей человеческого потенциала выступают инновации. Инновации (от лат. innovatio – обновление) – это превращение результатов труда в некоторые новые продукты или услуги, которые используются в практической деятельности и обеспечивают рост конкурентоспособности [2,с. 135].

Исследование показало, что подавляющее большинство опрошенных (86,6%) не являются участником в создании и/или внедрении чего-либо нового.Однако при этом в регионе фиксируется весомый спрос на инновационные средства коммуникации, применяемые в личном пользовании его жителей.Куряне, вне зависимости от возраста, довольно активно используют мобильные телефоны, компьютеры, прибегают к услугам Интернета, активно используют социальные сети. Таким образом, в повседневной жизни люди часто применяют инновационные технологии, не являясь при этом участником их создания.

Сфокусируем внимание на категории «экономический потенциал», который будем рассматривать как комплекс возможностей по организации финансовой деятельности в рамках либо имеющихся, либо возможных условий и ограничений законодательного, экономического, организационно-

технического и регионально-отраслевого характера, а также предельные характеристики экономической деятельности территории при данных условиях [6, с. 10].

Рассматривая экономический потенциал Курской области, мы акцентируем внимание на двух важных аспектах: как сами жители Курской области оценивают свое благосостояние, и какова ситуация в сфере занятости на сегодняшний день, ведь официальное трудоустройство для многих является ключевым источником материальных благ. Так, исследование показало, что более 30% опрошенных респондентов относят себя к категории «обеспеченных» граждан, а 4,5% отмечают, что имеют возможность ни в чем себе не отказывать. Но все же довольно существенная часть опрошенных (43%) причисляют себя к низшим имущественным слоям. Это люди, которые испытывают определенные материальные трудности, связанные, прежде всего, с их трудоустройством, так как заработная плата и официальное место работы для многих является ключевым источником доходов.

Показатели занятости сегодня довольно высоки: 61,9% участников опроса подчеркнули, что трудоустроены, причем к ним относятся также работающие пенсионеры и люди с ограниченными возможностями здоровья. 2,4% респондентов не заняты, поскольку на данным момент находятся в декретном отпуске, в отпуске по уходу за ребенком, в отпуске без сохранения содержания (то есть, за ними сохраняется их рабочее место). Безработными среди всех опрошенных оказались менее десятой части опрошенных, из них 5,3% находятся в поиске работы, а 3,5% ответили, что на данный момент не стремятся быть трудоустроенными. Около пятой части (18,5%) респондентов являются неработающими пенсионерами, инвалидами, которые живут за счет пенсионных выплат и пособий от государства; 7,1% – обучающимися образовательных учреждений, который преимущественно живут за счет помощи со стороны родителей или стипендиальных выплат. Таким образом, мы видим определенное противоречие: высокий уровень занятости населения и не менее высокий показатель населения, которое относит себя к малоимущим. Это говорит о том, что сегодня не все имеют возможность обеспечить себя при помощи тех заработков, которые предлагают работодатели.

Говоря о культурном потенциале, стоит отметить, что жители Курской области интересуются политикой и историей, посещают культурные и спортивные объекты региона. Как свидетельствует данные, на первом месте в телепередачах у курян стабильно стоят политические новости (42%), за ними следуют сериалы и детективы (30,7%), документальные, исторические фильмы и научно-познавательные передачи (29,1%) опережают художественные фильмы и спектакли (27,1%). Далее следуют спортивные передачи (26,4%),

музыкальные передачи, ток-шоу (24,7 %), далее идут экономические новости (23,8) и другое (культура, детские каналы и т.д.). Из данных опроса мы видим, что население области все больше внимания уделяет политике, познавательным передачам и спорту. При этом значительная часть респондентов указывают на тот факт, что они вообще не смотрят телевизор, – как правило, это молодежная аудитория, освоившая новые цифровые коммуникативно-информационные источники.

В ходе исследования было выявлено, как часто жители региона посещали в последний год то или иное культурное заведение. В итоге, на первом месте по частоте посещаемости (сумма ответов «Раз в неделю» и «1–3 раза в месяц») оказался кинотеатр (29,9%). На втором – стадион (14,4%), на третьем – библиотека (11,9%). Минимальными по посещению оказались цирк (1,3%) и музеи (4,5%). При этом практически каждый второй опрошенный посещает объекты культуры области крайне редко – реже, чем один раз в год.

Самим жителям региона было предложено дать оценку значимости развития отдельных компонентов человеческого потенциала. Полученные результаты показали, чтожители Курской области первое место отводят трудовому потенциалу (трудовые способности жителей региона) – 4,2 балла из 5. На втором месте стоит интеллектуальный потенциал (накопленные знания, навыки и умение применить их на практике) – 4,1 балл. Затем идут научно-исследовательский (научно-исследовательские ресурсы, знания, научные и образовательные центры), инвестиционный (способность осуществлять инвестиции в конкурентоспособные сферы развития региона), инновационный (способность региона создавать новые продукты, услуги, разрабатывать и применять на практике новые технологические процессы) и творческий (творческие способности и качества индивидов, которые можно применить на рынке труда региона) потенциалы развития региона – 3,8 балла. Как видим, оценка составляющих является достаточно однородной, но трудовой потенциал при этом уверенно лидирует[5, с. 52].

Таким образом, мы рассмотрели основные составляющие человеческого потенциала на примере Курской области и выяснили, что его формирование происходит благодаря взаимодействию потенциалов различных общностей. Выявили ряд проблем, характеризующих специфику социокультурного развития региона в современном обществе. Куряне отметили, что человеческий, экономический и культурный потенциал региона сегодня не может быть оценен однозначно положительно или однозначно отрицательно: мы сталкиваемся с рядом проблем в демографической сфере (низкий уровень рождаемости, высокая смертность) низкий уровень брачности и усиление тенденции кризиса института семьи и брака. В экономической сфере мы вы-

явили некоторые противоречия: с одной стороны, довольно высокий процент участников исследования относит себя к обеспеченной категории граждан, но все еще остается слой населения, которые соотносит себя с бедными, и сталкивается с рядом проблем: социально-имущественные затруднения, проблемы трудоустройства, отсутствие мотивации к трудоустройству из-за низкий уровень заработной платы (в сравнении с другими регионами). Тем не менее, социокультурный потенциал постепенно нарастает: растет интерес к театрам и музеям, библиотекам, производится строительство спортивных сооружений и комплексов, которые пользуются большим спросом у граждан. Несмотря на постоянные перемены, население постепенно адаптируется к ним и полагается на свои собственные возможности.

Список литературы

1. Агапова Т.А., Серегина С.Ф. Макроэкономика. М.: Синергия, 2013. 560 с.

2. Еремина, Е.В. Значение человеческого потенциала в развитии региона / Е.В. Еремина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №5(13), 2012.

3. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. 2005. №3. С. 5–16.

4. Когай Е.А., Пасовец Ю. М., Когай А. А., Яцкова Д. С. Курская область на социокультурной карте России: монография. Курск: МУП «Курская городская типография», 2015. 139 с.

5. Когай, Е.А. Стратегическое планирование в развитии Российского макрорегиона / Е.А. Когай // Сборник докладов участников XIV Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 46–55.

6. Сабитова, Н.М. О понятии финансового потенциала региона и методологии его оценки / Н.М. Сабитова // Финансы, 2003. № 9. С. 63–65.

7. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблема сохранения и развития. Москва. 2007. 202 с.

8. Человеческий потенциал, его составляющие. [Электронный ресурс]. URL: https://studfiles.net/preview/3826794/ (Дата обращения: 31.10.2018г.).

J.P. Zybina

COMPONENTS OF HUMAN POTENTIAL IN THE SOCIAL DIMENSION (ON THE EXAMPLE OF KURSK REGION)

The human potential of the region has a complex internal hierarchical structure. It can highlight innovative, economic, demographic and other potentials. At the same time, it is itself an element (and core) of even more complex hierarchical systems – scientific, innovative, social and other potentials of the region. The article deals with the main components of human potential – physical, intellectual, moral, and professional elements. On the example of Kursk region the importance of human potential components related to education, culture, living standards and activity of the population for socio-economic development is emphasized.

Key words: human potential, demographic potential, innovations, economic potential.

УДК 314.336

В.М. Карпова

МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА В ИЗУЧЕНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК*

Метод семантического дифференциала широко используется во многих гуманитарных науках. В данной работе представлен опыт применения данного метода к исследованию репродуктивных установок и репродуктивного поведения населения России в период с 1976 по 2016 годы. Описана специфика применения метода, его сильные стороны, приведены результаты изменения семантического поля респондентов за сорокалетний период. Показано статистически значимое сужение семантического поля респондентов за счет сближения позитивного и негативного эталонов: «дети» и «бездетность». Данные результаты соотнесены с наблюдавшейся динамикой показателей рождаемости и отмечена взаимосвязь сужения семантического поля и снижения рождаемости.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, семантический дифференциал, репродуктивные установки.

Техника семантического дифференциала используется в социологических и психологических исследованиях достаточно давно: ее впервые предложил Чарльз Осгуд в 1952 году. В дальнейшем метод был широко распространен и использовался для исследования восприятия предметов искусства [3, с. 267], этнических стереотипов [7], в лингвистике [4] и психологии [5]. Также данный подход активно используется в рамках социологии семьи и демографии при изучении репродуктивного поведения, а точнее репродуктивных установок населения [3].

Основная идея метода семантического дифференциала заключается в оценке исследуемых понятий по набору биполярных шкал. Чаще всего используются 7-балльные шкалы от -3 до 3, где 0 характеризует нейтральное мнение и зачастую выступает в качестве логического аналога категории «затрудняюсь ответить». В дальнейшем может анализироваться как непосредственные ответы по шкалам, так и расстояние в семантическом пространстве респондента между сравниваемыми понятиями, исчисленное как евклидово расстояние в н-мерном пространстве, заданном числом биполярных шкал:

© Карпова В.М., 2018

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

$$d_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^{m} (x_{ik} - x_{jk})^2}$$, где i, j – определяют пару понятий, а m – общее число шкал.

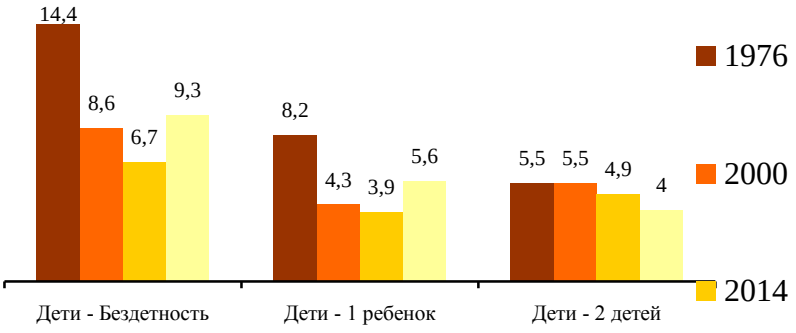
Выбор шкал для оценивания исследуемых понятий необходимо осуществлять наиболее отвлеченно от самих понятий, дабы минимизировать вероятность социально-желательных и стереотипных ответов. Это замечание особенно важно при использовании семантического дифференциала в социолого-демографических исследованиях и в частности при изучении репродуктивных установок. Именно при характеристике своего репродуктивного поведения, при описании своих репродуктивных установок ответы респондентов наиболее подвержены влиянию информационного поля. Так, например, традиционный вопрос об идеальном числе детей, который часто используется как одна из характеристик репродуктивных взглядов и ценностей населения, напрямую взаимосвязан с информационным полем, что было показано, например, в исследовании Р. Трента о взаимосвязи динамики идеального образа семьи в США в 50–70 годах с частотой публикаций в Нью-Йорк Таймс статей по вопросам рождаемости [1]. В рамках серии замеров было получено статистически значимое уменьшение среднего размера «идеальной семьи» по мере распространения публикаций по проблеме перенаселения в Нью-Йорк Таймс.

Для исследования репродуктивных установок метод семантического дифференциала впервые предложил применять Антонов А.И. в 1976 году [2]. Изучение семантического поля репродуктивных ценностей основывается на оценке по биполярным шкалам разных чисел детей в семье: 1 ребенок, 2 ребенка, 3 ребенка и т.д. Также для поляризации и определения размера семантического пространства полезно использовать два эталона: позитивный эталон «дети» и негативный эталон «бездетная семья». В некоторых исследованиях дополнительно рассматривалось понятие «я» [6], что позволяло не только определить семантическое поле респондента, но и оценить его репродуктивные предпочтения и степень идентификации с тем или иным числом детей.

Отдельный интерес представляет исследование динамики репродуктивных установок, измеренных по методу семантического дифференциала. В первую очередь интересно анализировать общий размер семантического поля респондентов, определяемого как расстояние между позитивным и негативным эталонами: «дети» и «бездетность». Также в случае изучения динамики показателей семантического дифференциала необходимо не только соблюдать единство оцениваемых понятий на всем периоде, но и соответствие

шкал, по которым производилась оценка. В идеальных условиях должно совпадать и количество и формулировки шкал. Однако на практике это условие не всегда осуществимо, более того, часто отдельный научный интерес представляет исследование оценок по различным шкалам и определение наиболее эффективных шкал для исследуемых понятий. В таком случае единство формулировок шкалы не удается повторить. Тем не менее практика применения семантического дифференциала в исследованиях, проводимых на кафедре социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. Ломоносова под руководством А.И. Антонова показывает, что шкалы семантического дифференциала обладают высокой внутренней согласованностью. Коэффициенты альфа Кронбаха превышают пороговое значение высокой согласованности в 0,9, но при этом не достигают слишком больших значений близких к единице, которые могли бы свидетельствовать о недостаточной дифференцированности шкалы. Так эффекты, наблюдаемые на четырех шкалах, полностью совпадающих в нескольких волнах исследования, не изменились при таком же анализе, но проведенном на 6 шкалах, где 4 совпадали, а 2 различались.

В данной работе представлены результаты четырех волн исследования, проводившегося в 1967, 2000, 2014 и 2016 годах, в которых оценивались такие понятия как «дети», «бездетность», «1 ребенок в семье», «2 детей в семье». Оценка проводилась по шести шкалам, анализировалось расстояние между позитивным эталоном «дети» и каждым из типов детности (0, 1 и 2 детей). Минимум расстояния очевидно равен 0 и говорит о полном совпадении двух понятий в семантическом поле респондента (все квадраты разниц по всем шкалам равны нулю). Максимальное значение семантического дифференциала достигается при полностью полярных оценках по каждой из шкал и составляет для случая шести шкал 14,7 (шесть шкал с разницей в 6 баллов по каждой).



Различия установок детности по семантическому дифференциалу 1978–2016

Как показывают представленные результаты исследований за период в 40 лет прошедший между крайними волнами исследования (1976 и 2016 годов) произошло не только количественное, но и качественное изменение семантического пространства респондентов. Почти в два раза сблизились понятия «дети» и «бездетность» в период с 1976 по 2000 годы. Причем более детальный анализ ответов респондентов по отдельным шкалам показывает, что сближение произошло вследствие влияния двух факторов: и приближения оценок негативного эталона «бездетность» к нулевым отметкам в отрицательной полуоси, и одновременного приближения к нулю положительного эталона «дети». Первая тенденция носила более явно выраженный характер, то есть среди респондентов отмечается все большее распространение принятия, допустимости бездетного образа жизни. Однако и понятие «дети» характеризуется менее однозначно положительно и в меньшей степени является положительным эталоном.

Не только пара позитивного и негативного эталона сблизились друг с другом за представленный период, но и расстояние между позитивным эталоном и конкретными числами детей стало меньше. Причем если для пары «дети – 1 ребенок» это изменение статистически значимо, то для пары «дети – 2 детей» сближение носило незначительный характер. Парадоксально, но в 2000 и 2014 годах расстояние в семантическом пространстве респондентов между понятиями «дети – 1 ребенок» было несколько ниже, чем «дети – 2 ребенка», хотя сама этимология понятия дети подразумевает множественное число, то есть более одного ребенка.

В итоге этих тенденций семантическое поле респондентов резко сужается, люди перестают видеть большую разницу между детностью и бездетным образом жизни. Первое перестает быть целью и важным стремлением в жизни населения, а второе становится все более допустимым в массовом сознании. И даже если фактическое распространение бездетности, в том числе добровольной, в России пока невелико, то готовность принять и считать допустимым такой выбор в случае отсутствия непреодолимых обстоятельств (например, в случае диагностированного бесплодия) все более очевидна. Такие изменения могут свидетельствовать о долговременном тренде изменения социальных норм в вопросах репродуктивного поведения, что соответствует наблюдаемому стабильному снижению рождаемости 1990–2000-х и ее дальнейшей стабилизации на уровне недостаточном для простого замещения поколений и достигающем показателей 70-х годов прошлого века.

Список литературы

1. Trent R. B. Evidence bearing on the construct validity of «ideal family size» // Population and environment. Vol. 3, n. 4. P. 318–319, 1980.

2. Антонов А.И. Репродуктивные установки и их изучение. Демографическая ситуация в СССР. М., 1976.

3. Антонов А.И., Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. 258 с.

4. Новиков, А.Л., Новикова, И.А. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях / А.Л. Новиков, И.А. Новикова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 63—71.

5. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988. 480 с.

6. Семьецентризм: миф или реальность? Коллективная монография / Антонов А.И., Жаворонков А.В., Синельников А.Б., Новоселова Е.Н. и др. Гл. ред. Антонов А.И, место издания Макс Пресс Москва, 2016. 324 с.

7. Сикевич, З.В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) / З.В. Сикевич // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 3. С. 118–128.

V.M. Karpova

METHOD OF SEMANTIC DIFFERENTIAL IN REPRODUCTIVE ATTITUDES' STUDIES

Semantic differential method is widely used in many humanities. This paper presents the experience of applying this method to the study of reproductive attitudes and reproductive behavior of Russian population in the period from 1976 to 2016. The specificity of method application, its strengths are described, and the results of a change in respondents' semantic field over a forty-year period are presented. The statistically significant narrowing of respondents' semantic field due to the convergence of positive and negative standards: "children" and "childlessness" is shown. These results are correlated with the observed fertility rates dynamics and the relationship between the narrowing of the semantic field and the decline in fertility is noted.

Key words: reproductive behavior, semantic differential, reproductive attitudes.

УДК 316.334.23

Н.Л. Климова

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

В статье рассматриваются особенности основных подходов к исследованию феномена предпринимательства как объекта социологических исследований, характеризуются парадигмальные уровни в его изучении, описываются типы социальных контекстов, в рамках которых реализуются исследования в современной социологии предпринимательства.

Ключевые слова: экономическая социология, социология предпринимательства, научные подходы.

Предпринимательство является важным фактором устойчивого социально-экономического развития и политической стабильности. Основа изучения предпринимательства в социологической науке была заложена в начале XX века в научных работах В. Зомбарта («Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека»), М. Вебера («Протестантская этика и дух капитализма»), Й. Шумпетера («Теория экономического развития») [4, с. 132]. В России исследовательский интерес к феномену предпринимательства актуализируется в результате трансформации общественного строя в конце XX века, которая определила переход к рыночной экономике.

В социологической науке не сформировалось единое понимание сущности предпринимательства, можно дать следующее наиболее общее определение. Предпринимательство – это «форма проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, нацеленной, как правило, на получение прибыли, осуществляемой на свой риск» [2, с. 22].

Сформировалось несколько классификаций социологических подходов, на основе которых исследуется предпринимательство. Наиболее широкое распространение получили два основных подхода: структурный и функциональный [4, с. 131–139].

Структурный подход предполагает выявление статусных особенностей когорты предпринимателей, определение их места в социально-экономической структуре. Стоит отметить формальность характеристик, что приводит к теоретической неточности. Те, кто формально имеет статус пред-

© Климова Н.Л., 2018

принимателя, не всегда осуществляет предпринимательскую функцию. Структурное определение предпринимателей как объекта социологических исследований изложено в работах М. Вебера, Э. Гидденса, П. Бурдье, О. Райта, П. Сорокина, А. Турена В.В. Радаева, А.В. Безгодова, О.И. Шкаратана, Т.И Заславской, М.Н. Руткевича и др.

Функциональный подход предполагает выявление выполняемых предпринимателями функций и является наиболее предпочтительным при проведении исследований. Однако реализация этого подхода довольно трудна, так как предпринимательская деятельность имеет неустойчивую, непрерывно меняющуюся функцию. Этот аспект изложен в работах Й. Шумпетера, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Т. Веблена, М. Вебера, В. Зомбарта, Т.И. Злаславской, В.В. Радаева и др.

Выделяют следующие парадигмальные уровни в исследовании предпринимательства как социального явления: индивидуальный, организационный, рыночный, контекстуальный [9, с. 34–42].

На индивидуальном уровне исследовательский интерес представляют особенности личности предпринимателя. Исследуются характерные черты преобразования человеческого капитала предпринимателя в новые формы, которые используются при предпринимательской деятельности. Так, выделяют особенности предпринимателей, которые складываются в типологии. На организационном уровне исследователи делают упор на внутрикорпоративные правила и отношения, описывается предпринимательская фирма. Интерес вызывает явление интрапренерства, то есть внутрифирменного предпринимательства, при котором работники, используя ресурсы предприятия, внедряют инновации для роста компании. Так, анализируется процесс создания и развития организации. На рыночном уровне исследуются социальные отношения, сформированные в результате выбора позиции предпринимательства на рынке в зависимости от экономических законов.

Наиболее исчерпывающим является контекстуальный подход, так как объединяет индивидуальное рассмотрение предпринимательской деятельности, пространственный анализ, временной срез, социокультурный контекст и др. В современной социологии предпринимательство исследуется в рамках следующих типов социальных контекстов, выделенных профессором П. Рейнольдом: социальные сети, стадия жизненного пути (концепция жизненного цикла), этническая принадлежность, популяционная экология [10, с. 369–397].

Социальное взаимодействие предпринимателей определяет их группировку в социальные сети, в рамках которых производится обмен ресурсами. Социальной сетью является «совокупность устойчивых связей между аген-

тами, которые сохраняют при этом относительную самостоятельность по отношению друг к другу» [7, с. 47]. Подобное сотрудничество является необходимым для успешного ведения предпринимательской деятельности. Экономический обмен предотвращает неопределенность, заполняет информационные пустоты. При исследовании предпринимательства в контексте социальных сетей интерес вызывает изучение доверия. Ю. Чепуренко выделяет три формы доверия: персональное распространяется среди личных отношений, коллективное – среди деловых, институциональное выражает доверие к системам, то есть к официальным правилам, нормам. Исследователь анализирует влияние уровня доверия на предпринимательскую деятельность [9, с. 198–199]. М. Грановеттер, применяя сетевой подход, прослеживает конструирование межличностных связей, социальную мобильность, распространение инноваций в организации [3, с. 31–37]. У. Пауэлл и Л. Смит-Дор выделяют каналы передачи информации, стратегий, идей, стандартов между организациями [6, с. 61–105].

Деятельность предпринимателей во многом определяет стадия жизненного пути. В рамках концепции жизненного цикла существуют разные теории, выделяющие стадии развития организации, продукта, сотрудников и др. И. Адизес выделяет десять стадий жизненного цикла компании, которые делят на две группы: рост, старение [1, с. 39]. Стоит отметить, что по мере развития компании обогащается человеческий и социальный капитал предпринимателей, что позволяет вести предпринимательскую деятельность на новом уровне. При этом со временем возможно угасание жизненной энергии компании ввиду отказа от использования этих инноваций. Так, в рамках этого подхода исследуется взаимосвязь стадии жизненного пути и особенностей предпринимательской деятельности. Например, исследуется жизненный цикл доверия в российских предпринимательских сетях.

Этнический фактор также оказывает значительное влияние на предпринимательскую деятельность. Исследовательский интерес вызывают диаспоры, проявляющие предпринимательскую активность, доминирующие этнические группы в различных сферах предпринимательства, роль конфессиональной принадлежности в экономическом поведении (М. Вебер, В. Зомбарт) [5, с. 77–82], этническое предпринимательство как способ адаптации мигрантов (С.В. Рязанцев, Л.В. Рожков) [8, с. 73–88]. Этническая принадлежность способна порождать дополнительный импульс к предпринимательской деятельности, создавать новые сферы предпринимательской активности.

В социальном контексте популяционной экологии исследуется разнообразие организационных форм, взаимоотношения между сообществами предпринимательских компаний, формирование предпринимателями соб-

ственной среды обитания, их способ адаптации в социальной системе. Так, например, исследования посвящены процессам криминализации предпринимательского слоя.

В зависимости от исследовательских задач возможна интеграция подходов. Наиболее востребованными, на мой взгляд, являются сетевой подход и концепция жизненного цикла. Положение предпринимателей в российском обществе носит крайне нестабильный характер. Существующие законы, регулирующие деятельность предпринимателей, не всегда оказываются эффективными. Таким образом, предприниматели объединяются в сети, и их деятельность во многом регулируется социальным механизмом вопреки экономическим. Формирование широкого разнообразия научных подходов к исследованию предпринимательства подтверждает значимость данного феномена для общества, его актуальность и исследовательский интерес.

Список литературы

1. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации // СПб.: Питер. 2007. Т. 2. 384 с.

2. Бородавкина, Е.Е., Дыльнова, З.М. Теоретико-методологические основы исследования предпринимательства / Е.Е. Бородавкина, З.М. Дыльнова // Известия Саратовского университета, 2012 Т. 12. Сер. Социология. С.20–26.

3. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология, 2009, Т. 10, № 4, С. 31–47.

4. Капусткина, Е.В. Социология предпринимательства как учебная дисциплина / Е.В. Капусткина // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. Т. 1. С. 131–139.

5. Лайша, А.В. Традиции предпринимательства у различных этнических групп / А.В. Лайша // Вестник краснодарского университета МВД России. 2012. №3 (17). С. 77–82.

6. Пауэлл, У., Смит-Дор, Л. Сеть и хозяйственная жизнь / У. Пауэлл, Л. Смит-Дор // Экономическая социология. 2003. Т. 4, №3. С. 61–105.

7. Радаев, В.В. Рынок как переплетение социальных сетей / В.В. Радаев, // Российский журнал менеджмента. 2008, Т. 6. №2. С. 47–54.

8. Рязанцев, С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов / С.В. Рязанцев // Общественные науки и современность. 2000. №5. С. 73–86.

9. Чепуренко, А.Ю. Социология предпринимательства / А.Ю. Чепуренко // Москва: Изд-во: дом ГУ ВШЭ, 2007. 386 с.

10. Чепуренко, А.Ю. Возможна ли теория предпринимательства в России? / А.Ю. Чепуренко // В кн.: Исследуя предпринимательство (под ред.: А. Ю. Чепуренко, О. И. Образцова). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2014. Гл. 11. С. 369–397.

N.L. Klimova

ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE: APPROACHES TO RESEARCH

The article discusses the features of the main approaches to the study of the phenomenon of entrepreneurship as an object of sociological research, describes the paradigm levels in its study and the types of social contexts in which research is carried out in the modern sociology of entrepreneurship.

Keys words: economic sociology, sociology of entrepreneurship, scientific approaches.

УДК 316.334.52

В.Комарова, Ю.М. Вассерман, Н. Селиванова-Фёдорова

КАКИМ ОБРАЗОМ СТРАНЫ МИРА ДИФФЕРЕНЦИРУЮТСЯ ПО УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Основной исследовательский вопрос в данной статье: что происходит с человеческим развитием в странах мира за пределами средних показателей и возможно ли достижение одинакового уровня «развития для всех и каждого»? Авторы попытались ответить на этот вопрос с помощью диахронного и синхронного анализа Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) за период с 1990 по 2017 год, а также с помощью кластерного анализа. В результате были получены данные, свидетельствующие о дифференциации стран мира на отдельные группы ("миры"), в каждой из которых – свой средний уровень развития человеческого потенциала, и ИРЧП стран в рамках каждого «мира» распределяется в соответствии с кривой Гаусса, т.е. нормально распределён.

Ключевые слова: Индекс развития человеческого потенциала, нормальное распределение, кластерный анализ.

Отправной точкой для проведения данного исследования послужил, во-первых, заголовок Доклада о человеческом развитии 2016 Программы Развития Организации Объединённых Наций (ПРООН), – «Человеческое развитие для всех и каждого» [1], а во-вторых, существование закона нормального распределения или феномен распределения Гаусса, который гласит: «если построить кривую вероятности тех или иных недетерминированных (т.е. случайных) процессов, то наибольшее число результатов будет близко к среднему значению» [2, с. 38]. Таким образом, основным исследовательским вопросом в данной статье является следующий: что происходит с развитием человеческого потенциала в странах мира за пределами средних показателей? В качестве гипотезы данного исследования можно предположить, что и страны мира дифференцируются по уровню развития человеческого потенциала в соответствии с нормальным распределением.

Методической основой авторского эмпирического исследования стал диахронный и синхронный анализ ИРЧП за период с 1990 по 2017 год на предмет соответствия дифференциации стран мира по ИРЧП кривой Гаусса, т.е. нормальному распределению.

В частности, авторы проанализировали следующее:

динамику общемирового среднего показателя ИРЧП за период с 1990 по 2017 год (диахронный анализ) в соответствии с базой данных ПРООН [3];

© Комарова В., Вассерман Ю.М., Селиванова-Фёдорова Н., 2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00548.

параметры распределения ИРЧП в странах мира за период с 1990 по 2017 год (диахронный анализ) и его соответствие кривой Гаусса, т.е. нормальному распределению;

дифференцицию стран мира по ИРЧП в 2017 году (синхронный анализ) с применением кластерного анализа и последующего изучения полученных кластеров, а именно, соответствия внутрикластерного распределения ИРЧП кривой Гаусса, значений среднего, минимального и максимального ИРЧП в каждом кластере. Кроме того, полученные кластеры сравнивались с четырьмя группами стран по существующей классификации ПРООН.

Результаты эмпирического анализа показали, что общемировое среднее значение ИРЧП за период с 1990 по 2017 год постоянно росло (см. табл. 1), даже несмотря на то, что выборка стран в течение изучаемого периода тоже росла, пополняясь в основном странами с низким уровнем развития человеческого потенциала, а также несмотря на региональные и глобальные экономические и политические кризисы, имевшие место в период 1990–2017 годов.

Табл. 1.

Динамика параметров распределения ИРЧП стран мира, 1990–2017 год

Год	Среднее значение ИРЧП	Стандарт Отклон.	Кол-во стран	Коэффициент статистической значимости теста Холмогорова–Смирнова	Решение о соответствии распределения ИРЧП нормальному распределению (о нулевой гипотезе)
1990	0.597	0.165	142	0.132	Нулевая гипотеза принята
1991	0,599	0.165	143	0.184	
1992	0.602	0.165	140	0.250	
1993	0.605	0.166	143	0.212	
1994	0.610	0.168	143	0.389	
1995	0.613	0.167	147	0.298	
1996	0.618	0.167	147	0.321	
1997	0.623	0.167	147	0.351	
1998	0.629	0.168	147	0.324	
1999	0.629	0.170	150	0.250	
2000	0.630	0.169	172	0.114	
2001	0.636	0.168	172	0.099	
2002	0.640	0.168	174	0.068	
2003	0.645	0.169	176	0.067	
2004	0.651	0.166	179	0.077	
2005	0.654	0.165	186	0.034	Нулевая гипотеза отклонена
2006	0.661	0.164	186	0.025	
2007	0.668	0.162	186	0.033	
2008	0.674	0.161	186	0.058	Нулевая гипотеза принята
2009	0.678	0.158	186	0.055	
2010	0.682	0.157	188	0.064	
2011	0.687	0.156	188	0.075	
2012	0.692	0.154	188	0.064	
2013	0.696	0.154	188	0.133	

2014	0.700	0.154	188	0.177	Нулевая гипотеза принята
2015	0.704	0.154	188	0.187	
2016	0.707	0.154	188	0.157	
2017	0.709	0.153	189	0.159	

Данные, представленные в таблице 1, показывают параметры распределения ИРЧП в каждом году изучаемого периода. Из этих данных можно увидеть, во-первых, что «разброс» (т.е. стандартное отклонение) ИРЧП по странам мира в течение последних 28 лет медленно, но практически постоянно снижался (за исключением небольшого увеличения в конце 1990-х годов). Во-вторых, распределение ИРЧП стран мира на протяжении всего изучаемого периода (за исключением периода 2005–2007 годов) соответствовало нормальному распределению (*p*-коэффициент всегда, за исключением 2005–2007 годов, был больше 0.05 – см. табл. 1). И всё же в XXI веке это соответствие распределения ИРЧП стран мира нормальному распределению стало постепенно ослабевать (*p*-коэффициент стал значительно ближе к пороговому значению 0.05 по сравнению с 1990-ми годами – см. табл. 1). В связи с этим авторы предположили, что современный мир всё явственнее дифференцируется на группы стран («миры» [4, 5]), в каждом из которых – свой средний уровень развития человеческого потенциала и своё распределение ИРЧП. Проведённый авторами кластерный анализ показал наличие 4 кластеров – «миров».

В «мир» с очень низким ИРЧП в 2017 году попали 19 из 189 стран: средний ИРЧП в этом «мире» равен 0.432, стандартное отклонение – 0.035. На рисунках 1 и 2 этот самый низкоразвитый «мир» расположен крайним слева на оси X. В следующий по уровню развития человеческого потенциала «мир» попали 40 из 189 стран: средний ИРЧП в этом «мире» равен 0.558, а стандартное отклонение – 0.042. На рисунках 1 и 2 этот «мир» расположен правее на оси X по отношению к самому низкоразвитому «миру», т.е. он находится уже на более высокой ступени развития человеческого потенциала. В следующий «мир» попали 84 из 189 стран: средний ИРЧП в этом «мире» со средним уровнем развития человеческого потенциала равен 0.743, а стандартное отклонение – 0.050. В самый высокоразвитый «мир» попали 46 из 189 стран: средний ИРЧП в этом «мире» равен 0.894, стандартное отклонение – 0.035. На рисунках 1 и 2 этот самый высокоразвитый «мир» расположен крайним справа на оси X. С наибольшей вероятностью страны мира могут попасть в «мир» со средним уровнем развития человеческого потенциала, что также соответствует закону нормального распределения (см. рис. 2).

Полученные авторами в результате кластерного анализа «миры» согласуются с принятой ПРООН классификацией стран мира, включающей в себя

четыре группы, с небольшой разницей в акцентах. ПРООН разделяет страны с очень высоким и высоким уровнем развития человеческого потенциала, не выделяя отдельных групп среди стран с низким уровнем развития человеческого потенциала. Классификация ПРООН является механической, хотя в целом адекватно отображает реальное разделение стран по уровню развития человеческого потенциала. В таблице 2 представлены результаты сравнения «миров» и групп стран по классификации ПРООН, которые показали, что и в тех, и в других распределение ИРЧП более соответствует нормлаьному распределению, чем в целом на массиве из 189 стран (см. табл. 2). Две сравниваемые классификации различаются, в основном, по отношению к первым двум группам с наименьшим уровнем человеческого развития. Подход ПРООН можно назвать более «оптимистичным», объединяющим страны с очень низким и низким ИРЧП в одну группу – группу с низким ИРЧП. Интересно, что именно эта – первая группа в классификации ПРООН – наименее соответствует нормальному распределнию по сравнению со всеми другими группами и «мирами». В свою очередь, ПРООН выделяет группу с очень высоким ИРЧП и не выделяет группу с очень низким ИРЧП, в определённой мере «маскируя» таким образом очень тяжёлую ситуацию с развитием человеческого потенциала в странах, входящих в самый низкоразвитый «мир».

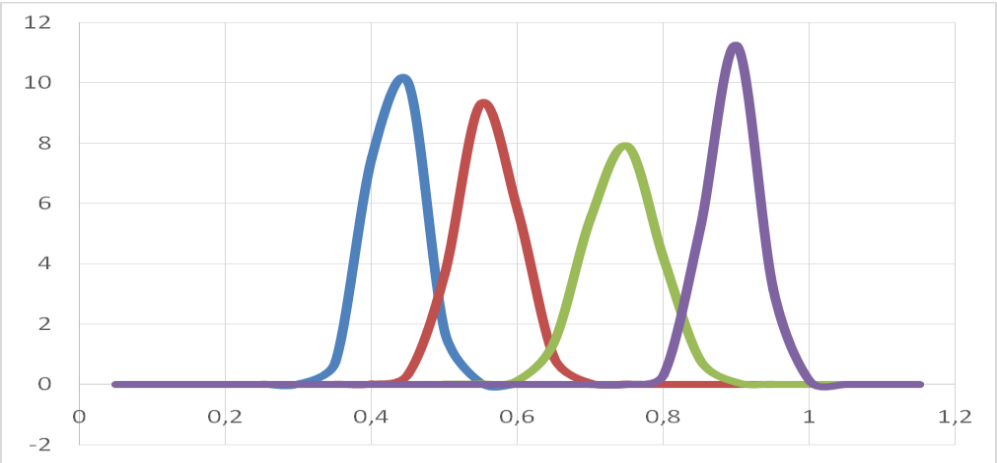


Рис. 1. **Распределение ИРЧП в четырёх «мирах», *n*=189 стран, 2017 год**

Примечание: слева направо – «мир» с очень низким ИРЧП, «мир» с низким ИРЧП, «мир» со средним ИРЧП, «мир» с высоким ИРЧП.

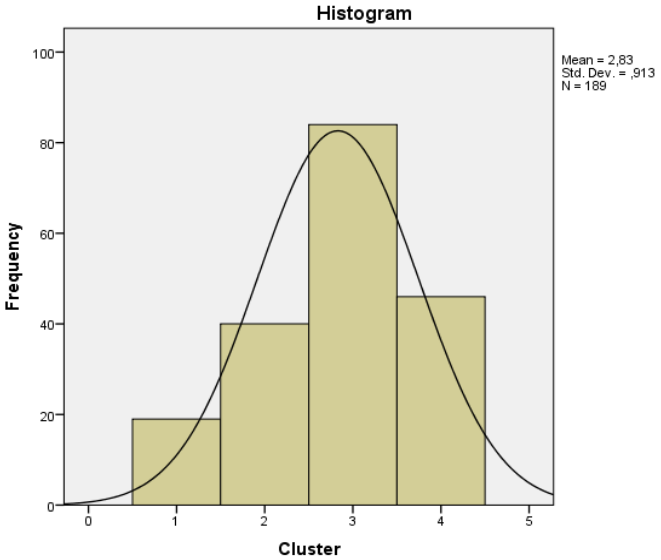


Рис. 2. **Распределение кластеров/«миров», полученных в результате кластерного анализа стран мира по их среднему ИРЧП, 2017 год**

Примечание: слева направо – кластер/«мир» с очень низким ИРЧП, кластер/«мир» с низким ИРЧП, кластер/«мир» со средним ИРЧП, кластер/«мир» с высоким ИРЧП.

Табл. 2.

Сравнение показателей стран мира в авторских «мирах» и в группах ПРООН, *n*=189 стран, 2017 год

Авторские «миры»	Количество стран в группе, среднее, минимальное и максимальное значение ИРЧП, коэффициент статистической значимости теста Холмогорова–Смирнова		Группы стран мира по классификации ПРООН
«Мир» с очень низким ИРЧП	19 стран Среднее **0.432** Минимум **0.354** Максимум **0.477** *p*-коэффициент **0.862**	38 стран Среднее **0.475** Минимум **0.354** Максимум **0.546** *p*-коэффициент **0.394**	Группа с низким ИРЧП
«Мир» с низким ИРЧП	40 стран Среднее **0.558** Минимум **0.492** Максимум **0.627** *p*-коэффициент **0.471**	39 стран Среднее **0.630** Минимум **0.556** Максимум **0.699** *p*-коэффициент **0.579**	Группа со средним ИРЧП
«Мир» со средним ИРЧП	84 страны Среднее **0.743** Минимум **0.640** Максимум **0.825** *p*-коэффициент **0.711**	53 страны Среднее **0.750** Минимум **0.700** Максимум **0.798** *p*-коэффициент **0.769**	Группа с высоким ИРЧП
«Мир» с высоким ИРЧП	46 стран Среднее **0.894** Минимум **0.831** Максимум **0.953** *p*-коэффициент **0.468**	59 стран Среднее **0.875** Минимум **0.800** Максимум **0.953** *p*-коэффициент **0.439**	Группа с очень высоким ИРЧП

Выводы:

1. развитие человеческого потенциала, как динамический процесс, возможен и желателен «для всех и каждого», и в реальности среднемировой ИРЧП в 1990–2017 годах неуклонно увеличивался;

2. распределение ИРЧП в каждом году изучаемого периода (исключая лишь 2005–2007 годы) соответствовало кривой Гаусса – т.е., каждое статическое среднее значение общемирового ИРЧП подразумевает наличие стран, отстающих от этого среднего уровня и опережающих его;

3. страны в современном мире дифференцируются на группы – отдельные «миры», в каждом из которых – свой средний уровень и своё распределение ИРЧП, соответствующее кривой Гаусса на каждой новой ступени развития человеческого потенциала;

4. «развитие для всех и каждого» – это хороший лозунг, но одинаково высокий ИРЧП для всех стран мира в реальности объективно невозможен, и большим достижением человечества может считаться то, что менее развитый «хвост» будет иметь более высокий темп роста ИРЧП.

Список литературы

1. ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2016: Человеческое развитие для всех и каждого. Резюме / United Development Programme. N.Y.: UNDP, 2016. 40 с.

2. Davis C.H. Theory of the Motion of the Heavenly Bodies Moving about the Sun in Conic Sections: A Translation of Gauss's “Theoria Motus” / C.H. Davis. Boston: Little, Brown and Company, 1857. P. 316.

3. Human Development Data (1990–2017). [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/en/data/trends# (Дата обращения: 30.10.2018 г.).

4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 415 с.

5. Komarova V. Many “Developments” in One World / V. Komarova. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. P. 73.

V. Komarova, Y.M. Vasserman, N. Selivanova-Fyodorova

IN WHAT WAY WORLD COUNTRIES ARE DIFFERENTIATED ACCORDING TO THE LEVEL OF HUMAN DEVELOPMENT

The main research issue within the framework of this article is the following: what happens to human development in the world countries which are beyond the average indicators, and is it possible to achieve the equally high level of human development for everyone? The authors

have tried to answer this question with the help of diachronic and synchronic analyses of the Human Development Index (HDI) in the period 1990–2017, as well as using cluster analysis. The authors have obtained the results testifying the differentiation of the world countries into separate groups (“worlds”) every one of which has its own average level of human development, and the HDI of the countries within each group varies in accordance with the Gauss curve, i.e. it is normally distributed.

Key words: Human Development Index, normal distribution, cluster analysis.

УДК 159.9.019.43

А.А. Комиссаров

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

В данной статье автором рассматриваются научные подходы отечественных ученых, педагогов-исследователей по вопросам формирования нравственного сознания и поведения. Изучаются работы Н.И. Болдырева, который утверждал, что процесс нравственного воспитания начинается с формирования нравственного сознания. Проведен анализ теоретических положений педагогов советского периода относительно проблемы формирования нравственного поведения. В заключении автор подводит итог о важности и необходимости формирования нравственного поведения современной молодёжи.

Ключевые слова: нравственность, молодость, поведение, воспитание.

Сегодня в современной России наряду с социально-политическим кризисом происходит разрушение идеологических основ общества. Ослабевает роль морали и нравственности как основного духовного регулятора поведения. Все это актуализирует проблему поиска источников, способных повысить уровень морально-нравственных и поведенческих норм современной молодежи.

Вопросам формирования нравственного сознания, как части нравственного воспитания и поведения молодежи, были посвящены труды И.Ф. Харламова, Е.В. Ковтуновой, Е.В. Бондаревской и др.

Молодостью принято называть период в жизни человека от 14 до 30 лет – между детством и взрослым состоянием.

Согласно возрастной периодизации Э. Эриксона молодость характеризуется вступлением человека в интенсивную личную жизнь и профессиональную деятельность. Это период становления, самоутверждения себя в любви, сексе, карьере, семье и обществе.

В период молодости происходит включение во все виды социальной жизни и овладение различными социальными ролями, продолжается профессиональное становление личности, усложняются критерии оценки себя как компетентного специалиста.

Многочисленные исследования в области уровня нравственного развития современного общества показывают, что духовно-нравственное воспитание молодежи уходит на второй план. Всё чаще молодые люди подвергаются влиянию стихийных факторов воспитания: улица, СМИ, социальные сети, видеоканалы на платформе YouTube без цензуры и др.

Известно, что формирование нравственного поведения личности изначально идёт из семьи. Семья является первоисточником нравственного вос-

© Комиссаров А.А., 2018

питания и традиций. Семейные традиции и воспитание являются основными элементами формирования нравственности современной молодежи.

Понимание нравственности в советской школе отражали следующие направления работы: 1. формирование нравственных качеств советского человека, представляющих формулу морального идеала; 2. установка на воспитание коллективиста, общественные интересы которого должны быть выше личных; 3. ориентация на развитие классового самосознания; 4. трудовое воспитание как составная часть нравственного воспитания[3;16].

Выдающийся советский педагог А.С. Макаренко рассматривал процесс воспитания как основополагающий в педагогической работе. Он говорил о том, что воспитание представляет собой определенный нравственный минимум, который служит средством выработки моральной устойчивости, с помощью которого молодые люди были бы способны противостоять отрицательному воздействию со стороны, овладеть способами сопротивления нежелательным, с точки зрения нравственности, поступкам [3; 16–17]. Поведение педагог связывал с сознанием, а формирование индивидуального сознания – с жизнью коллектива.

Опираясь на научные труды Н.И. Болдырева отмечается, что на нравственное поведение молодёжи влияет ряд факторов: воздействие окружающей среды, круга общения, жизненных явлений, материальной и духовной составляющей жизни молодого человека и семейного воспитания. Он выделяет два основных направление в работе, направленной на формирование нравственного сознания молодежи: 1. непосредственное воздействие на сознание индивида, знакомство с нравственными нормами и правилами, его нравственное просвещение; организация личного опыта человека, выработка у него необходимых навыков и привычек, воспитание и развитие нравственных качеств [1; 12].

Согласно определению, ученого В.Т. Чепикова «нравственное качество есть динамичная интегративная совокупность психических процессов, состояний и свойств, характеризующих потребностно-мотивационную, интеллектуально-чувственную и поведенческо-волевую сферы личности, содержащие и структура которых определяет её субъективные отношения к окружающей действительности и соответствующим образом проявляются в поведении и деятельности».

В работах исследователя Б.О. Николаевича рассматривается соотношение и взаимодействие осознаваемых и неосознаваемых моментов в нравственном поведении личности. Он обратил внимание на то, что среди привычных форм нравственного поведения следует различать нравственные привычки в узком смысле слова, как отдельные однотипные действия, совершающиеся неосознанно и почти автоматически в определенных ситуаци-

ях, и нравственные привычки как поведение, совершаемое в привычных условиях под влиянием стойких ценностных ориентаций [4; 72]. Неосознанной нравственной деятельностью называется деятельность, нравственный мотив которой актуально не осознан. Устойчивые формы поведения, будучи много раз повторенными, начинают функционировать неосознанно. Ученый, подчеркивая положительное значение нравственных привычек, указывает, что они закрепляют накопленный личностью нравственный опыт, делают поведение личности устойчивым, последовательным, оперативным и освобождают сознание для решения более сложных нравственных вопросов[4;53].

В трудах Б.О. Николаичева отмечается, что нравственное поведение личности часто осуществляется без осознания тех мотивов, которые лежат в его основе, непроизвольно, под влиянием непосредственного нравственного чувства, без особых сознательных усилий и размышлений [4; 69].

Согласно науке, изучающей нравственность, нормативная система, имеющая место в нашем обществе, является идеалом, который вряд ли когда-нибудь сможет быть реализован. Именно поэтому все разговоры о распущенности молодежи, отсутствии нравственных качеств и моральных норм следует рассматривать как вызов, который должен способствовать дальнейшей целенаправленной работе, направленной на формирование нравственного поведения современной молодежи.

Список литературы

1. Болдырев Н.И. Нравственное воспитание учащихся. Вопросы теории. М.: Педагогика, 1979. 224 с.
2. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. М. Ростов н/Д, 1999. С. 39–44
3. Мотина Е.Ю. Формирование опыта морального поведения старших школьников. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2005. 184 с.
4. Николаичев Б.О. Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности. М.: Изд-во МГУ, 1976. 96 с.

A.A. Komissarov

THEORETICAL APPROACHES TO FORMATION OF MORAL BEHAVIOR OF TODAY'S YOUTH

In this article the author considers the scientific approaches of domestic scientists, teachers and researchers on the formation of moral consciousness and behavior. Studies of H. And. Boldyreva, who argued that the process of moral education begins with the formation of moral consciousness. The analysis of theoretical positions of teachers of the Soviet period concerning a problem of formation of moral behavior is carried out. In conclusion, the author summarizes the importance and necessity of formation of moral behavior of modern youth.

Key words: morality, youth, behavior, education.

УДК 316.25

А.Е. Кузнецов

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СХИЗМА

Кризис социологической теории объясняется попыткой построить теорию действия на основе рационалистического объяснения «значения» действия. Такое объяснение невозможно и в случае Вебера – Шюца приводит к индетерминистскому объяснению в духе К.Поппера, в случае Мертона – к отказу от построения большой теории.

Ключевые слова: социологическая теория, Р.К. Мертон, А. Шюц.

Эта статья посвящена неактуальной проблеме. Классическая теория мертва. Старые авторы забыты (надежным признаком чему служит их замкнутость в обязательных обзорах литературы во вступительных частях статей и диссертаций) либо подвергаются самым экстраординарным прочтениям: Дюркгейм более не предтеча позитивизма. Роулз убеждает нас в том, что не Шюц с *Lebenswelt*, а Дюркгейм с социальным фактом – предтеча этнометодологии [1]. Современные концепции представлены исключительно экзотическими ответвлениями. Это социологии, (по)читаемые только самими авторами–основателями и первым поколением учеников – актор-сетевая теория (Латур, Каллон, за ними – Лоу), обоснованная теория (Страусс и Глезер, за ними – Корбин и Шармаз), этнометодология и конверсационный анализ (Гарфинкель, Щеглофф, Джефферсон, за ними Либерман, Линч и Джайусси). Теоретический синтез не происходит: Парсонс и Гидденс, попытавшиеся синтезировать противоречивых классиков в единую теоретическую схему, неактуальны. Символический обмен? Интеракционизм? Только социальный конструктивизм может похвастаться большим числом последователей. Но недавно Бергер и Лукман заявили, что их неправильно поняли – они не конструктивисты [2, 3]. Правда, эксцессы конструктивистского увлечения были разоблачены еще до того [4].

Признаки теоретического раскола в социологии налицо. Здесь и формальное почитание канонических текстов, и новаторские интерпретации, и отречения. Что пошло не так? И когда?

Причины кризиса теории в социологии неоднократно обсуждались в литературе и вопрос этот слишком обширен для формата тезиса. Ограничимся только двумя (положительными) примерами известных авторов, вовремя покинувших проект большой социологической теории еще до того, как он разбился о льды 60–х (с которых начинается новое время в социологии). Это Шюц и Мертон.

© Кузнецов А.Е. 2018 г.

Столь велико было впечатление от ранних работ Шюца с концепцией *Verstehen*, что комментаторы неизменно относили его к числу феноменологических вдохновений качественной социологии (что бы ни имелось в виду под последней). Шюц питается идеями Вебера и Гуссерля [5]. Шюц критикует Вебера. Но в одной из последних работ он вдруг возвращается к идеально-типическому конструкту и идее рационального целенаправленного действия Вебера [6, p. 271; 7, p. 61 ff.; 8, p. 90 ff.]: (1) исследователь наблюдает некоторые факты и события, из них конструирует типическое поведение или паттерны действия; (2) он координирует эти типические паттерны с моделями идеальных акторов, которых он в воображении наделяет сознанием; (3) этому *фиктивному* сознанию он приписывает набор *типичных* понятий, задач, целей; (4) "этот гомункулус или кукла", как называет его Шюц, будет логичен и адекватен; ими исследователь "населяет свою модель социального мира повседневности" [6, p. 270]. Это не только переиздание идеально-типического метода Вебера, но и аналог зеро-метода Поппера. В «Нищете историцизма» (1936/1957) Поппер аргументирует *единство объекта и методов в естество- и обществознании*. Здесь он предлагает метод логической или рациональной конструкции («zero метод»): (1) предполагается, что люди действуют рационально и что их знания о последствиях их действий полные, (2) *конструируется* модельное поведение; (3) наблюдается действительное поведение людей; (4) сравниваются модельное и действительное поведение; делаются выводы о влиянии «предрассудков и т.д.» [9, p. 141–142]. Итак, эволюция теории действия от Вебера через Шюца ведет не к качественной социологии и не к большой теории в принципе, а к ортодоксальному индетерминизму.

Молодой Мертон проводит опыт с рациональной теорией действия еще в *Merton 1938*, где он раньше (Шюца, Поппера) и лучше (Вебера) понимает бесполезность работы с типологиями действия: нельзя определить, чем конформизм (например) рациональнее ритуализма или любого другого способа действия [10]. Здесь ничего не меняет введение воображаемого идеально-типического или модельного типа. Рациональность теоретически бесполезна, независимо от того, какой тип действия мы ставим в основу анализа – конформистский, идеально-типический или иной. Мы знаем, что дальше Мертон ограничивается теорией *среднего* уровня, а его «эффект Матфея», как кажется, выражает глубокое разочарование не только в большой социологической *теории*.

Возможно, еще в *Merton 1936* он мог убедиться в том, что большая социологическая теория движется в направлении рационалистического тупика. Мертон находит 4 причины непредвиденных последствий преднамеренного действия (т.е. когда нарушена связь между действием и его «значением»,

столь важная для Вебера и Шюца). Это (1) незнание, (2) ошибка, (3) недооценка отдаленных последствий и (4) противодействие других участников, *если им известно намерение действующего* [11]. Здесь все неверно. Три первые причины сводятся к одной и устраняют соответствие средств и целей, т.е. саму рациональность действия [12, p.102; 13, p.97]. Но последняя ошибка замечательна. Касательно 4–го источника, в этом последнем типе рационального действия, Мертон считает, что *объявленное* значение действия («прогноз») влияет на результат. Конечно, *верность* прогноза вообще не играет никакой роли. Поскольку же участники *всегда* составляют себе представление о целях действия, само объявление намерений тоже не играет роли: «прогноз» Мертона тождествен «значению действия» Вебера и Шюца. Однако это ошибка *выдающегося* ученого. Ведь в 1936 году он нашел препятствие, которое не увидели, например, классики (квази)экспериментального дизайна Кемпбелл и Стэнли.

Такой дизайн призван найти причины и следствия действия путем манипулирования стимулами и откликами. Среди угроз валидности эксперимента они числят «историю» (во время эксперимента экспериментальная и контрольная группа участников подвергаются постороннему влиянию) и «реактивность» (влияющая только на экспериментальную группу) [14, pp.5, 8, 13, 20 ff.]. Вмешательство этих событий аналогично наличию ненадежного «прогноза» и требует проведения расширенного эксперимента (аналогичного плану Соломона, где эффект верного «прогноза» должен учитываться аналогично эффекту первого измерения) . Однако если мы не знаем, верен ли прогноз, мы не можем определить, в 1–й либо 3–й строках дизайна следует учитывать эффект верного «прогноза». Это замкнутый круг. Если мы *можем* определять верное значение действия, то теория действия нам не нужна. Если *не можем*, то она невозможна.

Итак, поиск рационалистического объяснения «значения» действия бесперспективен. Но большая социологическая теория продолжает этот поиск. Шюц случайно, а Мертон осознанно – прекратили эту работу. В большой социологической катастрофе только двое выживших. Но кто сегодня будет читать статью 1936 года?

Список литературы

1. Rawls A.W. Editor's Introduction / A.W. Rawls // Garfinkel H. Ethnomethodology's Program / Ed. Anne Rawls. Boston: Rowman and Littlefield. 2002. P. 1–64.

2. Vera H. Rebuilding a Classic: The Social Construction of Reality at 50 / H. Vera // Cultural Sociology. 2016. Vol. 10(1). P. 3 –20. DOI: 10.1177/1749975515617489 (Accessed 03 October 2018)

3. Vera H. An Interview with Peter L. Berger: Chamber Music at a Rock Concert / H. Vera // Cultural Sociology. 2016. Vol. 10(1). P. 21–29. [Электронный ресурс]. DOI: 10.1177/1749975515616825 (Accessed 03 October 2018)

4. Hacking I. The social construction of what? / I. Hacking. Cambridge, MA, & London: Harvard University Press, 1999. 256 p.

5. Dreher J. Alfred Schutz / J. Dreher // The Wiley–Blackwell companion to major social theorists; Vol. 1 Classical social theorists / Ritzer, George et al. (eds.). Malden, Mass.: Wiley–Blackwell, 2011. P. 489–510.

6. Schutz A. Concept and theory formation in the social sciences / A. Schutz // The Journal of Philosophy. 1954. Vol. 51. №9 (Apr. 29). P. 257–273. [Электронный ресурс]. DOI: 10.2307/2021812 (Accessed 03 October 2018)

7. Schutz A. The phenomenology of the social world / A.Schutz (G. Walsh & F. Lehnert, Trans.). Evanston, IL: Northwestern University Press, 1972. 252 p.

8. Weber M. On the methodology of the social sciences / M. Weber; translated and edited by Edward A. Shils and Henry A. Finch; with a foreword by Edward A. Shils. Glencoe, IL: The Free Press, 1949. 188 p.

9. Popper K.R. The poverty of historicism / K.R. Popper. Boston: The Beacon Press, 1957. 161 p.

March J. G. How Decisions Happen in Organizations / J. G. March // Human–Computer Interaction, 1991. Vol. 6. P. 95–117.

10. Merton R.K. Social structure and anomie / R.K. Merton // American Sociological Review. 1938. Vol. 3. № 5. P. 672–682. [Электронный ресурс]. DOI:10.2307/2084686. (Accessed 03 October 2018)

11. Merton R.K. The unanticipated consequences of purposive social action / R.K. Merton // American Sociological Review. 1936. № 1. P. 894–904. [Электронный ресурс]. DOI: 10.2307/2084615 (Accessed 03 October 2018)

12. Simon H. A. A behavioral model of rational choice / H. A. Simon // The Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. № 1. P. 99–118. [Электронный ресурс]. DOI: 10.2307/1884852. (Accessed 03 October 2018)

13. March J. G. How decisions happen in organizations / J. G. March // Human–Computer Interaction, 1991. Vol. 6. P. 95–117. [Электронный ресурс]. DOI: 10.1207/s15327051hci0602_1 (Accessed 03 October 2018)

14. Campbell D. T. Experimental and quasi–experimental designs for research / D. T. Campbell, J. C. Stanley. Boston: Houghton Mifflin, 1963. 77 p.

A.E. Kuznetsov

SOCIOLOGICAL SCHISM

The crisis of sociological theory can be a result of the general tendency to build the theory of action upon rationalistic explanation of its presumed “meaning”. I think that that kind of explanation is destined to fail and that two authors managed to have escaped that spell. Schutz nearly lapsed into indeterminism of Popperian stile. But Merton seems to have had anticipated the rationalistic fallacy very soon after 1936.

Keywords: sociological theory, R.K. Merton, A. Schutz.

УДК: 316.423

М.И. Лихачева

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВОЛОНТЕРСКИХ ДВИЖЕНИЙ

В статье дается характеристика волонтерского труда с точки зрения известных в истории науки традиций. Рассмотрены научные подходы к изучению волонтерских движений. Раскрывается суть мотивационного подхода к изучению волонтерских движений. Сделаны выводы о сильных и слабых сторонах мотивационного подхода.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерский труд, волонтерские движения, подходы к исследованию волонтерских движений, мотивационный подход.

Современное общество активно развивается. Появляются новые формы социальных институтов, различных социальных групп и движений. В наше время все большую популярность и масштабность приобретают волонтерские движения. В обществе возникают определенные социальные проблемы, которые не могут решиться без участия волонтеров. Волонтеры готовы оказывать бескорыстную помощь обществу и людям, которые в этой помощи нуждаются.

Теоретико-методологические исследования волонтерского труда опираются на известные в истории науки традиции, которые изучают на религиозных ценностях, социалистических идеях и либеральных ценностях свободы труда человека.

– *Безвозмездный труд*, который основывается на заповеди «Помоги ближнему», был типичен для религиозных общин. Труд здесь основывается на норме альтруистической взаимопомощи, которая проявляется на уровне семьи, рода, племени. Альтруизм является способностью человека ставить благополучие других выше своего собственного. Схожая мотивация, основанная на альтруизме, рассмотрена в работах М.Вебера [1, с.44–272], где также показана и социальная функция религиозного труда. Религиозность индивидов в какой–то мере выступает регулятором их деятельности.

– *Добровольный труд*, основывающийся на общественной собственности в социалистическом и коммунистическом обществе. В.И. Ленин определил его следующим образом «Коммунистический труд есть бесплатный труд на пользу общества, <…> труд добровольный, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, труд по привычке трудиться на общую пользу <…>, труд, как потребность здорового организма» [2, с.315]. Труд при коммунизме реа-

© Лихачева М.И., 2018

лизовывался безвозмездно «от каждого по способностям, каждому – по потребностям».

– *Свободный труд*. Предполагает стремление, а также способность к самоопределению в обществе, где есть все необходимые условия для выявления творческого ресурса людей на базе гуманизма, свободы и демократии, социальной ответственности бизнеса и государства.

Специфическая роль в третьем секторе (некоммерческие организации) принадлежит частным благотворителям, небогатым идеалистам, активистам общественных организаций [3, с.85–86]. В прошлом организатором общественного обслуживания была церковь. Позднее инициативу переняли различные частные ассоциации, множественные благотворительные организации и фонды. В российских исследованиях [4], независимый, третий сектор рассматривается как основание гражданского общества. Труд, который создает такое гражданское общество – это свободный труд.

Таким образом, мы имеем представление о труде волонтеров, понимаем, откуда берутся его истоки и как данное понятие рассматривается с точки зрения известных в истории науке традиций. Теперь мы можем перейти к следующему этапу, к подходам изучения волонтерских движений.

Волонтерские движения рассматриваются с точки зрения различных подходов. Одним из них является *деятельностный подход*, суть которого в рассмотрении добровольчества, как особого вида деятельности в общей системе образа жизни участников волонтерского движения. Еще один популярный подход – *институциональный*. С точки зрения данного подхода, для волонтерского движения выделяют его наиболее общие признаки как социального института. Следующий подход – *аксиологический*. Он направлен на объяснение ценностной основы участников волонтерских движений. Такая ценностная основа проявляется как на личностном, так и на социетальном уровне [5].

Важность волонтерства как ресурса отмечали многие ученые, в том числе и социологи. Было выявлено, что некоммерческие организации не могут успешно осуществлять собственные задачи мобилизации волонтеров как основного ресурса. Для некоммерческих организаций важно не только привлекать необходимое количество волонтеров, но и сделать так, чтобы они задержались в данной организации. Ключевым фактором в формировании программ по работе с волонтерами является их мотивация. Благодаря знанию реальных мотивов волонтеров, мы можем повлиять на длительность участия и качество волонтерского труда [6].

Поэтому подробнее мы остановимся на *мотивационном подходе*, поскольку для того, чтобы волонтерские движения могли эффективно выпол-

нять свою работу, они должны привлекать и мотивировать индивидов для участия в такой деятельности. Люди – это главный ресурс волонтерских движений.

В России мотивационным подходом пользовалась Л. Кудринская [7], она изучала мотивы волонтерских практик. Волонтеры, использовавшие религиозные или гуманные ценности, такие как оказать помощь ближнему, сделать доброе дело, осуществив нормы референтной группы и др., носят традиционно-ценностную мотивацию. Добровольцы, которые через подобную активность ищут возможность приобрести новые социальные связи, информацию, опыт, какие-либо знания, имеют мотивацию социально-экономической адаптации. Исследовательница впервые выявила различия в направлениях волонтерства. Основной ее вывод – каждый человек выбирает для себя вид волонтерской деятельности в соответствии с собственными потребностями и мотивами [8]. У каждого человека они индивидуальны.

Раскрывая особенности мотивации участников волонтерских движений, О.В. Решетников обращает внимание, что основополагающие мотивы волонтерских практик должны соответствовать следующим принципам: обладать социально значимым позитивным характером, соответствовать общечеловеческим ценностям, сохранять личностные отличия добровольцев, содействовать развитию волонтерской деятельности, осуществлению ее целей и задач. Его коллега, Д.А. Леонтьев отмечает: «Сам мотив – это половина дела, это стартовая точка; мотив порождает свои вторичные регуляторы, которые помогают деятельности не отклониться от курса и позволяют довести деятельность до конца» [9]. Это значит, что волонтерская деятельность вызвана рядом других, не менее важных факторов, которые не зависят от желаний личности.

Еще одна исследовательница Е. Азарова [10] показала, что люди, которые занимаются добровольческой деятельностью, обладают представлением о себе, как о сильных личностях. Они имеют свободу выбора, достаточную для того, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Вследствие чего становится заметной независимость ценностей индивидов и их поведения от внешней среды. Индивиды, которые задействованы в волонтерских движениях, характеризуются как творческие, самодостаточные личности, которые стремятся к новым знаниям, хорошо ориентируются в своих чувствах и умеют произвести рефлексию. Таким образом, получается, что волонтерские движения положительно влияют на личность, на ее личностные особенности.

В российской действительности, на современном этапе исследования волонтерских движений, наиболее популярен *функциональный подход*. Его

сторонники полагают, что человек остается волонтером до тех пор, пока эта деятельность продолжает выполнять функции, соответствующие его мотивам.

Обобщив представленные подходы и рассмотрев более подробно мотивационный подход, мы хотим выделить его сильные и слабые стороны при изучении мотивации участников волонтерского движения.

На данный момент времени мотивационная теория является наиболее важным подходом к пониманию причин безвозмездного труда индивидов, основанного на общественных началах. Эта теория обладает эмпирической поддержкой, что позволяет использовать ее исследователями во всем мире. Благодаря пониманию мотивов индивидов, волонтерская деятельность организуется наиболее эффективно. Также, ввиду осознания мотивации можно понять не только, почему волонтеры пришли в волонтерское движение, но и то, почему они там остаются, почему они занимаются такими практиками регулярно, что очень важно для благополучного развития такого движения.

К сожалению, исходя из особенностей мотивации участников, из–за ее большого разнообразия, нельзя создать единую теорию, единый подход, который бы мог выявить универсальные мотивы волонтеров, что упростило бы саму организацию волонтерского труда. Отсутствие такой теории значительно затрудняет привлечение потенциальных волонтеров. Также возникают сложности с удержанием добровольцев в волонтерском движении.

Подводя итог, стоит заметить, что изучению мотивации волонтеров уделяется большое внимание. Данные исследований позволяют нам сделать вывод о том, что изучение мотивации волонтеров очень важно, поскольку именно благодаря пониманию соотношения мотивов индивидов и волонтерских практик, можно говорить об эффективности такой деятельности в целом. Мы будем придерживаться принципа, что не всегда мотивы альтруизма, которые проявляются на внешнем плане, являются таковыми в действительности. На самом деле, они могут скрывать за собой извлечения определенной личной выгоды для индивида.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1991. 808 с.
2. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40. М.,1974. 506с.
3. Хайек Ф. Общество свободных /Пер. с англ. А.Кустарева, ред. Ю. Колпера, предисл. Э.Батлера.–Лондон. Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. С. 84–87.

4. Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития // Материалы научной конференции. // Институт федерализма и гражданское общество. М.: Северо-Принт, 2001. 144 с.

5. Певная, М.В. Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства / М. В. Певная // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 174–180.

6. Косова, У.П. Мотивация волонтерской деятельности / У.П. Косова // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2012. 2 (20). С.123–127.

7. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. №. 5.С. 15–22.

8. Кудринская, Л.А. Мотивация добровольческого труда: теоретические подходы в социологии / Л.А. Кудринская // Гражданское общество в России: опыт участия женских НПО: сб.материалов. М., 2004. с. 71–77.

9. Леонтьев, Д.А. Понятие мотива и проблема качества мотивации / Д.А. Леонтьев // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2016. №2. С.3–18.

10. Азарова Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности. Кемерово, 2008. 192 с.

M.I. Likhacheva

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF VOLUNTEER MOVEMENTS

The article describes the characteristics of volunteer work from the point of view of traditions known in the history of science. The scientific approaches to the study of volunteer movements are considered. The essence of the motivational approach to the study of volunteer movements is revealed. Conclusions about the strengths and weaknesses of the motivational approach.

Keywords: volunteering, volunteer work, volunteer movements, approaches to the study of volunteer movements, motivational approach.

УДК 316.354:351/354

А.Е. Меньщикова

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ЧУВСТВА ПРОТИВ ДОСТАТКА

В статье описаны подходы к оценке и измерению качества жизни населения в отечественной и зарубежной социологии. Раскрыта интегральная матричная концепция голландского социолога Р. Винховена, определяющего четыре параметра качества жизни. Отмечены особенности и недостатки данной теории.

Ключевые слова: качество жизни, счастье, параметры, оценка качества жизни, измерение, четырехкратная матрица.

Для современного российского общества характерна всеобъемлющая роль модернизационных и интеграционных процессов. Существует объективная необходимость изучения процессов управления качеством жизни населения в регионах. Социологический анализ региональной системы управления качеством жизни населения может стать важным инструментом для выработки практических рекомендаций в сфере социального развития и социальной политики. Одной из ключевых проблем, связанных с управлением качеством жизни, выступает проблема измерения и оценки данного феномена: отсутствует единый унифицированный подход, который включал бы конкретные параметры оценки качества жизни населения в России.

В российской социологии представлен «количественный» подход к измерению и оценке качества жизни населения. Главным параметром оценки в данном случае выступает уровень жизни, включающий материальное благосостояние, доход граждан, обеспеченность услугами. В основе этого подхода лежит экономическая концепция социального развития страны после вступления России в ВТО. Для составления наиболее обширной оценки категории «качество жизни населения» предложены четыре блока характеристик, каждый из которых включает в себя параметры экономического, антропогенного, социально-демографического характера. Таким образом, обозначенные параметры можно концептуализировать в общую структуру качества жизни, которая представлена на рисунке 1 [1].

© Меньщикова А.Е., 2018

Рис. 1. **Структура параметров оценки качества жизни населения**

Генеральный директор Всероссийского центра уровня жизни В.Н. Бобков считает, что с точки зрения методологии, и для практических целей весьма важно оценить качество жизни не только в целом, но и по каждой из основных сфер жизнедеятельности людей. К таким сферам относятся [2]:

трудовая жизнь;

сфера развития способностей людей;

семейная жизнь;

быт и поддержание здоровья;

жизнь нетрудоспособного населения;

досуговая сфера;

окружающая среда;

жизнь в экстремальных экономических ситуациях.

В целом, ряд определений качества жизни весьма разнороден – от чрезвычайно узкого его понимания как субъективного восприятия до более широкого, включающего показатели благосостояния и развития человека. Каждый авторский подход отличается своим набором параметров, характеризующих состояние качества жизни населения. В связи с переходом мирового сообщества в фазу постиндустриального развития было решено изменить практику измерения качества жизни путем расширения параметров: к утвердившимся экономическим критериям развития общества («уровень жизни населения») были добавлены новые параметры социального характера, которые были обозначены в программах ООН при обсуждении вопросов человеческого развития и борьбы с бедностью в мире. Таким образом на Западе была сформирована концепция качества жизни, в которой центральное место отводится человеку, его развития и идее формирования гуманистического

общества. В поддержку этого подхода многие авторы предлагали перечень наиболее значимых элементов социальной составляющей качества жизни. Так, Кэмпбелла, Конверса и Роджерс в «Качество жизни в Америке», выделили следующие социально значимые индикаторы качества жизни [3]:

здоровье;

супружеские и семейные взаимоотношения;

экономическая и политическая ситуация в стране;

наличие друзей и увлечений;

место жительства и состояние жилья;

интересная работа;

вероисповедание;

надежность банка;

участие в политической жизни.

В зарубежных социально-гуманитарных науках существуют разные подходы и параметры, по которым предлагается производить оценку качества жизни населения. Так, можно привести в качестве примера работу австралийского социального психолога Роберта Камминса «Комплексная шкала оценки качества жизни» [4], в которой Камминс рассматривает качество жизни как совокупность объективных и субъективных компонентов, каждый из которых разделен на следующие семь доменов:

материальное благосостояние: измеряется по доходу, качеству жилья и имущества;

здоровье: измеряется по количеству инвалидов и медицинскому потреблению;

производительность: измеряется деятельностью в сфере труда, образования и отдыха;

близость: контакты с близкими друзьями, наличие поддержки;

безопасность: воспринимаемая безопасность дома, качество сна, беспокойство;

место в сообществе: социальная деятельность, ответственность, способность давать и получать советы;

эмоциональное благополучие: возможность делать или иметь что-то нужное, наслаждаться жизнью.

В зарубежной социологии одна из первых попыток формулирования модели оценки качества жизни населения была предпринята в исследовании сравнительного благосостояния под руководством Эрика Аллардта. В данном исследовании благосостояние человека (или качество жизни) измерялось с использованием следующих параметров [5]:

доход;

наличие собственного жилья;
политическая поддержка;
социальные связи и их интенсивность;
чувство незаменимости;
возможность делать интересные вещи;
характеристики здоровья;
уровень образования;
удовлетворенность жизнью.

Аллардт классифицировал эти показатели, используя классическое различие между концептами «иметь», «любить» и «быть», во многом по смыслу взятыми из гуманистической психологии.

С точки зрения концепции национального благосостояния или сравнения качества жизни по мировым нациям ведущую роль занимает известная концепция оценки и мониторинга, разработанная ООН – Индекс Человеческого Развития, включающий в базовом варианте 3 показателя качества жизни:

1. Ожидаемая продолжительность жизни.
2. Уровень образования.
3. Покупательская способность на душу населения.

Голландский исследователь, профессор Университета им. Эразма Роттердамского Рут Винховен выдвигает собственную концепцию измерения качества жизни, противоположную тем теориям, которые распространены в отечественной социологии. На протяжении длительного периода Винховен занимался исследованием счастья в европейских странах, а также в России. В концепции Винховена сочетаются социологический и психологический подходы к оценке качества жизни. Рассмотрев все вышеперечисленные подходы, Винховен дает авторскую оценку и критическое осмысление содержательных компонентов качества жизни в каждом из них. Качество жизни, по Винховену, тождественно по содержанию таким понятиям, как «счастье» или «благосостояние». Винховен на основе изученных концепций сформулировал собственную интегрированную модель оценки качества жизни («четыре качества жизни»), включающую в себя 4 ключевых параметра (вместе образующих «полное счастье человека») [6]:

1. Жизнеспособность окружающей среды – удовлетворительные условия (экологические, социальные, экономические и пр.) жизни.

2. Жизненная способность человека – насколько хорошо люди готовы справляться с проблемами в жизни (вопросы здоровья, бедности и пр.).

3. Полезность жизни – представление о том, что хорошая жизнь должна быть хорошей для чего-то большего, чем для самого себя, т.е. установка

на то, что человек стремится принести пользу обществу, внести свой вклад во что-то социально значимое и ценное для поколений.

4. Оценка жизни (общая удовлетворенность) – оценка субъективного благополучия, собственной успешности в жизни, обобщение жизненного опыта.

Данные параметры получены путем сочетания двух дихотомий: внутреннее и внешнее качество жизни (горизонтально); жизненные шансы и жизненные результаты (вертикально). В итоге получена четырехпараметровая матрица, представленная в таблице .

Четырехпараметровая матрица качества жизни по Р. Винховену [6]

	Внешнее качество	Внутреннее качество
Жизненные шансы	Жизнеспособность окружающей среды	Жизненная способность человека
Жизненные результаты	Полезность жизни	Оценка жизни

Винховен считает, что в совокупности эти параметры образуют объемный концепт «счастье». Людям свойственно интуитивно оценивать свое качество жизни, опираясь на чувственный опыт, эмоциональное богатство, нежели на обладание некими материальными благами. По Винховену, нельзя говорить о качестве жизни в целом, поскольку с эмпирической точки зрения гораздо логичнее различать выделенные им 4 качества. Наиболее полным и оптимальным, по мнению Винховена, показателем качества жизни является то, как долго и счастливо живет человек, как он сам оценивает свою жизнь с точки зрения приобретенного опыта.

Предложенная голландским социологом модель, на наш взгляд, выступает четким и устойчивым способом измерения качества жизни. Однако, и у этой концепции есть определенные недостатки. В теории Винховена большая роль отводится субъективным, абстрактным предположениям и категориям. Концепты, вводимые автором, являются абстрактными и не совсем полными по своему содержанию. Любая количественная оценка предполагает опору на концепты, которые представляют феномен в упрощенном, редуцированном виде, что не позволяет произвести полную и строгую оценку исследуемого явления.

Список литературы

1. Энциклопедический справочник. Продовольственная безопасность, термины и понятия. [Электронный ресурс]. URL: http://vocable.ru/slovari/prodovolstvennaja-bezopasnost-terminy-i-ponjatija-enciklopedicheskii-spravochnik.html (Дата обращения: 1.11. 2018).

2. Интервью В.Н. Бобкова для журнала «Общество и экономика», № 2, 2000. С.44.

3. Cambell A. The Quality of American Life. / A. Cambell, P.E. Converce, W.Z. Rodgers. – New York: Russel Sage Foundation, 1976.

4. Cummins R.A. Comprehensive quality of life scale: intellectual/cognitive disability [Электронный ресурс]. URL: http://sid.usal.es/idocs/F5/EVA66/ComQol_I5.pdf (Дата jбращения: 1.11. 2018).

5. Allardt E. Dimensions of Welfare in a Comparative Scandinavian Study // Acta Sociologica, 1976, Vol. № 19. P. 227–239.

6. Veenhoven R. The four qualities of life: ordering concepts and measures of the good life. // Journal of Happiness Studies, 2001, №1. P. 1–39. DOI:10.1023/A:1010072010360.

A.E. Menschikova

EVALUATION OF QUALITY OF LIFE: FEELING AGAINST PROSPERITY

The paper describes approaches to assessing and measuring the quality of life of the population in domestic and foreign sociology. The paper describes the integral matrix concept of the Dutch sociologist R. Weenhoven, who underlines the four dimensions of quality of life. The author highlighted the features and disadvantages of this theory.

Key words: quality of life, happiness, parameters, assessment of quality of life, measurement, fourfold matrix.

УДК 316.4: 316.77: 304

М.Д. Романова

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИЕМЛЕМОСТИ РИСКА

Статья посвящена анализу существующих научных подходов к концепции приемлемости рисков. Внимание сфокусировано на определении социальной приемлемости риска в рамках двух основных направлений исследований риска: как объективной (калькулируемый риск) и субъективной (риск воспринимаемый) категории. Актуализируется проблема управления рисками, возникающая вследствие несогласованности мнений общественности и экспертного сообщества относительно уровня приемлемого риска.

Ключевые слова: риск, приемлемость риска, восприятие риска, управление риском, риск-коммуникация.

В современном «обществе риска» [3] обеспечение требуемого уровня безопасности связано с достижением приемлемого уровня риска, конкретное значение которого на данном этапе развития человечества определяется глубиной научных знаний, уровнем социально-экономического и технологического развития страны, развитостью культуры безопасности, национальным менталитетом и рядом других факторов [10]. Если учесть, что концепция приемлемости риска состоит в стремлении к снижению риска до безопасного уровня [7], то возникает существенное противоречие между определением этого уровня экспертами и различными социальными группами населения, что в свою очередь создает проблему управления рисками, которое должно выступать как «субъект субъектная коммуникация», включающая поиск продуктивных моделей и способов адаптации к имеющимся ресурсам, и выработку стратегий координации безопасности всеми субъектами рискового пространства [16].

Категории, выступающие границами социальной приемлемости, строятся на ранжировании по степени их опасности для индивида. Оценивается также вероятность ущерба (материального, физического, морального, экономического) и тяжесть последствий [16]. Применительно к безопасности жизнедеятельности уровень приемлемого риска назначается для индивидуального риска смерти по конкретным причинам социального риска (при рассмотрении в качестве причины риска опасных объектов) [7].

Риск как объективная категория – это вероятностная опасность наступления отрицательных, личных и имущественных, последствий, отражающая реально существующие явления, процессы, стороны деятельности [11]. «Стабильные структуры ожидания», определяющие область действия, которую

© Романова М.Д., 2018

возможно рационализировать, приводят к уверенности ожидаемых результатов, усиливая негативные последствия неопределенности, являющейся погрешностями «вычислимости» риска [20].

Риск как субъективная категория – основанные на опыте и знании установки, влияющие на уровень страха и оценку возможных потерь или выгод, комбинирующие в сознании мониторинг вероятности наступления негативного события [2]. Субъективное восприятие риска включает в себя когнитивный (знание о риске) и эмоциональный (страх, боязнь) компоненты [1]. «Восприятие – это субъективные представления о целостном предмете, формирующиеся на основе знаний, прошлого опыта и индивидуально-психологических различий (мотивов, эмоционального состояния и пр.)» [5].

Подходы к определению социальной приемлемости риска можно условно разделить на две группы. Первая группа (Н. Луман, J. Beckert, Ф. Найт, У. Бек, Э. Гидденс, В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, М. Маслова и др.) делает акцент на выявлении факторов риска и рационализации установления пороговых значений и «исчислимости рисков» и связанных с этим сложностей, как например, различного рода неопределенности, которые нельзя посчитать, ограничения экономического и технического характера [3; 9; 14; 15; 17; 19; 20]. Эксперты рационализируют стремление к надежности и безопасности с помощью вероятностного анализа рисков. Результат калькуляции риска будет приемлем социумом равно до такой величины, которая не пересекает порога, за которым несчастье воспринимается как катастрофа [14]. Довести риски до значительной степени предсказуемости возможно при помощи эмпирических методов и статистической группировки. О «реальном риске» можно говорить только в случае сравнения с предыдущими ситуациями, включая его в контекст социальный среды и группы [17]. «Исчисление рисков» – связующее звено естественных, технических и общественных наук. Практическая польза объективно выявленных факторов заключается в применении данных к явлениям не только в области здравоохранения, но и в области экономического и демографического риска [3].

Вторая группа (А. Вилдавски, К. Дейк, Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски, П. Бергер, Т. Лукман, П. Сэндмэн, К.А. Гаврилов, А. Мозговая, О. Яницкий, М.С. Ковалева и др.) обращается к необходимости учета индивидуального и группового восприятия риска при установлении уровня приемлемости, важности информирования/коммуникации по поводу риска и влияния субъективного отношения к риску на риск-коммуникацию между всеми субъектами риска, отмечается системный подход, предполагающий социальный, институциональный, организационный уровни риска [4; 6; 8; 12; 13; 16; 24; 26]. Смоделированный объект восприятия содержит большее влияние на субъективное отношение к риску. Когда непрофессионалов просят оценить

виды риска, у них редко имеются под рукой статистические данные. В большинстве случаев они должны делать выводы, основываясь на том, что они помнят из услышанного и наблюдавшегося о рассматриваемом виде риска [12]. Многие их решения основаны на «рассуждениях» обывателя, представляющие шаткие и неопределенные позиции. Поэтому необходимо точно выявить вероятность появления определенных последствий, касающихся влияния существенных причин риска [17].

Необходимо отметить, что если в первой группе учитываются такие факторы приемлемости как калькулируемость, установление пороговых значений, законодательные и экономические ограничения, то во второй, – обращают внимание на другие аспекты: реакцию возмущения, степень доверия населения экспертам, оценка и осмысление риска обществом, но не затрагивают некоторых моментов, связанных с теоретико-прикладными моделями построения и расчета рисков.

В практической деятельности результаты оценки риска, которые являются главным критерием в определении приемлемости риска экспертами, сопряжены со значительным рядом ограничений. Это и различного рода неопределённости, сопровождающие экспертов на каждом из этапов оценки риска, например, установление пороговых значений, недостатки в планировании исследований и т.п., и ограничения, связанные с политической и экономической ситуацией в стране, ее геополитическим положением. Следовательно, экспертная оценка риска сама по себе носит относительный характер и не может декларироваться как абсолютно объективная. Последним ее этапом выступает информирование о результатах оценки риска населения [18]. Таким образом, экспертное сообщество уведомляет общественность о принятом относительно того или иного риска решении, тем самым утверждая определенный уровень его приемлемости. Однако действительная социальная приемлемость риска формируется, преломляясь через субъективные картины риска, конструируемые в сознании групп и индивидов [4], основанные на устоявшихся нормах и ценностях, личном опыте и знаниях, на доверии к науке и экспертам и т.д. Несоответствие точек зрения общественности и экспертного сообщества на определенный последним уровень приемлемости риска порождает социальную напряженность, конфликты, неудовлетворенность и неуверенность в безопасности. Это требует включения в процесс управления риском и определения уровня его приемлемости широкой общественности посредством построения системы риск-коммуникации между всеми субъектами рискового поля [21; 22; 23; 25].

Определение социальной приемлемости риска с учетом объективной и субъективной составляющих, исчислений и восприятия, является фундаментом гармоничной атмосферы в социуме, что способствует развитию общества в безопасной среде и необходимо для полноценного управления рисками.

Список литературы

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. 188 с.

2. Барг А.О. Риск-коммуникации в сфере здоровья населения современной России: социологический анализ: диссертация кандидата Социологических наук: 22.00.04 / Барг Анастасия Олеговна; [Место защиты: ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»], 2017. 141 с.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. 323 с.

5. Большой психологический словарь; под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. – М.: Прайм–ЕВРОЗНАК. 2003. 672 с.

6. Вилдавски, А. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? /А. Вилдавски, К. Дейк: пер. с англ. А.Д. Ковалева // Thesis. 1994. № 5. С. 268 – 276.

7. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2–е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

8. Гаврилов К.А Социология восприятия риска опыт ключевых подходов / отв. ред. Мозговая А.В. М.: Ин-т социологии РАН, 2009. 196 с.

9. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. с англ. С.П. Баньковской // Thesis. 1994. №5. С. 107–134.

10. Декларации о предельно допустимых уровнях риска. Проблемы анализа риска. Том 3, 2006. 162 с.

11. Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Изд-во «Питер», 2012. 399 с.

12. Канеман Д. Принятие решений в неопределенности / пер. с англ. – Харьков: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный центр», 2005. 632 с.

13. Ковалева М.С. Эволюция понятия «риск» Социологическое обозрение Том 2. № 1. 2002. С.18–26

14. Луман Н. Риск и опасность / пер. с нем. А.Ф. Филипповой // Thesis. 1994. № 5. С. 135 – 160.

15. Маслова, М.Е. Философский и социологический анализ понятия «социальный риск» / М.Е. Маслова // Серия «Гуманитарные науки». 2001. №6. 36–39 С.

16. Мозговая, А.В. «Социальная приемлемость риска» как социологическая категория / А.В. Мозговая // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 30 – 45.

17. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности / пер. с англ. С.А. Афонцева // Thesis. 1994. № 5. С. 210 – 235.

18. Руководство по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду [Электронный ресурс]: Р 2.1.10.1920–04: утв. Первым заместителем Министра здравоохранения Российской Федерации, Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации Г.Г. Онищенко 05.03.2014: ввод. в действие с 05.03.2014. – Режим доступа: http://www.znaytovar.ru/gost/2/R_2110192004_Rukovodstvo_po_oc.html. – Дата обращения: 01.11.2018.

19. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе издание. М.: Наука, 2003. 161 С.

20. Beckert J. Die soziale Ordnung von Märkten / Max–Planck–Institut für Gesellschaftsforschung, Köln Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne May 2007. 26 p.

21. Covello, V.T. Risk communication: An emerging area of health communication research / V.T. Covello, S. A. Deetz // Communication yearbook. 1992. № 15. P. 359 – 373.

22. McComas, K. A. Defining moments in risk communication research: 1996–2005 [Text] / K. A. McComas // Journal of Health Communication. 2006. №11 (1). P. 75 – 91.

23. Palenchar, M. J. Risk communication and community right to know: A public relations obligation to inform / M. J. Palenchar // Public Relations Journal. 2008. Vol. 2(1). P. 1 – 26.

24. Sandman P.M. Responding to community outrage: strategies for effective risk communication /P.M. Sandman. – Falls Church: American Industrial Hygiene Association, 2012. 113 p.

25. Stevens, I. Public oriented risk communication in the new risk society [Electronic resource] / I. Stevens. – New York, 2009. – Mode of access: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/944/096/RUG01–001944096_2013_0001_AC.pdf. – Date of access: 01.11.2018 г.

26. Yanitsky O. Sustainability and Risk. The Case of Russia // Innovation. The European Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 13. N 3.

M.D. Romanova

TO THE QUESTION OF DETERMINING SOCIAL RISK ACCEPTABILITY

The article is devoted to the analysis of existing scientific approaches to the concept of risk acceptability. Attention is focused on determining the social acceptability of risk within the two main areas of risk research: as an objective (calculated risk) and subjective (risk perceived) category. The article is issues the problem of risk management that arises due to the inconsistency of the opinions of the public and the expert society regarding acceptable levels of risk.

Key words: risk, risk acceptability, risk perception, risk management, risk communication.

УДК 316.42

К.О. Сомхишвили

ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА. ДЕТЕРМИНАНТЫ ДОВЕРИЯ

В статье рассматривается феномен доверия. В качестве основного используется определение доверия как неотъемлемой составляющей социального капитала и деление доверия на межличностное и доверие абстрактным системам. Приведена оценка доверия и его детерминации.

Ключевые слова: доверие, личностное доверие, доверие абстрактным системам, детерминанты доверия.

Одним из способов оценки состояния общества является измерение параметра доверия, который предполагает наличие определенных ожиданий сторон в отношении друг друга при взаимодействии. Именно это Т. Парсонс рассматривал, обращаясь к социальной самодостаточности и вопросу стабильности общества. В повседневной жизни мы часто используем эту категорию. Доверие воспринимается в пространстве здравого смысла как основание социального взаимодействия, как то, что делает окружающий мир якобы более предсказуемым. В интервью для проекта «Россия будущего: 2017 → 2035» Паутова Л. А. подчеркивает: «Доверие — важнейший модус социального. В основе всего общества, всех наших отношений лежит единая социальная ткань. И доверие — основная составляющая этой социальной ткани» [1]. Доверие может рассматриваться как сила, способная влиять на общество и развивать его.

Дискурс изучения доверия достаточно широк. Так обращение к лингвистическому, культурологическому, психологическому, философскому или социологическому осмыслению требует отдельного внимания[2]. Более того, каждое из направлений в свою очередь будет распадаться на анализ феномена в рамках того или иного контекста. Доверие, как элемент социального капитала определяет последний через систему взаимодействия. Оно будет стимулировать действие и развитие, будет являться условием существования отношений [3, с.125–128].

Рассмотрение доверия предполагает его анализ в качестве сложного, комплексного феномена, выходящего за пределы индивидуального уровня. Э. Гидденс предлагает разделять доверие к абстрактным системам и доверие к людям [4, с.68].

© Сомхишвили К.О., 2018

Материалы и методы. Материалом стали результаты Европейского Социального Исследования 8 волна. в России опрос проведен ЦЕССИ в октябре 2016 – январе 2017 года, размер выборки составил 2430 чел (www.ess–ru.ru). В исследовании приняли участие 1037 мужчин (42,7%) и 1393 женщины (57,3%) в возрасте от 16 до 95 лет. Для компьютерной обработки данных были использованы пакет SPSS Statistics 17.0 и Microsoft Office Excel. Обработка массива осуществлялась путем сравнения средних, а так же дескриптивными и корреляционными методами.

Результаты. Исследование показало, что высокий показатель межличностного доверия наблюдается у каждого десятого из опрошенных (11,4%) и чаще чем каждый пятый говорит о том, что окружающим людям не стоит доверять (23,4%). Схожие результаты дает и исследование доверия абстрактным системам, так политическим партиям доверяет менее десяти процентов опрошенных (8,2%), а не доверяет больше третьей части (37,5%). Несколько меньшее количество людей отметили доверие политическим деятелям (7,4%), при этом не доверяет политикам опять больше трети (37,1). Полиции доверяет примерно каждый седьмой (14,1%), а недоверие выражает каждый четвертый (25,5%). Доверие законодательной системе (12,6%) или парламенту (12,1%) выражалось несколько чаще чем у каждого десятого, при этом не доверяет законодательной системе каждый четвертый (25,4%), и почти каждый третий не доверяет парламенту (27,1%). Так же на основе данных опроса можно говорить о значении степени доверия Европейскому парламенту (4,9%) и ООН (6,6), при этом первому(51,3%), так и второму (48,8%) не доверяет половина опрошенных. Что может свидетельствовать о низкой готовности доверять как другим людям, так и абстрактным системам.

Результаты исследования говорят о наличии статистически значимой связи между всеми переменными отвечающими за определение доверия. Наименее тесная связь наблюдается между доверием другим людям и доверием абстрактным системам. При этом зафиксирована прямая связь, чем больше одно доверие, тем больше другое. Основываясь на тесноте связи можно выделить пары переменных, так наиболее тесно связаны: доверие Европейскому парламенту и доверие ООН; доверие политическим партиям и политикам; доверие полиции и доверие законодательной системе. (см. табл.)

Корреляционная матрица оценки степени доверия
(Корреляция Спирмена)

	1	2	3	4	5	6	7	8
1	1,000	,142**	,159**	,156**	,163**	,150**	,159**	,157**
2	,142**	1,000	,680**	,572**	,709**	,714**	,445**	,405**
3	,159**	,680**	1,000	,772**	,627**	,600**	,417**	,392**
4	,156**	,572**	,772**	1,000	,616**	,586**	,399**	,386**
5	,163**	,709**	,627**	,616**	1,000	,854**	,545**	,497**
6	,150**	,714**	,600**	,586**	,854**	1,000	,547**	,499**
7	,159**	,445**	,417**	,399**	,545**	,547**	1,000	,831**
8	,157**	,405**	,392**	,386**	,497**	,499**	,831**	1,000

**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

В свою очередь доверие к другим людям показывает высокое значение тесноты связи с переменной «Большинство людей пытаются воспользоваться вами или пытаться быть справедливыми» (Корреляция Спирмена 0.434 $\alpha<0.001$) и переменной «Большую часть времени люди готовы помогать или ориентированы на себя» (Корреляция Спирмена 0.417 $\alpha<0.001$). При этом связь между указанными переменными теснее, чем связь с доверием.

При рассмотрении порядка связей между доверие в группе мужчин и женщин не наблюдается отклонений от общей таблицы связей. При этом фиксируются статистически значимые различия между мужчинами и женщинами в отношении доверия парламенту и полиции (U–критерий Манна — Уитни, $\alpha<0.05$), так для обоих случаев женщины высказывают больший уровень доверия в сравнении с мужчинами.

Использование возрастных групп в качестве основания поиска изменений структуры связей между различным доверием так же не показало существенных искажений. При сравнении средних значений показателя доверия по сформированным группам, статистически значимые различия были обнаружены для всех использованных показателей доверия абстрактным системам. Уровень личностного доверия не показал значимых различий между группами (критерий Краскала–Уоллиса, $\alpha<0.05$). Наиболее высокие из встречающихся, оценки доверия моэно наблюдать в самой младшей группе, от 16 до 25 лет, и в самой старшей группе, куда вошли люди старше 60 лет. Средний показатель доверия во всех возрастных группах колеблется от 5 до 2, что свидетельствует о низком уровне доверия.

Еще одной переменой социально-демографического блока считается место проживания. Так среди опрошенных 41.6% проживают в больших городах, 32.8% в малых городах и 22.3% опрошенных проживают в сельской

местности. При этом статистически значимые различия между жителями разных населенных пунктов наблюдаются в отношении доверия к парламенту, а так же к Европейскому парламенту и ООН (критерий Краскала–Уоллиса, $\alpha<0.05$).

Приверженность религии в силу однородности данных не позволяет провести сравнительный анализ. Однако необходимо отметить, что в выборке абсолютное большинство указало восточное православие (88.4% из тех, кто ответил на вопрос), при этом из общего массива порядка половины не указали своей религиозной принадлежности.

На основании попарной проверки связи статистикой d Сомерса ($\alpha<0.001$ для каждой пары) была выявлена следующая последовательность определяющих друг друга доверий: Доверие Европейскому парламенту => Доверие ООН => Доверие политикам => Доверие политическим партиям => Доверие парламенту => Доверие полиции => Доверие законодательной системе. Данная последовательность предполагает, что встретившийся ранее параметр будет оказывать влияние на все последующие. В последовательность нельзя включить межличностное доверие, так как поиск влияния не дает однозначных результатов. Однако наиболее тесно межличностное доверие связано с доверием политикам, что можно объяснить промежуточным положением последнего: с одной стороны речь идет некоторой роли, при этом мы не можем полностью отрицать, что респондент будет говорить о роли, а не о конкретных людях.

Выводы. В ходе исследования был выявлен низкий уровень доверия как к людям, так и к абстрактным системам. Частота встречаемости тех, кто не доверяет выше, чем тех, кто выражает доверие. Само же доверие можно определить как самодетерминирующееся, так как представляется возможным построение последовательности зависимостей. При этом при фиксированной взаимосвязи не решенным остается вопрос о порядке влияния доверия личностям и абстрактным системам. Так же можно выделить блок социально-демографических характеристик, которые не позволяют фиксировать строгой связи, однако проявляют значительные различия в оценке доверия.

Список литературы

1. Фонд Общественное Мнение; интервью с Паутовой Л. А. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/TSennosti/13573 (Дата обращения: 05.11.2018 г.).

2. Кривопусков, В. В. Концептуализация доверия как социологического феномена / В.В. Кривопусков // Вестник Адыгейского государственного уни-

верситета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. №1 (113). 2014. С. 100–123.

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность – 2001. – №3. С.121–139.

4. Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Серия « Социология». 2003. № 1 (4). С. 67–73.

5. Данные Европейского социального исследования (ESS) волна 8. России опрос проведен ЦЕССИ в октябре 2016–январе 2017 года. (www.ess–ru.ru).

K.O. Somhishvili

TRUST AS AN ELEMENT OF SOCIAL CAPITAL. DETERMINANTS OF TRUST

The phenomenon of trust is presented in the article. The main use is the definition of trust as an integral part of social capital and the division of trust into person and trust in abstract systems. The assessment of trust and its determination is given.

Key words: trust, personal trust, trust in abstract systems, determinants of trust.

УДК 364.023

Д.А. Шитова

КАЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА АДАПТАЦИЮ ДЕТЕЙ-СИРОТ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Данная статья посвящена методу эмпирического качественного исследования влияния институтов социализации на адаптацию детей-сирот в региональном социуме. Данный метод позволяет провести комплексный и многофакторный социологический анализ влияния институтов социализации на адаптацию детей-сирот в региональном социуме. В статье раскрывается суть применения многовидового подхода при изучении исследуемых феноменов, а также приводятся результаты фокус-интервью, проведённого в рамках применения описываемой методики.

Ключевые слова: сирота; дети, оставшиеся без попечения родителей; социализация сирот; институты социализации; многовидовой подход (микс-методология); глубинное интервью.

Проблема влияния институтов социализации на адаптацию детей-сирот в региональном социуме социологической наукой до недавнего времени системно не исследовалась. Потребность в комплексном осмыслении данной ситуации и необходимость объективной оценки институциональных факторов, влияющих на социализацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, определяют её актуальность.

Качественное исследование влияния институтов социализации на адаптацию детей-сирот в региональном социуме предполагает проведение комплексного и многофакторного социологического анализа влияния институтов социализации на адаптацию детей-сирот в современном региональном социуме. Сложность составления методики обусловлена неоднозначностью выбора теоретического направления, стратегии и метода исследования ввиду разнообразия современных социологических подходов, трудно классифицируемых в рамках одной модели и определённого континуума [1]. Выбор подхода к составлению методики исследования основан на одновременном использовании качественной и количественной стратегии при изучении социальных объектов [2].

В период с 01.07 по 31.07 2018 г. автором статьи было проведено 12 глубинных интервью с сотрудниками территориальных управлений социальной защиты г. Перми в соответствии с гайдом интервью. Интервью проводились с целью:

© Шитова Д.А., 2018

определить и сравнить влияние различных институтов социализации на адаптацию детей-сирот в региональном социуме;

получить эмпирические данные, на основании которых будет разработана анкета для проведения опроса участников институтов социализации сирот.

В качестве респондентов выступили сотрудники и руководители отделов по работе с несовершеннолетними детьми, приобретшими статус сироты или ребёнка, оставшегося без попечения родителей.

Опираясь на данные, полученные в ходе проведения интервью, мы убедились, что на адаптацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, влияют такие институты как: кровная семья, опека, попечительство, приёмная семья, институциональное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, институты школьного и дошкольного образования, социальные институты здравоохранения и благотворительности. Деятельность данных институтов способствует социализации ребёнка-сироты, оставшегося без попечения родителей, но оценивать их влияние необходимо в разрезе целей функционирования данных институтов, а также особенностей средств и условий достижения этих целей. Подчеркнём, что при исследовании влияния институтов социализации на адаптацию детей-сирот в региональном социуме необходимо учитывать роль неинституциональных факторов (наследственность, особенности характера ребёнка-сироты, причина, по которой ребёнок приобрёл статус сироты, либо оставшегося без попечения родителей) на оказываемое социальными институтами влияние.

В результате анализа данных, полученных посредством проведения серии глубинных интервью, были выделены основания, позволившие выделить типы детей, и сделаны следующие умозаключения.

Для выяснения особенностей влияния институтов социализации на адаптацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по критерию особенности здоровья и причины, по которым ребёнок остаётся без родительского попечения, дети были разделены на несколько типов.

1. Дети, которые обрели статус сироты и ребенка, оставшегося без попечения родителей, и имеют ограниченные возможности физического или психического здоровья. Данные дети, по мнению респондентов, в независимости от формы их устройства и воздействия различных институтов социализации на адаптацию детей-сирот в региональном социуме, будут на протяжении всей жизни пребывать в состоянии социальной дезадаптированности.

2. Дети, которые приобрели статус оставшихся без попечения родителей, чьи родители вели/ведут асоциальный образ жизни.

На социализацию данных детей влияет, в первую очередь, институт кровной семьи. Характер данного влияния зависит от таких факторов как:

- водят ли родители ребёнка в детский сад или школу;
- предоставляют ли родители ребёнку возможность нормально питаться и соблюдать правила личной гигиены;
- открыта ли кровная неблагополучная семья к сотрудничеству с органами опеки и социальными службами (к принятию материальной, медицинской и психологической помощи);
- содействуют ли кровные родители ребёнку в посещении мероприятий, направленных на социализацию детей из малоимущих и неблагополучных семей (посещение праздников, поездки детские лагеря и санатории);
- наличие физического или психологического насилия в семье;
- длительность проживания ребёнка в неблагополучной кровной семье;
- ограничение со стороны родителей ребёнка в общении с взрослыми и сверстниками (респонденты отмечают, что некоторых детей запирают дома).

После лишения родителей родительских прав, на социализацию детей, оставшихся без попечения родителей, влияют такие институты как: кровная семья, опекунская/ приёмная семья. При оценке их влияния необходимо учитывать такие условия, как:

- разница в возрасте между опекуном/приёмным родителем и ребёнком (чем больше разница в возрасте, тем слабее контроль и воспитание);
- отношение к ребёнку в опекунской/приёмной семье: проявление любви, заботы и внимания к ребёнку или, наоборот, негативное предубеждение и отрицательное отношение к ребёнку, оставшемуся без родительского попечения;
- поддержание ребёнком контакта с кровными родителями после лишения родительских прав, которое, с одной стороны, может способствовать формированию и закреплению у ребёнка асоциальных привычек и вести к социальной дезадаптации, с другой стороны, способствует формированию и укреплению тесных тёплых эмоциональных связей между родителем и ребёнком;
- педагогическая подготовка опекунов/приёмных родителей, их личностные качества;
- результативность работы социального психолога и открытость приёмной/ опекунской семьи к сотрудничеству с органами опеки, психологами, социальным педагогом, КДН, УДН;
- обученность опекунов УПМСС;

• готовность и способность опекуна заниматься образованием и профориентацией ребёнка.

На социализацию таких детей также влияет институт школьного образования.

3. Дети, обретшие статус сироты в результате гибели родителей, которые при жизни вели социально благополучный образ жизни. Данные дети, по мнению большинства респондентов, априори наиболее социализированы, чем дети, родители которых при жизни лишены родительских прав.

На социальную адаптацию всех типов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, также влияет институт постинтернатного сопровождения.

Респонденты считают, что ключевым институтом социализации, влияющим на адаптацию детей-сирот в региональном социуме, первостепенным по своей значимости является институт кровной семьи (мнение 15% опрошенных). Это определяется тем, что взаимодействие ребёнка с кровной семьёй влияет на умение ребёнка формировать тёплые доверительные отношения с людьми, проявлять любовь и эмпатию, испытывать чувство родства. Институт кровной семьи также определяет первичный социальный опыт ребёнка (условия жизни, среда общения) и его умение соблюдать правила личной гигиены. Кроме того, отрыв ребёнка от кровной семьи является, по мнению респондентов, самым болезненным опытом, после которого ребёнок испытывает сильнейшее эмоциональное потрясение, которое отрицательно влияет на него.

Наименее эффективным с точки зрения адаптации детей-сирот в региональном социуме большинство респондентов считают институт центров помощи детям, т.к. проживая в данном учреждении, дети не приобретают жизненно важных знаний, умений и навыков (навыков общения с взрослыми и сверстниками, навыков ухода за здоровьем и жилищем, навыками выстраивания социальных отношений).

Респонденты считают, что сам как таковой статус сироты/ребёнка, оставшегося без попечения родителей, на социализацию и социальную адаптированность ребёнка не влияет (многие дети даже не знают, что являются усыновлёнными/взятыми под опеку сиротами, т.к. их устройство происходило в очень раннем возрасте).

Добавим, что на социализацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, также влияет факт их проживания в городе или в сельской местности. Респонденты считают, что «сельские» сироты социально адаптированы в меньшей степени, т.к., полиции труднее их выявить, и они, как правило, дольше находятся в социально неблагополучной среде.

На основании данных, полученных в результате глубинных интервью с «носителями практики», мы составим приемлемый для понимания респондентами опросник, в котором будут содержаться вопросы относительно влияния всех исследуемых институтов социализации и максимально возможного количества аспектов их влияния на адаптацию детей-сирот в региональном социуме.

Список литературы

1. Полухина, Е.В. Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках: от методологического плюрализма к 3х парадигмальному континууму / Е.В. Полухина // Сборник трудов проекта Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории, 2017. С. 1–11.

2. Семенова, В.В. Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений / В.В. Семенова // Журнал Интер, 2014. No 8. С. 5–15.

D.A. Shitova

QUALITATIVE RESEARCH OF THE INFLUENCE OF INSTITUTES OF SOCIALIZATION ON THE ADAPTATION OF ORPHANS IN REGIONAL SOCIETY

This article describes an empirical research on the impact of socialization institutions on the adaptation of orphans in regional society. The purpose of the study is to conduct a comprehensive and multifactor sociological analysis of the impact of socialization institutions on the adaptation of orphans in regional society. The article reveals the essence of the application of the ‘multi–species’ approach in the study of the phenomena. This article represents the results of the focus–interview conducted by the application of the described methodology.

Keywords: orphan; children left without parental care; socialization of orphans; institutions of socialization; multi–species approach (mix–methodology); in–depth interview.

УДК 04.316:303; 316:001.8

Т.В. Андриянова

«ПАСПОРТ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ» РЕГИОНА КАК ИНСТРУМЕНТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Появление новых инструментов исследования социокультурного развития региона всегда вызывает интерес, так как региональный аспект позволяет выявить многие закономерности развития территорий. «Паспорт культурной жизни» — это сравнительно новый объект в данном контексте. Он представляет собой совокупность показателей, характеризующих сферу культуры региона с точки зрения разных составляющих, начиная от общих сведений о территории и заканчивая конкретными персоналиями – субъектами социокультурных взаимодействий. В рамках социологии здесь выявляется целый ряд конкретных блоков для анализа – структура сферы культуры региона, ее ключевые функции, система социальных статусов и ролей, принципы функционирования. Среди ограничений отметим недостаточную структурированность блоков в документе, что мешает выделить критерии для оценки того или другого показателя.

Ключевые слова: «Паспорт культурной жизни», регион, показатели.

«Паспорт культурной жизни» (далее – Паспорт) как официальный документ составляется всеми субъектами Российской Федерации начиная с 2004 года и предоставляется в электронном виде в Министерство культуры РФ с целью формирования электронного банка данных о состоянии и развитии отрасли культуры. С 2010 года этот документ доступен в открытом доступе на сайтах региональных органов управления культурой и может является инструментом оценки эффективности их деятельности. Он состоит из типовых пунктов, что облегчает задачу сравнительного анализа показателей в одном субъекте по годам или в разных субъектах по разным переменным. Объективные данные, входящие в его состав, представляют ценную статистическую информацию, обобщенную по определенному сегменту социально-экономического портрета региона – сфере культуры.

Среди общих показателей, отраженных в Паспорте, находится характеристика территории с точки зрения ее площади; количества, состава и плотности проживания населения; количества муниципальных образований, входящих в ее состав, наиболее крупные города и национальный состав жителей. Общеэкономические характеристики представляют собой выделение ведущих отраслей промышленности, производства и сельского хозяйства; среднемесячный денежный доход населения с указанием ведомственных работ-

© Андриянова Т.В., 2018

ников (театры, филармонии, музеи, клубные учреждения, парки культуры, кинотеатры, средние специальные учебные заведения, дополнительное образование детей). Так, в Курской области в 2015 году доход на 1 работника культуры в месяц в среднем составил 16 237 рублей [1], что примерно на 5 тыс. меньше, чем средний доход на 1 человека по региону. В характеристику сети культурных учреждений входят такие показатели как вид учреждения и общее количество таких учреждений в регионе. В Курской области насчитывается 8 основных и 4 дополнительных видов учреждений в общем объеме более 3000, из которых основное количество составляют библиотеки и культурно-досуговые учреждения с филиалами.

Далее следует характеристика отдельных сфер культуры региона с оценкой театрально-концертных организаций, изобразительного искусства, творческих союзов, народного творчества и досуговой деятельности, библиотечного и музейного дела, кинематографии, учебных заведений. Здесь можно отметить сочетание количественных и качественных показателей, которое применяется для более глубокого анализа творческой деятельности, не всегда измеряемой лишь цифрами. К количественным показателям в абсолютном измерении мы относим численность персонала организации, объем деятельности (количество постановок, показов и т.д.), объем потребителей услуг (зрителей слушателей, посетителей), объем финансовых средств, затраченных в процессе производства. В целом по имеющейся информации можно сделать вывод о структуре организаций и основных показателях деятельности.

Качественная информация представлена не так структурировано, так как четких критериев для описания таких показателей нет. Выделяются следующие блоки информации: персональный состав работников, основные мероприятия, наиболее значимые события, достижения (премии, гранты, звания и т.д.). Например, в 2015 году в Курской области было создано 3 произведения монументального искусства: бюст и мемориальная доска композитора Г.В. Свиридова и мемориальная доска композитора В.П. Задерацкого. Отдельно по муниципальным образованиям охватываются места бытования народных промыслов и мастеров. Наибольшее их количество связано с глиняной игрушкой, столярным делом, традиционной тряпичной куклой. Среди 469 любительских клубов и объединений 10% составляют инклюзивные формирования, включающие в свой состав лиц с ограниченными возможностями здоровья. По сравнению с предыдущими периодами количество любительских объединений и клубов по интересам увеличилось на 126, в том числе на селе – на 20, а количество участников увеличилось на 8 587 чел.

В Паспорте приводятся данные относительно утраченных объектов и учреждений культуры со ссылкой на юридические документы для построения четкой системы охраны памятников и учета сети учреждений культуры.

В 2015 году в Курской области, к примеру, по разным причинам была закрыта 21 библиотека в основном в сельской местности. Это можно считать серьезной потерей, так как сельская библиотека является подчас единственным ценным объектом культуры на данной территории.

Среди показателей работы библиотечной сети отмечается их соответствие международным документам. Норма поступления печатных документов на 1 тыс. жителей в библиотеки согласно ИФЛА/ЮНЕСКО [2] соответствует 250 документам в год, в 2015 году в библиотеки Курской области поступило в 2,5 раза меньше печатных документов. Отдельный интерес представляют новые формы работы библиотек: «видео-круиз», «презентация–рассказ», «литературный круиз», «литературный дилижанс», «поэтический микрофон», «час открытого разговора», «литературные гонки», «летопись–презентация», требующие более подробного исследования.

Типы музеев, представленные в Курской области – историко-краеведческие (25), мемориальные (10), художественные (1) с общим фондом в 545950 единиц хранения, из которого только 10% присутствует в постоянных экспозициях. Большую часть фонда занимают этнографические коллекции, что связано с активной археологической и поисковой работой в регионе. 13 музейных объектов Курской области включены в туристические маршруты региональных туристических фирм.

Деятельность в области образования представлена 52 учреждениями разного уровня (дополнительное профессиональное образование, профессиональные образовательные организации, учреждения дополнительного образования).

Необходимо отметить, что на территории региона реализуется государственная программа Курской области «Развитие культуры в Курской области» (2014–2020 годы), среди основных мероприятий которой: «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия» [3]. Кроме этого, действуют и другие региональные целевые программы [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10], подпрограммы которых относятся к области культуры.

Разделы, связанные с финансово-экономической деятельностью, рекламно-информационойя и маркетинговой деятельностью, материально-технической базой, кадровой работой, организацией деятельности учреждений культуры, правовой базой нашли свое отражение в других публикациях автора [11,12].

Изучение показателей Паспорта позволяет решить многие исследовательские задачи на уровне отработки инструментария исследования, представления релевантной информации, создания баз данных по каждому региону. Исследовательский поиск в этом направлении только начат автором, поэтому здесь открывается широкое поле для теоретического и эмпирического анализа.

Список литературы

1. Комитет по культуре Курской области. Статистическая информация. "[Электронный ресурс]. URL: http://xn—46–6kc3bf4angc2g.xn—p1ai/dokumenty/statisticheskaya–informatsiya (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

2. Руководство ИФЛА/ЮНЕСКО по развитию службы публичных библиотек / Междунар. федерация библ. ассоц. и учреждений. Секция публ. б–к, Рос. библ. ассоц.; Предисл.: В.Р.Фирсов]. – СПб.: Изд-во Рос. нац. б–ки, 2001. – 112 с.

3. Постановление Администрации Курской области от 08.10.2013 г. № 700–па «Об утверждении государственной программы Курской области "Развитие культуры в Курской области"[Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/463602546 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

4. Постановление Администрации Курской области от 23 октября 2013 года № 772–па «Об утверждении государственной программы Курской области «Профилактика наркомании и медико-социальная реабилитация больных наркоманией в Курской области» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/463602327 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

5. Постановление Администрации Курской области от 18.10.2013 г. № 746–па «Об утверждении государственной программы «Повышение эффективности реализации молодежной политики, создание благоприятных условий для развития туризма и развитие системы оздоровления и отдыха детей в Курской области» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/463602585 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

6. Постановление Администрации Курской области от 21.10.2013 г. № 757–па «Об утверждении государственной программы «Повышение энергоэффективности и развитие энергетики в Курской области» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/463602660 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

7. Постановление Администрации Курской области от 15.10.2013 г. № 737–па «Об утверждении государственной программы Курской области «Развитие образования в Курской области» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/441605164 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

8. Постановление Администрации Курской области от 17.10.2013 г. № 742–па «Об утверждении государственной программы «Социальная поддержка граждан в Курской области» [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/388873 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

9. Постановление Администрации Курской области от 24.10.2013 года № 774–па «Об утверждении государственной программы Курской области «Развитие экономики и внешних связей Курской области» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/463602736 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

10. Постановление Администрации Курской области от 24.10.2013 г. № 777–па «Об утверждении государственной программы «Обеспечение доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения в Курской области» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/463602760 (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

11. Андриянова Т.В. Сфера региональной культуры в показателях и оценках / Т.В. Андриянова // Logos et Praxis, 2017, Vol. 16, № 3. С.86–97 [Электронный ресурс]. URL: http://www.psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive–ru/228–logos–et–praxis–2017–tom–16–3. (Дата обращения: 16.10.2018 г.).

12. Andriyanova T.V., Kirnosova E.N., Starodubtseva I.F. Organizations of regional culture in assessments of quality of services European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2017, Vol. XXXV (35). 35–42 pp. [Электронный ресурс]. URL: http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/Volume XXXIVRPTSS2017/ (Дата обращения: 16.10.2018 г.)

T.V. Andriyanova

"PASSPORT OF CULTURAL LIFE" OF THE REGION AS A TOOL FOR COMPARATIVE ANALYSIS OF INDICATORS

The emergence of new tools for the study of the socio–cultural development of the region is always of interest. The regional aspect allows you to identify many patterns of development of territories. «Passport of cultural life» is a relatively new object in this context. It is a set of indicators characterizing the sphere of culture of the region in terms of different components. There is general information about the territory and specific personalities – the subjects of socio–cultural interactions. Within sociology, a number of specific blocks for analysis are revealed here – the structure of the cultural sphere of the region, its key functions, the system of social statuses and roles, principles of functioning. Among the limitations, we note the lack of structured blocks in the document. This makes it difficult to highlight the criteria for assessing one indicator or another.

Key words: «Passport of cultural life», region, indicators.

УДК 316.42

В.Н. Блохин

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКИМИ ТЕРРИТОРИЯМИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Статья рассматривает проблемы и управленческие возможности модернизации сельских территорий. Обращается внимание на тесную взаимосвязь сложившейся экономической системы сельских сообществ с неформальными социальными институтами. Влияние семейных, родственных, соседских отношений, традиций и обычаев может негативно сказываться на эффективности экономических преобразований в сельской местности. Целью модернизации сельских территорий должен стать переход к развитию устойчивого типа. Важной составляющей этого перехода является разработка стратегии устойчивого развития. Автор приводит пример личного участия в создании подобной стратегии для сельских территорий в Республике Беларусь.

Ключевые слова: сельские территории, модернизация, экономическая система, устойчивое развитие, стратегия.

Экономическая система сельских сообществ в данном исследовании понимается как система норм и правил хозяйствования, определяющих экономическое поведение индивидов, особенности производственных отношений, способы взаимодействия сельчан. Важнейшее влияние на формирование и функционирование экономической системы в сельских сообществах оказывают неформальные институты. Роль таких социальных институтов и факторов как семья, родственные и дружеские отношения, соседство, традиции и обычаи, особенности природных условий, значительно сильнее проявляется в сельских сообществах, чем в городских населённых пунктах. Поэтому для осуществления модернизации сельских территорий необходимо отойти от экономизма и узкого отраслевого подхода, учитывающего лишь темпы развития сельского хозяйства.

Западные исследователи сельских территорий (К. Поланьи, Дж. Скотт, Э.П. Томпсон) предложили концепцию так называемой «моральной экономики». Её суть в том, что развитие сельской экономики в наибольшей степени детерминировано неформальными социальными институтами и отношениями. Эту особенность необходимо учитывать при осуществлении государственной политики развития села.

Социальные и экономические эксперименты советской эпохи (уничтожение частной инициативы, коллективизация, тоталитаризм) стали причиной радикальных трансформаций условий жизни сельчан и их мировоззрения.

© Блохин В.Н., 2018

Завершение советской эпохи и рыночные реформы привели к неоднозначным последствиям для сельских территорий. Возможности, которые предоставляет свободная экономика, во многих случаях остались не использованными, в то время как прежний уклад был разрушен. До сих пор сельские территории находятся в переходном состоянии, что негативно сказывается на уровне жизни сельчан.

Сегодня состояние большинства сельских территорий России представляет собой сочетание передового и архаичного укладов, новых и отсталых технологий, вымирающие деревни и нерентабельный общественный сектор соседствуют с внедрением инноваций. Задача обеспечения социально-экономической модернизации сельских территорий становится всё более актуальной и необходимой, требуется комплексный научный и управленческий подход.

Медленное развитие сельских территорий в сравнении с городом является общемировой тенденцией. Для деревень характерно отставание в уровне и качестве жизни населения, имеют место специфические социально-экономические и экологические проблемы территориального развития. Такие проблемы естественны для многих стран и являются глобальным вызовом, который призвана решить система управления устойчивым развитием [3, с. 403–405].

Устойчивое развитие является сложным и многосторонним процессом, требующим комплексного подхода. Устойчивость предполагает рациональное использование ресурсов, развитие инфраструктуры, применение инновационных технологий, которые способствуют повышению конкуренции, научно-техническому прогрессу, улучшению экологической ситуации [рис. 1].

Рис. 1. **Факторы устойчивого развития**

Термин «устойчивое развитие сельских территорий» используется в научной литературе достаточно часто. Под этим понятием обычно понимается ведущее направление социально-экономической модернизации. В то же время, «устойчивое развитие села» не имеет чёткого содержания, до настоящего времени не определены показатели и критерии устойчивого развития, отсутствует универсальная методика оценки сельских территорий и критериев успешной модернизации.

Успешная модернизации сельских территорий предполагает интеграцию управленческих, социально-экономических и экологических аспектов, что позволяет решать ряд задач:

– улучшение качества местной власти;

– установление положительной экономической динамики;

– развитие социальной сферы села;

– обеспечение экологического контроля и безопасности;

– внедрение энергоэффективных технологий для сохранения природных ресурсов.

Динамика сельских территорий Российской Федерации в условиях современных глобальных трансформаций во многом определяется условиями для формирования эффективной системы социального партнерства, призванной решать нарастающее число проблем, связанных с защитой экономических и социальных прав сельчан [1, с. 117].

Наличие множества некоммерческих организаций является признаком развитого гражданского общества. Для сельских территорий России необходимо повышение участия институтов гражданского общества в решении локальных проблем, что требует сильной государственной приверженности и принятия соответствующей стратегии на федеральном уровне.

Модель устойчивого развития, как основную цель процесса модернизации сельских территорий можно представить в виде схемы, в центре которой находится чёткое планирование и организация развития [рис. 2].

В 2016–2017 гг. автор являлся экспертом по разработке стратегии устойчивого развития для сельских территорий в Республике Беларусь (Мстиславский район, Могилевская область – сельские территории возле границы с Российской Федерацией). Стратегия разрабатывалась в рамках международного проекта территориального развития «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси» (проект финансировался из средств Европейского Союза и USAID).

Рис. 2. **Модель устойчивого развития сельских территорий**

Положение в сельских территориях Беларуси во многом похоже на российскую ситуацию, хотя в Республике Беларусь не были проведены радикальные рыночные преобразования. В то же время, сохранение доминирования государственного сектора аграрной экономики не является эффективным решением, перехода к развитию устойчивого типа не произошло.

Для разработки стратегии устойчивого развития необходимо посещение конкретных сельских территорий, изучении специфики местной ситуации, обсуждение проблем и возможностей преобразования с жителями изучаемых населённых пунктов. Лишь в этом случае возможен выбор наиболее перспективных направлений развития.

В Мстиславском районе наиболее востребованными оказались виды деятельности, связанные с развитием туризма (в том числе агроэкотуризма) и фермерством. Заинтересованным организацией собственного дела жителям была оказана консультационная помощь в создании бизнес планов и презентации проектов. Самые успешные проекты получили финансовую поддержку из средств международного гранта. В настоящее время в Мстиславском районе появились новые виды деятельности, связанные с резьбой по дереву и обработкой кожи, возникло новое фермерской хозяйство.

Целью модернизации сельских территорий должна стать подобная поддержка наиболее активных сельчан, желающих организовать своё дело. Как правило, сельские жители нуждаются в компетентных консультациях по основам экономических и юридических знаний, а также в доступных кредитных ресурсах.

Таким образом, для успешной социально-экономической модернизации сельских территорий требуется комплексный подход и серьёзное внимание государства. Для любого региона необходимо разрабатывать стратегию устойчивого развития. Стратегия должна представлять собой управленческий инструмент и, в то же время, научный документ, который учитывает особенности конкретной территории. Для перехода к устойчивому развитию необходима экспертная оценка сильных и слабых сторон территории, возможностей и угроз развития. Международный опыт поддержки сельских территорий актуален для российских регионов, заслуживает изучения и практического внедрения.

Список литературы

1. Волошенко, Е.В. Индикаторы устойчивого развития сельских территорий: региональное измерение / Е.В. Волошенко, К.Ю. Волошенко // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2011. Вып. 1. С. 117–124.

2. Миренкова, Г.В. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика / Г.В. Миренкова // Горки: БГСХА, 2011. 200 с.

3. Новикова, И.И. Комплексное исследование устойчивого развития сельских территорий / И.И. Новикова, А.Л. Медков // Труды вольного экономического общества России. 2011. Т. 151. С. 403–427.

V.N. Blokhin

STRATEGIC MANAGEMENT OF RURAL AREAS: THE POSSIBILITY OF TRANSITION TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article examines the problems and managerial possibilities for the modernization of rural areas. Attention is drawn to the close interconnection of the existing economic system of rural communities with informal social institutions. The influence of family, related, neighborly relations, traditions and customs can negatively affect the effectiveness of economic transformations in rural areas. The goal of modernization of rural areas should be the transition to sustainable development. An important component of this transition is the development of a strategy for sustainable development. The author gives an example of personal participation in the creation of a similar strategy for rural areas in the Republic of Belarus.

Key words: rural areas, modernization, economic system, sustainable development, strategy.

УДК 316.733

В.С. Бобрулько

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

В статье рассматривается возможность использования социокультурного потенциала в социально-экономическом развитии региона на основе анализа факторов экономического роста регионов Центрального Черноземья. Подчеркивается значимость компонентов человеческого капитала, связанных с образованием и квалификационной подготовкой сотрудников предприятий, способных выступать в качестве основы конкурентоспособности региона.

Ключевые слова: социокультурный потенциал, социально-экономическое развитие, человеческий капитал, регион.

Социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации является наиболее значимой проблемой в современном социальном познании и социальной практике. В первую очередь, это связано с тем, что социокультурная эволюция общества переходит на новый этап развития в России. Кроме того, основным направлением социально-экономического развития регионов РФ на современном этапе является переход к инновационной экономике, где гарантом стабильного роста конкурентоспособности выступает развитие области образования и науки. Это, в свою очередь, определяет место человеческого капитала как наиболее важного конкурентного преимущества в данном направлении.

Непосредственная взаимосвязь уровня социокультурного развития общества и качества социально-экономического роста определяется в процессе становления двух секторов экономики: научного и управленческого. Их формирование происходит на основе накопленных ранее знаний и развития области образования и науки региона. Таким образом, можно обобщить сказанное и сделать вывод, что в процессе социально-экономического развития региона происходит оборот ранее накопленного капитала знаний и внедрение, благодаря развитию образования и науки, нового. Кроме того, конкурентоспособность региона непосредственно связана с уровнем знаний и навыков населения, а качество человеческого капитала прослеживается в уровне образования, в профессиональной квалификации кадровых работников, а также высокой профессиональной подготовке трудоспособного населения [9, с. 60–61].

© Бобрулько В.С., 2018

В сложившихся условиях перехода экономики РФ от индустриальной к постиндустриальной необходим анализ новых факторов экономического роста – новых экономических, в том числе связанных с человеческим капиталом, наукой и инновационными технологиями, социальных, политических и институциональных переменных [1, с. 26]. Для более наглядного определения возможности использования социокультурного потенциала в социально-экономическом развитии регионов рассмотрим и проанализируем итоги социально-экономического развития регионов Центрального Черноземья (Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Орловская область, Липецкая область и Тамбовская область).

Белгородская область – один из наиболее перспективных регионов в плане социально-экономического развития в РФ. Поскольку экономическая политика региона имеет системный характер в решении поставленных задач, взаимодействии с населением и бизнес-предприятиями. Приоритетные направления развития региона – модернизация экономики и развитие инновационных технологий в соответствии с распоряжением Губернатора области от 1 ноября 2017 года № 886–р. Также с целью экономического развития региона предполагается его участие в программах Фонда содействию развития малых форм предприятий в научно-технической сфере и Российского фонда фундаментальных исследований. На данный момент в области получили поддержку 28 инновационных проектов. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что развитие реального сектора экономики является основным фактором создания условий для действенного применения социокультурного потенциала и повышения качества жизни населения. Это отражается в повышении дохода населения, а также в увеличении занятости и снижении уровня безработицы в регионе [2].

Внутренние региональные характеристики экономического развития Воронежской области в сравнении с экономикой РФ за последние несколько лет складывались относительно благоприятно, что позволило сохранить позитивную динамику социально-экономического развития региона. Воронежская область имеет довольно развитую культуру высшего образования и высокий инновационный потенциал. Тем не менее, к слабой стороне региона относится относительно низкая восприимчивость населения к инновациям, в результате чего происходит преобладание традиционных производств, что влечет за собой неконкурентоспособность региона как на внешнем, так и на внутреннем уровне. Основными целями экономического развития являются увеличение роли человеческого капитала в экономике, а также усиление инновационной деятельности (в том числе за счет создания новых кластеров) в регионе [3].

Актуальное направление развития региона сегодня – это не производство товаров в обыденном понимании, а производство оригинальных, существенно отличающихся от прежних технологий, компетенций и знаний. Поэтому Администрация Курской области совместно с региональными и всероссийскими организациями при поддержке Аппарата полномочного представителя Президента РФ уже который год подряд проводит традиционный Среднерусский экономический форум (СЭФ), где помимо российских организаций, принимают участие также различные иностранные делегации. Основной темой VII СЭФ стала экономика знаний, основная суть которой – развитие человечного капитала, внедрение прорывных технологий в производство, цифровая трансформация общества, а также множество других актуальных на сегодняшний день проблем социально-экономического развития. В настоящее время основным фактором развития производства является увеличение роли знаний, то есть потребность организаций в высококвалифицированных работниках и их идеях касательно социально-экономического развития региона увеличивается с каждым годом все больше. Из этого следует, что конкурентоспособность региона зависит от использования качественно новых технологий и знаний. В свою очередь, в Курской области система образования представлена более чем 900 образовательных организаций, из которых в 13 образовательных организациях высшего профессионального образования уже сформировалась многофункциональная система образовательной деятельности, что способствует увеличению качества подготовки высококвалифицированных сотрудников, а также развитию новых технологий и компетенций [8].

Орловскую область отличает выгодное географическое положение и компактность территории, а также концентрация высококвалифицированных производственных сил, что дает возможность активному развитию реального сектора экономики. Более того, в Орловской области в 2012 году научно-технические исследования и разработки проводились в 15 организациях, в которых было задействовано 809 человек, из них 610 имеют высшее профессиональное образование. В Орловской области действует многоуровневая система образования, в которой использование современных программ и методик является основой образовательной деятельности организаций, предоставляющих образовательные услуги. На начало 2012/2013 учебного года в Орловской области подготовкой специалистов со средним профессиональным образованием занимались 22 образовательных учреждения среднего профессионального образования, 6 высших учебных заведений и 4 филиала. Что касается высшего профессионального образования, здесь задействовано

6 самостоятельных учреждений высшего профессионального образования и 7 филиалов [7].

На территории Липецкой области сосредоточена высокая концентрация социокультурного и научно-технического потенциала. Кроме того, регион отличается стабильностью экономического развития. Промышленные предприятия и образовательные организации профессионального образования занимают ведущее место в создании наукоемких производственных технологий. Более того, создание инновационных территориальных кластеров, деятельность которых направлена на социально-экономическое развитие региона, является основным видом использования научно-технического и образовательного потенциала. В регионе создан кластер «белой техники», в его состав уже сегодня входят двадцать два предприятия. Создание и развитие кластеров различных видов промышленного производства – основное перспективное направление в экономическом развитии региона [5, с. 4–8].

Тамбовская область обладает необходимыми условиями и ресурсами для полноценного развития научно-технической и инновационной деятельности. В регионе действуют 4 высших учебных заведения, научно-исследовательские институты, промышленные предприятия и организации. Более того, с целью разработки новых прорывных технологий в агропромышленном комплексе в г. Мичуринске создан ФГБНУ «Федеральный научный центр им. И.В. Мичурина» [4].

В социально-экономическом развитии региона следует признать значимость учета ряда неэкономических факторов:

–уровня научно-технического развития региона и наличия соответствующего потенциала, а также внедрения новых технологий в производство;

–наличия высококвалифицированных специалистов, человеческого капитала и ряда профессиональных учебных заведений;

–использования знаний в качестве фактора производства;

–уровня доходов и потребления населения и других факторов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможность использования социокультурного потенциала региона с целью социально-экономического развития зависит от компонентов человеческого капитала – таких, как уровень образования и квалификации сотрудников предприятий, их способность осваивать новые знания и технологии, использовать инновационный потенциал и др., эффективное использование трудовых ресурсов населения. Более того, высокий уровень развития человеческого капитала является основой конкурентоспособности региона.

Список литературы

1. Басовский, Л.Е., Басовская, Е.Н. Сборник докладов участников XIV Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / Л.Е. Басовский, Е.Н. Басовская // Проблема идентификации факторов инновационного развития экономики регионов России. Тула: ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого», 2018. – С. 20–27.

2. Департамент экономического развития Белгородской области [Электронный ресурс] Информационно-аналитический материал по итогам социально-экономического развития Белгородской области за январь–июнь 2018 год. 2018. URL: http://www.derbo.ru/deyatelnost/socialno–ekonomicheskoe–razvitie/ (дата обращения: 04.11.2018)

3. Департамент экономического развития Воронежской области [Электронный ресурс] Проект стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период дл 2035 года. 2018. URL: https://econom.govvrn.ru/its/proekt–strategii–sotsialno–ekonomicheskogo–razvitiya (дата обращения: 04.11.2018).

4. Закон Тамбовской области от 04 июня 2018 года № 246–З О стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года. 2018. [Электронный ресурс] URL: http://docs.cntd.ru/document/550113760 (дата обращения: 04.11.2018).

5. Кокалевская, Д.Н. Концепция создания и функционирования технопарка в г. Липецк и нормативно-правового обеспечения функционирования технопарка / Д.Н. Кокалевская // Анализ научно-технического и инновационного потенциала Липецкой области и проблем его развития. 2018. – С. 4–8.

6. Пасовец, Ю.М. Определение конкурентных преимуществ региона в контексте стратегического планирования его социально-экономического развития / Ю.М. Пасовец // Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов: Сборник докладов участников XIV Всероссийской научно-практической конференции. Тула: ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого», 2018. С. 115–121.

7. Приложение к распоряжению Правительства Орловской области от 2 декабря 2013 г. № 435–р [Электронный ресурс] Основные направления стратегии социально-экономического развития Орловской области до 2020 года. 2013. URL: https://orel–region.ru/index.php?head=20&part=21&in=64 (дата обращения: 04.11.2018).

8. Среднерусский экономический форум 2018 [Электронный ресурс] На пути к экономике знаний. 2018. URL: http://www.sef–kursk.ru/2018/o–regione/ (дата обращения: 04.11.2018).

9. Хорошилова, Ю.А. Роль человеческого капитала в развитии экономики региона / Ю.А. Хорошилова // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», 2018. – С. 60–62.

V. S. Bobrul'ko

OPPORTUNITIES FOR THE USE OF SOCIO–CULTURAL POTENTIAL IN THE SOCIO–ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

The article considers the possibility of using the socio–cultural potential in the socio–economic development of the region based on an analysis of the factors of economic growth in the regions of the Central Chernozem. Emphasizes the importance of the presence of human capital components associated with the education and qualification training of employees of enterprises who can act as the basis for the competitiveness of a region.

Key words: socio–cultural potential, socio–economic development, human capital, region.

УДК 005.5: 504.5

Ю.П. Бруцкая

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В данной статье рассматривается проблема того, что на сегодняшний день городская среда является подверженной различным внешним и внутренним изменениям, которые отражаются в конечном результате на жизнедеятельности и общем состоянии населения города. Наше общество нуждается в разумной коррекции решений в области управления социально-экологической средой города, оптимизации управления средой, учитывая её индивидуальные особенности. В России только начинает зарождаться культура бережного отношения к природе и городской среде. Городские власти используют старые схемы управления для экологической оптимизации, но это не всегда эффективно. Управление экологической оптимизацией требует новых подходов менеджмента, которые удовлетворяли бы всем современным стандартам гибкости и эффективности.

Ключевые слова: социально-экологическая среда, экологическая оптимизация, управление, городская среда.

Процессы управления социально-экологической средой города неотъемлемо связано с управлением рисками. Ежедневно происходит внешнее и внутреннее влияние различных факторов на состояние экосреды города. На фоне всей этой неопределенности управленец должен сбалансировать конкурирующие силы, чтобы найти экономически–эффективную и технически оптимальную стратегию управления средой. Классические подходы к управлению окружающей средой (такие как, управление загрязненными объектами, управление природными ресурсами, ужесточение экологических норм и т.д.) чаще всего не позволяют найти конкретное и систематическое обоснование решения проблемы. Проблемные стороны вопроса экологии города неизбежно связаны с уровнем неопределенности в собранных данных, в результатах моделирования проблемы. В процессе анализа принятие решения в большей степени осложняется очевидным фактором – ограниченностью ресурсов (например, финансовых, человеческих).

В действительности в обществе такое управление в большей степени основано на нормативных ограничениях в социальных сферах жизни, затрагивающих экологическую среду. Также проводятся рассредоточенные акции, попытки выстраивания взаимодействия граждан с государственными органами для плодотворного сотрудничества в области социальной экологии. Однако упускается конкретная культурная, социальная и экологическая идентичность каждого региона. Не достаточно высадить деревья, очистить

© Бруцкая Ю.П., 2018

водоемы – необходим поступательный регулярный индивидуальный подход к каждому региону, сохраняя внутренние особенности природы. При таких условиях должно выработаться правило: идентичность каждого региона не только средство его узнаваемости, но и мощная подоплека к формированию на этой основе экологически совершенного городского пространства.

Практика управления городской средой традиционно прибегает к алгоритму принятия управленческого решения, которое после остается статичным или же требует серьезных согласований для изменения. Учитывая, что экосистема города динамична, к ней требуется соответствующее гибкое управление. Именно поэтому, в 21 веке начинается новый этап управления экологической оптимизацией городской среды – этап адаптивного менеджмента.

Адаптивное управление является инструментом, которое позволяет динамически увязать управленческие решения и постоянно обновляющуюся информацию. Основной процесс адаптивного управления прост: лица, принимающие решения, выбирают управленческие действия, контролируют последствия действий и корректируют деятельность, основываясь на результатах мониторинга и обновленных социально-экономических факторах. На практике выделяют два типа адаптивного управления: пассивный и активный [3, с. 93]. Пассивно-адаптивное управление включает в себя реализацию одной стратегии управления, тогда как активный процесс адаптивного управления одновременно реализует несколько альтернатив управления и постоянно использует их для оценивания эффективности их относительной производительности. В обоих случаях экологическое моделирование является важнейшим компонентом процесса, который позволяет интегрировать данные мониторинга в оценку эффективности. Инструменты адаптивного менеджмента позволяют даже менять цели, если это является более эффективной управленческой альтернативой. В результате, можем сказать, что так протекает процесс адаптации, а не оптимизации. В контексте с управлением социально-экологической средой, это является лучшей управленческой стратегией, так как степень антропогенной нагрузки в городе очень велика. К тому же, состояние социально-экологической среды зависит от множества агентов (например, от предприятий), и городские власти должны быть готовы к тому, что любой из них может неожиданно изменить экологическую обстановку в городе. В данном случае стоит отметить, что должны быть предусмотрены не только санкции в нарушении соответствующих экологических законов, но и постоянный добросовестный контроль этих учреждений. Разумеется, не только крупные предприятия составляют угрозу для всей экологической системы города, вся городская социально-экологическая политика формирует условия для жизнедеятельности граждан.

Адаптивный менеджмент широко применяется в мировой практике управления. Нельзя не упомянуть лидеров в соблюдении природного баланса в социально-экологической среде города. Так, в США Агентство по охране окружающей среды (USEPA) внедрило адаптивное управление во многих проектах. Среди наиболее значимых – проект бассейна реки Миссисипи, в котором используются предполагаемые модели экологической ситуации и мониторинг в попытках уменьшить неопределенность, связанную с биохимическими механизмами [1]. В городской среде адаптивный менеджмент применяется для управления процессами производства гидроэлектроэнергии, а также для восстановления прибрежных территорий в городах. Этот подход позволяет постоянно совершенствовать управление за различными экологическими объектами. Затраты на постоянный мониторинг окупают возможные будущие издержки от неэффективных решений. Учитывая, что адаптивный менеджмент позволяет системе управления фактически самообучаться, то этот подход имеет большее прикладное значение, чем традиционные предшественники.

Так, теоретическая социоэкология выявляет законы развития как социоэкосистем, так и биосферы в целом. В последнем случае она выходит на уровень глобальной экологии, т.к. предмет ее рассмотрения расширяется до экологической системы, охватывающей всю Землю и ее космические контакты. Прикладные направления науки обращаются к комплексному изучению региональных и локальных социоэкосистем с целью выявления механизмов их оптимального функционирования. Данное направление разрабатывает нормы использования естественных ресурсов и среды жизни допустимых нагрузок на них, определяет способы управления экосистемами различного иерархического уровня, намечает возможности и пути «экологизации» хозяйственной деятельности. Центральной задачей предстает выявление принципов рационального использования природных ресурсов и сведения к минимуму деструктивного компонента антропогенного характера.

Инструменты адаптивного менеджмента являются новейшей практикой экологической оптимизации городской среды. В большинстве мировых стран правительства прибегают к более консервативным методам, которые основаны на заранее обговоренных инструкциях, не поддающихся изменению. Такие страны в своем большинстве перешли на ресурсосберегающую политику, в ходе которой человек оказывает помощь внешней среде, а не выступает её противником. Мы думаем, многие согласятся с тем, что в ближайшие 20 лет такое ведение социально-экологических дел в России скорее будет являться невозможным.

Подводя итог, отметим, что современный этап организации экологической оптимизации городской среды является аккумуляцией новых техноло-

гий, повышения ответственности властей и граждан за экологическую среду, в которой они живут. Опыт приведенных городов доказывает, что можно оптимизировать социально-экологическую среду города под экологические стандарты, соблюдение которых напрямую влияет на здоровье и качество жизни населения. Адаптация опыта западных стран позволит нашей стране, регионам позитивно повлиять уровень жизни граждан, повысить участие общественности в управлении городскими проектами, заинтересовать все возрастные категории населения в принятии активного участия в жизни города, стабилизировать экологический баланс промышленных городов. В заключение, отметим, что в связи с усложнением жизни в городах, ухудшением состояния среды и уменьшением работоспособности граждан, рано или поздно будет необходимым все-таки предпринять срочные меры по решению возникших социально-экологических задач. Однако хотелось бы, чтобы данной проблеме было уделено больше внимания уже на данном этапе существования человеческого общества, а не через некоторое время, когда решить проблемную ситуацию будет намного труднее.

Список литературы

1. Зарубежный опыт управления охраной окружающей среды. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ronl.ru/stati/ekologiya/861893/ (Дата обращения: 03.11.2018).

2. Экологическая оптимизация городской среды. [Электронный ресурс]. URL: http://otherreferats.allbest.ru/ecology/00822951_0.html (Дата обращения: 03.11.2018).

3. Linkov I. et al. From optimization to adaptation: Shifting paradigms in environmental management and their application to remedial decisions //Integrated Environmental Assessment and Management. 2006. Т. 2. №. 1. С. 92–98.

Y.P. Brutskaya

MANAGEMENT OF ECOLOGICAL OPTIMIZATION OF URBAN ENVIRONMENT

This article is about the problem of the fact that today the urban environment is subject to various external and internal changes, which are reflected in the final result on the vital and general condition of the population. Our society needs a reasonable correction of decisions in the management of the socio–ecological environment, the optimization of environmental management, taking into account its individual characteristics. There is a culture of respect for nature and the urban environment is just beginning to emerge in Russia. Management of environmental optimization requires new management approaches that would meet modern standards of flexibility and efficiency.

Key words: socio–ecological environment, environmental optimization, management, urban environment.

УДК 316.65.0

Е.А. Васильева, М.В. Рубцова

К ВОПРОСУ О СОГЛАСОВАННОСТИ ЦЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)*

В статье представлены результаты исследования, проведенного в Республике Саха (Якутия) в 2018 г. Целью исследования было выявление согласованности ценностей, которыми руководствуются государственные служащие в своей деятельности и представлений о том, чем они должны руководствоваться, распространенных в студенческой среде. Установлено, что в обществе существует общественное согласие о статусе государственной службы как субъекта государственного управления. Однако для студентов работа в органах исполнительной власти ассоциируется с высоким социальным статусом, сопряженным с высоким доходом и необременительными обязанностями. Для государственных служащих – это сложный напряженный труд, который компенсируется стабильностью, карьерной перспективой и возможностью проявить властные полномочия.

Ключевые слова: государственная служба, ценности, рациональная бюрократия, мотивация, Новый государственный менеджмент.

Для эффективности государственного управления особое значение имеет согласованность ценностей государственной службы как основного актора государственного управления и общества. Концепция Нового государственного менеджмента [6; 7; 8] акцентировала внимание на потребностях и интересах граждан как основной цели государственного управления. Однако социальные ценности, на которые опирается государственное управление, представляют собой в большей степени социально одобряемые убеждения относительно основных целей человеческого существования. Новая концепция административного реформирования, получившая название Good Governance [3], подразумевает, что успешность государственного управления определяется согласованностью общественных интересов и ценностей, которыми руководствуются государственные служащие при выполнении своих должностных обязанностей.

В рамках нашего исследования основной исследовательский вопрос заключался в следующем: совпадают ли представления о сущности государственной службы, сложившиеся у студентов СВФУ, с ценностями, которыми

© Васильева Е.А., Рубцова М.В., 2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Саха (Якутия) в рамках научного проекта № 18-41-000001 и гранта Главы Республики Саха (Якутия) для молодых ученых, специалистов и студентов.

руководствуются государственные служащие Республики Саха (Якутия) в своей работе?

Были выдвинуты следующие гипотезы:

– задачу государственной службы студенты СВФУ и государственные служащие Республики Саха (Якутия) определяют по-разному: молодежь – как оказание государственных услуг, государственные служащие – как администрирование;

– студенты более склонны поддерживать ценности НГМ;

– республиканские государственные служащие более склонны поддерживать ценности рациональной бюрократии.

Методика исследования

Был проведен опрос государственных служащих Республики Саха (Якутия) и студентов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Ценности выявлялись в рамках вопросов «Как Вы полагаете, что из нижеперечисленного является основной задачей органов исполнительной власти?» и «К какой категории Вы отнесете государственных служащих?». Ответ на первый вопрос должен определить содержание государственной службы как профессиональной деятельности, ответ на второй вопрос – социальный статус государственных служащих.

Проверочным является вопрос о ранжировании основных принципов государственной службы, который позволит получить представление о тех функциях государственного управления, которые являются целеполагающими для государственных служащих.

Результаты исследования

Большинство опрошенных государственных служащих определяют свою основную задачу как принятие управленческих решений в подведомственной сфере (31,8%) и выполнение государственных функций (31,8%). Студенты чаще определяют задачу государственных служащих как выполнение государственных функций (34,8%). Такие функции, как предоставление государственных услуг и удовлетворение общественных потребностей, получили поддержку минимального количества опрошенных обеих групп опрошенных. Таким образом, первая гипотеза не получила подтверждения, о чем свидетельствует и высокий уровень критерия Хи–квадрата Пирсона (0,882).

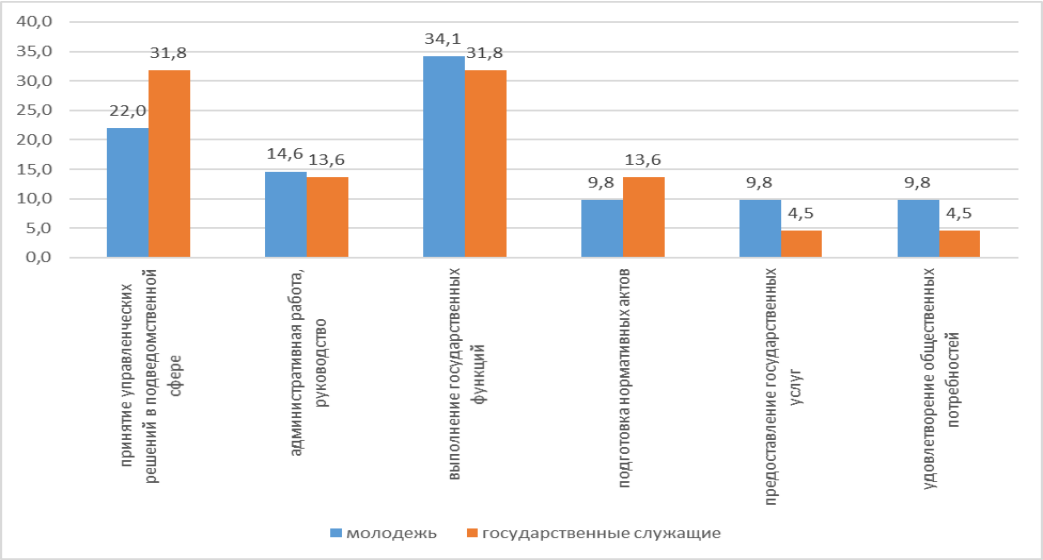


Рис. **Распределение ответов на вопрос о содержании деятельности государственной службы, %**

Студенты чаще, чем государственные служащие относят чиновников к категории руководителей. Однако большинство в обеих группах опрошенных представляют те, кто относит чиновников к категории специалистов, что вполне соответствует концепции традиционной бюрократии. Таким образом, результаты позволяют предположить, что, несмотря на то, что государственные служащие и студенты одинаково определяют понятие деятельности чиновников, они подразумевают разное ее содержание. Для студентов государственная служба ассоциируется с высоким социальным статусом, сопряженным с высоким доходом и необременительными обязанностями. Для государственных служащих – это сложный напряженный труд, который компенсируется стабильностью, карьерной перспективой и возможностью проявить властные полномочия.

Табл. 1.

Распределение ответов на вопрос о статусе государственных служащих, %

	Студенты	**Государственные служащие**	**Всего**
руководители	41,5	40,9	41,3
специалисты	43,9	45,5	44,4
менеджеры	2,4	13,6	6,3
политики	7,3	0	4,8
наемные работники	2,4	0	1,6
другое	2,4	0	1,6
Итого	**100**	**100**	**100**

Анализ значимости основных принципов государственной службы позволяет определить значимость основных ценностей, разделяемых респондентами. И для студентов, и для государственных служащих наиболее ценным является принцип приоритета прав и свобод граждан, что полностью отвечает конституционным установкам демократического государства. Вторым по значимости является принцип профессионализма, подразумевающий, что государственные служащие выполняют свои должностные обязанности на основе профессиональной компетенции, то есть совокупности знаний, умений и навыков в области управления.

Третьим по значимости принципом для государственных служащих является равный доступ к государственной службе, подразумевающий требование отсутствия дискриминации при трудоустройстве в органы исполнительной власти и при карьерном продвижении. Для студентов более значимым является принцип доступности информации о государственной службе и принцип обязательности взаимодействия с общественными организациями. Это может свидетельствовать о том, что принципы Нового государственного менеджмента, внедряемые в ходе административного реформирования и подразумевающие транспарентность государственного управления, находит поддержку среди российской молодежи.

Наименее значимыми как для студентов, так и для государственных служащих являются принципы единоначалия, иерархии и политической нейтральности. Это может свидетельствовать о нескольких тревожных тенденциях. Во-первых, низкий уровень поддержки принципа единоначалия ставит под сомнение эффективность администрирования – при наличии нескольких управляющих центров существенно затрудняется коммуникация между подразделениями, а также система обратной связи. Во-вторых, низкая оценка принципа иерархии государственными служащими может свидетельствовать о низкой управляемости в системе республиканской государственной службы, то есть ее способность достигать поставленные управляющей подсистемой цели. В то же время, это может свидетельствовать о том, что в рамках государственной службы Республики Саха (Якутия) активно внедряются принципы децентрализованного управления в рамках матричной организационной структуры. По крайней мере, можно констатировать стремление акторов к внедрению такого управления.

Табл. 2.

Ранжирование принципов государственной службы

	Студенты	**Государственные служащие**
Приоритет прав и свобод граждан	1	1
Профессионализм	2	2
Доступность информации о гражданской службе	3	6
Взаимодействие с общественными организациями	4	5
Защищенность государственных служащих от вмешательства в их деятельность	5	7
Принцип стабильности	6	4
Равный доступ граждан к государственной службе	7	3
Принцип иерархии	8	10
Принцип единоначалия	9	9
Принцип политической нейтральности	10	8

Итак, из трех выдвинутых гипотез в ходе исследования подтвердились две. Действительно, студенты больше, чем государственные служащие разделяют ценности Нового государственного менеджмента (коэффициент корреляции Пирсона для студентов составляет 0,169, для государственных служащих – 0,366). Из принципов рациональной бюрократии для них значимыми является только ценность профессионализма. Для государственных служащих сохраняет свою значимость принцип стабильности и высокого социального статуса, хотя административная результативность и властная иерархия потеряли свою значимость для обоих категорий респондентов.

Не подтвердилась гипотеза о различной оценке сущности государственной службы в молодежной среде и в системе государственной службы. Исследование показало общественное согласие, в соответствии с которым обе категории респондентов оценивают основную задачу государственной службы как выполнение функций государства. Именно поэтому огромный практический и теоретический интерес представляет дальнейшее изучение мотивации государственных служащих и трансформация их ценностных установок.

Список литературы

1. Anderman, E.M., Austin, A.C., Johnson, D.M. The development of goal orientation. In A. Wigfield & J.S. Eccles (Eds.), Development of achievement motivation. San Diego, CA: Academic Press, 2001. pp. 197–220.

2. Connell, J.P., Wellborn, J.G. Competence, autonomy, and relatedness: a motivational analysis of self–system processes. In Minnesota Symposia on Child Psychology, ed. M Gunnar, LA Sroufe, 23:43–77. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991.

3. de Graaf, G. and Paanakker, H. Good Governance: Performance Values and Procedural Values in Conflict. American Review of Public Administration. 2014. № 1–18.

4. Deci, E.L., Ryan, R.M. Intrinsic Motivation and Self–Determination in Human Behavior. New York: Plenum, 1985.

5. Hayden, F.G. Values, Beliefs, and Attitudes in a Sociotechnical Setting. Journal of Economic Issues. Vol. XXIl. No. 2 June 1988.

6. Hood, C. Public Management: The Word, the Movement, the Science. In The Oxford Handbook of Public Management. Ed. by E. Ferlie, L. Lynn Jr., C. Pollitt. Oxford, Oxford University Press, 2007.

7. Kettl, D.F. The Transformation of Governance: Public Administration for the Twenty–First century. John Hopkins University Press, Baltimore, 2015.

8. Peters, G., Pierre, J. Handbook of Public Administration. London, Sage Publications, 2003.

9. Rhodes, R. Recovering the Craft of Public Administration. Public Administration Review. December 2015.

10. Wigfield, A, Eccles, J.S. The Development of Achievement Motivation. San Diego, CA: Academic, 2001.

E.A. Vasilieva, M.V. Rubtcova

TO THE QUESTION OF THE CONSENT OF THE VALUES OF PUBLIC SERVICE AND STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

The article presents the results of a research conducted in the Republic of Sakha (Yakutia) in 2018. The purpose was to identify if the values of civil servants consist to the expectation common among students. It is established that there is a social agreement about the status of the civil service as a subject of government. However, for students, work in executive authorities is associated with a high social status, coupled with high income and easy duties. For civil servants – this is a complex hard work, which is compensated by stability, career prospects and the ability to exercise authority.

Key words: public service, values, rational bureaucracy, motivation, New public management.

УДК 316.344.233

К.А. Воронова

СОЦИАЛЬНО-КОНТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена социально-контрактным отношениям с бедным населением, на сегодняшний день они развиваются государством как основной механизм преодоления бедности. Рассмотрены принципы, особенности социальных контрактов. Охарактеризованы этапы внедрения социально-контрактных отношений в современной России. Проанализированы результаты этого процесса.

Ключевые слова: социальный контракт, бедность, социальная политика.

В последние десятилетия в российском обществе обострились социально-экономические противоречия, усилилось расслоение населения и возросло социальное неравенство. Это было обусловлено сложными процессами перехода к новой экономической и политической системе отношений, которые привели к формированию в 90–е гг. широкого слоя бедных и узкой группы богатых. После более стабильных 2000–х годов, начиная с 2014 года, ситуация вновь начала ухудшаться, прежде всего, в связи с кризисными процессами в экономике, происходившими из–за обострения внешнеполитической ситуации, введения санкций, снижения мировых цен на нефть и скачков курса валют. Ежегодно происходит рост бедного населения: так по данным Росстата показатель абсолютной бедности, учитывающий долю населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, возрос с 11,2 % в 2014 г. до 13,3 % в 2017 г. [1]. Субъективные оценки бедности свидетельствуют о том, что к концу 2017 г. четверть россиян считала свое материальное положение «плохим и очень плохим» [1,2]. Децильный коэффициент фондов (соотношение доли 10% наиболее обеспеченного населения и 10 % наименее обеспеченного населения) за последние десять лет показывает различие в 16–17 раз [1]. Тогда как в норме этот показатель должен быть на уровне – 7–8, но не более 10 раз. При этом с 2014 по 2017 год социологи также фиксируют снижение реальных доходов населения (на 19 %), уменьшение реального размера пенсий (на 7 %), прирост потребительских цен (26 %), подорожание продуктов (28 %), а также непродовольственных товаров (26 %) и услуг (21 %) [2,3]. Эти данные свидетельствует об объективном существовании проблемы бедности в современном российском обществе, о нарастании неблагоприятных тенденций, связанных с ее усилением, а также о необходи-

© Воронова К.А., 2018

мости предпринимать определенные меры, направленные на улучшение ситуации. Одной из них является заключение социального контракта.

В основе социально-контрактных отношений лежат принципы, которые восходят еще к теории общественного договора, представленной в трудах Т.Гоббса, Дж.Локка и Ж.–Ж.Руссо. Среди них можно отметить: своеобразие человеческой природы, сложность самоконтроля со стороны индивида, необходимость договариваться, установление и поддержание социального порядка, достижение социальной справедливости благодаря соглашению, защита уязвимых категорий населения и обеспечение равных прав и свобод, преодоление социального неравенства. Механизм социальных контрактов начал использоваться в работе с бедными в странах Запада, прежде всего во Франции и США, в конце 80–х – начале 90 – х годов. Впоследствии именно эти страны обменивались опытом в этом направлении с нашим государством посредством работы различных некоммерческих организаций и фондов.

Суть механизма социальных контрактов заключается в выстраивании поэтапного взаимодействия между бедными (наиболее часто это бедные семьи) и органами социальной защиты с целью преодоления состояния бедности за счет актуализации имеющихся у индивидов ресурсов и включения в какую–либо социальную деятельность, позволяющую обрести новые источники дохода. Причем эти источники дохода должны иметь длительную перспективу в будущем. Это взаимодействие строго регламентируется договором, в котором прописываются стороны, реализуемые мероприятия, сроки, планируемые результаты. Именно поэтому используется понятие «контракт». Заключенное соглашение позволяет участникам, с одной стороны, получить определенные средства под заранее обозначенные цели, с другой стороны, приводит к необходимости отчитываться о каждом проделанном шаге, предоставляя соответствующие отчеты, документы, чеки, фотографии. Немаловажным направлением в работе с участниками социальных контрактов является составление и следование адаптационной программе, в которой делается акцент на изменении ценностей и поведенческих стратегий; на приобретении новых навыков; на изменении мировоззрения и самовосприятия себя индивидами. Основная задача преодоления бедности – это еще и трансформация от иждивенческой установки по отношению к обществу и государству к активному и деятельному улучшению своего положения. При этом если условия договора в какой–то момент нарушаются, то участники контракта обязаны осуществить возврат полученной выплаты, в самом крайнем случае возможно обращение в судебные органы.

Социально-контрактные отношения с бедными в России формировались постепенно, этот процесс включал в себя разные периоды. В ходе теоре-

тического и эмпирического анализа нами были выделены и охарактеризованы четыре основных этапа. Первыми шагами в этом направлении во второй половине 90–х годов стали отдельные программы более узкой направленности («От пособия к зарплате», «Самообеспечение»), которые включали в себя такие задачи, как, например, трудоустройство бедного неработающего населения, повышение уровня доходов за счет организации семейного бизнеса и развития личного подобного хозяйства. Важно отметить, что одним из таких первопроходцев была Пермская область. Это стало возможным благодаря объединению усилий со стороны ученых, администраций отдельных территорий и деятельности некоммерческих организаций, осуществляющих консультативное сопровождение («Фонд «Институт экономики города», г. Москва; «Urban Institute», США). Программы дали хороший результат: в ходе мониторинга результата было установлено, что около 70 – 80 % участников разных программ увидели выраженный положительный эффект, но наблюдались сложности с окончательным выходом из состояния бедности [4].

Вторым этапом стала разработка в 2003–2009 гг. механизма социально-контрактных отношений с бедными и экспериментальное его применение в 13 субъектах РФ, которые отличались более высоким уровнем социально-экономического развития (например, Тюменская и Нижегородская области). Здесь появляются различные конфигурации социально-контрактных отношений, оформляется законодательная база, вырабатываются основные правила участия и сопровождения со стороны органов социальной защиты.

Благодаря накопленному опыту становится возможным третий этап, который представляет собой федеральный эксперимент в 2010–2011 гг., закрепленный приказом Министерства здравоохранения и социального развития, включивший 17 регионов России, которые были уже гораздо более разнородными по своим социально-экономическим показателям. Среди этих субъектов были и традиционно «регионы–локомотивы» (Московская, Свердловская область), так и субъекты, занимающие обычно нижние строки рейтингов с развитой экономикой и нуждающиеся в регулярных дотациях из центра (Тыва, Курганская область). На этом этапе механизм социально-контрактных отношений приобрел свои окончательные очертания, утвердилось понятие «социальный контракт», были получены результаты его применения в регионах различного типа, отобраны лучшие практики и сконструированы правовые нормы.

Четвертым этапом (с 2012 г. по наст. время) происходило полномасштабное внедрение механизма социально-контрактных отношений с бедными в подавляющем большинстве российских регионов, санкционированное

включением социальных контрактов в федеральное законодательство. Здесь стало происходить более массовое заключение социальных контрактов, приведение в соответствие регионального и муниципального законодательства. Социальные контракты были включены в государственную федеральную программу «Социальная поддержка граждан» до 2020 года как основной механизм преодоления бедности в стране.

В результате по данным на 2016 год в целом по стране было заключено более 60 тыс. социальных контрактов, охватывающих более 200 тыс. человек, если учитывать членов семей участников. Более 70 % составляют семьи с детьми, т.к. именно эта категория является самой многочисленной среди бедных, особенно это касается многодетных семей. Выплата, которая перечисляется участнику социального контракта на реализацию утвержденных мероприятий, наиболее часто является денежной (80 %), единовременной (80 %) и составляет в среднем около 35 тыс. руб. Продолжительность социального контракта в России на законодательном уровне чаще всего определяется диапазоном от 3 месяцев до одного года, а в реальности составляет в среднем около 7–8 месяцев [5]. Натуральная помощь, высокий уровень размера выплаты и б*о*льшая продолжительность социальных контрактов встречается в основном в сельскохозяйственных территориях, связана с их спецификой и циклом жизни крупного рогатого скота (например, в Республике Бурятии, Коми, Якутии). Деятельность, в которую включаются участники социальных контрактов, крайне разнообразна. Можно проиллюстрировать это на рис. 1, который содержит результаты эмпирического исследования социально-контрактных отношений в Пермском крае, проведенного нами в первой половине 2018 года в рамках подготовки кандидатской диссертации [6]. Основным направлением социальных контрактов как в целом по России (68 %), так и по Пермскому краю (77 %) является развитие личного подсобного хозяйства, которое включает в себя многочисленные сельскохозяйственные занятия: животноводство, птицеводство, овощеводство и др.

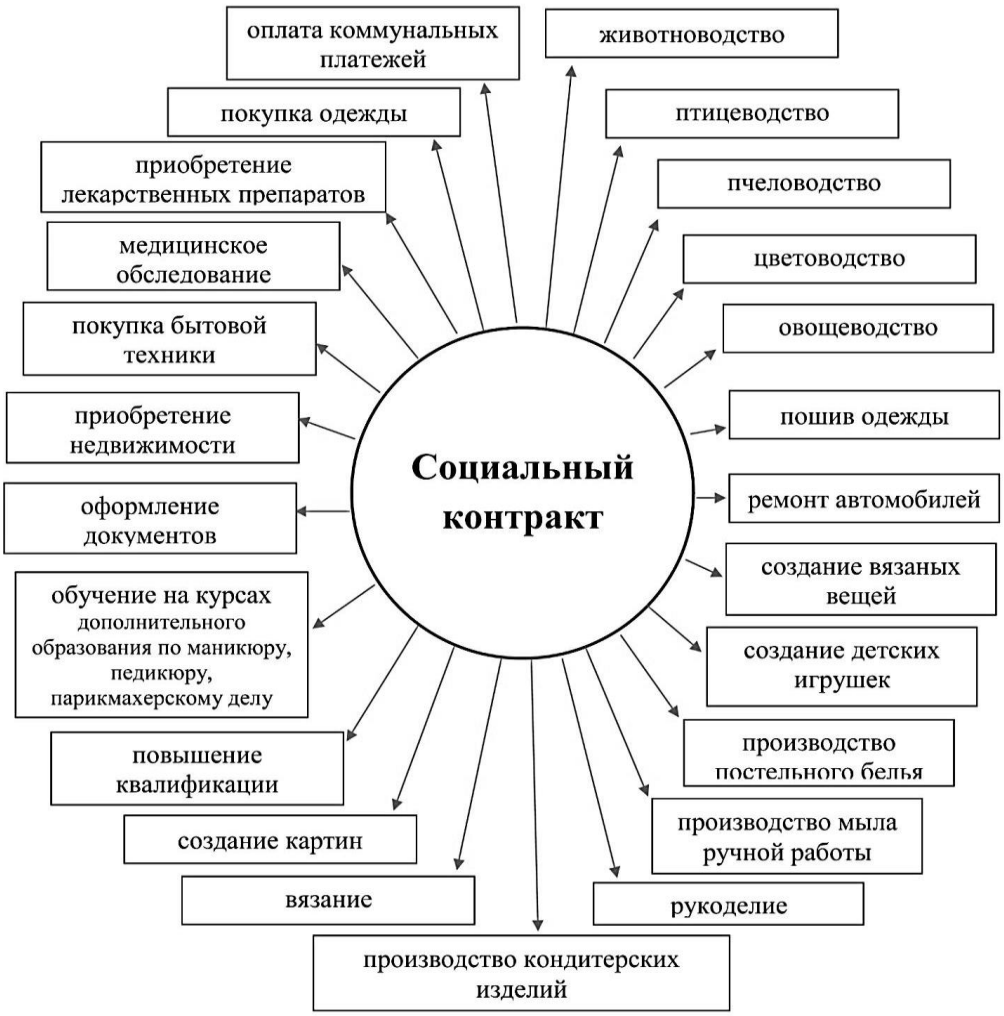


Рис. **Деятельность в рамках социальных контрактов**

По данным различных мониторингов более 60 % участников социально-контрактных отношений в России чувствуют улучшение ситуации, поэтому этот механизм признан действенным [5]. Однако здесь есть определенные нюансы и сложности. На государственном уровне социальный контракт утвержден как основная мера борьбы с бедностью, а вот результат измеряется в другой плоскости – смотрится «выход из трудной жизненной ситуации» (более 40 % на 2016 г. по данным Минтруда РФ). «Трудная жизненная ситуация» представляет собой широкий набор различных, преимущественно локальных, проблем, с которыми сталкивается население. Например, это может быть потеря кормильца или отсутствие работы, пожар, тяжелая болезнь и т.п. Если индивид справляется с этими сложными обстоятельствами, это еще не означает, что бедность преодолена. Поэтому реальный анализ динамики выхода из состояния бедности благодаря социально-контрактным отношениям представляет собой важную научную задачу, которая осложняется отсутствием актуальных статистических данных в масштабах РФ.

Результаты нашего диссертационного исследования по Пермскому краю в 2018 году показали, что порог абсолютной бедности в результате социально-контрактных отношений был преодолён только 7 % опрошенных участников. Причем корреляционный анализ показал, что они чаще участвовали в таком направлении социальных контрактов как приобретение техники, а проживают в городской местности. В результате они получили новые источники дохода от бизнеса, предпринимательства и оказания услуг другим гражданам. 75 % участников повысили свое благосостояние благодаря социально-контрактным отношениям, но не преодолели бедность. Они чаще были заняты в птицеводстве, в среднем и мелком скотоводстве в сельской местности. В результате они получили новые источники дохода от фермерства, в том числе продажи молока, мяса, скота. Участники, не изменившие свое социально-эконмическое положение, участвовали в получении образования, разведении пушных зверей в городской местности и крупного домашнего скота в сельской местности. В случае с образованием, причина в том, что получение документа о прохождении курсов, например, не гарантирует автоматически новый доход, здесь необходимы дальнейшие усилия индивидов, которые не регламентируются контрактом. В остальных ситуациях наиболее частой причиной неудачи является нехватка необходимых компетенций и навыков, что приводит к потере результата, например, к гибели животных.

Таким образом, социально-контрактные отношения внедряются в работу с бедными, особенно активно с 2012 года, являются перспективным механизмом преодоления состояния бедности. Однако очень важной задачей является реалистичный анализ и полномасштабный мониторинг результатов на федеральном уровне. Это позволит совершенствовать, корректировать механизм социальных контрактов, сделает их более результативными, поможет более грамотно использовать бюджетные средства в рамках этого направления социальной защиты населения.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ (Дата обращения: 01.11.2018).

2. Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. I квартал. М.: НИУ ВШЭ, 2018.

3. За три года россияне стали беднее на 20 процентов. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2017/08/01/minus20/ (Дата обращения: 01.11.2018).

4. Замараева З.П. Становление института социальной защиты населения в России. М.: Изд-во РГСУ «Союз», – 2006. – С. 136.

5. Данные Минтруда РФ от 03.05.2017 [Электронный ресурс].URL: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/401 (Дата обращения: 01.11.2018).

6. Воронова К.А. Социально-контрактные отношения как механизм преодоления бедности современной российской семьи: дис. канд. социол. наук. Пермь, 2018. 183 с.

K.A. Voronova

SOCIAL–CONTRACTUAL RELATIONSHIP AS A MECHANISM FOR OVERCOMING POVERTY IN MODERN RUSSIA

The author explores social contractual relations with the poor in modern Russia. This mechanism is the main tool for fighting poverty in modern Russian social policy. The author analyzes the principles, features, stages and results of social contracts in modern Russia.

Key words: social contract, poverty, social policy.

УДК 331.556.2

А.В. Данилова

РЫНОК ТРУДА МОНОГОРОДА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ[1]

В статье анализируется ситуация на рынке труда Свердловской области в разрезе монопрофильных муниципальных образований. Эмпирическую основу составляют данные предоставленные Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области за период с 2015 по 2017 гг. Автор приходит к выводу, что на рынке труда моногородов Свердловской области фиксируется тенденция к снижению напряженности. Вместе с тем, проблемы занятости для населения моногородов остаются актуальными в связи с ограниченным числом рабочих мест и несоответствием квалификаций населения потребностям работодателей. В результате этого, население моногородов переориентируется на внешние рынки труда и включается в различные формы трудовой мобильности.

Ключевые слова: моногород, рынок труда, трудовая мобильность.

Проблемы моногородов актуализируются и начинают активно обсуждаться в связи с социально-экономическим кризисом 2008–2009 гг. в городе Пикалево. За прошедшие десять лет на федеральном и региональном уровне предприняты значительные усилия для стабилизации ситуации в моногородах: создан Фонда развития моногородов, утвержден «Паспорт приоритетной программы Комплексное развитие моногородов», с 2012 года ведется федеральный мониторинг занятости населения в монопрофильных населенных пунктах, в Свердловской области утверждена государственная программа «Содействие занятости населения Свердловской области до 2024 года». Экономический кризис 2015 года вновь привлек внимание к проблемам занятости населения моногородов, в которых социально-экономическое благополучие жителей в значительной степени зависит от стабильности работы градообразующих предприятий. Свердловская область относится к регионам с высокой долей населения (28,9%), проживающего в моногородах[1]. Содействие стабилизации ситуации на рынке труда монопрофильных населенных пунктов в Свердловской области – одна из ключевых задач, государственной программы Свердловской области «Содействие занятости населения Свердловской области до 2024 года»[3]. В качестве целевых показателей этой задачи обозначены снижение коэффициента напряженности на рынке труда и уровня официально зарегистрированной безработицы на территориях монопрофильных населенных пунктов. Проанализируем, какие тенденции на рынках труда моногородов имеют место на протяжении последних трех лет в Свердловской области.

© Данилова А.В., 2018

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля». Проект реализуется при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ) № проекта18-011-00457, 2018-2020 гг.

Анализ ключевых показателей, характеризующих ситуацию на рынке труда Свердловской области в разрезе монопрофильных муниципальных образований, свидетельствует о наличии позитивных тенденций[1]. В период с 2015 по 2017 гг. в большинстве моногородов (12 из 17) фиксируется рост заявленной работодателями потребности в работниках. В рамках программы «Комплексное развитие моногородов Свердловской области» за 2017 год создано вдвое больше новых рабочих мест, чем запланировано (14 595 и 32 553 соответственно)[2]. Практически во всех муниципальных образованиях (15 из 17) на протяжении последних трех лет снижается численность незанятых граждан. В большинстве моногородов Свердловской области фиксируется снижение коэффициента напряженности на рынке труда (исключение: Малышевский городской округ, Городской округ Карпинск).

Несмотря на снижение коэффициента напряженности, в 12 из 17 моногородов численность незанятых граждан на конец 2017 года, по-прежнему, превышала заявленную работодателями потребность в работниках. Другими словами, проблемы занятости для горожан остаются актуальными: *«Здесь работы толком нормальной нету. ... Сейчас такая безработица. Молодых очень много безработных. Проблема куда–то устроиться, а нам – предпенсионным – вообще нигде не устроиться» (М., 58 лет, житель г. Ревда).*

Создание и модернизация рабочих мест видятся очевидным выходом для решения проблемы ограниченности рынка труда моногорода. Вместе с тем, вновь созданные и модернизированные рабочие места требуют от населения определенного уровня квалификации. Согласно данным, предоставленным Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области по состоянию на конец II квартала 2018 года, в наибольшей степени работодатели в моногородах нуждаются в специалистах высшего уровня квалификации и квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий. Помимо недостаточного числа рабочих мест, в моногородах, вероятно, существует проблема структурного несоответствия предложения и спроса на рынке труда. Для стабилизации ситуации на рынках труда моногородов помимо создания и модернизации рабочих мест необходимо также предусматривать и меры позволяющие привести в соответствие квалификации населения требованиям рынка труда.

О сохраняющихся проблемах на рынке труда моногородов Свердловской области свидетельствует снижение доли экономически активного населения (13 из 17), сокращение общей численность населения (15 из 17), отрицательный миграционный прирост (11 из 17). Эти тенденции указывают на то, что население моногородов переориентируется на рынки труда других

[1] Данные предоставлены Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области за период с 2015 по 2017 гг.

муниципальных образований. Об этом свидетельствуют и данные, полученные в ходе интервью с представителями Центра занятости и жителями моногородов: *«выезжают для работы за пределами города у нас очень многие, но они не на постоянное место жительства выезжают.. выезжают молодежь, особенно, кто после вузов, заканчивают институты и остаются работать в Екатеринбурге» (представитель Центра занятости г. Ревда).*

На протяжении последних трех лет на рынках труда моногородов Свердловской области фиксируется снижение напряженности. Вместе с тем, сохраняются проблемы ограниченности рынков труда и несоответствия квалификаций населения потребностям работодателей. Отсутствие достаточного количества рабочих мест, рабочих мест, соответствующих квалификациям населения моногородов, приводят к тому, что жители моногородов вынуждены выезжать для работы за пределы места проживания. Таким образом, стабилизация рынков труда, снижение напряженности на рынках труда моногородов обусловлена в определенной степени активностью населения моногородов, их готовностью к трудовой мобильности.

Список литературы

1. Аналитический доклад ИКСИ «Обзор российских моногородов» [Электронный ресурс]. URL: http://icss.ru/vokrug–statistiki/obzor–rossijskix–monogorodov (Дата обращения 03.11.2018).

2. Ежегодный отчет о ходе реализации приоритетных региональных проектов в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: www.midural.ru/download.php?id=_2018991146.pdf (Дата обращения 03.11.2018).

3. Постановление правительства Свердловской области от 21 октября 2013 года № 1272–ПП «Об утверждении государственной программы Свердловской области «Содействие занятости населения Свердловской области до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/453135189 (Дата обращения 03.11.2018).

A.V. Danilova

LABOR MARKET OF SINGLE–INDUSTRY TOWNS: PERSPECTIVE AND PROBLEMS

The labor market of single–industry towns of Sverdlovsk region is considered in the article. The author analyzes statistical data of Department of labor and employment of Sverdlovsk region. Due last three years tension on the labor market has decreased. But unemployment is still one of the actual problems for citizens because of limitation and imbalance of labor market. That is why residents of single–industry towns are involved into the labor mobility.

Key words: single–industry town, labor market, labor mobility.

УДК 314.04

И.В. Зеленская, М.Э. Максименко

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе рассматривается понятие демографической структуры общества, раскрываются его качественные и количественные характеристики. На основе сравнительного анализа численности населения Российской Федерации в различные периоды выявляются факторы социальной динамики и оценивается степень их влияния на количественную составляющую демографической картины. Основными используемыми в работе методами являются: метод экстраполяции, метод вторичного анализа данных. Источником данных выступили бюллетени Федеральной службы государственной статистики.

Ключевые слова: демографическая ситуация, численность населения, депопуляция, демографическая яма.

В современном мире возрастает общественно-политическая значимость проблем народонаселения, а исследование их приобретает особую актуальность. Активно растет численность населения в развивающихся странах мира, однако, в развитых – в лучшем случае простое воспроизводство населения.

Статистические данные о демографических показателях современного российского общества представлены и регулярно обновляются на сайте Федеральной службы государственной статистики [1]. Там же размещены различные бюллетени, доклады и прочие издания, содержащие статистические данные в сгруппированном виде, но совершенно лишенные аналитических выводов, что определено спецификой деятельности Росстата.

Анализу отдельных демографических показателей демографической структуры российского общества посвящены исследования М.Ю. Чернышова, В.И. Кузнецова, Е.В. Чистовой [2, 3, 4] и других авторов.

Изменение численности населения Российской Федерации, до 1991 года существовавшей в границах РСФСР, с начала 80–х годов 20 века демонстрирует уверенную динамику возрастания. Так, в 1981 году численность РСФСР составляла 138,8 млн. человек, а к 1991, возросла до 148,3 млн. человек (абсолютный прирост – свыше 9 млн. человек за 10 лет). Эта позитивная динамика количественного показателя населения наблюдалась также на протяжении всего 20 века, хотя и не была столь стремительной (в среднем динамика предыдущих шести десятилетий показывает прирост в объеме 7 млн. человек за 10 лет).

© Зеленская И.В., Максименко М.Э., 2018

С 1995 года в демографической динамике начинает прослеживаться устойчивая тенденция депопуляции. В 2009 году был достигнут исторический минимум 21 века: численность населения Российской Федерации составляла 142,7 млн. человек. В дальнейшем наблюдалась положительная демографическая динамика, хотя увеличение численности населения в период с 2009 по 2017 год имеет весьма незначительные темпы.

В 2014 численность населения возросла сразу на 2,6 млн. человек в связи с присоединением к территории Российской федерации двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь 11.04.2014 года. Такой демографический скачок является беспрецедентным в современной истории России и существенно не влияет на качественные демографические показатели, так как присоединенная территория по структуре населения ничем не отличается от других субъектов Российской Федерации.

Причинами уменьшения численности населения в современной России являются смертность и миграция, источниками увеличения (сохранения) – рождаемость, миграционный прирост, увеличение продолжительности жизни.

В 2016 году общий прирост населения Российской Федерации составил 259,7 тыс. человек. При этом естественный прирост составил –2,3 тысячи человек, а миграционный 262 тыс. человек. То есть в 2016 году наблюдается увеличение численности населения Российской Федерации, хотя при этом естественный прирост, представляющий собой разность числа родившихся и умерших за год, в 2016 году был отрицательным, а количество населения увеличилось только благодаря миграционному приросту. Тенденция отрицательного естественного прироста наблюдается в России, начиная с 1991 года. Причиной отрицательного естественного прироста населения нельзя однозначно назвать снижение рождаемости, так как естественный прирост — это разность количества смертей и рождений за текущий год:

Естественный прирост = Число родившихся – Число умерших.

Так, если наблюдается увеличение значения естественного прироста, мы можем говорить не только об увеличении рождаемости, но и о снижении смертности, которое, в свою очередь, может иметь целый ряд причин. В 2009 году, по сравнению с 2010 годом, произошло небольшое улучшение показателей естественного прироста с –248856 до –239568, несмотря на оставшиеся отрицательными значения. Положительная динамика сравниваемых годов связана исключительно с ростом рождаемости, так как в 2010 году количество смертей только увеличилось.

Динамику численности населения, а также причины изменений важно учитывать при разработке мер по регулированию демографической ситуации

в стране. Основными факторами динамики численности населения являются рождаемость, смертность и миграция. Соответственно, основными источниками улучшения демографической ситуации являются увеличение рождаемости, снижение смертности и грамотная миграционная политика по привлечению иностранных квалифицированных специалистов трудоспособного возраста. Данные направления нашли свое отражение в демографической политике России в последнее десятилетие.

С 01 января 2007 года в России начала действовать программа «Материнского капитала», предусмотренная Федеральным законом от 26.12.2006 № 256–ФЗ «О мерах дополнительной поддержки семей, имеющих детей». Стратегической целью программы является улучшение демографической ситуации путем стимулирования семей к рождению второго и последующих детей выплатами средств из федерального бюджета со строгим определением их целевого использования. Необходимо отметить, что с 2006 года наблюдается устойчивое увеличение общего числа родившихся.

По прогнозам Федеральной службы государственной статистики, в ближайшие 15 лет будет наблюдаться устойчивое снижение числа родившихся. Основной тому, на наш взгляд, является демографическая яма конца 90–х годов, которую отчетливо видно на диаграмме возрастно-половой структуры населения на начало 2017 года. Численность детей, родившихся в конце 90–х – начале 2000–х годов была невысокой по сравнению с предыдущими и последующими периодами. В итоге в России в настоящее время двадцатилетних женщин и мужчин почти в два раза меньше, чем тридцатилетних. Значение среднего репродуктивного возраста на современном этапе развития российского общества составляет чуть больше 28 лет. Таким образом, в ближайшие годы вступит в репродуктивную фазу малочисленное поколение женщин, рожденных в конце 90–х – начале 2000–х годов, и демографическая яма конца 90–х естественным образом эхом отобразится на шкале в 2025–2033 годах.

Аналогичное эхо мы наблюдаем в половозрастной структуре населения в настоящий момент: количество 74–летних (1943 года рождения) женщин и мужчин значительно ниже, чем количество 80–летних (1937 года рождения) женщин и мужчин, несмотря на прогрессирующий с увеличением возраста показатель смертности от естественных причин См. рис. 1. Эта низкая рождаемость военных лет нашла эхом отразилась в поколении 60–х годов, когда дети войны вступили в репродуктивный возраст.

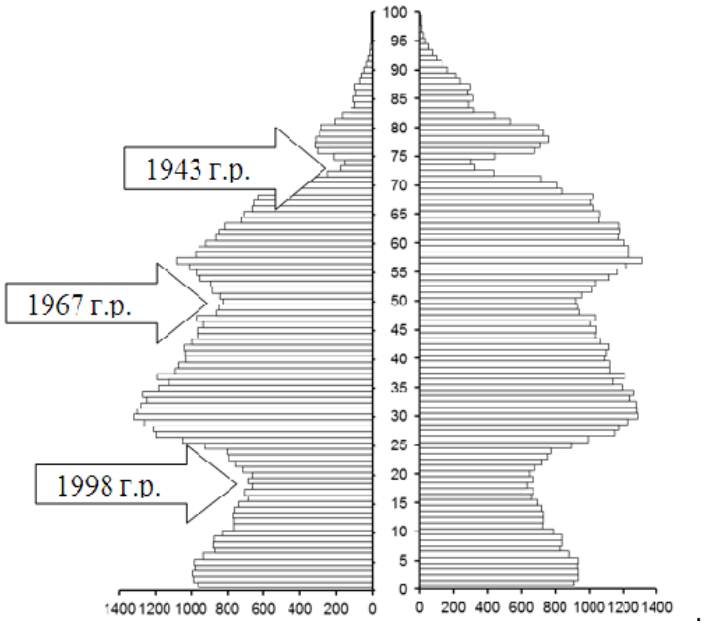


Рис. 1. **Возрастно-половая структура населения на начало 2017 года (слева женщины, тыс. человек; справа мужчины, тыс. человек).**

Смертность является вторым показателем, от которого зависит значение естественного прироста населения. Начиная с 2003 года по наблюдениям Росстата тенденция снижения количества умерших подвергалась незначительным колебаниям в обратную сторону увеличения в 2005 и 2010 годах. При этом коэффициент смертности (то есть количества умерших на 1000 человек населения) снизился с 16,4 в 2003 году до 12,9 в 2016 году.

Снижению уровня смертности населения способствуют различные меры, обусловленные причинами смерти: повышение качества диагностики и медицинского обслуживания больных, снижение транспортной и производственной аварийности, улучшение криминогенной обстановки и другие.

Комплекс усилий, предпринимаемых на различных уровнях власти и направленных на реализацию указанных мер, весьма широк. Об их эффективности могут свидетельствовать данные о снижении численности умерших от конкретных причин. С 2012 года наблюдается небольшое снижение процента смертей от новообразований (незначительное); от хронических болезней нижних дыхательных путей; от болезней органов пищеварения; от инфекционных болезней (в том числе значительное снижение числа смертей от болезни, вызванной ВИЧ); от болезней мочеполовой системы (значительное); от болезней нервной системы (значительное); от сахарного диабета (значительное); от психических расстройств и расстройств поведения (значительное). В то же время наблюдается рост числа смертей от всех видов транспортных несчастных случаев, от самоубийств, убийств, утоплений, пожаров,

пневмоний, указывающий направления дальнейшей работы по увеличению продолжительности и качества жизни населения.

Миграция для современного российского общества является важнейшим фактором социальной динамики. За последние три десятилетия объем миграционного прироста колебался в значениях от 136,1 тыс. человек в 1991 году до 978 тыс. человек в 1994 году, при среднем значении около 300 тыс. человек в год, но всегда оставался положительным. Структура миграционного прироста определяется разностью числа прибывших на территорию Российской Федерации иностранцев и числа выбывших за календарный год. За последние два десятилетия рекордный приток иностранцев – свыше полумиллиона человек – на территорию России наблюдался в 2014–2016 годах. В структуре этого притока резко возросло число граждан Украины с 55037 человек в 2013 году до 194180 человек в 2015 году. См. рис. 2.

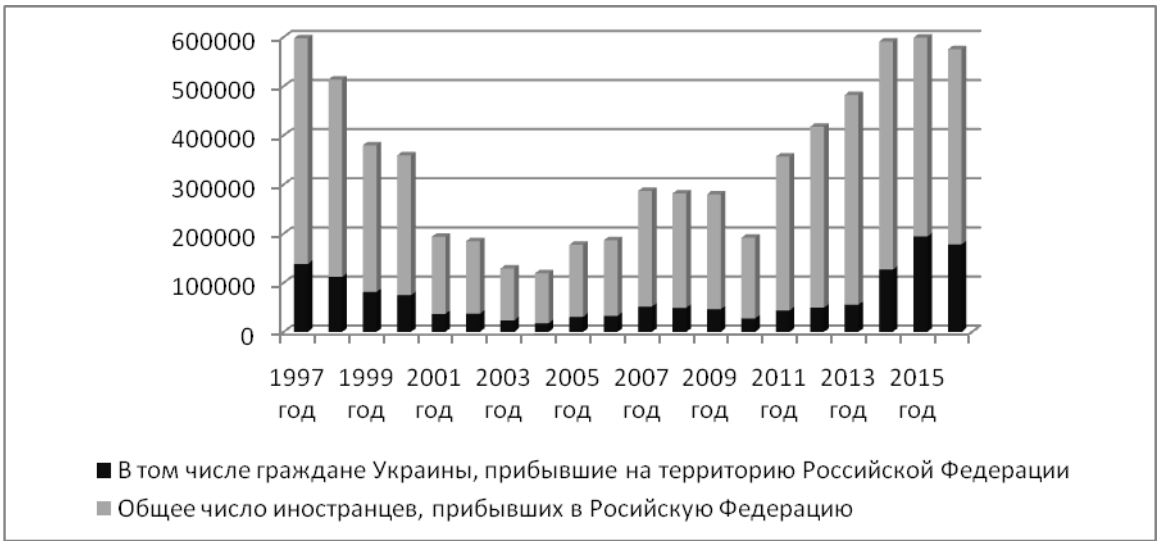


Рис. 2. **Количество иностранных граждан, прибывших на территорию РФ, в том числе граждан Украины с 1997 года по 2016 год.**

Соотношение численных показателей количества населения государства к площади его территории дают понятие плотности населения, которое для России по данным переписи 2010 года составляет 8,3 человека на 1 км². Однако данная величина является усредненным значением и не может быть положена в основу принятия конкретных управленческих решений повсеместно. Плотность населения отдельных регионов определяется их размерами, географическим расположением, транспортной доступностью, удаленностью от федерального центра, культурно-историческими особенностями и другими факторами.

Основная часть населения страны проживает в европейской части. В то же время обширная по площади азиатская часть России обладает огромным

природоресурсным потенциалом и требует от человека приспособления к суровым климатическим условиям и территориальной удаленности. Изучение структуры населения государства является научной основой решения задач обеспечения нормального функционирования государства и национальной безопасности.

Список литературы

1. Демографический ежегодник России – 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (Дата обращения: 13.10.2018 г.).

2. Чернышов, М.Ю. Социально-демографическая структура российского общества и инвалиды: результаты исследований / М.Ю. Чернышов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 2. С. 13–20.

3. Кузнецов, В.И., Карманов, М.В. Демографические вызовы и моделирование движения персонала в предпринимательских структурах / В.И. Кузнецов, М.В. Карманов // Статистика и Экономика. 2013. № 5. С. 163–167.

4. Чистова, Е.В., Чичканов, В.П. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России / Е.В. Чистова, В.П. Чичканов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. 3 3(45). С. 121–137.

I.I. Zelenskaya, M.Ye. Maksimenko

DYNAMICS OF POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper considers the concept of the demographic structure of society, reveals its qualitative and quantitative characteristics. On the basis of a comparative analysis of the population of the Russian Federation in different periods, factors of social dynamics are identified and the degree of their influence on the quantitative component of the demographic picture is assessed. The main methods used in the work are: extrapolation method, secondary data analysis method. The data sourc was made by bulletins of the Federal State Statistics Service.

Key words: demographic situation, population size, depopulation, demographic hole.

УДК 314.7

Н.С. Киселева

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению образовательной миграции молодежи в регионах России. Проведен анализ численности выпускников школ в различных регионах и их образовательных траекторий за временной период 2005–2015 гг. На основе коэффициентов миграционного перетока, проанализировано движение молодежи в российских регионах в связи с планами по получению образования. Выявлены диспропорции в потоках образовательных мигрантов, создающие демографические риски для ряда территорий, страны, что подтверждает результаты проведенных ранее исследований.

Ключевые слова: образовательная миграция, межрегиональная миграция, молодежь.

Процессы образовательной миграции (переезд в другой город, регион с целью получения образования) известны довольно давно. Переезд дает шанс молодым людям получить качественное образование, а также воспользоваться предоставляемыми возможностями этого социального лифта. Один из подобных примеров – М.В. Ломоносов, который включившись в образовательную систему, и приложив большие усилия в обучении, получил возможность подняться «в верх» по социальной лестнице. Великий русский ученый, родом из крепостных крестьян, поступил в Славяно-греко-латинскую академию, обучался в Санкт-Петербургском Академическом университете, открыл Московский государственный университет. Таким образом, мы видим, что образовательная миграция имеет потенциал изменения социального положения индивидов. Эти возможности являются одним из важнейших мотивов при выборе места получения образования. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты опроса социологов Левада–центра. Они выяснили, что, наиболее важными мотивами для переезда является не только получение более качественного высшего образования (43%), но и ожидание отдачи от высшего образования в виде получения высокооплачиваемой работы по окончании вуза в крупном городе (37%) [2].

В то же время образовательная миграция влияет и на ситуацию в территориях. Связанные с ней потоки молодых людей обычно имеют вполне определенные направления: из сельской местности в город, из периферийных

© Киселева Н.С., 2018

регионов – в центр. В результате принимающая сторона приобретает дополнительный человеческий потенциал, отдающая – теряет. Если образовательная миграция приобретает значительные масштабы, она становится проблемой для территорий – доноров: негативные следствия проявляются в сфере демографии (происходит отток молодежи, сокращается потенциал естественного прироста населения), экономики (отмечается нехватка трудовых ресурсов на предприятиях и в организациях, доля экономически активного населения сокращается), а также в сфере высшего образования (происходит недобор студентов на различные специальности, качество контингента ухудшается, бюджетные ассигнования сокращаются).

В России одним из важных событий в сфере институционального регулирования образовательной миграции является введение ЕГЭ в 2009 году, благодаря которому абитуриенты получили дополнительную возможность конкурировать между собой за право получения качественного образования, значительно усилились межрегиональные перемещения абитуриентов с целью поступления в престижные вузы. Введенное институциональное «правило» расширило для выпускников поле выбора вузов и создало для высших учебных учреждений дополнительные условия для привлечения абитуриентов из других регионов. Это дает основания рассматривать ЕГЭ, как благо – талантливая молодежь получила более широкую возможность поступления в вуз с более качественной подготовкой. С другой стороны, ЕГЭ может рассматриваться как фактор демографического риска для регионов.

Используя данные Федеральной службы государственной статистики «Регионы России. Социально-экономические показатели 2017», мы сформировали таблицу «Структура потоков выпускников школ за 2005–2015 учебные годы», в которой отразили образовательные потоки молодежи: по всем регионам соотнесли численность поступивших на программы бакалавриата, специалитета и магистратуры с числом выпускников общеобразовательных школ с аттестатом о среднем общем образовании. На основе расчета коэффициента перетока было проведено сравнение параметров образовательной миграции в период 2005–2015 гг. В силу ограниченности данных, при расчетах не были исключены те, кто поступил на магистратуру и те, кто вышел из образовательной системы. Проанализировав структуру потоков выпускников школ, мы увидели, что происходит перераспределение учебных мигрантов среди регионов и привели наиболее показательные из них в таблице 1. Так, если соотношение числа первокурсников с суммарной численностью выпускников школ существенно больше единицы, есть основания предполагать, что регион получил приток абитуриентов из других областей страны – данная методика использовалась в исследованиях, проведенных ранее [1, с. 191].

Два основных центра, являющиеся «магнитом» для образовательных мигрантов – это Москва и Санкт-Петербург. Согласно статистическим данным, в Московские вузы в 2005 г. (до введения ЕГЭ) на 1 курс поступило 278,3 тыс. человек, при этом численность выпускников общеобразовательных учреждений оказалась почти в четыре раза меньше: всего 78,3 тыс. чел. (3,55). Очевидно, что это стало возможным только благодаря массовому потоку в Москву абитуриентов из других регионов. Аналогичная ситуация наблюдается и в Санкт-Петербурге – в 2005 г. при 100,6 тыс. чел. зачисленных первокурсников, только 39,0 тыс. чел. выпускников местных школ (2,58). Приток образовательных мигрантов наблюдается и в других регионах. Например, в Томской области в том же году 17,9 тыс. первокурсников, 9,9 тыс. выпускников школ, т.е. почти в два раза меньше (1,8). К числу территорий – реципиентов относятся также Новосибирская (1,77), Челябинская (1,43), Нижегородская (1,38) области. Межрегиональная миграционная образовательная активность, рассмотренная выше, показывает, что в некоторых регионах студентов–первокурсников значительно больше, чем местных выпускников школ, поэтому мы можем предположить, что «излишек» студентов первого курса сформирован выпускниками из школ других регионов [1, с.188].

Также важно отметить, что после введения ЕГЭ, в 2010 наблюдается приток образовательных мигрантов из других территорий практически во всех областях страны: в Санкт-Петербург +1,42 (4,0), Москву +1,86 (5,41), во Владимирскую область +0,95 (2,04), Рязанскую +0,75 (1,75), Новосибирскую +0,66 (2,43), Вологодскую +0,62 (1,75) и Новгородскую +0,5 (1,64). За исключением Московской области (0,98), Ханты–Мансийского АО-Югры (0,97), Республики Саха (0,9), Республики Алтай (0,86), Чеченской республики (0,74), Ямало-Ненецкого АО (0,68), Кабардино-Балкарской республики (0,66), Республики Ингушетия (0,48), Ленинградской области (0,44), коэффициент миграционного притока которых меньше единицы. Важно подчеркнуть, что с введением ЕГЭ ситуация поменялась (интенсивность притока повысилась).

Так, с течением времени интенсивность притока образовательных мигрантов в ведущие образовательные центры возросла: в 2015 г. в Санкт-Петербурге на 19,0 выпускников приходилось 86,0 тыс. студентов–первокурсников, что в 4,5 раза больше (4,53). Аналогичная ситуация отмечается в Республике Татарстан – 44,1 тыс. иногородних студентов–первокурсников (2,53), Саратовской области – 22,3 тыс. (2,32), Свердловской – 34,1 тыс. (2,16), Томской – 18,6 тыс. (3,88), при этом в Москве на 212 тыс. чел. приходилось 48,5 студентов–первокурсников (4,37). Необходимо также

отметить, что в ряде рассматриваемых нами регионов–лидеров по привлечению студенческой молодежи располагаются ведущие университеты. В ранее проведенном исследовании было выяснено, что при выборе направления миграции имеет значение как близость крупного города, так и наличие в нем хороших вузов, дающих требуемую специальность [3, с .233].

Согласно данным этого же года, в результате миграционного перетока часть регионов проигрывает. Преимущественно это регионы Дальневосточного федерального округа – Камчатский край (–0,79), Магаданская область (–0,71) Приморский край (–0,16), регионы Сибирского федерального округа – Республика Алтай (–0,04), Республика Хакасия (–0,1), Северо-Кавказского федерального округа – Кабардино-Балкарская Республика (–0,58). Это может привести к снижению численности населения регионов за счет убытия молодого поколения и концентрации в них жителей старших возрастов.

Проанализировав коэффициент миграционного перетока (по модулю), мы видим, что во многих регионах в 2005 году он меньше, чем в 2015 году. Так, если в Москве коэффициент перетока в 2005 году составляет 0,023, то в 2015 году он увеличился и составляет 0,045, в Санкт-Петербурге в 2005 г. – 0,03, в 2015 г. – 0,12, Томской области 0,09 – 0,4, и т.д. Следовательно, можно предположить, что миграционные перемещения с каждым годом становятся актуальнее для молодежи. Однако в Республике Татарстан, Республике Ингушетия и Ямало-Ненецком АО данный коэффициент меньше в 2015 г.

Структура потоков выпускников школ за 2005–2015 учебные годы по регионам (тыс.чел)

		Миграционный приток			Коэффициент перетока	
	Регионы/ Учебные годы	2005	2010	2015	2005	2015
ЦФО	Москва	3,55	5,41	4,37	0,023	0,045
	Московская область	0,61	0,98	0,88	0,005	0,016
	Рязанская область	1,0	1,75	1,85	0,04	0,2
	Владимирская область	1,09	2,04	1,71	0,04	0,17
СЗФО	Санкт-Петербург	2,58	4,0	4,53	0,03	0,12
	Ленинградская область	0,46	0,44	0,43	0,02	0,04
	Новгородская область	1,14	1,64	1,04	0,11	0,28
	Вологодская область	1,13	1,75	1,17	0,05	0,12
СКФО	Республика Ингушетия	0,8	0,48	0,65	0,16	0,13
	Кабардино-Балкарская Республика	0,62	0,66	0,08	0,03	0,08
	Чеченская Республика	0,66	0,74	1,28	0,04	0,11
ПФО	Республика Татарстан	1,07	1,91	2,53	0,11	0,07
	Пермский край	1,1	2,12	1,56	0,03	0,08
	Нижегородская область	1,38	1,98	1,91	0,02	0,07
	Саратовская область	1,1	1,78	2,32	0,02	0,12

УФО	Свердловская область	1,3	1,84	2,16	0,02	0,07
	Челябинская область	1,43	2,22	2,21	0,03	0,09
	Ханты–Мансийский АО-Югра	0,83	0,97	0,8	0,02	0,04
	Ямало-Ненецкий АО	0,55	0,68	0,21	0,04	0,03
СФО	Томская область	1,81	3,03	3,88	0,09	0,40
	Новосибирская область	1,77	2,43	2,44	0,04	0,10
	Республика Алтай	0,55	0,86	0,82	0,12	0,37
	Республика Хакасия	1,02	1,14	1,04	0,10	0,23
ДФО	Камчатский край	1,16	1,79	1,0	0,19	0,36
	Приморский край	1,18	1,9	1,74	0,03	0,11
	Магаданская область	1,53	2,00	1,29	0,40	0,92
	Республика Саха (Якутия)	0,69	0,9	0,88	0,02	0,05

Таким образом, данные свидетельствуют о том, что между регионами России происходит перераспределение выпускников общеобразовательных школ. С введением ЕГЭ, интенсивность ранее существующих образовательных миграционных потоков усилилась Учитывая существующие различия в структуре потока выпускников школ, можно предположить, что благодаря возможности выбора вуза с более качественным образованием, выпускники 11–ых классов выстраивают свои образовательные маршруты за пределы родного города: численность первокурсников в регионах превышает численность выпускников общеобразовательных школ. Важно отметить, что дальневосточные регионы, регионы Северного Кавказа менее интересны образовательным мигрантам, в отличии от центральных частей России, крупнейшие центры которых – Москва и Санкт-Петербург являются лидерами по принятию выпускников школ как соседних регионов, так и отдаленных. Западный дрейф, при котором территории страны делятся на притягивающую (к юго-западу) и отдающую (восточная часть страны), а также продолжающаяся концентрация населения в крупных городах – создают демографические риски регионам–донорам, теряющим талантливую молодежь, стремящуюся реализовать свой образовательный потенциал в более перспективных регионах России. Ситуация, при которой регионы–доноры теряют талантливую молодежь, требует разработки специальных мер: организации довузовской подготовки, т.е. ранний «захват» абитуриентов; информирование абитуриентов о требованиях вузов; повышение качества профессионального обучения; предоставление возможности трудоустройства по специальности, места на рынке труда.

Список литературы

1. Кашницкий, И.С., Мкртчян, Н.В., Лешуков, О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики / И.С. Кашницкий, Н.В. Мкртчян, О.В. Лешуков // Вопросы образования. 2016. Т. 13. № 3. С. 169–203.
2. Лысова Т. Образовательная миграция. Аналитический центр Юрия Левады. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/2018/05/22/vypusknikam–rekomendovali–stolitsy/ (Дата обращения: 03.11.2018)
3. Мкртчан, Н.В. Миграция молодежи из малых городов России / Н.В. Мкртчан // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №1. С. 225–242.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. Образование. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (Дата обращения: 11.10.2018)
5. Урбан, О.А. Набор в вузы как фактор кадровых рисков модернизации моногородов Кузбасса / О.А. Урбан // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 53–61.

N.S. Kiseleva

EDUCATIONAL MIGRATION OF YOUNG PEOPLE: CHARACTERISTICS OF APPROACHES TO THE STUDY

The article is devoted to the consideration of educational migration of young people in the regions of Russia. The analysis of the structure of school graduates in different regions for the period 2005–2015. On the basis of the calculated coefficients of migration flow analyzed the movement of young people in the Russian regions in connection with plans for education. Disproportions in the flow of educational migrants creating demographic risks for a number of territories and countries are revealed, which confirms the results of previous studies.

Key words: educational migration, interregional migration, young people.

УДК 323.1

Е.М. Коробкина

ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА УРОВНЕ РЕГИОНА

В статье представлен краткий анализ документов, разработанных для реализации национальной политики в Пермском крае. Выделены основные направления национальной политики, рассмотрены мероприятия, проводимые в регионе, направленные на развитие, сохранение, укрепление межэтнических отношений.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, целевая программа, Пермский край.

Разработка государственных целевых программ – один из наиболее эффективных инструментов, используемых в системе государственной политики. Программно-целевой метод находит широкое применение в современной России, так как позволяет систематизировать основные цели, задачи, средства и ресурсы для решения социальных, экономических и других региональных проблем. Особое внимание отводится сфере национальных отношений, которые на уровне региона отличаются определенной спецификой.

Россия изначально складывалась как полиэтничное государство. В настоящее время в ней проживают представители 193 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан) [9], в связи с чем государство заинтересовано в сохранении единства и целостности страны.

Существующая Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента России от 19 декабря 2012 года [13], выступает в качестве базы для формирования устойчивого функционирования межнациональных отношений в стране и задает основные векторы их развития как на уровне страны, так и на уровне отдельных субъектов. В документе сформулированы цели и задачи государственной национальной политики:

- упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации);
- сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;

© Коробкина Е.М., 2018

- гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений;
- обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;
- успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

В качестве инструмента реализации стратегии выступает государственная программа «Реализация государственной национальной политики» [12].

Следует подчеркнуть, что Стратегия направлена на обеспечение четкой координации действий в сфере национальной политики между федеральным региональным уровнями, в документе этому посвящен раздел, в котором прописаны задачи по совершенствованию, но сама Стратегия разработана без учета особенностей национальных отношений на региональном уровне. Каждый регион отличается своим национальным составом, особенностями проживания народов, их историческим и культурным развитием, а также сохранением и развитием национальных традиций. Это позволяет говорить о необходимости разработки уникальных программ развития межнациональных отношений на территории субъектов Российской Федерации. Как уже говорилось, Стратегия национальной политики имеет общенаправленный характер, однако каждый субъект выделяет собственное направление ее реализации. В некоторых регионах, в первую очередь, необходимо урегулирование межнациональных конфликтов, а в тех областях, где взаимоотношения характеризуются стабильностью – необходимо акцентировать внимание на их развитии; важно понимать, где есть необходимость в укреплении русской нации в первую очередь, а где – сохранение самобытности всех народов, проживающих на единой территории. Грамотно разработанная программа по вопросам национальной политики позволит эффективно решить проблемы межнациональных отношений и сделать упор на нужном направлении, исходя из сложившихся особенностей субъектов РФ.

Одним из ярких примеров успешной реализации национальной политики является национальная политика Пермского края [8, с. 97]. Пермский край – уникальный регион по своему национальному составу: на территории проживают представители более ста двадцати национальностей. По данным переписи на 2010г. [9], среди населения Пермского края – около 87% русских, а также татары (4,6%), коми–пермяки (3,2%), башкиры (1,3%), удмурты, украинцы и т.д. (менее 1%). В Пермском крае формируются районы компактного проживания народов, например, Коми–Пермяцкий округ, Бардым-

ский район, Куединский район, а также в результате миграционных процессов формируются этнические диаспоры – таджикская, азербайджанская, армянская, узбекская. Данная этнонациональная характеристика региона требует определенного контроля и управления со стороны государственной власти.

Пермский край один из первых субъектов РФ использовал программно-целевой подход к решению межэтнических проблем. Так, с 1993 по 2008 гг. была разработана и реализована региональная целевая программа: «Поддержка развития национальных культур народов Прикамья» на 1993–1995 и 1996–1998 гг. где особое внимание уделялось обеспечению благоприятных условий для людей разной национальности, формированию патриотизма, любви в родному краю, сохранению этнических культур посредством развития национальной системы образования, поддержке деятельности национальных культурных центров [15]. Разработанная Программа на 1999–2003гг. «Гармонизация национальных и межнациональных отношений народов Прикамья» ставит своей целью не только развитие и обогащение народов, но и сохранение межнационального согласия и гармонизации межнациональных отношений благодаря объединению усилий государственных структур и национальных движений, профилактику национального экстремизма.

На сегодняшний день в Пермском крае разработана и действует подпрограмма «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае» на 2014–2022гг. в рамках государственной программы Пермского края «Общество и власть» [10] (с учетом изменений на 30 августа 2018г.). Подпрограмма ориентирована на укрепление единства многонационального народа, проживающего в Пермском крае, а также на обеспечение условий по реализации гражданами своих национальных потребностей. Для достижения данных целей выделены следующие задачи:

- Гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;
- Содействие этнокультурному многообразию народов России;
- Реализация мер по снижению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений;
- Создание условий и механизмов для эффективной реализации государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики».

Реализация национальной политики подразумевает проведение определенных мероприятий, которые отвечают целям и задачам документа. На 2016–2019 гг. запланирован ряд мероприятий, основным из которых признано «Укрепление российского единства и этнокультурное развитие народов

Пермского края». Исходя из перечня мероприятий, представленных в документе, условно можно разделить их на следующие блоки:

Организация и проведение традиционных праздников, массовых мероприятий, форумов и семинаров.

Например, Всероссийский форум национального единства признан эффективной дискуссионной площадкой, где эксперты обсуждают проблемы межнациональных отношений и практические методы реализации государственной национальной политики [2]. В качестве примера массового мероприятия следует упомянуть Национальный праздник татар и башкир Сабантуй [3], Международный фестиваль современных этнических культур KAMWA, который развивает идеи этнофутуризма (современное течение в искусстве финно-угорских и тюркских народов) [16]. Кроме того, регулярно ГКБУК «Коми–Пермяцкий этнокультурный центр» организует различные мероприятия, направленные на поддержание и сохранение традиций коми–пермяков, сохранение и популяризацию коми–пермяцкого языка, литературы и наследия: только в 2018 году были проведены: День коми–пермяцкого языка, Всеобщий диктант по коми–пермяцкому языку, Краевой праздник традиционных костюмов народов Пермского края «Уна рӧма Камадор» (Многоцветное Прикамье) и др.

Поддержка и развитие национальных СМИ

Практика проведения данных мероприятий подразумевает их поддержку со стороны печатных и электронных СМИ, выпуск интернет-, теле-, радиопрограмм на национальных языках. Например, с 2010 года издается литературно-художественный журнал для детей на коми–пермяцком и русском языках «Сизимок» [4]. Работает местное телерадиовещание «Барда таннары» («Бардымские зори») в Бардымском районе, радиус вещание которого составляет 200 км. Или, например, газета татар и башкир Прикамья «Халык чишмэсе» («Народный родник») [17].

Образование

Данному направлению посвящена отдельная Концепция [11], что уже характеризует ее как одну из наиболее значимых. В 2014 году в 51 школе родной (нерусский) язык изучается как предмет, при этом количество учащихся составляет: изучающих коми–пермяцкий язык – 1 978 чел.; татарский язык – 3 248 чел.; удмуртский язык – 34 чел.

Факультативно родной язык изучают 1442 обучающихся в 29 образовательных организациях. В 2015 году для 3 546 обучающихся были созданы условия для изучения коми–пермяцкого и коми–язьвинского языков. Татарский язык изучали 4074 человек, марийский – 36 и удмуртский языки – 30 обучающихся [6]. В 2016 году в 93 образовательных учреждениях осуществ-

лялась образовательные программы на национальном (родном) языке или на русском с углубленным изучением национального (родного) языка в 93 образовательных учреждениях [7]. Ситуация заметно улучшается, но требует дальнейшего развития в связи с повышающимся спросом на этнокультурное содержание в системе образования.

Адаптация мигрантов

С 2013 года на территории Пермского края действует Пермский миграционный центр [18], куда могут обратиться приезжие граждане за консультацией или за помощью по вопросам права, обеспечения основам трудового законодательства среди мигрантов, обучения мигрантов и их детей русскому языку. Кроме того, школьники изучают свой национальный (родной) язык и национальную культуру в воскресных школах – армянской, грузинской, немецкой, азербайджанской. «Стоит отметить, что Пермский край не является привлекательным для мигрантов, в отличие, например, от соседней Свердловской области. Поэтому проблема влияния иноэтничных компонентов на социальную среду в регионе остро не стоит» [8, с. 106].

Современная национальная политика направлена на развитие и сохранение российской нации, а также на создание необходимых условий для комфортного, безопасного проживания представителей иных национальностей на территории России, на обеспечение развития их культурной составляющей. Власти активно работают над вопросами в сфере межнациональных отношений, разрабатывая соответствующие целевые программы и реализуя мероприятия, которые формируют ценности и убеждения народов, проживающих на территории России. Одним из субъектов РФ, успешно реализующих национальную политику, является Пермский край. В Пермском крае увеличивается доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, также возрастает уровень толерантного отношения к представителям другой национальности. Особое внимание уделяется адаптации мигрантов и изучению национальных языков в образовательных учреждениях.

Пермский край признан одним из лучших регионов, где реализуется эффективная национальная политика, и накапливается необходимый позитивный опыт регулирования межнациональных отношений программно-целевым методом.

Список литературы

1. Абрамов А.В., Зорин В.Ю. Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России / А.В. Абрамов, В.Ю. Зорин // Вестник Московского государственного областного

университета. 2018. №1 [Электронный ресурс]. URL: https://evestnik–mgou.ru/ru/Articles/View/861 (Дата обращения 02.11.2018г.).

2. Всероссийский форум национального единства, г.Пермь / Ассамблея народов России [Электронный ресурс]. URL: http://xn—80aaadglf1chnmbxga3u.xn—p1ai/vserossiyskiy–forum–nacionalnogo–edinstva–g–perm–2014–2015–2016–2017–gg (Дата обращения 03.11.2018г.).

3. В Перми отметили национальный праздник татар и башкир Сабантуй / Муниципальное образование Город Пермь [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorodperm.ru/news/2018/06/25/45570–id/ (Дата обращения 03.11.2018г.).

4. Детский журнал Сизимок / ГКБУК Коми–Пермяцкий этнокультурный центр [Электронный ресурс]. URL: http://www.etno–kpo.ru/izdatel_skaya_deyatel_nost/detskij_zhurnal_sizimok/ (Дата обращения 03.11.2018г.).

5. Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования в Пермском крае за 2014 год / Министерство образования и науки Пермского края [Электронный ресурс]. URL: http://minobr.permkrai.ru/statistic/otchet/filter/0/2016/0/ (Дата обращения 03.11.2018г.).

6. Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования в Пермском крае за 2015 год / Министерство образования и науки Пермского края [Электронный ресурс]. URL: http://minobr.permkrai.ru/statistic/otchet/filter/0/2017/0/ (Дата обращения 03.11.2018г.).

7. Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования в Пермском крае за 2016 год / Министерство образования и науки Пермского края [Электронный ресурс]. URL: http://minobr.permkrai.ru/statistic/otchet/filter/0/2018/0/ (Дата обращения 03.11.2018г.).

8. Мусин Д.А. Этнокультурная политика в Пермском крае: опыт гармонизации межнациональных отношений. 2010. С. 97–113. [Электронный ресурс]. URL: http://ars–administrandi.com/article/Musin_2010_2.pdf (Дата обращения 02.11.2018г.).

9. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 29.10.2018г.).

10. Об утверждении государственной программы Пермского края «Общество и власть» (с изменениями на 30 августа 2018 года) [Электронный

ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/424077543 (Дата обращения: 29.10.2018г.).

11. Об утверждении концепции развития этнокультурного образования в Пермском крае [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/438983600 (Дата обращения: 02.11.2018г.).

12. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики (с изменениями на 7 апреля 2018 года)» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/420388022 (Дата обращения: 29.10.2018г.).

13. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902387360 (Дата обращения: 03.11.2018г.).

14. О целевой комплексной Программе гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья на 1999–2003 годы (с изменениями от 20 января 2003 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/910019198 (Дата обращения: 03.11.2018г.).

15. О целевой комплексной программе «Поддержка развития национальных культур народов Прикамья на 1996–1998 г.г.» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/910012105 (Дата обращения: 03.11.2018г.).

16. Пермская региональная общественная организация по продвижению культурных и молодежных проектов «КАМВА» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kamwa.ru/about–us/ (Дата обращения: 02.11.2018г.).

17. Пермский край – территория межнационального согласия. 2017. 100 с.

18. Пермский миграционный центр [Электронный ресурс]. URL: https://ms.area59.ru/ (Дата обращения: 02.11.2018г.).

E.M. Korobkina

THE TARGET PROGRAM AS AN INSTRUMENT OF NATIONAL POLICYS' REALIZATION ON THE REGIONAL LEVEL

The article presents a brief analysis of the documents developed for the implementation of national policy in the Perm region. The main directions of the national policy are highlighted, the activities in the region aimed at the development, preservation, strengthening of inter–ethnic relations are considered.

Key words: national policy, interethnic relations, target program, Perm region.

УДК 316.334.52

Н.М. Лавренюк

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Развитие человеческого потенциала региона–субъекта РФ – сложный процесс в условиях усиления конкуренции за качественные человеческие ресурсы при депопуляции и старении населения страны. Востребованы конкурентные преимущества. Для усиления программного подхода необходимы концептуальные стратегические проектные разработки социокультурного содержания, способные вывести траектории процессов образования, долголетия и достойной занятости на новый уровень интенсивного развития.

Ключевые слова: стратегическое концептуальное проектирование, развитие региона.

До 2005 г. Республика Башкортостан демонстрировала более высокие показатели Индекса развития человеческого потенциала, чем страна в целом. С 2007 г. Индекс развития человеческого потенциала Башкортостана стал отставать от среднероссийских значений. Последние годы регион замыкает 20–ку субъектов РФ. Темпы роста значений подындексов в республике ниже ряда регионов России. Многие из них ведут активную стратегическую социально-экономическую политику. Башкортостан расходует ежегодно до 80–85% бюджетных средств на развитие человеческого потенциала и социальной сферы, однако не эффективно, что показывают значения рейтинга ИЧР [1].

Развитие человеческого потенциала в Башкортостане должно основываться на системах стратегического развития образования и здоровья, уровня и качества жизни. Реализация действующих государственных программ в регионе может сохранить темпы развития человеческого потенциала. Однако решение амбициозных задач, формализованных в значениях целевых показателей Стратегии социально-экономического развития РБ до 2030 г., – сохранить место в топ–20, они не обеспечат [2]. На одной из первых форсайт-сессий по разработке Стратегии, а именно основных трендов, форматов и технологий, желаемого образа будущего, угроз и возможностей для основных субъектов по направлению «Социальные инициативы», выдвинутые идеи сгруппированы в портфель стратегических проектов «Встать на крыло» (табл. 1).

© Лавренюк Н.М., 2018

Портфель проектов имеет стратегическое значение, сформирован в целях предотвращения угроз и усиления эффекта от использования возможностей в рамках кластеров (гнезд) социокультурного развития Республики Башкортостан. Пулы стратегических проектов сформированы в каждом кластере-гнезде. Они представляют комплексы стратегических проектов, группируемые впоследствии в государственные программы человеческого развития.

Пул проектов «здравоохранение» снимает угрозы снижения продолжительности жизни, увеличения заболеваемости, смертности и снижения качества здоровья населения; снижения доступности в получении качественных медицинских услуг. Стратегический проект «Здоровая нация» нацелен на формирование, укрепление и сохранение здоровья населения и развитие системы здравоохранения региона. Стратегический проект «Здоровая рекреация» – на формирование ЗОЖ у населения и на удовлетворение потребностей в восстановлении ресурсов здоровья и культурном отдыхе. «Стратегический проект «Здоровое долголетие» направлен на увеличение продолжительности здоровой жизни населения в условиях старения общества и дефицита высококвалифицированных трудовых ресурсов.

Портфель стратегических проектов «Встать на крыло»

«Гнезда» – кластеры трендов, угроз и возможностей	**Технологии «оперения»**	**Пулы проектов («стайки птенцов»)**
Здравоохранение	– smart–технологии; – технологии профилактики; – технологии пропаганды ЗОЖ; – ГЧП; – МЧП; – другие	**3 – «З»**: – «Здоровая нация»; – «Здоровая рекреация»; – «Здоровое долголетие»
Образование	– smart–технологии; – ГЧП; – МЧП; – другие	**3 – «Н»**: – «Непрерывное образование»; – «Новые профессии – новые компетенции»; – «Новые трудовые резервы»
Труд	– smart–технологии; – ГЧП; – МЧП; – другие	**4 – «Н [хай]»**: – «Hi–мотивация»; – «HiTech–труд»; – «Hipo-карьера»; – «HR–total»

Миграция	– smart–технологии; – headhunting; – ГЧП; – МЧП; – другие	**3 – «В»**: – «Высококвалифицированные мигранты»; – «Внешние рынки труда»; – «Внутренние трудовые мейстримы»
ИКТ	– smart–технологии; – ГЧП; – МЧП; – другие	**4 – «Е»**: – «e–learning»; – «e–business»; – «e–management»; – «e–government»
Управление	– smart–технологии; – ГЧП; – МЧП; – гражданские инициативы; – электронное правительство; – другие	**3 – «Само-» + 3 «С»**: – «самосохранение»; – «самоорганизация»; – «саморазвитие»; – «социальное стратегирование»; – «социальное проектирование»; – «сотрудничество»
Культура	– smart–технологии; – ГЧП; – МЧП; – PR; – другие	**3 – «Ц»**: – «Центр продвижения ценностей развития»; – «Центр дружбы народов»; – «Центр регионального самобытного наследия»
Социально-гуманитарная наука	– smart–технологии; – ГЧП; – МЧП; – PR; – ТРИЗ; – РИС; – другие	**3 – «Э»**: – «эффективные социокультурная интеллектуальная деятельность»; – «эффективная интеллектуальная социокультурная собственность»; – «эффективные социальные инновации (услуги и технологии)»

Пул проектов «Образование» призван снять угрозы кризиса индустриальной модели образования, роста образовательного неравенства, отставания от других регионов по доле занятых с высшим образованием, снижения доступности качественного образования. Пул включает три комплексных стратегических проекта: «Непрерывное образование» (охват образованием всех возрастов, на ликвидацию распада профессиональных компетенций, повышение доступности образования для всех экономически–активных жителей), «Новые профессии – новые компетенции» (создание новых отличительных конкурентных компетенций для региона через стимулирование новых рынков труда и подготовку по новым инновационных направлениям и профессиям в соответствии с потребностями инновационной экономики и стратегическим приоритетам развития), «Новые трудовые резервы» (нацелен на студенческую молодежь и выпускников учебных заведений, на развитие трудового потенциала региона, формирование банка данных одаренных выпускников).

Пул проектов «Труд» призван снять угрозы снижения доли трудоспособного населения, увеличения нагрузки на бюджет региона, сокращения трудовых ресурсов, риск стагнации в инновационном развитии экономики, недооценки администрацией региона населения и ряд других. Пул включает стратегические проекты: «Hi–мотивация» (развитие эффективных систем мотивации занятых); «HiTech–труд» (создание высоко производительных рабочих мест и соответствующих компетенций в отраслях экономики); «Hipo-карьера» (развитие систем построения эффективных моделей управления карьерой в отраслях экономики); «HR–total» (внедрение системы управления человеческими ресурсами на предприятиях и в организациях, включая государственное и муниципальное управление, а также на командообразование и другие эффективные формы развития управления трудовыми ресурсами).

Пул проектов «Миграция» призван нивелировать реальные миграционные потери выпускников школ и высоко квалифицированной рабочей силы, рост нелегальной занятости. Пул включает стратегические проекты: «Высококвалифицированные мигранты» (привлечение в республику трудовых мигрантов, обладающих отличительными конкурентными компетенциями); «Внешние рынки труда» (создание рынков труда, привлекательных для экономически–активного населения в соседних регионах страны и зарубежья; повышение квалификации у занятых для создания и развития деловых отношений на международном уровне); «Внутренние трудовые мейстримы» (оптимизация процессов трудовой и образовательной миграции внутри Башкортостана).

Пул проектов «ИКТ» призван повысить качество и ликвидировать информационное неравенство среди детей и экономически–активного населения, снижение доступности госуслуг, образования, медицины, занятости. Пул включает стратегические проекты: «e–learning» (ликвидация информационной безграмотности, развитие электронного образования и системы дополнительного образования для детей и взрослых); «e–business» (стимулирование самозанятости в on–line–простанстве, развитие фриланса); «e–management» (развитие ИКТ в менеджменте и инновационного менеджмента); «e–government» (развитие ИКТ в системе государственного и муниципального управления, открытость и прозрачность правительства, ГЧП и МЧП).

Пул проектов «Управление» ориентирован на снятие ограничений для населения в доступе к услугам и благам и на повышение их качества, на решение проблемы коррупции и на весь комплекс ограничений и угроз. Пул включает проекты: «Самосохранение» (предупреждение угроз общественной безопасности, снижение смертности и увеличение рождаемости, развитие компетенций безопасности жизнедеятельности населения); «Самоорганиза-

ция» (развитие гражданского сознания, гражданских инициатив, создание сети молодежных общественных объединений и клубов по интересам других возрастных групп); «Саморазвитие» (создание среды для обучения в течение всей жизни, стимулирование самозанятости и развитие креативных форм жизнедеятельности); «Социальное стратегирование» (оптимизация системы социального прогнозирования, аудита, принятия стратегических решений и мониторинга их эффективности в масштабах региона и муниципальных образований (ГО и МР)); «Социальное проектирование» (создание среды развития проектных компетенций в социальной сфере и вовлечение в социально-проектную деятельность всех возрастов на конкурсной основе, развитие социальной инфраструктуры и оптимизация использования материальных ресурсов); «Сотрудничество» (стратегические приоритетные направления развития человеческого потенциала с другими субъектами РФ, с органами федеральной власти и с зарубежными партнерами, стимулирование развитие ГЧП и МЧП).

Пул проектов «Культура» ориентирован на предотвращение угрозы общественной безопасности, на гармонизацию межнациональных отношений, интеграцию регионального социума; формирование и продвижение позитивного и выигрышного имиджа Республики Башкортостан. Пул включает проекты: «Центр продвижения ценностей развития» (формирования имиджа региона как центра общекультурных и самобытных ценностей развития); «Центр дружбы народов» (продвижение региона как центра дружбы народов, проживающих внутри и за его пределами на принципе событийности); «Центр регионального самобытного наследия» (аудит, знакомство с достоянием прошлого, сохранение настоящего и приумножения для будущих поколений природного, экономического, интеллектуального, спортивного, мультикультурного, социального, политического и управленческого наследия Башкортостана).

Пул проектов «Социально-гуманитарная наука» ориентирован на повышение эффективности социально-гуманитарных областей науки в регионе и создание отличительных конкурентных преимуществ за счет социальной инновационной деятельности. Пул включает стратегические проекты: «Эффективная социокультурная интеллектуальная деятельность» (рост эффективности НИОКР в социально-гуманитарных областях науки); «Эффективная интеллектуальная социокультурная собственность» (аудит и создание социокультурных результатов интеллектуальной деятельности, способных стать объектами интеллектуальной собственности и вовлечение их в хозяйственный оборот); «Эффективные социальные инновации (услуги и технологии)» (развитие грантовых форм финансирования разработки социальных иннова-

ций в форме новых услуг и технологий решения актуальных задач социального развития).

Список литературы

1. Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан. Уфа: Восточная печать, 2015. 360 с.

2. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года: монография /Д.В. Котов. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. 160 с.

N.M. Lavrenyuk

STRATEGIC CONCEPTUAL DESIGN IN HUMAN DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The development of the human potential of the region–the subject of the Russian Federation – a complex process in terms of increasing competition for quality human resources in the depopulation and aging of the population. Competitive advantages are in demand. To strengthen the program approach, conceptual strategic project development of socio–cultural content is needed, which can bring the trajectory of the processes of education, longevity and decent employment to a new level of intensive development.

Key words: strategic conceptual design, development of the region.

УДК 314.74

А.С. Маркова, М.И. Селиверстова, Е.Н. Филиппова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

В статье рассмотрена проблема правового положения мигрантов в России на сегодняшний день. Рассмотрены такие проблемы, как отсутствие развитой нормативной правовой базы и единой системы механизмом государственного регулирования интеграции иммигрантов в правовую и культурную среду, низкий уровень владения русским языком, проблема формирования толерантности в обществе по отношению к мигрантам.

Ключевые слова: мигранты, правовое положение, ассимиляция, толерантность.

В связи с многочисленными перемещениями людей из одного государства в другое в поисках работы появляется феномен трудовой миграции. Особенно распространена трудовая миграция из развивающихся стран в развитые, что зачастую приводит в принимающих странах к экономическим и социально-политическим трудностям.

Проблема правового положения трудовых мигрантов стала особенно актуальной для России в 90–е годы XX века в связи с мощным миграционным притоком жителей из постсоветских государств. Основной причиной оттока граждан Средней Азии в Россию является разница в экономических возможностях. Во-первых, в России, как в «принимающей» стороне, объемный рынок труда и потребность в рабочих во многих отраслях и регионах. Во-вторых, существенная разница в оплате труда. По объёму миграционных потоков Россия находится в числе мировых лидеров, а на пространстве СНГ устойчиво занимает первое место.

Мигранты не могут успешно ассимилироваться в культурной среде России – они плохо знают русский язык, общаются в основном только с такими же мигрантами, как и они, не могут найти язык с россиянами. Факт соседства с трудовыми мигрантами зачастую воспринимается представителями местного населения как угроза, что способствует появлению шовинистических настроений в обществе. Например, более половины россиян (58%) считают, что правительство должно попытаться ограничить приток приезжающих в страну трудовых мигрантов, в обратном уверены лишь 6% респондентов, сообщили «Интерфаксу» в «Левада–Центре» [1]. Такие результаты опроса можно объяснить тем, что гастарбайтеры занимают рабочие места коренного населения, ухудшают криминогенную ситуацию, что способствует возникновению межэтнической напряжённости.

© Маркова А.С, Селиверстова М.И, Филиппова Е.Н., 2018

Но на связь с криминальной средой мигрантов подталкивает их тяжелое правовое положение. По данным СМИ, трудовым мигрантам приходится отдавать значительную часть своей зарплаты своим руководителям или хозяевам и жить в расселенных домах, предназначенных на снос, подвалах, гаражах и бытовках, платить мзду правоохранительным органам [2]. Без выходных работает пятая часть мигрантов. По статистике, только у 10% мигрантов есть полис ОМС. Поэтому они могут рассчитывать только на услуги частных клиник и на то, что в экстренных случаях они могут получить трехдневное бесплатное лечение. Федеральный закон от 25 июля 2002 года №115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3] сделал легитимное пространство для мигрантов крайне узким, что вытеснило мигрантов в неправовое поле, способствовало еще большему развитию незаконной миграции и формированию мафиозных сетей в миграционной сфере. Уменьшилось число зарегистрированных мигрантов, в связи с чем государство ужесточило полицейские меры против нелегальной миграции.

Это становится причиной массовой маргинализации мигрантов и нарушению их фундаментальных прав – сверхпродолжительный рабочий день, полное или частичное отсутствие оплаты труда, работа на износ, ограничение права на увольнение и так далее.

В процессе исследования правового положения трудовых мигрантов в России были выявлены следующие проблемы:

1. Отсутствие развитой нормативной правовой базы, необходимой для реализации успешной деятельности государства в области интеграции мигрантов.

2. Отсутствие единой системы механизмов государственного регулирования интеграции иммигрантов в правовую и культурную среду, что препятствует эффективному использованию их трудового потенциала.

3. 10–25% находящихся на территории России трудовых мигрантов не владеют русским языком, из–за чего появляется серьезный ценностный разрыв между местным населением и приезжими.

4. Не все работодатели заинтересованы в том, чтобы их иностранные работники знали основы законодательства и свои права. Более того, не все работодатели обеспечивают своих работников надлежащими условиями труда.

5. Важной проблемой является проблема формирования толерантности в обществе по отношению к мигрантам. Государство должно стремиться к обеспечению безопасного и комфортного пребывания иностранцев в России.

Работа по включению мигрантов в российское общество находится на стадии становления. Предпринимаются попытки улучшить положение при-

езжих как усилиями органов государственной власти, так и общественных организаций:

1. Введение обязательного теста на знание русского языка для мигрантов. Это облегчит их интеграцию в культурную среду России. В настоящее время в России действуют 234 курса русского языка, из которых пятьдесят на бесплатной основе.

2. По заказу миграционного центра Москвы создан обучающий мини–фильм для трудовых мигрантов. В фильме показан процесс оформления рабочего патента в миграционном центре Москвы [4].

3. В Москве была открыта сеть «киргизских клиник» для обслуживания мигрантов. Врачами в них работают выпускники Бишкекского и Ошского медицинских вузов, цены в среднем на 20–30% ниже, чем в других клиниках.

4. С 2007 года существует Федерация мигрантов России. Федерация проводит митинги, освещает проблемы противодействия распространения экстремизма, занимается благотворительной деятельностью, помогает мигрантам адаптироваться в новой среде.

Стабильность любого, в том числе и российского общества, будет зависеть от того, каким будет включение мигрантов в систему социальных связей и отношений. На данном этапе можно говорить о том, что в России ведется активная деятельность по улучшению правового положения мигрантов, вовлечению их в культурное общество страны. Конечно, предстоит большая работа по выявлению и решению проблем миграционной политики, но есть надежда, что предпринимаемые усилия обеспечат гармоничное сочетание и обеспечение прав и законных интересов как приезжего, так и местного населения, что является отличительным признаком любого государства, претендующего называться правовым.

Список литературы

1. Большинство россиян пожелали ограничений притока трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. // URL: http://www.interfax.ru/russia/575999 (дата обращения 09.10.2018)

2. Нужно ли бороться с притоком мигрантов? [Электронный ресурс]. // URL: http://www.aif.ru/society/30412 (дата обращения 09.10.2018)

3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации :федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 №115–ФЗ ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 2002 г. ;одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // Рос. газ. 2002. 31 июля

4. Для трудовых мигрантов сняли обучающий фильм «В Москву на заработки» на пяти языках [Электронный ресурс]. // URL: http://www.interfax.ru/moscow/570876 (дата обращения: 09.10.2018)

Markova A.S., Seliverstova M.I., Filippova E.N.

SOME PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF MIGRANTS IN RUSSIA

The article deals with the problem of the legal status of migrants in Russia today. Problems such as the lack of a developed regulatory framework and a unified system of state regulation of the integration of immigrants into the legal and cultural environment, a low level of proficiency in Russian, the problem of the formation of social tolerance towards migrants are considered.

Keywords: migrants, legal status, assimilation, tolerance.

УДК 314.93

Л.Н. Нацун

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ РАБОТАЮЩИХ ИНВАЛИДОВ СВОИМ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА, ПРОВЕДЁННОГО В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

В работе представлены результаты анализа данных об уровне дохода работающих инвалидов. Проведено сравнение представлений о желаемом доходе, а также фактических уровней дохода групп работающих людей с инвалидностью в зависимости от мотива их трудоустройства. Показано, что трудовая деятельность в незначительной степени способствует улучшению материального положения инвалидов. Отмечено, что на удовлетворённость фактическим уровнем дохода оказывает влияние представление инвалидов об «идеальном» для них уровне дохода.

Ключевые слова: инвалидность, работающие инвалиды, региональные исследования, социальный портрет.

Право инвалидов на труд защищено Конвенцией ООН «О правах инвалидов» а также Конституцией Российской Федерации. В работах российских авторов показано, что участие в трудовой деятельности может способствовать улучшению материального положения инвалидов [1]. Однако в действительности проявления дискриминации на российском рынке труда и проблемы с организацией доступной среды зачастую препятствуют реализации трудового потенциала данной социальной группы [2]. В то же время, не менее важно и то, какие перспективы открывает перед инвалидами трудовая деятельность. Цель настоящего исследования – проанализировать материальное положение работающих инвалидов. Информационную базу составили результаты социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого в 2017 г. Опрошено 139 человек, среди них 37 работающих. Выборка опроса квотная, репрезентативная для генеральной совокупности. В качестве последней рассматривались люди в возрасте от 18 лет и старше, имеющие установленную группу инвалидности, проживающие на территории региона. Метод проведения опроса – анкетирование по месту жительства.

Среди неработающих инвалидов региона 28 человек отметили, что их доход значительно ниже среднего уровня, 41 человек ответили, что их

© Нацун Л.Н., 2018

[1] Тезисы подготовлены в рамках выполнения работ по проекту РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

материальное положение «ниже среднего» уровня. Занятость позволяет инвалидам поддерживать текущее потребление, но не даёт возможности заметно улучшить материальное положение: среди работающих инвалидов незначительно больше доля тех, кто имеет доход, достаточный для приобретения одежды, обуви и продуктов питания, чем среди неработающих (35% против 28%) и несколько меньше тех, кому не хватает денег для приобретения продуктов питания (16% против 27%).

Мотивация к трудовой деятельности у 28 человек из 37 работающих респондентов была связана с желанием повысить своё благосостояние. Потребность в самореализации определила решение работать для 7 человек. По одному респонденту ответили, что устроились работать, чтобы больше общаться и чтобы соответствовать ожиданиям близких.

Можно предполагать, что трудоустройство действительно позволило людям с инвалидностью повысить благосостояние. Но не во всех случаях это действительно так. Если рассматривать отдельно тех, кто изначально устраивался работать ради повышения своего дохода (27 человек), то среди них только двое не обозначили желание повысить свой достаток среди тех вещей, которые им хотелось бы изменить в жизни. Чтобы выяснить, что могло определить такую позицию респондентов, для каждого из них была подсчитана разница между реальным душевым доходом и указанной ими величиной дохода, которую они сочли достаточной для нормальной жизни в современных условиях («идеальный» доход). Условно, эта величина будет нами обозначена как «дефицит дохода» респондента. Максимальное значение дефицита дохода составило 36000 рублей, минимальное – 5000, медианное – 12500, среднее – 15896, модальное – 10000 рублей (табл.).

Распределение величин доходов в группе респондентов, мотив трудоустройства которых был связан с желанием повысить свой достаток*

№ респондента в базе данных	Среднемесячный фактический доход, рублей	«Идеальный» доход, рублей	Дефицит дохода, рублей
30	14000	50000	36000
27	36000	70000	34000
31	18000	50000	32000
29	19000	50000	31000
4	23000	50000	27000
25	25000	50000	25000
13	6000	30000	24000

23	10000	30000	20000
12	8000	25000	17000
14	25000	40000	15000
26	16000	30000	14000
32	16000	30000	14000
11	7400	20000	12600
19	17600	30000	12400
36	13000	25000	12000
15	7500	18000	10500
8	20000	30000	10000
18	25000	35000	10000
28	15000	25000	10000
21	16000	25000	9000
35	13000	21000	8000
20	22000	29000	7000
34	15000	22000	7000
22	19200	25000	5800
10	10000	15000	5000
17	20000	25000	5000

*Ранжировано по убыванию величины дефицита дохода.

Источник: данные социологического опроса инвалидов.

В группу респондентов, где значения дефицита дохода, значительно превысили среднее по группе (составляли от 20000 до 36000 рублей), попали 8 человек. Причём, большие значения дефицита определялись высоким уровнем «идеального» дохода: от 30000 рублей до 70000 рублей, при фактическом доходе 6000 – 36000 рублей. Для всех этих респондентов повышение благосостояния – желаемое изменение в жизни. Респонденты, имевшие высокий фактический доход, указывали более высокие значения «идеального» дохода.

Среди респондентов, у которых дефицит дохода был близок к среднему значению по группе (от 14000 до 17000 рублей), фигурировали четверо. Уровень располагаемого дохода у них варьировал в диапазоне 8000 – 25000 рублей. Как и в предыдущей подгруппе, более обеспеченные респонденты указывали более высокие значения «идеального» дохода. Для всех четырёх респондентов желание повысить свой доход оставалось актуальным (см. табл. 1).

Ещё у трёх респондентов значение дефицита дохода составляло 10600 – 12000 рублей, что близко к медианному уровню. Один из них не указал, что повышение дохода является желаемым событием. Его фактический доход составлял 7400 рублей, а необходимым для нормальной жизни он считал

20000 рублей. Изначальный мотив трудоустройства этого респондента был связан с повышением дохода, но трудовая деятельность, очевидно, не позволила достичь той планки, когда он мог бы считать доход приемлемым. Это привело к обесцениванию самой идеи повышения благосостояния благодаря трудовой деятельности. У четырёх респондентов дефицит дохода составлял от 10000 до 10500 рублей, – на уровне модального значения. Среди них также один человек не указал на значимость для него повышения дохода. Его фактический доход составлял 25000 рублей, а дефицит индивидуального дохода – 10000 рублей (см. табл. 1). Жизненные интересы респондента сместились на расширение круга общения, посещение культурных мероприятий и заботу о здоровье. В подгруппу респондентов с наименьшими значениями дефицита дохода вошли те, кто сдержанно оценил величину «идеального» для себя дохода (15000 – 29000 рублей) и обладающие средним уровнем фактического дохода (10000 – 22000 рублей). Повышение дохода оставалось для каждого из них желанным изменением в жизни (см. табл. 1).

Все люди с инвалидностью, чьи мотивы трудоустройства, не были связаны со стремлением повысить достаток, отметили, что хотели бы иметь более высокий доход. Среди тех 7 человек, кто устраивался на работу ради самореализации, диапазон значений дефицита денежного дохода составлял 6800 – 29000 рублей, фактического дохода 11000 – 46000 рублей, «идеального» дохода 20000 – 70000 рублей.

Таким образом, трудовая деятельность позволяет людям с инвалидностью в некоторой степени улучшить своё материальное положение. В то же время, вопрос повышения дохода остаётся актуальным и для работающих инвалидов. По данным опроса, каждый из респондентов считал, что его текущий доход не соответствует тому, который способен обеспечить ему нормальную жизнь. В перспективе планируется провести сравнительный анализ материального положения работающих инвалидов в зависимости от уровня их образования и характеристик профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Зязин, В.Н. Система потребительских бюджетов и трудоустройство инвалидов / В.Н. Зязин // Уровень жизни населения регионов России. 2009. №7(137). С. 55 – 60.

2. Романов, П.В. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя / П.В. Романов, Е.Р. Ярская–Смирнова // Социологические исследования. 2010. №3(317). С. 50 – 57.

L.N. Natsun

THE WORKERS WITH DISABILITIES SATISFACTION WITH THEIR FINANCIAL SITUATION (ACCORDING TO A SOCIOLOGICAL INQUIRY CONDUCTED IN VOLOGDA REGION)

The paper presents the results of the analysis of data on the income level of working people with disabilities. A comparison was made of perceptions of the desired income, as well as the actual income levels of groups of working people with disabilities, depending on the motive of their employment. It is shown that labor activity to a small extent contributes to the improvement of the financial situation of persons with disabilities. It is noted that satisfaction with the actual level of income is influenced by the idea of disabled people about the "ideal" level of income for them.

Key words: disability, working disabled, regional studies, social portrait.

УДК 314.04

М.А. Пибаева

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КУНГУРА

В социологии в качестве важного структурного компонента жизнедеятельности личности и общества выделяется поселенческая структура, в том числе наиболее развитый и многофункциональный ее тип – город. Он представляет собой такую территориально-поселенческую структуру, которая обеспечивает все этапы и все стороны жизнедеятельности человека. В данной работе происходит раскрытие поселенческой общности города Кунгура, в социологическом аспекте.

Ключевые слова: социальная общность, социально-территориальная структура, поселенческая общность, город.

Социология как многоаспектная наука изучает общество и поведение людей в социальных обстоятельствах. Она позволяет изучить социальные силы, влияющие на нашу жизнь. Социальная общность – это реальное объединение людей, объективно заданное способом их устойчивой взаимосвязи, при котором они проявляют себя как коллективный субъект социального действия. Для социальных общностей характерно осознание своего единства. Социальные общности могут классифицироваться по различным основаниям[4].

Так, среди прочих выделяется социально-территориальная структура общества, неотъемлемыми частями которой являются – пространственная среда жизнедеятельности и население. Последнее, в свою очередь, выступает как поселенческая общность, то есть как совокупность людей, имеющих общее постоянное место жительства, взаимозависимых друг от друга и действующих с целью удовлетворить свои экономические, социальные и культурные потребности.

Город – это территориально-поселенческую структуру, которая обеспечивает все этапы и стороны жизни человека [1, с. 197 – 208]. Для такой поселенческой структуры как город характерным является тот факт, что население практически всё время и всю жизнь проводит в границах, рамках данной местности. В связи с этим, в социологии можно определить поселенческую структуру, а в частности, город как значимый элемент жизни и отдельного человека, и всего общества.

В данной работе исследуется через социологический аспект такая поселенческая общность, как город Кунгур. Он был основан в качестве пункта

© Пибаева М.А., 2018

русской колонизации юго-востока Прикамья, жителями которого стали переселенцы. Однако в 1662 году город был разрушен. Второе основание произошло в 1663 году. Город расположили на стратегически удачном месте – мысе, защищенном водами Сылвы и Ирени.

Через Кунгур проходили главные государственные дороги, также здесь размещалось провинциальное ведомство, управление горных заводов и Пермское духовное правление. Позже была открыта уральская горнозаводская школа. В этот период времени население города было представлено в подавляющем большинстве ремесленниками (кожевники, кузнецы, плотники, мыловары, иконописцы, резчики по дереву, ювелиры).

В 1783 году Кунгур соединил Центральную Россию и Сибирь. Через город проходил «Великий Сибирский тракт».

В XIX веке Кунгур становится крупным центром купечества. В городе проходят главные ярмарки, на продажу вывозят рожь, топленое говяжье сало, кожи и мыло, меха, медь и полосовое железо, керамические чайники.

В итоге установления советской власти в Кунгуре вводят твердые рыночные цены на хлеб, закрывается газета «Кунгурская жизнь», а типография переходит к ревкому. Создается уездная Чрезвычайная комиссия, начинаются обыски, происходит национализация имущества, ликвидация городской и земской управы.

В 1930–е годы развивается кожевенно-обувное производство, создаётся экскаваторный завод (позже машиностроительный, обслуживающий нефтяную промышленность). С началом Великой Отечественной войны в город эвакуируют оборудование механических заводов и обувных фабрик. Кунгурские заводы изготавливают снаряжение для фронта. В послевоенное время продолжается выпуск буровых установок, заготовка пиломатериала, изготовление обуви и одежды. Развивается производство молочной и мясной продукции [5].

Девяностые годы двадцатого века внесли кардинальные изменения как в жизнь всей страны, так и города, в частности. Произошло падение структур политического, социального и экономического сектора, что напрямую отразилось на массовом сознании жителей Кунгура. Население города находилось в критическом состоянии. Люди, привыкшие к системе устройства СССР, не знали, что ожидать в будущем, после краха «нерушимой системы».

Город, который славился своей продукцией в сфере как лёгкой, так и тяжёлой промышленности, потерял свои позиции, вследствие разрушения привычной системы. Кризис эпохи 90–х отразился на всех предприятиях, в том числе и на тех, которые представляли Кунгур не только на отечественном, но и на зарубежном рынке.

Голод, поглотивший постсоветское пространство, добрался до Кунгура. Предприятия не имели возможности выплачивать заработную плату своим сотрудникам. В результате работникам, в течение длительного времени приходилось «выживать» – находить источники дополнительного заработка. Организации лёгкой и пищевой промышленности выплачивали зарплату сотрудникам непосредственно продукцией, которую производили (сыром, сапогами, гитарами и пр.). Некоторые предприятия не выдерживали длительного нахождения в режиме «голод» и были вынуждены прекратить существование. Как это произошло в случае с кожевенным комбинатом.

Кризис девяностых повлиял и на социальную и демографическую ситуацию города. Отражением «голода 90–х» стало стремительное сокращение численности населения и увеличение количества суицидов и криминальных смертей. Далее см. рис. 1[3].

1856[20]	**1897**[20]	**1913**[20]	**1926**[20]	**1931**[20]	**1939**[20]	**1959**[21]	**1967**[20]	**1970**[22]	**1973**[20]	**1976**[20]
9900	↗14 300	↗16 700	↗21 000	↗24 600	↗36 000	↗64 796	↗70 000	↗74 488	↗78 000	↗79 000
1979[23]	**1982**[24]	**1986**[20]	**1987**[25]	**1989**[26]	**1992**[20]	**1996**[20]	**1998**[20]	**2000**[20]	**2001**[20]	**2002**[27]
↗80 143	↗81 000	↗82 000	↗83 000	↘81 402	↘80 500	↘76 600	↘76 100	↘75 500	↘75 000	↘68 943
2003[20]	**2005**[20]	**2006**[28]	**2007**[28]	**2008**[29]	**2009**[30]	**2010**[31]	**2011**[20]	**2012**[32]	**2013**[33]	**2014**[34]
↘68 900	↘68 000	↘67 900	→67 900	↗68 100	↗68 116	↘66 074	↗66 100	↗66 316	↗66 478	↗66 765
2015[35]	**2016**[36]	**2017**[1]								
↘66 606	↘66 311	↘66 157								

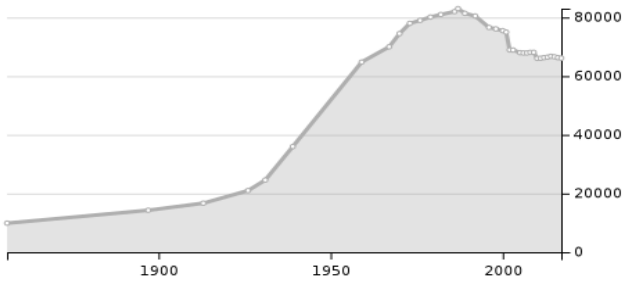


Рис. **Численность населения**

Что касается молодёжи Кунгура в плане образовательной, а затем и трудовой сферы, то здесь отмечаются следующие тенденции. Так, в городе нет возможности получения высшего образования, а, следовательно, выпускники вынуждены уезжать для продолжения обучения по желаемой специальности. После получения диплом лишь малая часть возвращается в Кунгур, большинство же предпочитает жить и работать в крупных городах. Данная тенденция объясняется отсутствием рабочих мест по имеющейся специальности, а также более предпочтительным набором возможностей и перспектив жизни в большом городе. Как следствие – перекос потребности работодателей в специалистах–рабочих и не востребованности рабочих профессий уча-

щейся молодежью.

Так, что касается имеющихся в городе средних профессиональных учебных заведений, то здесь тоже встаёт вопрос трудоустройства. По окончании учебного заведения специалист не может найти работу по полученной им ранее профессии.

Согласно данным проведённого в Кунгуре опроса, наблюдается перекос с перенасыщением дипломированными бухгалтерами и юристами со средним образованием, которые не могут устроиться работу по специальности в своем городе. Молодые люди уезжают учиться в вузы, а после получения высшего образования не возвращаются в Кунгур. Город теряет молодежь [2, с. 122 – 134].

Таким образом, можно сказать, что Кунгур большую часть своей истории существует как город торговли, купеческий. Раньше Кунгур, в том числе за счёт выгодного месторасположения, был знаменит как «чайная столица», центр кожевенного производства и машиностроения, на сегодняшний день город преимущественно опирается на туристическую сферу. Однако, помимо туризма, существуют и другие источники обеспечения жизнедеятельности и функционирования города: молочный комбинат, мясокомбинат, МПЗ, «Телец», «Кнауф», «Металлист» и т.д. Несмотря на то, что данные предприятия и находятся в Кунгуре, прибыли город получает немного, потому что большая часть капитала уходит в столицу, так как собственниками являются московские компании и организации.

Что касается молодёжи, то на сегодняшний день молодым людям без диплома о высшем образовании практически невозможно устроится на работу. По этой причине многие выпускники школ уезжают из Кунгура для получения высшего образования в крупные городские центры. Однако, получив диплом, большая часть специалистов уже не возвращается на родину, так как перспектива трудоустройства и дальнейшего карьерного роста в большом городе шире, чем в Кунгуре.

Список литературы

1. Бабосов Е.М. Общая социология / Е.М. Бабосов. Минск: ТетраСистемс, 2004. 640 с.

2. Парамонова С.П. Современный мир. Молодежь, образование, труд: монография / С.П. Парамонова. Пермь: ПГТУ, 2011. 250 с.

3. Интернет-энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/ wiki/Кунгур (Дата обращения: 12.10.2018 г.).

4. Интернет-энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_общность (Дата обращения:

6.10.2018 г.).

5. Информационно-справочное издание: Кунгур. Путеводитель. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mamatov.ru/doc/kungur.pd (Дата обращения: 12.10.2018 г.).

M.A. Pibaeva

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE SETTLEMENT COMMUNITY ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF KUNGUR

In sociology, as an important structural component of the life of the individual and society is the settlement structure, including the most developed and multifunctional type of it – the city. It is a territorial–settlement structure that provides all stages and all aspects of human life. In this work there is a disclosure of the settlement community of the city of Kungur, in the sociological aspect.

Key words: social community, socio–territorial structure, settlement community, city.

УДК 316.022

О.В. Полетаева, О.М. Слепова

СОКРАЩЕНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА НАСЕЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ В РЕГИОНЕ*

Работа посвящена проблеме социального расслоения общества, вытекающего из широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий. Дается характеристика понятия «цифровое неравенство». Охарактеризованы основные причины цифрового неравенства, социальные показатели измерения этого феномена.

Ключевые слова: цифровое неравенство, стратификация, информационно-коммуникационные технологии.

В настоящее время очень остро стоит вопрос о роли цифровых технологий, их распространенности, достоинствах и недостатках. В связи с этим начали появляться новые проблемы в социологии, в частности – производство и воспроизводство цифрового неравенства населения. Развитие цифровых технологий повлияло на природу социального неравенства: в новых условиях не только экономические, образовательные, властные ресурсы, но и активность освоения информации через цифровые каналы становится критерием стратификации индивидов и социальных групп.

Неравенство существовало на протяжении всего развития цивилизации. В классической социологии большое внимание уделялось разделению труда как источнику неравного положения людей. Для полного понимания места «неравенства» в достижении социального благополучия стоит выделить несколько важных концепций социального неравенства. По мнению Герберта Спенсера, завоевания были главной движущей силой неравенства: победители оказывались господствующим классом и занимают привилегированные места, а побежденные, соответственно, низшим, подчиненным классом [2, с.505].

Карл Маркс развивал идею о том, что разделение труда, в процессе овладения природными ресурсами, ведет к возникновению профессиональной специализации и стратификации [3, с.21]. С развитием общества труд разделился на умственный и физический, что исторически предшествовало появлению частной собственности и классов, за которыми стали закрепляться определенные функции. Классы различались по сфере, предназначенной для них деятельности и владению или не владению

© Полетаева О.В., Слепова О.М., 2018

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Грант №18-411-730009 «Информационно-цифровое неравенство и способы его преодоления в регионе»

собственностью. Те, кто владел ею, господствовал над более бедными классами, что усиливало неравенство.

Новые информационные технологии оказывают влияние не только на экономическую сферу, но и на культурную, социальную, политическую: это влияние отражается в образе жизни людей, их увлечениях, профессиональных предпочтениях, возможности сетевого общения, решении большого спектра бытовых проблем. Понятие «цифровое неравенство» впервые было использовано в 1997 году на заседании ПРООН в Берлине, тогда оно понималось как «отсутствие доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)» [5, с.45 – 50]. В русском языке оно появилось в 2000 году, когда в Доме правительства прошел международный семинар «Проблемы преодоления «цифрового неравенства» в России и странах СНГ» [6, с.29 – 30].

Согласно данным аналитического агентства We Are Social, в 2018 году было зафиксировано 4,02 млрд. пользователей Интернета; это говорит о важности данной сферы в современном мире. Одновременно данный факт свидетельствует о появлении новой шкалы стратификации граждан, которую условно можно назвать «оффлайн-онлайн», стоящей на одной линии с экономическим и социальным неравенствами. Темпы внедрения ИКТ во все сферы социальной жизни позволяют отметить, что цифровая состоятельность людей становится определяющим фактором их социально-профессиональной успешности и постепенно подчиняет себе все остальные виды неравенства. Цифровое неравенство ведет к разрыву не только классовому, но и к пропасти между развитыми и развивающимися странами, городскими и сельскими поселениями, между поколениями и профессиональными общностями.

Цифровое неравенство в широком смысле понимается как социально-экономические и другие различия между теми, кто имеет доступ к цифровым ресурсам, умеет ими пользоваться, и теми, кто не имеет к ним доступа, либо не имеет достаточных навыков использования. Для определения эффективности использования ИКТ населением, используют двенадцати–факторную модель, которая включает в себя такие параметры как физический доступ, актуальность, финансовая доступность, подготовленность, адекватность информационного наполнения (контента), интеграция, социокультурные факторы, доверие, нормативно-правовая база, местные экономические условия, макроэкономическая среда, политическая воля.

Для использования быстро развивающихся технологий нужно уметь легко адаптироваться в меняющихся условиях и быть социально активной

личностью. Преграды могут возникнуть, когда индивид имеет возможность, но не понимает зачем ему нужно использовать цифровые ресурсы, не хочет осваивать информацию современными способами или не имеет желания учиться новым технологиям. Принимая во внимание все вышесказанное, следует подчеркнуть: цифровое неравенство действительно является острой проблемой в быстро развивающемся мире – для социума и территорий. Для уяснения ситуации в конкретных регионах мы провели социологическое исследование «Информационно-цифровое неравенство населения и способы его преодоления в регионе» (2018 г.). Выборка многоступенчатая; репрезентирует население Пензенской и Ульяновской областей, проживающее в разных типах населенных пунктов (крупные, средние, малые города, сельские поселения), его возрастные и образовательные характеристики. Общий объем выборочной совокупности составил 1250 человек.

Результаты опроса жителей Пензенской и Ульяновской областей показали, что устройства, обеспечивающие выход в Интернет, имеют в среднем около 80% населения; но они неравномерно распределены в социальных сегментах. Самыми распространенными являются мобильные телефоны (смартфоны), их наличие отметили почти две трети жителей (65%); чаще других ими пользуются представители молодежного сегмента, жители крупных городов с высшим образованием и состоятельные граждане (более 70%).

Доминирование мобильных устройств у населения – общая тенденция, характерная для регионов России, которая предоставляет дополнительные технические и технологические возможности Интернет-услуг на основе технологий геолокации, коммуникаций ближнего поля. Исследования доступа в Интернет свидетельствуют, что мобильные устройства позволяют обрабатывать больший объем информации за счет непрерывной работы и увеличения временных ресурсов [7, с. 2–4]. Удельный вес пользователей Интернета, применяющих преимущественно мобильный доступ, неуклонно растет: за последние 5 лет он вырос в 2,5 раза.

Технологические различия доступа к Интернету являются тем основанием, на котором в обследованных регионах выделены следующие страты цифрового неравенства: «цифровые бедные» – не имеющие никаких устройств доступа к Интернету (5%); «цифровые базовые» – имеющие только стационарный доступ к Интернету (26%); «цифровые средние» – использующие разные технологии доступа к Интернету (66%); «цифровые продвинутые» – имеющие сеть вещей, управляемых через Интернет (3%). Невысокий показатель «цифровой технологической бедности» свидетельствуют о том, что начальный этап интернетизации и компьютери-

зации смогла преодолеть большая часть жителей российской провинции. Одновременно невысокий показатель «продвинутых пользователей» говорит о проблемах доступа к скоростному и мобильному Интернету в населенных пунктах, а также об отсутствии материальных возможностей и мотивации использования продвинутых цифровых технологий. Подтвердились положения о том, что ключевыми факторами, влияющими на технологическое информационно-цифровое неравенство, являются место проживания, социально-экономический статус жителей.

Анализ информационно-цифрового неравенства в контексте поведенческого критерия показал высокую Интернет-активность значительной части жителей: две трети жителей регионов (68%) пользуются всемирной сетью каждый день; около трети (29%) обращаются к Интернету от нескольких раз в неделю до нескольких раз в месяц; лишь 3% не пользуются совсем. Активными пользователями всемирной сети являются молодые люди до 35 лет (84% ежедневно используют Интернет для решения разных проблем); жители крупных городов (78%); среднедоходные и состоятельные семьи (82 и 88% соответственно); семьи с детьми школьного возраста (84%).

Цифровые услуги базового уровня присутствуют в жизни всех социальных сегментов: жители не только крупных, но и средних, малых городов осваивают платежи по Интернету за жилищно-коммунальные и другие услуги, осуществляют покупки в Интернет-магазинах; жители поселков общаются в социальных сетях. Около 40% жителей обследованных регионов владеют большей частью цифровых навыков *базового уровня*: общение в социальных сетях (59%); просмотр фильмов (51%); Интернет-платежи (43%). Навыки–аутсайдеры – заказ продуктов и лекарств по Интернету (14%). Высокая активность использования базовых цифровых услуг характерна для специалистов разных отраслей с высшим образованием, предпринимателей, семей со средними доходами.

Средний уровень освоения информационно-цифрового пространства гражданами связан не столько с потребительскими услугами, сколько с развивающими программами: получение образовательной информации (48%), поиск вакансий на рынке труда (22%), дистанционное выполнение профессиональной деятельности (17%), виртуальные путешествия и посещения культурных мероприятий (15%). Совокупный индекс освоения большей части этих услуг составил 27; это говорит о том, что четверть населения кроме базовых технологий владеет более сложными цифровыми навыками. Самый высокий совокупный индекс освоения услуг данного уровня демонстрируют молодежь и среднедоходные семьи.

Замыкают перечень видов информационно-цифровой деятельности – услуги *продвинутого уровня*. Они не только удовлетворяют потребительские и развивающие интересы, но и меняют качество жизни пользователей: помогают настраивать новостные каналы и хранить свои данные (22–26%), дистанционно получать образование и участвовать в вебинарах (27%), использовать услуги «умного дома» (10%). Более уверенно себя чувствуют в данной группе учащаяся молодежь, семьи со средним и высоким уровнем доходов. Совокупный индекс освоения большинства технологий продвинутого уровня равен 15, что в 2–3 раза ниже, чем в первых двух уровнях.

Освоение информационно-компьютерных технологий тесно связано не только с социально-экономическими, социально-демографическими характеристиками жителей, но и с используемыми адаптивными практиками. Условно мы разделили всех респондентов на три типа отношения к социальной адаптации: «активисты», «пессимисты», «консерваторы». Чем ниже социальная адаптивность к новым жизненным условиям и пассивнее позиция, тем меньше усилий в Интернет-активности. Внимания заслуживает следующий факт: «пессимисты», которые не верят в собственные инициативы и ничего не предпринимают *(«не могу изменить сложившуюся ситуацию»)*, не проявляют большого интереса к Интернету; половина из них пользуется Интернет-услугами достаточно редко, либо не пользуется совсем. Можно констатировать, что информационно-компьютерные технологии в современных условиях становятся своеобразным индикатором социальной адаптивности и активности граждан: чем мобильнее человек, тем чаще ему требуется мобильный выход в виртуальное пространство по всем жизненным проблемам.

Итак, результаты освоения виртуального пространства жителями разных населенных пунктов российских регионов свидетельствуют о наличии серьезных барьеров, усиливающих цифровое неравенство. Эти барьеры связаны не столько с технологическими условиями внедрения ИКТ, сколько с поведением массовых пользователей – мотивацией, компетентностью, активностью. Эти барьеры носят мотивационный, когнитивный, коммуникационный характер; они присутствует во всех группах населения, но чаще других – среди людей старших возрастных групп; жителей сел и поселков, работников с начальным профессиональным образованием; бедных и малообеспеченных семей.

Критичными для благополучия региона являются проблемы эффективного использования ИКТ-инфраструктуры: 1) проблема подготовки кадров для работы на современных предприятиях, интенсивно использующих информационно-компьютерные технологии; 2) уровень массового использова-

ния электронных услуг в повседневной жизни населения (в образовании, медицине, потреблении); 3) доверие населения к Интернет-сообществам как проявлению гражданского общества. Реализация социологического мониторинга состояния цифрового неравенства позволит выделять группы риска, вовлекать в инновационную экономику и политику жителей районов, удаленных от областного центра; повышать уровень реализации потребностей жителей разных типов поселений через участие в региональных проектах «Умный регион», «Умный дом», «Сетевой город. Образование», «Региональная медицинская информационная система», «Электронное правительство».

Список литературы

1. Винер Н. Кибернетика и общество / Пер. с англ. Е.Г. Панфилова; Общ. ред. и предисловие Э.Я. Кольмана. М.: Издательство иностранной литературы, 1988. 290 с.
2. Спенсер Г. Основания социологии. Том 1. М., 1986. 496 с.
3. Маркс К. Наемный труд и капитал. М., 1991. 298 с.
4. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон – Пресс – Ц, 2001. 576 с.
5. Вершинская О.Н. Информационное неравенство как социологическая проблема // Информационное общество. М., 2001. №4. С. 45–50.
6. Бекетов Н.В. Информационное разнообразие и цифровое неравенство в развитии России. // Информационное общество. 2011. С. 115–125.
7. Шарифьянов, Т.Ф., Гайнанов, Д.А., Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий / Т.Ф. Шарифьянов, Д.А. Гайнанов // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 22. С. 2–18.

O.V. Poletaeva, O.M. Slepova

REDUCING THE DIGITAL DIVIDE IN THE POPULATION AS A CONDITION OF WELL–BEING IN THE REGION

The work is devoted to the problem of social stratification of society arising from the widespread introduction of information and communication technologies. The characteristic of the concept of "digital inequality" is given. The main causes of digital inequality and social indicators that measure this phenomenon at different levels are characterized.

Key words: digital inequality, stratification, information and communication technologies.

УДК 331.522

А.В. Попов

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПЕРИОД 1997–2017 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

В современных условиях хозяйствования значимость человеческого фактора в экономическом развитии территорий неоспорима. Данный тезис находит подтверждение как в теории, так и на практике. Поскольку человеческий капитал в России играет меньшую роль в системе общественного производства по сравнению с наиболее развитыми странами, актуальным представляется изучение динамики качественных характеристик населения, которые могут быть применены в трудовой деятельности. В этой связи цель работы заключается в выявлении тенденций и особенностей развития качества трудового потенциала Вологодской области. Выбор объекта исследования обусловлен, с одной стороны, проработанностью теории трудового потенциала в отечественной науке, а с другой – наличием обширной информационной базы о состоянии качественных характеристик населения трудоспособного возраста.

Ключевые слова: Трудовой потенциал, качество населения, человеческий капитал.

Как устоявшееся понятие «трудовой потенциал» оформилось в 80–х гг. XX века в работах советских ученых (А.С. Панкратова, К.Л. Андреева, Р.П. Колосовой, Ю.Г. Одегова и др.), что было обусловлено необходимостью поиска новых источников экономического роста [4, с. 8]. Одним из таких резервов стал человеческий фактор, роль которого в производственном процессе постоянно усиливалась. На сегодняшний день в русскоязычной литературе можно найти множество подходов к определению трудового потенциала. В самом общем виде его можно представить, как «совокупность количественных и качественных характеристик трудоспособного населения, которые реализованы или могут быть реализованы в определенных социально-экономических и демографических условиях, связанных с участием населения в процессе общественно полезной деятельности» [2, с. 13].

Как и в случае с человеческим капиталом, в теории трудового потенциала отсутствует единая точка зрения на качественные характеристики населения. В зависимости от используемого подхода их количество может варьироваться от нескольких до десяти и более. Также весомое значение отводится информационной базе, на основе которой проводится исследование. Если материалы официальной статистики позволяют получить общее представление

© Попов А.В., 2018

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-22-01020 «Мотивационно-стимулирующий механизм творческой трудовой активности: сравнительный анализ России и Беларуси».

о состоянии качества трудового потенциала (прежде всего, посредством анализа показателей здоровья и образования), то обращение к социологическим методам дает возможность заметно расширить спектр изучаемых вопросов. Неслучайно именно анкетный опрос стал наиболее распространенным источником информации о состоянии качественных характеристик населения.

С 1997 г. на территории Вологодской области осуществляется мониторинг качества трудового потенциала, проводимый Вологодским научным центром РАН (ФГБУН ВолНЦ РАН; ранее – ИСЭРТ РАН, ВНКЦ ЦЭМИ РАН)[1]. В основе исследования лежит концепция качественных характеристик населения, разработанная учеными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН [1]. Согласно данному подходу, структура качества трудового потенциала населения представляет собой «древо» свойств, основу которого составляют *8 базовых компонентов*: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциалы, коммуникативность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. В дальнейшем они формируют структурные элементы более высокого уровня. Вершина «древа» представлена в виде *обобщающей характеристики качества трудового потенциала – социальной дееспособности*. Динамика обозначенных показателей является важным маркером социально-экономического развития территорий, поскольку отражает возможности осуществления населением трудовых функций в специфических условиях общественного производства [3, с. 40].

Методика измерения индексов качества трудового потенциала подробно рассмотрена в более ранних публикациях сотрудников ФГБУН ВолНЦ РАН (Г.В. Леонидовой, Е.А. Чекмаревой, А.А. Шабуновой[2] и др.). Индикаторы рассчитываются на основе субъективной оценки респондентами степени развития той или иной качественной характеристики, каждой из которых соответствует свой блок вопросов в анкете. Индексы качества трудового потенциала могут принимать значения в интервале от 0,200–0,333 до 1 (теоретический максимум). Обратимся к результатам многолетнего мониторинга за период 1997–2017 годов.

---

[1] Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проводятся в городах Вологде и Череповце, а также в восьми районах области. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3-4%.

[2] См., например: Гулин К.А., Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Трудовой потенциал региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 84 с.; Чекмарева Е.А., Леонидова Г.В. Региональные измерения трудового потенциала // Народонаселение. 2016. № 1 (71). С. 54-56.; Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Качество трудовых ресурсов в России: региональный аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 126-134.

Данные мониторингового исследования, проводимого на территории Вологодской области, показали масштабность трансформаций, произошедших с качеством трудового потенциала за последние 20 лет (*рис. 1*). Несмотря на фактическое увеличение значений интегрального показателя – индекса социальной дееспособности, в его развитии можно выделить несколько условных периодов:

1. «Период нестабильности» (1997–2003 гг.) – хаотичное изменение значений показателя, что являлось своеобразным «эхом» кризисных явлений конца XX века. Неустойчивость экономического положения в стране, высокий уровень безработицы, низкий уровень жизни населения и т.д. обусловили сильные колебания индекса социальной дееспособности;

2. «Период устойчивого роста» (2003–2008 гг.) – позитивная тенденция повышения качества трудового потенциала на фоне бурного восстановления российской экономики;

3. «Период стагнации» (2008–2017 гг.) – сохранение значений показателя примерно на одном уровне. В качестве основных причин «застоя» можно выделить последствия глобального финансово-экономического кризиса, системных проблем в экономике, обострения внешнеполитической обстановки и введения санкций. Тревожным моментом является резкое снижение индекса социальной дееспособности в 2017 г. относительно предыдущего года (с 0,685 до 0,677 ед.), что может стать сигналом последующих негативных изменений.

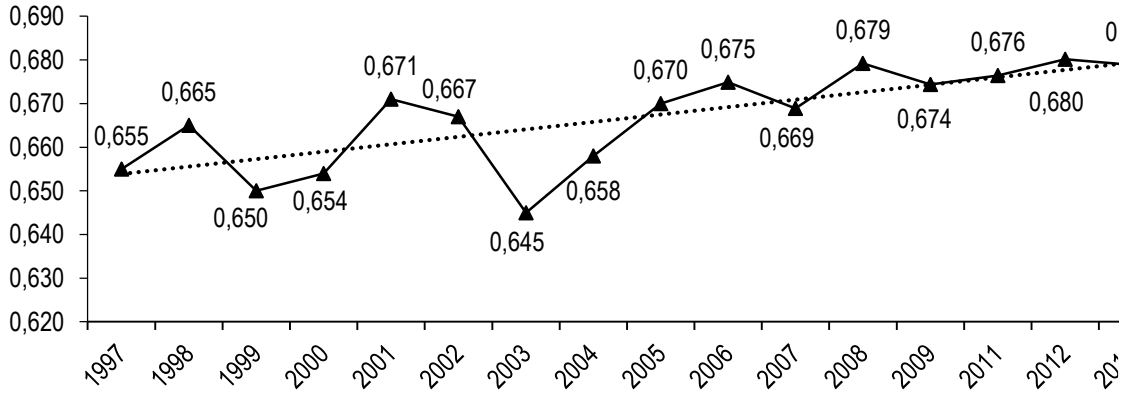


Рис. **Динамика индекса социальной дееспособности населения Вологодской области**

Источник: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 1997–2017 гг.; расчеты автора.

В разрезе социально-демографических групп наибольшие изменения коснулись гендерного аспекта, где у женщин произошел стремительный рост качественных характеристик, в результате чего они не только обошли мужчин, но и в дальнейшем заметно укрепили свое преимущество.

Неоднозначную динамику показывают и значения базовых компонентов качества трудового потенциала (*табл. 1*). На фоне в целом позитивных изменений, индексы когнитивного и творческого потенциалов, имеющих большое значение в инновационной экономике, продемонстрировали негативный тренд. Вызывает также большое опасение ухудшение физического и психического здоровья населения, наблюдаемое в последние годы, поскольку именно от данных показателей зависит объективная возможность людей участвовать в процессе общественно полезной деятельности.

Базовые компоненты качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2017 г.

Качество	Значение индекса	Ранг	Изменение индекса (к предыдущему году)	Линия тренда
Физическое здоровье	0,719	4	▼ спад	/ возрастающая
Психическое здоровье	0,774	2	▼ спад	/ возрастающая
Когнитивный потенциал	0,627	7	нет изменений	\ убывающая
Творческий потенциал	0,559	8	▼ спад	\ убывающая
Коммуникабельность	0,731	3	▼ спад	/ возрастающая
Культурный уровень	0,702	5	▲ рост	/ возрастающая
Нравственный уровень	0,779	1	▲ рост	/ возрастающая/
Потребность в достижении	0,661	6	▲ рост	/ возрастающая
Социальная дееспособность	**0,677**	**–**	**▼ спад**	**/ возрастающая**

Таким образом, проведенный анализ актуализирует проблему развития качественных характеристик населения, состояние которых во многом определяет возможности экономического развития территорий. К числу ограничений работы можно отнести все недостатки исследований, построенных на социологических методах сбора информации (субъективный характер оценок, отсутствие возможности проведения компаративного анализа и т.д.).

Список литературы

1. Качество населения / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной. М.: ИСЭПН РАН, 1993. 185 с.

2. Попов, А.В. Разработка инструментов повышения уровня реализации трудового потенциала территорий: дис. … канд. экон. наук / А.В. Попов. М., 2018. 143 с.

3. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 107 с.

4. Шабунова, А.А. Трудовой потенциал региона / А.А. Шабунова, Е.А. Чекмарева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 107 с.

A.V. Popov

DYNAMICS OF THE LABOR POTENTIAL QUALITY OVER THE PERIOD 1997–2017 (CASE STUDY OF THE VOLOGDA REGION)

In today's world the significance of the human factor in economic development of territories is beyond question. This thesis finds confirmation both in theory and in practice. At present human capital in Russia plays a lesser role in the system of social production in comparison with the most developed countries. In this regard, it's relevant to study the dynamics of the qualitative characteristics of the population that can be applied in the labor market. The aim of the study is to identify trends and features of the labor potential quality of the Vologda region.

Key words: Labor potential, quality of population, human capital.

РАЗДЕЛ 4. СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 314.5.06

А.Н. Зырянова

ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОПЫТ СТРАН СНГ

Представлен сравнительный анализ положений семейно-брачного законодательства, касающихся порядка и условий заключения и расторжения брачного союза стран СНГ, проанализирована возможность применения законодательных практик стран СНГ в российских условиях, сформулированы рекомендации для нормативно-правовых актов России.

Ключевые слова: семейное законодательство, брак, развод, СНГ.

Семья в современном обществе является одним из главных объектов государственной политики большинства стран, в том числе Содружества Независимых Государств (СНГ), которые ввиду существования на постсоветском пространстве имеют между собой не только экономические и политические, но и тесные культурные и социальные связи. Если раньше различий в семейном законодательстве союзных стран практически не было, то к настоящему времени некоторые его положения значительно разнятся.

Стоит отметить, что показатели брачности и разводимости стран СНГ заметно выделяются на фоне других стран (более высокий уровень брачности и более низкий уровень разводимости, рис.1). В настоящее время лидером среди стран СНГ по общему коэффициенту брачности в 2017 г. является Киргизия (14 браков на 1000 чел.), Россия занимает в этом рейтинге 5 строку (7,1), самые низкие показатели – в Армении (5,4) и Молдавии (5,9). Меньше всего разводов (1 на 1000 чел.) в Узбекистане, Армении (1,2) и Азербайджане (1,5). Россия в этом списке занимает последнее место и демонстрирует самый высокий уровень разводимости (4,2) (рис. 2). Мы предполагаем, что значимый вес данным показателям придает в том числе национальная культура. К примеру, в ст. 8 семейного кодекса Узбекистана говорится, что при отсутствии в законодательстве соответствующих норм в регулировании семейных отношений применяются местные обычаи и традиции, не противоречащие принципам законодательства Республики. На наш взгляд, культура значительно определяет существующее состояние социально-демографических процессов брачности и разводимости, культурой поддерживается и заинтере-

© Зырянова А.Н., 2018

сованность в официальном брачном союзе, в сохранении крепкой семьи в большинстве рассмотренных странах.

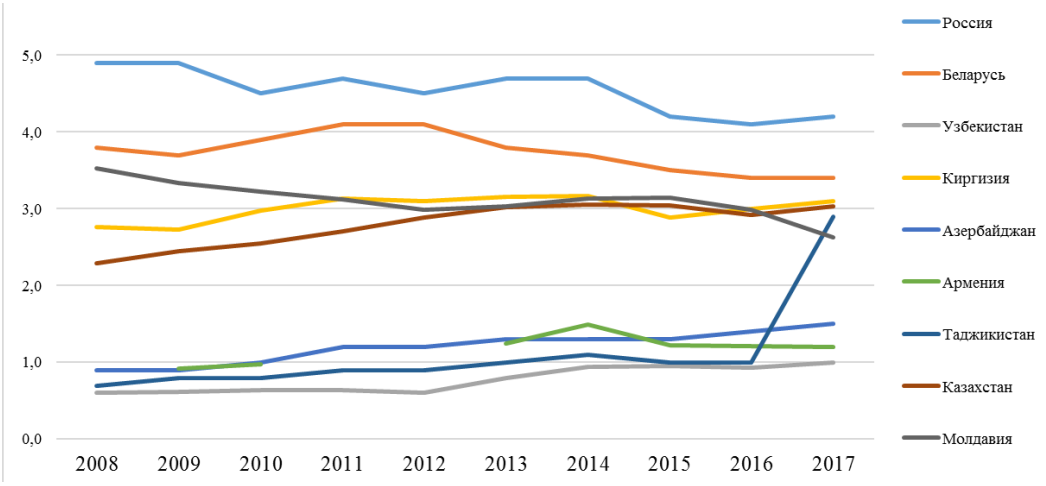


Рис. 1. **Количество браков на 1000 чел. населения в странах СНГ**

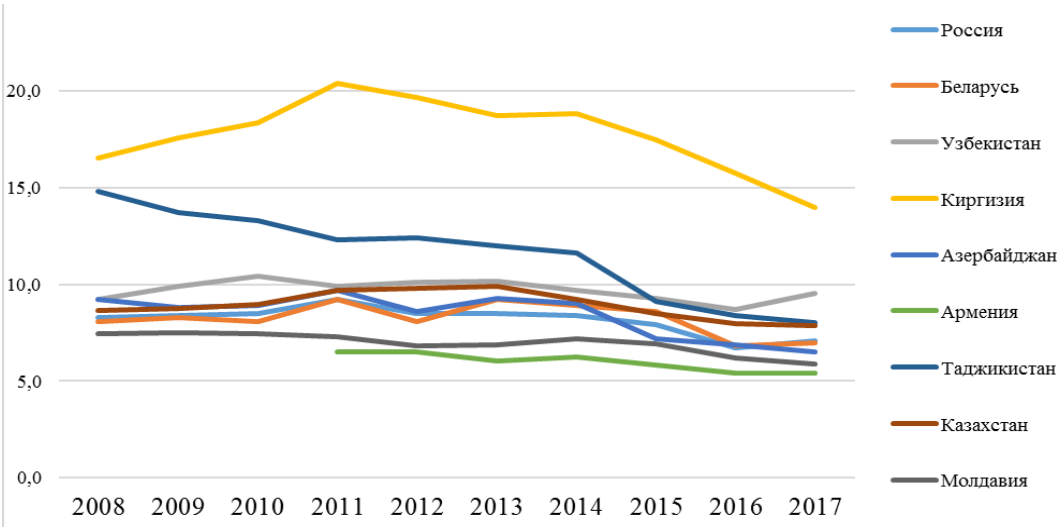


Рис.2. **Количество разводов на 1000 чел. населения в странах СНГ**

В числе первых глав семейных кодексов стран, включённых в СНГ, главы, посвященные заключению и расторжению брака, его порядку и условиям. Сравнивая и сопоставляя положения, включённые в этот раздел, были сделаны следующие выводы относительно их схожих черт: идентичный порядок наступления прав и обязанностей, связанных с супружеством, – со дня государственной регистрации; условия взаимного согласия и достижения брачного возраста для регистрации союза; в целом одинаковый перечень условий, препятствующих браку (близкие родственные связи, состояние в браке, наличие недееспособности и т.д.); основания для прекращения брака (вслед-

ствие смерти или по заявлению); условия рассмотрения расторжения брака в судебном порядке или в органах записи актов гражданского состояния.

Несмотря на значительную часть схожих положений, в кодексах были обнаружены некоторые различия в вопросах порядка и условий регистрации и прекращения брака:

1. В России установлен месячный срок заключения брака со дня подачи заявления, который возможно увеличить не более чем на месяц, согласно СК РФ, аналогично – в Азербайджане, Армении, Казахстане, Узбекистане. Фактически этот срок может быть увеличен до 6–ти месяцев в России, до 3-х – в Беларуси, до 2–х – в Молдавии и Киргизии.

2. Брачный возраст в России для обоих полов составляет 18 лет, аналогичный порог заявлен в Беларуси (возможно снизить до 15 лет), Казахстане (возможно снизить до 16 лет) и Таджикистане (до 17 лет). В остальных странах СНГ 18–летний брачный возраст установлен только для мужчин, для женщин в Азербайджане, Армении и Узбекистане – 17 лет, снизить который возможно на 1 год. В Киргизии и Молдове брачный возраст для женщин – 16 лет.

3. Во всех рассмотренных семейных кодексах стран СНГ выделены стандартные случаи, препятствующие заключению брака: 1) между близкими родственниками; 2) усыновителем и усыновленным; 3) между лицами, из которых хотя бы одно состоит в браке; 4) между лицами, из которых хотя бы одно признано недееспособным; 5) с лицами, осужденными на 3 года и более. В Таджикистане выделено дополнительное условие невозможности заключения брака ограниченной дееспособности вследствие злоупотребления спиртными или наркотическими веществами.

4. Медицинское обследование в России, как и в Азербайджане, Армении, Беларуси, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане, носит необязательный характер и проводится бесплатно с согласия лиц, вступающих в брак. В Казахстане обследование также проводится бесплатно и только с согласия лиц, вступающих в брак, при этом, несмотря на то, что результаты медицинского обследования составляют медицинскую тайну, при наличии заболевания, создающего угрозу для другого лица, об этом сообщается второму лицу. В Молдавии медицинское обследование является строго обязательным, справку о прохождении которого необходимо предоставить в ЗАГС.

5. Расторжение брака во всех странах СНГ невозможно по инициативе мужа без письменного согласия жены в период беременности, а также в течение 1 года после рождения ребенка в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Молдове, России и Узбекистан; в течение 1,5 лет – в Таджикистане; в течение 3–х лет – в Беларуси. Только в Армении нет дополнительного к беремен-

ности срока невозможности расторжения брака по инициативе мужа без согласия жены.

6. При расторжении брака в суде (при наличии общих несовершеннолетних детей, имущественных спорах и прочих претензиях) может быть установлен срок примирения до 3–х месяцев в России, Азербайджане, Армении, Киргизии, до 6–ти месяцев – в Беларуси, Казахстане, Молдове, Таджикистане и Узбекистане.

Выделив особенности семейного законодательства в странах СНГ, мы приходим к выводу, что некоторые законодательные практики ряда государств могут стать эффективными и в России, некоторые – вряд ли смогут прижиться. К примеру, наиболее удачными практиками, на наш взгляд, является обязательное медицинское обследование вступающих в брак и увеличенный срок примирения супругов при расторжении брака. Идея об обязательном медицинском обследовании является разумной, и воплощение её в российском законодательстве могло бы снизить количество разводов, причинами которых является сокрытие болезни, обнаруженные алко- и наркотические зависимости и т.д., а также помогало бы выявлять различные болезни на ранних стадиях, что положительно повлияло бы на уровень заболеваемости и общий уровень здоровья населения. Хорошей практикой для россиян может стать и увеличение срока примирения с 3–х до 6–ти месяцев. Известно, что у супругов после развода остаются чувства, а также проявляется готовность вновь сойтись, возможно, увеличение срока для примирения поможет избежать поспешного развода и сохранить семью.

Неэффективной практикой, на наш взгляд, в России станет уменьшение границ брачного возраста и возможности уменьшить брачный возраст более, чем уже установлено государством (2 года), ввиду этических соображений, а также менталитета россиян, существующих тенденциях увеличения возраста вступления в первый брак. Спорным вопросом для российских реалий могла бы стать практика увеличения срока невозможности расторжения брака по инициативе мужа без согласия жены. С одной стороны, это способствует наибольшей защищенности женщины и ребенка в экономическом и финансовом положении, а также формальному сокращению численности одиноких матерей и неполных семей. С другой стороны, условия невозможности расторжения брака не будут гарантировать участие супруга в воспитании ребенка и содержании семьи, что позволит уклониться от алиментов, обязательных к выплате в условиях расторгнутого брака, а также будут дискриминировать мужчин в реализации своих прав, создавая неравенство прав и свобод в зависимости от пола (согласно ст. 19 Конституции РФ).

Таким образом, на наш взгляд, некоторые положения семейного законодательства стран СНГ могут быть применимы и эффективны в России, рассмотрение и принятие их к исполнению в количественном плане могут снизить уровень брачности в первое время (бремя дополнительного сбора документов), однако, если постараться оптимально организовать этот процесс, это способствует дополнительной профилактике здоровья населения и улучшению ситуации в качественном аспекте с брачностью как социальным процессом.

Список литературы

1. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье № 518–IV от 26.12.2011 г.
2. Конституция Российской Федерации (с гимном России). Москва: Проспект, 2018. 32 с.
3. Саенко, Л.В. Основные положения семейного законодательства стран-участниц СНГ: опыт сравнительного правоведения / Л.В. Саенко // Вестник ПАГС. 2015. №1 (46). С. 41–48.
4. Семейный кодекс Российской Федерации N 223–ФЗ от 29.12.1995 (ред. от 04.11.2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015 г.).
5. Кодекс Республики Беларусь о Браке и Семье 278–З от 9.07.1999 г.
6. Семейный кодекс Азербайджанской Республики № 781–IГ от 28.12.1999 г.
7. Семейный кодекс Кыргызской Республики от N 201 30.08.2003 г.
8. Семейный кодекс Республики Армения №ЗР-123 от 9.11.2004 г.
9. Семейный кодекс Республики Молдовы N 47–48 от 26.04.2001 г.
10. Семейный кодекс Республики Таджикистан №791 от 26.12.2011 г.

A.N. Zyryanova

ORDER AND CONDITIONS FOR CONCLUSION AND TERMINATION OF MARRIAGE IN FAMILY LEGISLATION: EXPERIENCE OF CIS COUNTRIES

A comparative analysis of the provisions of family and marriage legislation relating to the procedure and conditions for entering into and terminating a marriage union of the CIS countries is presented, the possibility of applying the legislative practices of the CIS countries in Russian conditions is analyzed, recommendations for regulatory legal acts of Russia are formulated.

Key words: family law, marriage, divorce, CIS.

УДК: 316.356.2

Е.О. Кабанова

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Описаны основные особенности семей, усыновивших ребёнка и сохраняющих тайну усыновления. Приводятся основные определения понятий «усыновление» и «тайна усыновления». Проводится анализ законов из Конвенции о правах ребенка и Семейного кодекса РФ. Сопоставлено отношение специалистов в областях правоведения и психологии к закону о тайне усыновления, выделены положительные и отрицательные стороны данного закона. Обозначены проблемы, стоящие перед социологией в связи с необходимостью изучения семьей–усыновителей, сохраняющих тайну усыновления. Выделены основные причины необходимости раскрытия тайны усыновления, а также выделены ситуации стихийного раскрытия тайны.

Ключевые слова: семья, усыновление, тайна усыновления.

Семья – это неотъемлемая часть общества, одним из ключевых назначений которой является воспроизводство жизни. В процессе совместной жизни родители способны передать ребёнку свои ценности, воспроизвести культуру интимно-родственных отношений, первичную социализацию ребенок полноценно получает только в семье. Но в современном российском обществе нередко бывает так, что дети становятся сиротами.

По статистике, с 2004 до 2015 года количество детей, находящихся в госучреждениях, снизилось с 188,8 тыс. до 60,1 тыс., однако эта цифра попрежнему остается высокой, учитывая то, что в России всего 130 детских домов и интернатов [16]. Поскольку на содержание детских домов и приютов в нашей стране выделяется недостаточно средств, то далеко не в каждом учреждении детям обеспечивают те условия содержания, которые они могли бы получить в семье. Проходя в семье первичную социализацию, ребенок, достигнув совершеннолетия, уверенно вступает в жизнь, в то время как воспитанники детских домов часто чувствуют себя беспомощными перед теми проблемами, которые им приходится решать в жизни.

Все существующие формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помогают личности ребенка формироваться более полноценно. Однако самой благоприятной формой устройства детей в замещающую семью является усыновление, так как оно является наиболее полным включением ребенка в новую семью, сохраняются все отношения и пра-

© Кабанова Е.О., 2018

ва наследования, в том числе, по выходу из несовершеннолетнего возраста [13].

Правовед Г.Ф. Шершеневич определяет усыновление как признание за посторонними лицами юридического положения законных детей, создающее имитацию семьи со стороны недостающего потомства [18, с. 63]. М.В. Антокольская считает, что усыновление – это институт, призванный создать между усыновителем и усыновленным отношения, наиболее близкие тем, которые возникают между родителями и детьми [1, с. 116]. А.М. Нечаева понимает под усыновлением форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, как юридический факт и как факт, имеющий юридическое значение [11, с. 89]. Все приведенные определения усыновления формулируются в большинстве своем правоведами и юристами. Остальные научные дисциплины, в т. ч. и социология, не дают столь чёткого определения данного понятия. Лишь в статье Г.С. Пак, профессора социальной философии, говорится, что усыновление есть социальное действие, целью которого является создание социального родства [12]. Именно это определение наиболее точно, с точки зрения социологии, выражает сущность природы усыновления.

Усыновленные и усыновители сталкиваются с проблемами различного характера, но самой обсуждаемой проблемой на сегодняшний день является нежелание и страх усыновителей сообщить ребенку о его происхождении. Причиной этого является отказ от признания различий между социальным и биологическим родством [6]. Родители не учитывают того, что своими действиями ущемляют права ребенка. Так, согласно Конвенции, «ребенок имеет право, насколько это возможно, знать, кто его родители» [7]. Именно эта позиция вызывает острую полемику в обществе, прежде всего еще и потому, что в России действует закон о сохранении тайны усыновления [13].

Семейные пары имитируют беременность, чтобы родные и близкие не догадывались о том, что они не биологические родители своего ребенка. По этой же причине на усыновление берут чаще всего младенцев. Эту тайну хранят не только от родственников, друзей и иных лиц, но и от самого ребенка, а те, кто, владея информацией об усыновлении, обнародуют ее привлекаются к уголовной ответственности. Так, в России более популярным видом является закрытое усыновление, которое охраняется законом. Существует противоречие между этим законом и Конвенцией по правам ребенка, которая предусматривает право ребенка на свободу поиска, получения и передачи информации и не допускает незаконного вмешательства в личную семейную жизнь.

Сейчас остро стоит вопрос об отказе от закона о тайне усыновления, ведутся дискуссии по этой проблеме и можно выделить две основные точки зрения: за сохранение закона [2; 9; 10] и за поиск компромисса и определение положительных и отрицательных сторон существующих законодательных ограничений [3; 5; 17]. Так, автор книги «Усыновление в Российской Федерации» Н.В. Летова считает, что необходимо сохранить тайну усыновления, так как она способствует созданию подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, стабильности усыновления, облегчает воспитание ребенка [9, с. 51–83]. Н.В. Липовских приводит результаты исследования всероссийского центра изучения общественного мнения: «69% опрошенных считают, что лучше брать в семью ребенка младше 3 лет; 59% полагают, что ему не стоит рассказывать о факте усыновления». Она приходит к выводу, что закон о тайне усыновления необходим, так как существует доля потенциальных усыновителей, для которых этот закон является обязательным критерием. Также, автор предлагает постепенно формировать общественное сознание россиян по отношению к усыновлению [10]. М.А. Ботчаева предлагает ужесточить наказание за разглашение тайны усыновления. По её мнению, наказание за такое деяние должно быть более жестким, чтобы защитить семейные отношения между усыновителем и усыновленным от вмешательства и шантажа посторонних лиц [2].

Т.А. Исмайлова считает, что тайна рано или поздно раскроется, поэтому сохранять её не целесообразно. Однако автор говорит о том, что в России люди специфичны и биологические родители могут негативно повлиять на развитие ребенка и развитие семьи усыновителей в целом, поэтому закон о тайне усыновления можно было бы оставить только для третьих лиц, не распространяя на ребенка. По ее мнению, сообщить ребёнку, что он является усыновленным лучше всего в возрасте шести–семи лет, когда он еще не испытывает возрастной кризис [5]. Ю.Е. Жиронкина в своей статье выделяет положительные и отрицательные стороны закона. Положительная – сохраняются интересы семьи–усыновителей, не допускается психологическая травма ребенка, не допускается шантаж и вымогательство со стороны биологических родителей. Отрицательная сторона – нарушение права усыновителей знать происхождение (генетику ребенка), нарушение права ребенка иметь сведения о своих биологических родителях, а у биологических родителей знать судьбу своего ребёнка. Автор предлагает ослабить границы тайны усыновления через установление возрастного ценза и считает, что лицо, достигшее 21 года, может получить доступ к информации через свой письменный запрос [3]. Т. Чолан, которая проводит анализ законов среди стран и приходит к выводу, что необходимости в законе о тайне усыновления нет.

Автор говорит о том, что данный закон был сформулирован из–за влияния общественного мнения [17].

Большинство работ, посвященных правомерности закона о тайне усыновления, проводится правоведами, юристами и психологами. Тайна усыновления и факты ее раскрытия не рассматриваются в социологическом ключе, отсутствуют исследования по данной проблеме. Однако, такие исследования необходимы для решения многих практических задач, связанных с реализацией социальной политики в сфере обеспечения благополучия и прав детей, нуждающихся в социальной защите. Социологические исследования позволят определить долю тех семей–усыновителей, тайна которых открылась; помогут установить основные причины раскрытия тайны усыновления и типологизировать различные ситуации, в которых это происходит; охарактеризовать проблемы данной социальной группы, связанные с сохранением тайны усыновления.

В попытке усыновителей скрыть биографическую историю от ребенка, они постоянно сталкиваются с переживаниями и страхами того, что тайна всё–таки раскроется. Ребенок может узнать о своем статусе от разных источников: соседей, врачей, знакомых, несмотря на то, что тайна охраняется законом. Еще одной причиной раскрытия тайны может послужить наличие у усыновленного генетического заболевания влекущее за собой необходимость поиска биологических родителей. Желание взрослого усыновленного построить собственную семью не исключает инцеста по незнанию.

Об актуальности социологического исследования семьи–усыновителей свидетельствует наличие большого количества форумов и блогов, где усыновители и усыновленные пытаются решать существующую проблему путем неформального обсуждения и передачи друг другу собственных переживаний и опыта работы с ней [14; 17]. Например, Марина Трубецкая, которая была усыновлена и узнала историю своего происхождения только в 21 год (узнала стихийно, через письмо маминой родственницы), создала блог для усыновленных детей в 2008 году. Аргументировала она это тем, что до момента создания данного блога, проблемы и переживания в социальной группе усыновленных нигде не обсуждались. В блоге создательница помогает решать проблемы усыновленных, позволяет им высказаться, а, так же, борется за отмену закона о тайне усыновления в России, от которого пострадала в своё время. Блог называется «Сообщество взрослых усыновленных» [14].

Переход государства от содержания детей в детских домах и интернатах к разным формам замещающих семей является показателем изменения взгляда общества на социальное сиротство. Публичный дискурс наполняется положительными репрезентациями семьи в целом и практик усыновления в

частности. В последние годы все чаще в публичной сфере (ТВ, Интернет, радио) возникают дискуссии о проблемах приемных семей и детей-сирот. Помимо представителей профессионального сообщества в них нередко участвуют и сами выпускники интернатов, воспитанники приемных семей, приемные родители, меняя «обезличенную» риторику дискурса, «вскрывая» глубокие структурные проблемы системы [19]. Тем не менее, проблемы семьи усыновителей, связанные с сохранением тайны усыновления остаются практически не затронуты ни общественным дискурсом, ни социологическим сообществом. У данной группы семей особый статус, связанный с ориентацией на модель кровнородственной семьи [9, с. 45]. Такая группа семей сталкивается с множеством социальных проблем, одной из которых является сохранение тайны усыновления. С одной стороны, они защищены законом: статья 139 СК РФ «Тайна усыновления ребенка» [13], с другой стороны, в реальной жизни этот закон довольно трудно соблюсти. Ситуация раскрытия тайны провоцирует конфликт внутри такой семьи, необходимость адаптации к новым социальным статусам и ролям ее членов, осложняет самоидентификацию личности усыновленного и т.д. В связи с этим возникает необходимость отдельного изучения социальной группы семей усыновителей с целью определения специфики их проблем, связанных с сохранением тайны усыновления.

Список литературы

1. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юристъ, 2007. 336 с.
2. Ботчаева, М.А. Тайна усыновления в Российской Федерации / М.А. Ботчаева // Научная электронная библиотека «Кибноленинка» [Электронный ресурс] М., 2015. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 16.09.2018)
3. Жиронкина, Ю.Е. Проблема реализации права на информацию при соблюдении тайны усыновления / Ю.Е. Жиронкина // Научная электронная библиотека «Кибноленинка» [Электронный ресурс] М., 2015. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 16.09.2018)
4. ЗАО «Редакция газеты «Московский Комсомолец» Электронное периодическое издание «MK.ru» [Электронный ресурс] М., 2015. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 16.09.2018)
5. Исмайлова Т.А. Тайна усыновления: за и против / // Научная электронная библиотека «Кибноленинка» [Электронный ресурс] М., 2015. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 16.09.2018)
6. Лахвич, Ю.Ф. Теория социально-ролевой адаптации к усыновлению Д. Кирка / Ю.Ф. Лахвич // Философия и социальные науки. 2007. № 4. С. 73–77

7. Конвенция о правах ребенка // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс] М., 2018 URL: http://www.un.org/ru/index.html (Дата обращения: 11.09.2018)

8. Лахвич, Ю.Ф., Головнева, О.С. Детско-родительские отношения в семьях усыновителей / Ю.Ф. Лахвич, О.С. Головнева // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 17–3. С. 190–197.

9. Летова, Н.В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. М: Волтерс Клувер, 2006. С. 106.

10. Липовских, Н.В. О необходимости сохранения тайны усыновления / Н.В., Липовских // Научная электронная библиотека «Кибноленинка» [Электронный ресурс] М., 2015. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 18.09.2018)

11. Нечаева, А.М. Охрана детей-сирот в России. М.: Дом, 2008. 171 с.

12. Пак, Г.С., Ходырева, Е.Б. Усыновления как конструирование социального родства: теоретические подходы / Г.С. Пак, Е.Б. Ходырева // Научная электронная библиотека «Кибноленинка» [Электронный ресурс] М., 2015. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 11.09.2018)

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223–ФЗ (ред. от 03.08.2018)

14. Сообщество взрослых усыновленных [Электронный ресурс] URL: https://usynovlen.livejournal.com/

15. Уголовный кодекс РФ 2018. Статья 155 Разглашение тайны усыновления // Актуальная редакция с комментариями по состоянию на 17.09.2018. [Электронный ресурс] М., 2018. URL: http://ukodeksrf.ru/ch–2/rzd–7/gl–20/st–155–uk–rf дата обращения: 02.10.2018)

16. Усыновление в России // Интернет-проект Министерства образования и науки РФ Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс] URL: http://www.usynovite.ru/ (дата обращения: 17.09.2018)

17. Форум приемных родителей [Электронный ресурс] URL: https://v7u.org/ (дата обращения: 17.09.2018)

18. Чолан, Т. Тайна усыновления в законодательстве Украины и зарубежных стран / Т. Чолан // Научная электронная библиотека «Кибноленинка» [Электронный ресурс] М., 2015. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 16.09.2018)

19. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: СПАРК, 1995. – 556 с.

20. Ярская–Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., Вербилович О.Е. Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов / Е.Р.

Ярская–Смирнова, Д.И. Присяжнюк, О.Е. Вербилович // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81)

E.O. Kabanova

PROBLEMS OF PRESERVING THE SECRET OF ADOPTION (SOCIOLOGICAL ASPECT)

Describes the main features of families adopting a child and keeping the secret of adoption. The basic definitions of the concepts "adoption" and "secret adoption" are given. An analysis of the laws of the Convention on the Rights of the Child and the Family Code of the Russian Federation. Comparison of the attitude of specialists in the fields of jurisprudence and psychology to the law on the secrecy of adoption, highlighted the positive and negative aspects of this law. The problems facing sociology in connection with the need to study adoptive families who keep the secret of adoption are identified. The main reasons for the need to disclose the secrets of adoption are highlighted, and situations of spontaneous disclosure of secrets are highlighted.

Key words: family, adoption, secret of adoption.

УДК 364.044.24

Е.В. Козюто, О.И. Кардаш

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТРОНАЖ НЕПОЛНОЙ МАТЕРИНСКОЙ СЕМЬИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В научной литературе наиболее часто анализируются проблемы нескольких типов неполных материнских семей: имеющих мальчика, девочку, с несовершеннолетней матерью и с ребёнком–инвалидом. В ходе нашего исследования мы изучали потребности, особенности воспитания, ресурсы материнских семей со здоровым ребенком и ребёнком–инвалидом, сравнили полученные данные. Выявив такую проблему, специфичную только для материнской семьи с ребёнком–инвалидом, как низкий уровень участия ребёнка в повседневных, бытовых делах семьи, мы преобразовали технологию социального патронажа, которая направлена на развитие самостоятельности, подготовку к самостоятельной жизни ребёнка–инвалида.

Ключевые слова: семья, патронаж, материнство.

В материнских семьях со здоровым ребёнком выявлены потребности в высокой степени участия ребёнка в бытовых делах, компетентной помощи по вопросам воспитания ребёнка и разрешения семейных конфликтов, материальной помощи, творческом досуге. В материнских семьях с ребёнком–инвалидом выявили более разнообразный спектр потребностей: не только в материальной, но и бытовой помощи со стороны близких, в полноценном отдыхе, в вовлечении ребёнка в ежедневные дела семьи, в устройстве на стабильное место работы, которое позволило бы уделять достаточно времени ребёнку, улучшении финансового положения. Общая потребность двух типов материнских семей – получение грамотной информации о воспитании ребёнка, что обусловлено спецификой неполной материнской семьи [1, с. 68–71]. В полных семьях родители совместно решают вопросы воспитания, указывают на ошибки. В рассматриваемых нами семьях одинокая мать самостоятельно выбирает формы взаимодействия с ребёнком, что может привести к проблемам воспитательного характера. Как видим, матери имеют высокую степень осознанности данного факта.

Здоровье ребёнка в материнских семьях со здоровым ребёнком относительно. Дети имеют проблемы с ЖКТ, часто находятся на больничном. Режим питания в материнских семьях отсутствует. Матери вследствие высокой загруженности не заинтересованы в организации сбалансированного питания, так как оно требует полностью менять пищевые привычки, переход к

© Козюто Е.В., Кардаш О.И., 2018

нему занимает долгое время и требует ознакомление с большим количеством, зачастую медицинской, информации.

Материнские семьи с ребёнком–инвалидом имеют более высокий потенциал, чем материнские семьи со здоровым ребёнком. Дети–инвалиды заняты творчеством, имеют активный досуг, проводят много времени с близкими, мать оказывает помощь в получении знаний, в то время как в другом типе семьи ребёнок предоставлен сам себе, имеет среднюю успеваемость, однообразный досуг. Трудная жизненная ситуация заставляет семьи с ребёнком–инвалидом искать возможности для её максимального устранения, содействовать социализации ребёнка. Материнская семья с ребёнком–инвалидом выполняет абилитационную функцию, которая состоит в приобщении ребёнка к полноценной жизни в пределах его возможностей [2, с.2].

Несмотря на высокий потенциал, в материнских семьях с ребёнком–инвалидом распространён стиль воспитания, потворствующей гиперопеке и фобии утраты ребёнка. В семьях другого типа данный стиль встречается реже, но доминирует протиповоложный стиль – гипоопека. Эмоциональное отвержение – единственный стиль, выявленный в обоих группах, но с ребёнком–инвалидом встречается чаще. В материнских семьях со здоровым ребёнком оно проявляется как восприятие ребёнка более старшим по возрасту, уверенность, что дети способны самостоятельно удовлетворить свои потребности [3, с.8]. В семьях с ребёнком–инвалидом ребенок ощущает, что он обуза в жизни матери, что без него было бы легче и свободнее. В материнских семьях распространено скрытое эмоциональное отвержение, при котором матери сами себе не признаются в том, что тяготеют сыном или дочерью, хотя гонят от себя подобную мысль [4, с.56].

Выявлено, что мать рассматривает ребёнка–инвалида как пассивный объект, который нуждается в помощи, и не способен сам оказывать поддержку членам семьи, что приводит к развитию гиперопеки в отношении ребёнка, значительно затрудняет процессы их социализации и в том числе подготовку к будущей самостоятельной жизни. Чрезмерный контроль и неверие в самостоятельность ребенка в отношениях матерей к детям–инвалидам могут стать причиной последующей изоляции взрослого человека с инвалидностью, привести к снижению шансов на собственную семейную жизнь [5, с.3–4]. В связи с этим, для создания программы технологии нами выбран социально-бытовой блок.

Цель технологии – подготовка ребёнка–инвалида к самостоятельной взрослой жизни посредством формирования бытовых знаний и навыков. Наша технология имеет следующие особенности:

1. В отличии от классической технологии патронажа, осуществляется не только в домашних условиях. Посещение семьи на дому для применения различных методов – одна из частей технологии.

2. Следовательно, технология включает в себя элементы других технологий, оказывающих положительное воздействие на материнские семьи с инвалидами.

3. Предполагает положительный результат не только в настоящем, но и в будущем.

4. Участвует специалист по социальной работе, психолог, педагог по труду.

Таким образом, представим разработанную технологию патронажа для материнских семей с ребёнком–инвалидом.

Первый метод, который может применяться в процессе подготовки «особого» ребенка — это метод моделирования различных бытовых ситуаций. Ребенок развивается, наблюдая за ежедневными событиями в доме: приготовление еды, стирка белья и т. д. Для того, чтобы «особый» ребенок усвоил эти ситуации, чтобы он чувствовал себя в них комфортно, специалист по социальной работе в ходе патронажа использует вспомогательный материал – игрушечную кухонную утварь и бытовую технику. Это необходимо, во-первых, чтобы разбудить интерес ребёнка, во-вторых, для обеспечения безопасности. После успешно проведённой игры ребёнок выполняет простые домашние дела. Специалист по социальной работе поощряет ребёнка похвалой. При каждом посещении деятельность ребёнка усложняется (например, на прошлом визите он учился включать, выключать утюг, правила его использования, значит на следующем визите ребёнок учится гладить небольшой кусок ткани и т.д.). В процессе обязательно участвует мать или близкие родственники. Специалист по социальной работе может давать дополнительные задания, результаты проведения которых будет отмечать ребёнок или родственник.

Для применения метода гарденотерапии необходимо организовать помещение в условиях дома, подходящее для занятий с растениями. В тёплое время года возможно проводить занятия на открытом воздухе, например, возле дома. Необходим инвентарь для садово-огороднических работ, цветочные горшки, фартук, резиновые перчатки, земля, удобрения, семена. Занятия проводятся от 15 до 30 минут в дни, обговорённые совместно с родителями. Занятия предполагают теоретическую и практическую часть. Теоретическая часть включает изучение особенностей, среды обитания, уход за растениями, показ и демонстрация способов выращивания. Практическая – деятельность ребенка под руководством педагога по уходу за растениями. На

практическом этапе проводится работа с матерью, близкими родственниками: консультирование, обучение их навыкам работы с детьми по уходу за комнатными растениями.

Как видим, наша технология имеет комплексный характер. Помимо посещения семьи на дому с применением методов гарденотерапии, библиотерапии, моделирования бытовых ситуаций мы предлагаем организовать курсы «Мастерская», которые обеспечат детям–инвалидам не только формирование трудовых навыков, но и способствуют расширению связей со сверстниками, следованию режиму и формированию дисциплинированности.

Список литературы

1. Кислякова, Е.Н. Социальная работа с неполной семьей / Е.Н. Кислякова // Социальная работа. 2011. №4. С. 68–71.

2. Коваленко, А.В. Кризис семьи как фактор возникновения неполных и односторонних избыточных семей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №5. С. 2.

3. Кочубей А. Визит в семью или практика работы с семьями / А. Кочубей, Н. Умарова. Псков, 2002, с.8.

4. Лодкина Т. Диагностика в работе семейного социального педагога /Социальная педагогика // Деловой журнал для социальных работников и педагогов. 2003. № 2. С.3–4.

5. Овчарова Р.В. Мягкова М.А. Материнство в неполной семье. Курган: Редакционно-издательский центр КГУ, 2014. 356 с.

E.V. Cosyuto, O.I. Kardash

SOCIAL PATRONAGE OF INCOMPLETE MATERNAL FAMILY AS A SOCIAL WORK TECHNOLOGY

In the scientific literature, the problems of several types of incomplete maternal families are most often analyzed: those with a boy, a girl, a minor mother and a disabled child. In the course of our study, we studied the needs, features of upbringing, the resources of maternal families with a healthy child and a disabled child, compared the data obtained. Having identified such a problem, specific only to the maternal family with a disabled child, as a low level of child participation in the everyday, household affairs of the family, we transformed the technology of social patronage, which is aimed at developing independence, preparing for an independent life of a disabled child.

Key words: family, patronage, motherhood.

УДК 316.4

Д.С. Кропачева

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА НА РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*С*татья посвящена анализу одной из важнейших мер по увеличению рождаемости в Российской Федерации − материнскому капиталу.

Ключевые слова: материнский капитал, демографическая политика, рождаемость.

Российская Федерация находится на первом месте в мире по площади занимаемой территории, но по численности населения она на девятом месте (на 01.01.2018). В нашей стране нестабильной остается демографическая ситуация. Данная проблема актуальна, и вызвана она, в первую очередь, таким явлением, как трансформация института семьи. Издавна семья выполняла важные функции в обществе и поддерживала общественный баланс, но в XXI в. происходит заметное изменение данного института. Семья по-прежнему выполняет важные функции, но уже не такой интенсивностью, как прежде. Репродуктивная и воспитательная функции семи уступили свое место другим функциям.

На сегодняшний день меняется структура семьи, если раньше преобладали многодетные семьи, то на сегодняшний момент данная тенденция идет на спад. По данным переписи 2010 года в России насчитывалось 1 074 078 многодетных семей, что составляло всего 6 % от общего числа домохозяйств, включая домохозяйства из одного человека[1].

Когда мы имеем не совсем те данные, которые хотели бы видеть, необходимо принимать определенные меры для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Поэтому, проследив динамику снижения рождаемости, государству необходимо проводить качественную демографическую политику, направленную на стимулирование рождаемости и повышение престижа многодетных семей.

29 декабря 2006 года В.В. Путин − Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон от 29.12.2006 № 256 – ФЗ: «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Согласно п. 3 статьи 2 − семьи, в которых после 1 января 2007 г. появился второй ребенок (либо третий или последующий), получают право на получение материнского капитала, средства которого могут быть направлены на улучшение жилищных условий и на другие нужды[9].

© Кропачева Д.С., 2018

Размер материнского капитала постепенно увеличивался: с 25 тыс. руб. в 2007 г. до 453026 руб. в 2016 г., когда было принято решение «заморозить» его до 2020 г.

Размер материнского капитала

Год	Сумма по сертификату, руб.	Год	Сумма по сертификату, руб.
2007	250000	2013	408961
2008	276250	2014	429409
2009	312162	2015	453026
2010	343379	2016	453026
2011	365698	2017	453026
2012	387640	2018	453026

До сих пор многие исследователи спорят о том, положительно ли влияет материнский капитал на повышение рождаемости. Как бы то ни было, закон еще действует, и 28 декабря 2017 г. Путин В.В. подписал закон о продлении выплаты материнского капитала до 31 декабря 2021 г.

Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации по вопросам социальной политики Т. Голикова заявила: «Материнский капитал вносил и вносит существенный вклад в благополучие наших семей[3]. Действительно, семья на средства материнского капитала может улучшить свои жилищные условия, либо потратить их на образование ребенка, но, было бы целесообразным, ввести разрешение на то, чтобы средствами материнского капитала могли быть оплачены медицинские расходы на ребенка. Жизнь показывает, что иногда семьям требуются большие суммы денежных средств на оплату дорогих операций, покупку определенных медицинских препаратов, необходимых для здоровья и развития ребенка.

Но у части чиновников имеется совершенно иная точка зрения. 23 марта 2017 года член комитета Государственной Думы по социальной политике С. Вострецов и глава Национального родительского комитета И. Волынец предложили ввести вместо материнского капитала пособие на содержание детей, но данное предложение было отклонено.

Теперь нужно рассмотреть, действительно ли такая мера по увеличению рождаемости как материнский капитал выполняет ту функцию, которая ему изначальна была задана.

Многие эксперты говорят о положительном влиянии материнского капитала на стимулирование рождаемости. В 2007 г. по данным Росстата рождаемость на 1000 человек составила 11,3, а в 2017 году данный показатель составил 11,5 чел.

Но ситуация с рождаемостью меняется каждый год и нет постоянно растущей линии, которая бы увеличивалась с каждым годом. Рассмотрим график рождаемости в период с 2007 по 2017 гг.

Рис. 1. **Рождаемость в период с 2007 –2017 год**

В целом, можно проследить положительную тенденцию, рождаемость увеличивается, а особенно увеличивается количество вторых и третьих детей в российских семьях.

Коротаев А.В., российский учёный, отметил, что именно материнский капитал положительно повлиял на рост рождаемости, который наблюдался с 2007 г. [7].

Исследователь отмечает, что особенно материнский капитал повлиял на рождаемость в селах и маленьких поселениях, т.к. это места, где можно приобрести жилье за сравнительно небольшую сумму, и для многих семей получение материнского капитала было гарантом покупки нового жилья. Что касается больших городов, там материнский капитал не стал главным инструментом стимулирования семей к рождению детей.

Действительно, Росстат опубликовал таблицу сравнения рождаемости сельского и городского населения. Эти данные можно перевести в нижеприведенную таблицу и тогда становится, действительно, видно, как различается показатель рождаемости сельского и городского населения[4].

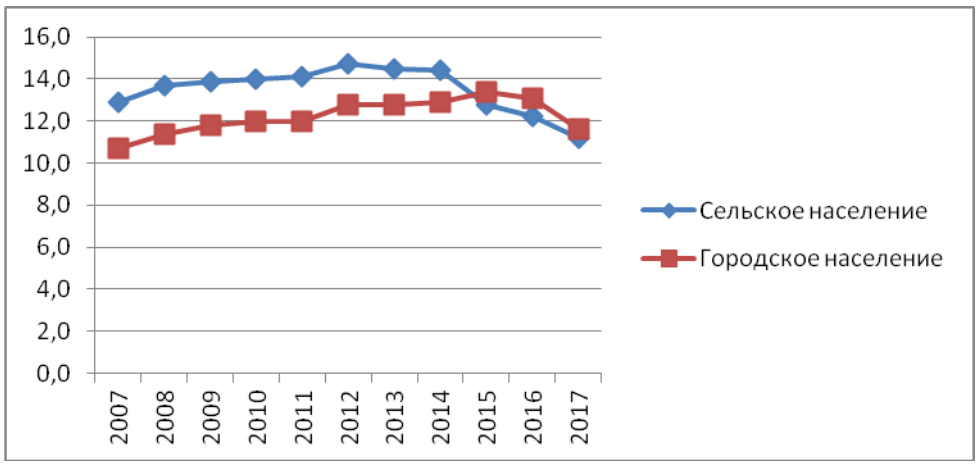


Рис.2. **Рождаемость в сравнении сельского и городского населения**

Но, как и любое явление, материнский капитал имеет свои недостатки, которые могут проявляться как в городской, так и в сельской местности. Бывают случаи, когда семьи тратят денежные средства не в ту область, куда необходимо. На данный момент есть определенная категория мошенников, которые обналичивают материнский капитал незаконным путем. И, к сожалению, такое есть, несмотря на жесткие меры закона. И самое главное не то, что семьи обналичивают материнский капитал, а то, что деньги, предназначенные на одни цели, тратятся на другие.

Несмотря на это генеральный директор Института научно-общественной экспертизы Рыбальченко С. И. считает, что говорить об отмене нецелесообразно, т.к. это подрывает веру людей в стабильность, а значит и снижает рождаемость[7]. Поэтому материнский капитал, как одна из важнейших стимулирующих программ, существует и будет существовать еще, как минимум, 3 года.

Таким образом, несмотря на не совсем стабильную динамику увеличения рождаемости, материнский капитал играет важную роль в данном процессе. Одна из проблем, из − за которой люди не решаются на рождение еще одного ребенка, − неудовлетворительное материальное обеспечение, особенно остро наблюдаемое в маленьких городах и поселках, где сложно найти работу с достойной заработной платой. Поэтому, материальный капитал для них является реальным шансом на то, чтобы улучшить свои жизненные условия и помочь в воспитании ребенка. Материнский капитал – важнейшая составляющая демографической политики Российской Федерации.

Список литературы

1. Башкин, М.В. Влияние материнского капитала на демографическую ситуацию в России / М.В Башкин // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»

Том 8, №2 (2016). URL: http://naukovedenie.ru/PDF/78EVN216.pdf (Дата обращения 3.11.2018.).

2. Давидян, О.В., Давидян, К.В. Материнский капитал как один из способов решения демографической ситуации в Российской Федерации / О.В. Давидян, К.В. Давидян // Молодой ученый. 2010. №12. Т.2. С. 150–151.

3. Интервью РИА–НОВОСТИ российского политика, экономиста Татьяны Голиковой «Голикова заявила о вероятном продлении программы материнского капитала» от 24.09.2018г. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/society/20180924/1529181033.html (Дата обращения 25.10.2018.)

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ (Дата обращения: 25.10.2018.)

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. N 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий». [Электронный ресурс]. URL: http://www.pfrf.ru/info/order/mother_fam_capital~1579 (Дата обращения: 23.10.2018).

6. Пресс − выпуск ВЦИОМа на тему: Цветы жизни или сколько детей нужно для счастья? от 17 июля 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9212 (Дата обращения 25.10.2018.)

7. Пресс – выпуск ВЦИОМ на тему: «Демографическая политика в России: вызовы и ответы» от 14 июля 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=80 (Дата обращения: 25.10.2018.)

8. Социс. 2008 №12 БЫСТРОВ А.А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008–12/Bystrov_11.pdf (Дата обращения 25.10.2018.) [Стр.91–96]

9. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256–ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

D.S. Kropacheva

EFFECT OF MATERNAL CAPITAL ON DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of one of the most important measures to increase the birth rate in the Russian Federation – maternal capital.

Key words: maternal capital, demographic policy, fertility.

УДК 37.017.7

А.А. Рассказчикова, О.В. Гурова

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье акцентируется внимание на проблеме детско-родительских взаимоотношений. Автором анализируется проблема воспитания детей в современном обществе и с точки зрения педагогических учений различных эпох.

Ключевые слова: семья, детско-родительские взаимоотношения, воспитание.

Проблема взаимоотношений родителей и детей существует на протяжении многих веков и сохраняет актуальность в современном мире. Детско-родительские отношения в современном обществе остаются неоднозначной и сложной для исследования проблемой.

В силу экономических изменений в жизни семьи, изменилась ее социальная атмосфера; изменились ее жизненные ценности, переориентировавшись с духовного на материальное, повлияла повсеместная урбанизация. Меняется жизнь и досуг детей: вместо совместного чтения детских книжек с мамой и папой, ребенок проводит время у телевизора или компьютера, просматривая и получая большое количество информации сомнительного содержания, часто бесконтрольно со стороны занятых взрослых. Современные игрушки, привлекающие внимание детей и родителей своей натуралистичностью, вытесняют «игрушечность» – творческие и развивающие игры, активизирующие мышление – нет необходимости лепить, конструировать, сочинять, ведь все дается в готовом виде. Происходит определенное давление на детскую душу, и как следствие, разрушается способность ребенка к непосредственному проявлению чувств, стремлению самостоятельно осознавать и осваивать окружающий мир, быть самобытным [1, 2].

Пробелы в нравственном воспитании, отсутствие этического начала во взаимоотношениях между взрослыми и детьми, и соответствующий этому уровень культуры общения ведут к различным нарушениям: ухудшается контакт между родителями и их детьми, увеличивается число проявлений отклоняющегося поведения подростков.

Неблагоприятные тенденции усугубляются в связи со значительным снижением качества воспитательной работы в школах, отсутствием совместных с родителями внеклассных мероприятий, слабой представленностью работы с учениками старших классов по семейному воспитанию, кроме этого,

© Рассказчикова А.А., Гурова О.В., 2018

совершенствования требует сфера подготовки и переподготовки педагогических кадров в области семейной психологии.

Таким образом, коммуникативная некомпетентность, несформированность навыков толерантного и уверенного взаимодействия с окружающими, низкий уровень морально-нравственного воспитания в сочетании с индивидуальными сложностями и проблемами образуют неадекватный стиль взаимоотношений в семье, как между супругами, так и в отношениях с детьми. Методы воспитания у таких родителей нередко противоречивы и несогласованны. Результатом неопределенности становится низкий уровень усвоения социально приемлемых форм поведения, у детей не вырабатывается четких нравственных критериев, снижен самоконтроль, способность к рефлексии и ответственности.

Обращаясь к историческим источникам, можно заметить неоднозначность подходов к проблеме детско-родительских взаимоотношений. В древних учениях, касающихся вопросов воспитания детей, отношение отца к сыновьям и дочерям носило облик царской власти. Так, Аристотель в "Никмаховой этике" указывал: "…отношения между отцом и сыном, предками и потомками, царем и подданным есть по природе власть" [3]. Он призывал держать детей в строгости и применять к ним наказания. Мишель Монтень – философ эпохи Возрождения был противоположного мнения, он выступал против всякого насилия при воспитании ребенка, указывая на формирование наказанием только лишь рабской психологии. "От розог я не видел никаких других результатов, кроме того, что дети становятся от них только более трусливыми и лукаво упрямыми", – утверждал М. Монтень [3]. Жан-Жак Руссо был убежден, что путем правильно поставленного воспитания можно разрешить коренные социальные проблемы. По его мнению, ребенок от рождения не имеет никаких отрицательных черт, он абсолютное совершенство и задача воспитателя заключается в сохранении его аутентичности. В основе воспитания ребенка должна базироваться свобода и детская самодеятельность, уважение личности и изучение интересов воспитанника [3].

Несмотря на значительный объем имеющихся исследований в области педагогики и психологии, вопросы соотношения должного и второстепенного в воспитании ребенка остаются открытыми: какие взаимоотношения между родителями и детьми наиболее оптимальны; как воспитать полноценную личность и успешного члена современного общества – сложная проблема, сохраняющая свою актуальность в наши дни.

Таким образом, благополучие ребенка в семье, создание условий для воспитания здоровой личности, является одной из важнейших функций семьи.

Список литературы

1. Гурова, О.В. Школьный графический вандализм как стратегия поведения подростка в образовательном пространстве / О.В. Гурова // XXXII Мерлинские чтения: Способности. Одаренность. Индивидуальность: сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 20–21 октября 2017 г. Пермь, 2017. С. 77–80.
2. Николаенко Н.Н. Психология творчества: учебное пособие / под ред. Л.М. Шипицыной. СПб. : Речь, 2005. 277 с.
3. Пискунов А.И. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Москва: Просвещение, 1971. 560 с.

A.A. Rasskazchikova, O.V.Gurova

FEATURES OF PARENT–CHILD RELATIONSHIPS IN MODERN SOCIETY

The article focuses on the problem of parent–child relationships. The author analyzes the problem of education of children in modern society and from the point of view of pedagogical teachings of different eras.

Key words: family, parent–child relationship, upbringing.

УДК 316.356.2

Е.М. Ротарь

СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье представлены обобщения социологических исследований брачно-семейных установок в современном обществе. Текучесть современности обусловливает трансформацию семьи как социального института. Обращено внимание на тенденцию к осознанному одиночеству, которое получило название сингализации.

Ключевые слова: семья, брак, осознанное одиночество, синглтон, сингализация.

Из поколения в поколения человечество создавало семью. Менялись эпохи, модифицировались формы семьи, видоизменялись её функции. Семья выходит за рамки родственных связей и является более широким понятием [4, 5]. Уровень благосостояния повысился, а, следовательно, необходимость объединения ради выживания отпала, поэтому семья вот уже много веков – это, прежде всего, агент первичной социализации личности. Несмотря на столь важное место семьи и брака в развитии личности и общества в целом, налицо угроза существования института семьи. Проблема осложняется в результате снижения числа бракосочетаний, высокой разводимости, откладывания брака и родительства и т.д. Как сообщает Государственная служба статистики, в 2017 году в России зарегистрировано на 6,5% больше браков и на 0,5% больше разводов, но увеличивается также доля незарегистрированных (гражданских) браков и доля детей, рожденных вне юридического брака [8]. Данные Росстата подтверждают предположение о том, что увеличивается возраст вступления в брак. Так, на 2013 г. средний возраст вступления в брак для мужчины – составлял 30 лет, а для женщины – 27 лет. В 1994 году, например, средний возраст вступления в брак был 24 – для мужчин и 22 – для женщин [2, с. 14]. О разводимости и смене брачного партнёра свидетельствует доля повторных браков. На 2013 год это 28,8% для мужчин и 29,3% для женщин [2, с. 3].

Согласно статистическим данным на 2017 год в США почти половина (45,2%) совершеннолетнего населения (от 18 лет) не состоит в браке, т.е. это разведённые или овдовевшие, или никогда не состоящие в браке американцы. На вопрос «Хотите ли Вы жениться/замуж» больше половины не состоящих в браке респондентов (64%) ответили утвердительно, большинство из них представлено американцами, состоящими в романтических отношениях с

© Ротарь Е.М., 2018

партнёром. Чуть больше 1/5 тех, кто ранее состоял в браке, хотят заключить новый брак. В том же 2017 г. «Family Story» (некоммерческая организация, ориентированная на сегодняшние семьи) совместно с Lake Research Partners провела социологическое исследование. Выборочную совокупность составили 1 058 женщин различного семейного статуса. В отличие от предыдущих исследований, опрашивали женщин, имеющих детей, и бездетных женщин. Исследование Family Story также предложило участникам более широкий спектр ответов на вопрос о браке: «Я не думаю, что хочу замуж, но я открыта для чувств» и «Я не чувствую необходимости в регистрации брака, но я хотела бы иметь постоянного партнёра». Число ответивших, что они не знают, хотят ли замуж, резко падает. Больше трети бездетных женщин (39%) заявили, что хотят замуж. Около половины женщин с детьми (51%) хотели бы замуж [9]. Сложно судить о том, является ли одинокий образ жизни сознательным выбором, опираясь лишь на статистические данные. Выходит, что отсутствие партнёра не так уж и тревожит человека западной культуры. Не секрет, что половая жизнь давно отделена от брака, что снижает степень мотивации для вступления в брак. «А зачем вступать в брак?» – спрашивают многие молодые люди, ведь все блага цивилизации им и так доступны, стереотипы общества более не оказывают давления на выбор образа жизни, демократические принципы законодательно позволяют вступать или не вступать в союз, неприемлемый как форма брака в традиционном смысле.

В России того же 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл инициативный социологический опрос. В опросе приняли участие россияне в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1200 респондентов. В ходе опроса измерялся индекс показателей, и выяснилось, что семейные отношения в иерархии ценностей россиян располагаются на втором месте (98%) после здоровья (99%) [1], хотя может радовать то, что в нашей стране семья занимает лидирующие позиции в списке *фундаментальных* ценностей населения.

Социологи современности стали выделять осознанное одиночество как отдельный тип семьи [4, 5]. Так, в 2017 г. британская компания Mintel провела опрос среди женщин и мужчин. Оказалось, что большая часть одиноких представительниц слабого пола (61%) удовлетворены личной жизнью, при этом среди опрошенных мужчин этот показатель несколько ниже (49%). Кроме того, велика доля тех женщин (75%), которые заявили, что не стремились завести отношения в последний год. Особенно ярко эта тенденция проявляется в возрастной группе от 45 и старше, говорится в статье. По словам профессора университета Эссекса Э. Гранди, подобное поведение связано с тем, что полноценные отношения требуют от женщины больше усилий, чем

от мужчины [3]. Это касается как эмоционального труда женщины, так и физической работы по дому. Во многих странах растёт уровень занятости женщин, но уровень заработных плат всё ещё ниже, чем у мужчин. По принципу равноправия женщины работают и конкурируют с мужчинами на равных. Вследствие таких нагрузок практически не остаётся сил и времени на заботу о членах семьи. С повышением уровня образования женщины чаще стали уделять внимание личностному развитию, чем выстраиванию брачно-семейных отношений.

В феврале 2010 г. ВЦИОМ провёл репрезентативный опрос 1600 человек из 42 регионов России. На вопрос: «Легко ли найти пару?» подавляющее большинство (70%) отвечает, что сложно (из них 76% женщин и 63% мужчин). Небольшая часть респондентов (18%) считает, что это легко (из них 13% женщин и 25% мужчин). В действительности женщинам России сложнее найти пару по естественным демографическим причинам, поскольку имеет место деформация по половозрастные структуры населения. Почти половина опрошенных (48%) считает одинокими людей, не имеющих семьи, друзей. Среди причин одиночества респонденты на первое место ставят потерю близких (64%), далее замкнутость, нелюдимость (40%), затем невозможность найти себе надёжного и верного партнёра по жизни (27) и в последнюю очередь – ориентацию на карьеру (21%) [4]. Следует отметить, что среди причин одиночества не столь большое значение россияне уделяют карьерным устремлениям в отличие от жителей западных стран. На Западе осознанные одиночки называют себя «синглтоны», а процесс их распространения получил название сингализации. В России, по данным опроса ВЦИОМ, убежденных синглтонов пока в два раза меньше, но число их растёт. По оценкам психолога О. Межениной, только 5% россиян можно назвать убежденными синглтонами, а 15% просто пытаются обмануть самих себя вследствие психологической защиты [7].

В заключение следует отметить, что отказ от брака – это не кризис семьи: это новый ход истории. Динамичность современного общества в рамках процесса глобализации обусловила трансформацию традиционного института семьи [4]. Прогресс, индивидуализация, урбанизация, роботизация облегчают проблему добычи средств к существованию. Теперь человек в состоянии справиться со своими проблемами в одиночку. Более того, принцип индивидуализма, насаждаемый средствами массовой информации со стороны западных стран, культивирует эгоизм и гедонизм. Чем более развито общество в области технологий, тем более оно атомизировано. В общем виде комфортные условия жизни способствуют инфантилизации общества. Брак, семья предполагают моральную и гражданскую ответственность, на что не способен эгоистический инфантил. Постоянные отношения требуют опреде-

лённых инвестиций, а это расходится с философией «пожить для себя». Пессимисты полагают, что семья приближается к моменту исчезновения. Возможно, одиночество вытеснит семью, и она разобьётся вдребезги для того, чтобы появится в ином, непривычном для нас, виде.

Список литературы

1. Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? // ВЦИОМ. 2017. № 3391 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264 (Дата обращения: 19.10.2018 г).
2. Захаров С. Браки и разводы в современной России. 2015. № 625–626 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/177507782 (Дата обращения: 19.10.2018 г.).
3. Исследование показало, что женщины чаще мужчин отказываются от отношений // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/science/20171112/1508653168.html (Дата обращения: 19.10.2018 г).
4. Любовь или одиночество: чего больше в жизни россиян? // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2010/2010–02–11–odinochestvo2010.pdf (Дата обращения: 19.10.2018 г.).
5. Каменева Т.Н. Семья в обществе риска: социологический анализ. Курск: КГУ, 2018. 424 с.
6. Каменева, Т.Н. Семья как антропосоциокультурная система процессуально – институционального типа / Т.Н. Каменева // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 3. С. 38–43.
7. Умножение на единицу / Мораль. Взаимоотношения между людьми // ВЦИОМ. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=241&uid=12893 (Дата обращения: 19.10.2018 г.).
8. Щербакова, Е.М. Россия: предварительные демографические итоги 2017 года (часть I) // Демоскоп Weekly. 2018. № 759–760. URL: http://demoscope.ru/weekly/2017/0759/barom01.php (Дата обращения: 19.10.2018 г.).
9. Bella De Paulo Ph.D. How Many Americans Want to Be Single? Results of 5 Studies // Psychology Today [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychologytoday.com/us/blog/living–single/201709/how–many–americans–want–be–single–results–5–studies (Дата обращения: 19.10.2018 г.).

E.M. Rotari

FAMILY IN THE MODERN SOCIETY

This article presents a summary of sociological studies of family and marriage policy. The fluidity of modern society leads to the transformation of the family as a social institution. attention is paid to the tendency towards loneliness, which is called singalization.

Key words: family, marriage, loneliness, singleton, singalization.

УДК 316.356.2

А.В. Симонян

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ

В статье автор рассматривает семью как фундаментальный элемент общества и раскрывает одну из проблем современной семьи – организацию семейного досуга. Автор проводит вторичный анализ исследований о семейном времяпрепровождении и об отпускных планах российских семей на 2018 год.

Ключевые слова: семья, семейный досуг, планирование отдыха.

В современных условиях модернизации российского общества одним из актуальных направлений современной науки является исследование семьи, ее проблем и перспектив развития. Семья – это фундаментальный элемент любого общества [4].

В семье помимо установления моральных и эмоциональных связей между людьми, сохраняется культурное наследие, а также определяется баланс между направленностями разных поколений.

Далее следует выделить функции семьи. Как нам известно, центральными являются: репродуктивная и воспитательная. К данным функциям, добавляют гедонистическую, защитную, сексуальную и культурно-досуговую функции [1, с. 338].

В качестве одной из важнейших проблем современной семьи выступает организация свободного времени членов семьи, которая включает в себя семейный досуг. Семейный досуг играет важную роль в поддержании семьи и ее внутреннего развития. Стоит отметить, что под семейным досугом понимается, исключительно совместная деятельность членов семьи, ведь именно общее занятие может сплотить семью. Помимо сплоченности, обязательно учитывается и обоюдность желаний при выборе досуга, ведь очень важно получить удовольствие от семейного отдыха. Так, к примеру, если родители заставят, ребёнка пойти всей семьей в поход, дабы провести свободное время на свежем воздухе, вдали от городского пространства, не спросив, хочет ли он этого сам – впоследствии у ребёнка могут сформироваться негативные чувства, при мысли о совместном времяпрепровождении.

Далее хотелось бы отметить, что в современных условиях, семьи сталкиваются с рядом бытовых трудностей, тут имеет место и материальное положение, и жилищные условия, и проблемы с воспитанием детей, и даже здоровье. Также на выбор досуга влияют психологические факторы: разные

© Симонян А.В., 2018

потребности, увлечения, ограничение свободы выбора, безразличие и многое другое.

Нынешнее отношение к планированию досуга семьи можно проиллюстрировать на примере исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2017–2018 годах.

Досуговые практики россиян показывают, что проведение свободного времени с семьей дома и на даче самые актуальные – 60% опрошенных. Также немало любителей семейного отдыха на природе –34%. Домашнее хобби, а именно рукоделие, востребовано наименьшей частью россиян – 11% респондентов [2].

Важным критерием в выборе досуга выступает семейный бюджет. По статистике, большинство готово потратить на проведение развлекательных мероприятий не больше четверти своего бюджета. Как правило, супруги в возрасте 60 лет вовсе не расходуют средства на те или иные средства досуговой деятельности.

Что касается отпускных планов российских семей, то важно отметить, что дом и дача, по-прежнему, остаются наиболее желаемыми местами отдыха – 45% и 34% соответственно, по причине отсутствия средств – 44%.

При ответе на вопрос: «Если собираетесь отдыхать этим летом, то, сколько денег Вы намереваетесь на это потратить?», средняя сумма на одного отдыхающего составила 44205 р.

Большинство предпочли бы семейный отдых провести летом в Крыму – 37% респондентов. Интересно знать, чем их привлекает данное место. Так, данные показали, что в первую очередь респондентов привлекает природа – 26%, чистое море – 23%, благоприятный климат – 19% и исторические места – 10%.

В последние годы россияне чаще предпочитают отдыхать внутри страны. Можем предположить, что данная ситуация вытекает из–за финансовых трудностей и, несомненно, личных предпочтений членов семьи [3].

В заключении хотелось бы сказать, что зачастую многие современные семьи пропагандируют проведение с семьей свободного времени, но насколько полезны для каждого члена семьи разные виды досуга, увы, заботит близких в последнюю очередь. Речь идет именно о взаимодействии друг с другом членов семьи, и получают ли они от этого положительные эмоции.

С одной стороны, влияние информационного общества приводит к тому, что люди обособляются. У каждых своих интересов, свое пространство. Это создает определенные проблемы. А с другой стороны, общество прилагает усилия для того, чтобы создать пространство для семейного досуга. На уровне общественного сознания пропагандируется мысль, что семейный до-

суг, связан с затратами денег: чем богаче семья, тем больше у нее возможностей для организации досуга. Но тут стоит понимать, что смысл межпоколенного взаимодействия в сплочении и укреплении семьи.

Список литературы

1. Зборовский Г.Е. Общая социология: Учебник. 3–е изд., испр. и доп. – М.: Гардарики, 2004. 592 с.
2. Официальный сайт всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id =236&uid=116559 (Дата обращения: 16.10.2018).
3. Официальный сайт всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id= 236&uid=9131 (Дата обращения: 16.10.2018).
4. Самохвалова Е.В. Формирование позитивного имиджа института семьи в регионе [Электронный ресурс]. //Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации» URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/04/33569 (Дата обращения: 16.10.2018).

A.V. Simonyan

ORGANIZATION OF FAMILY LEISURE IN MODERN FAMILIES

In the article the author considers the family as a fundamental element of society and reveals one of the problems of the modern family – the organization of family leisure. The author conducts a secondary analysis of research on family pastime and holiday plans of Russian families for 2018.

Keywords: family, family leisure, vacation planning.

УДК 159.922.7

Д.В. Синкеевич

РАЗВИТИЕ ДЕПРИВАЦИОННОГО СОСТОЯНИЯ У ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

В статье исследуется сущность депривационного детского состояния, а также выявляется значение семейных взаимоотношений для формирования индивидуальных психологических особенностей ребенка.

Ключевые слова: детская депривация, развитие личности, семья, семейные отношения.

Социальная природа человека предполагает его существование в системе общественных связей, вопреки или во исполнение ролевых ожиданий окружающих. Правила поведения в обществе, основы взаимодействия социальных групп усваиваются в процессе социокультурного развития личности, происходящего на самых ранних этапах в кругу семьи.

Формирование индивидуальных психологических особенностей ребенка обусловлено двумя основными факторами: генетическими предрасположенностями и окружающей средой, выполняющей информационную и воспитательную функцию в равной степени. Научные дискуссии о доминировании одного из факторов не приводят к полному отрицанию влияния другого фактора на формирование личности ребенка. Таким образом, даже крайне антропологические взгляды не отрицают значимость воздействия, оказываемого семьей, особенно на начальном этапе социализации личности.

Семейные взаимоотношения представляются ребенку единственной наблюдаемой моделью социального взаимодействия. Поэтому поведение ребенка, его социальные и психологические установки во многом определяются социально-культурным уровнем семьи, в которой он воспитывается. Проблемам семьи и семейного воспитания посвящены многочисленные научные работы ведущих отечественных исследователей: В.И. Гарбузова, И.С. Кона, Р.В. Овчаровой, Л.Ф. Обуховой и др.

Важным условием полноценного развития ребенка является готовность родителей к осуществлению своих ролевых функций, их социально-психологическая зрелость. В случае, когда родители по тем или иным причинам не выполняют возложенные на них материнские и отцовские обязанности, у ребенка может возникнуть дефицит удовлетворенности основных потребностей и развитие так называемого депривационного синдрома. Говоря о депривации, следует иметь в виду такое неудовлетворение потребностей, ко-

© Сенкеевич Д.В., 2018

торое происходит в результате отделения человека от необходимых источников их удовлетворения и имеющее пагубные последствия [1, с. 26].

Особенно важным представляется понимание психологической стороны этих последствий. В исследованиях И. А. Фурманова и Н. В. Фурмановой отмечается, что тревожность, депрессия, страх, интеллектуальные расстройства – наиболее характерные черты так называемого депривационного синдрома. Симптоматика психической депривации может охватывать весь спектр возможных нарушений: от легких странностей, не выходящих за рамки нормальной эмоциональной картины, до очень грубых поражений развития интеллекта и личности [6, с. 9].

Многими исследователями рассматривается вопрос об отсутствии базового доверия ребенка к миру, формируемого через материнскую заботу и теплоту. Нередко это явление вызывает самое тяжелое и самое сложно компенсируемое последствие материнской депривации. Вследствие такого явления у ребенка появляется тревога, страх, агрессивность, а также недоверие к самому себе и к другим людям.

Основные способы объяснения природы детской депривации можно разделить на два направления: психоаналитическое и социологическое. Представитель психоаналитического направления в психологии Р.А. Шпиц выделил определенные этапы становления отношений матери и младенца в возрасте до года, в результате развития которых присутствие матери воспринимается как сигнал о скором удовлетворении базовых потребностей (на так называемой «предобъектальной стадии»), но позже трансформируется в восприятие матери как необходимого для обеспечения удовлетворения глубинных инстинктивных потребностей ребенка объекта, выделяемого младенцем среди других объектов. На этом этапе разлука с матерью и даже недостаточное присутствие ее как объекта, играющего центральную роль в психической жизни ребенка, может привести к развитию состояния, называемого Р.А. Шпицем «анаклитическая депрессия» [4, с. 80]. Теории социального научения объясняют причину развития депривационных состояний у детей недостаточностью ранней социализации, существенную, но не единственную долю, которой ребенок реализует через отношения «мать–дитя». Однако оба направления свидетельствуют о неизбежности развития социально негативных психически значимых явлений в структуре личности младенца при отсутствии или недостаточности контакта с матерью, вследствие стечения жизненных обстоятельств (например, в детских учреждениях закрытого типа) или по причине ролевой дисфункции матери в структуре семейных взаимоотношений.

Известно, что тревога одно из самых тягостных переживаний человека. В исследовании Б. И. Кочубей и Н. В. Новиковой тревога определяется как ощущение неконкретной, неопределенной угрозы, неясное чувство опасности. В отличие от страха у нее нет определенного источника, она охватывает человека как бы со всех сторон [2, с. 69]. Принято выделять следующие предпосылки формирования тревожного состояния у детей: осознание возможности наступления неприятностей; осознание предстоящих перемен в обстановке или деятельности, либо произошедшее изменение; отсрочка ожидаемого поощрения или задержка предвкушаемых положительных эмоций, впечатлений [3]. В качестве причины детских тревог указываются неумение ребенка адаптироваться в новых условиях, трудности в установлении межличностных контактов с окружающими. Эти трудности социальной перцепции возникают на этапе первичной социализации, основным агентом которой выступает семья (при ее наличии). Именно в семье ребенок получает первую информацию об окружающем его мире, усваивает начальные, минимально необходимые для жизни в обществе социальные нормы и стереотипы поведения.

Тревога у ребенка чаще всего возникает внутренним конфликтом, то есть столкновением в его душе двух устремлений, которые противоречат друг другу. В основе такого столкновения могут быть взаимоисключающие требования к ребенку, исходящие от родителей, то есть один из родителей настаивает на выполнении своих условий, а другой – своих, вследствие чего происходят конфликтные ситуации; требования, выполнение которых находится за пределами возможностей ребенка; требования, которые могут причинить нравственные страдания ребенку, унизить его, поставить в зависимое положение. Такой внутренний конфликт очень часто приводит к осложнениям во внешних отношениях: как с родителями, так и со сверстниками.

Страх можно определить, как состояние, основанное на инстинкте самосохранения, возникающее в условиях угрожающей субъективно воспринимаемой или реальной опасности, и характеризующееся неспецифическими для организма и психики реакциями. Как уже было отмечено ранее, страх, в отличие от тревожного состояния имеет конкретный источник. Основными источниками детских страхов выступают одиночество, замкнутое пространство и темнота [5, с. 80]. С возрастом количество источников страха начинает возрастать, и объекты, порождающие страх, могут быть весьма разнообразными и необычными.

Одной из причин многих неблагоприятных проявлений в развитии личности ребенка могут быть негативные отношения, исходящие от близких людей. Конфликтные ситуации между родителями вызывают у ребенка серь-

езное эмоциональное напряжение и включение защитных механизмов психики, оказывающих серьезное влияние на характер малыша, его социальное и физиологическое самочувствие. Проведенные в области медицинской психологии исследования, доказывают, что ситуация развода родителей семье является наиболее распространенным фактором, провоцирующим тревогу и душевные страдания.

Таким образом, можно заключить, что природа возможного детского депривационного состояния во многом обусловлена поведением родителей и взаимоотношениями в семье. В этой связи психолого-профилактические меры исследуемого негативного состояния должны носить характер семейной терапии. Субъектами профилактической деятельности могут выступать психологи дошкольных детских учреждений, органов социальной защиты. Однако их роль в коррекции поведения родителей весьма незначительна, что обусловлено объективными причинами: семья как социальная группа обладает определенной естественной замкнутостью, и психологические методы диагностики внутрисемейных проблем могут применяться лишь эпизодически и в достаточно скудном объеме. Так, погруженное наблюдение как метод исследования практически исключено. Психодиагностическая и коррекционная работа с семьями, испытывающими трудности в воспитании ребенка, может проходить с одной стороны только с их согласия и при открытости родителей к восприятию рекомендаций специалистов, а с другой стороны только при условии организации механизма оказания психологической помощи, наличии квалифицированных кадров и надлежащего финансирования профильных организаций.

Даже благоприятное сочетание всех вышеуказанных условий не гарантирует успех в оказании психологической помощи семьям. В этой связи представляется целесообразным пропагандировать изучение проблемы и способов профилактики детской депривации в доступной форме для родителей – не профессиональных психологов. Самодиагностика семейных проблем и искреннее стремление к их преодолению позволят родителям при должном желании изменить негативную для ребенка ситуацию, в том числе, с помощью методик популяризованных научных исследований.

Список литературы

1. Жданова, М.А. Проблемы современной семьи в контексте теории психической депривации ребенка / М.А. Жданова // Человек и образование. 2013. № 2 (35). С. 79–83.

2. Игнатович, И.И. Влияние семьи и семейных отношений на развитие личности ребенка / И.И. Игнатович // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4–3. С. 68–70.

3. Левитов, Н.Д. Психическое состояние беспокойства, тревоги / Н.Д. Левитов // Вопросы психологии. 1969. № 1. С. 20–41

4. Лодкина, Т.В. Социальная педагогика. Защита семьи и детства / Т.В. Лодкина. М.: Академия, 2009. 208 с.

5. Савельева, Н.О. Особенности страхов у детей младшего и среднего школьного возраста: диагностика и коррекция / Н.О. Савельева, Ю.Ю. Красикова // Новая наука: проблемы и перспективы. 2016. № 115–3. С. 80–82.

6. Фурманов, И. А. Психология депривированного ребенка / И. А. Фурманов, Н. В. Фурманова. М.: Владос, 2009. 215 с.

D.V. Sinkeevich

DEVELOPMENT OF DEPRIVATION CONDITION IN CHILDREN IN A FAMILY: CAUSES AND PREVENTION

The article examines the essence of the deprivation state of children, and also reveals the importance of family relationships for the formation of individual psychological characteristics of the child.

Key words: children's deprivation, personal development, family, family relations.

УДК 77.01+316.7

В.А. Тельгузова

ФОТОАЛЬБОМ КАК СПОСОБ КОНСОЛИДАЦИИ СЕМЬИ И ВИЗУАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ МЕЖПОКОЛЕННЫХ СВЯЗЕЙ

В современной России актуализируется тема кризиса традиционных семейных ценностей, разрыва связей времен и поколений. Фотоальбом является одним из важных способов консолидации семьи, инструментом документирования и трансляции ее истории. В статье рассматриваются функции семейного фотоальбома, как культурного артефакта, обеспечивающего, посредством различных практик визуальной ретроспекции, межпоколенную связь в системе семейных взаимоотношений.

Ключевые слова: семейный фотоальбом, семья, визуальная ретроспекция, функции.

Устойчивость системы семейных взаимоотношений и выполнение семьей своих социокультурных функций служило основой стабильности и развития человеческого общества в течение многих веков. Семья представляла собой базовую единицу общества, которая позволяла человечеству передавать свой социальный опыт и культуру. Анализируя современное состояние семьи, многие исследователи трактуют его как кризисное. Мы наблюдаем разрыв межпоколенной связей, когда старшее поколение, как носители и трансляторы культурных ценностей и норм, утрачивают куммулятивные и коммуникативные функции в системе семейных взаимоотношений.

Одним из инструментов документирования и трансляции истории семьи, а также коммуникации между ее членами является семейный фотоальбом. Сам семейный альбом как некий культурный артефакт имеет свою историю. Еще в середине XIX века, когда был введен в обращение мокроколлодионный процесс, значительно упростивший и удешевивший фотосъёмку, фотографии начали печататься тысячами. «Историки назвали это «портретоманией»: каждому хотелось обзавестись своим портретом и заполучить портреты других людей. Этот процесс выражался во всякого рода обменах, куплях и продажах фотокарточек. Тогда–то и появились семейные фотоальбомы» [1].

Семейный альбом представляет собой культурный артефакт, выполняющий функции архива, книги памяти о минувших семейных событиях и о дорогих людях. Это концентрированное выражение жизни семьи и целого поколения. Альбом не просто сохраняет память, но и говорит о том, что люди остаются в художественных образах независимо от того, что какие-то поколения уже ушли из жизни. Эти образы не просто остаются, а включаются в

© Тельгузова В.А., 2018

систему коммуникаций. Мы начинаем понимать значение и значимость фотографии и рассказываем о ней последующим поколениям. Человека уже нет (нет бабушки, нет дедушки), а благодаря семейному альбому можно визуализировать, материализовать, тем самым показать присутствие ушедшего человека. Семейная фотография гораздо больше, чем просто фотография: в ней есть и памятная составляющая, и некая эстетика событий и сюжетов.

Среди публикаций, посвященных семейному фотоальбому как явлению повседневной реальности, можно отметить статьи О. Бойцовой, В.Л. Круткина, Е.В. Петровской, В. Подороги, М. Рыклина, В. Савчука, А. Секацкого.

Семейный фотоальбом – это культурный артефакт, социокультурный феномен, который соединяет в себе различные признаки социокультурного своеобразия той или иной эпохи:

– особенности культуры и эстетических предпочтений представителей, определенных социальных и возрастных групп (прически, макияж, одежда, позы, расположение людей на фотографиях, даже выражения лиц отражают различные течения культуры определенного времени);

– социальный статус семьи и способы его проявления;

– глубину семейных связей, распределение семейных ролей;

– стиль взаимоотношений в семье между поколениями;

– распространенность, доступность фотографии в различные периоды времени, её роль в повседневной культуре и коммуникациях.

Семейный фотоальбом призван выполнять ряд социокультурных функций.

Информационная функция призвана доносить информацию о внешних приметах, материальных ценностей запечатленной эпохи. Семейный фотоальбом наглядно демонстрирует отношение семьи к прошлым поколениям, к собственному прошлому.

Консолидирующая функция заключается в том, что семейный фотоальбом является способом и показателем семейного объединения, укрепления семьи через визуальное представление прочности и цельности семейных связей. Раньше, в силу размеренности жизни, фамильные фотоальбомы как бы скрепляли родственников в одном, закрытом для чужаков, визуальном пространстве.

Аккумуляционная функция семейного фотоальбома заключается в накоплении и стабилизации социального капитала семьи. Семейный фотоальбом в этом случае необходим для того, чтобы собрать воедино найденную информацию о происхождении семьи и структурировать ее. Просмотр семейных фотографий – это особое символическое действие, позволяющее

члену семьи включиться в некую систему, которая конструирует память семьи, ощутить связь времен и поколений. Сами семейные фотографии служат хронологическими ориентирами, символическими маркерами, позволяющими в процессе нарративных практик общения сложить личную биографическую историю или историю семьи.

Функция визуальной ретроспекции связи времен и поколений, еще одна из важнейших функций семейного фотоальбома. Визуальная ретроспекция – это форма визуальной коммуникации, позволяющая мысленно экранизировать и выстроить в определенный временной ряд сюжеты и образы событий из жизни предшествующих поколений.

Способами визуальной ретроспекции связи времен и поколений в образах семейного фотоальбома могут являться «нефотографические материалы, которые наряду со снимками помещаются в архивы и служат своеобразным дополнением к ним»[4]. Это могут быть архивные документы, вырезки из печатных изданий газет, журналов, ежегодников, календарей, справочников, всевозможные памятные надписи, которые включают в себя заметки и наброски в описательной форме, касающиеся семейной истории, а также описания к фотографиям, начертания памятных дат. Такие «подсказки» позволяют восстановить в памяти наиболее важные места и события в истории семьи, а воспоминания становятся более четкими и полными.

Однако, в последнее время можно наблюдать изменения в способах визуальной репрезентации разных поколений семьи. «Визуальные репрезентации – это один из способов, с помощью которого конструируется и реконструируется социально-культурная и психологическая ситуация» [2, с. 70].

Существующие культурные практики связи времен и поколений в современной культуре бывают самыми разнообразными. Это и специфические музеи, постоянные или временные экспозиции из частных коллекций известных лиц и тематические выставки. Существуют так же всевозможные международные и региональные культурно-просветительские проекты, которые могут включать в себя конкурсы, культурно-познавательные программы, акции и игры, мастер-классы, конференции и прочие мероприятия.

В эпоху цифровой фотографии все реже можно встретить традиционные формы фотоальбомов. В условиях скорости перемен семейные альбомы выпадают из поля зрения и сохраняются не в каждой семье. Такие культурные ценности до сих пор практически не востребованы в качестве реального ресурса и резерва семейной культуры.

Несмотря на это семейный фотоальбом как некий культурный артефакт продолжает оставаться одним из важнейших способов сохранения семейных традиций, межпоколенческой связи и памяти о минувших событиях. Семей-

ный фотоальбом дарует человеку неповторимое чувство причастности к жизни и истории рода, документируя миг единения, когда судьба одного человека вплетается в более широкий контекст семейной истории.

Список литературы

1. Гришкова А.А. Социальный смысл фотографии и эволюция семейного фотоальбома [Электронный ресурс] / А.А. Гришкова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2016. – Т. 4. – № 4 (16). – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29437770 (дата обращения: 22.10.2018).

2. Зайцева, И.А. Визуализация как коммуникация: некоторые культурологические прояснения креативных практик предметной репрезентации [Текст]/ И.А. Зайцева // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Междунар. науч.–практ. конф.: в 2 ч. / М–во культуры РФ, СГИК; под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. – Самара: Самар. гос. Ин-т культуры, 2015. – Ч. I. – С. 67–70.

3. Стрельникова А. Семейные фотоальбомы как ретрансляторы биографической памяти поколений [Электронный ресурс] / А. Стрельникова. – URL: http://www.historians.in.ua/index.php/en/ (Дата обращения: 22.10.2018).

V.A. Teleguzov

PHOTO ALBUM AS A WAY OF CONSOLIDATING FAMILY AND VISUAL FLASHBACKS OF INTERGENERATIONAL RELATIONS

In modern Russia, the theme of the crisis of traditional family values, the severance of ties between times and generations. Photo album is one of the important ways of family consolidation, a tool for documenting and broadcasting its history. The article deals with the functions of the family photo album as a cultural artifact that provides, through various practices of visual retrospection, intergenerational communication in the system of family relationships.

Key words: family photo album, family, visual retrospection, functions.

УДК 316.36

Л.А. Хачатрян

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НЕПОЛНОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕЙ

В современном обществе наблюдается тенденция увеличения численности неполных семей. В статье главное внимание уделяется семьям, причиной возникновения которых является развод родителей. Российским законодательством за родителями закрепляются равные обязанности по содержанию и воспитанию детей. В результате разводов возникают семьи типов «мать–дети» и «отцы–дети». После развода на родителя, ушедшего из семьи, возлагаются алиментные обязательства, которые он не торопится исполнять: каждый третий российский отец после развода не платит алименты на своих детей. Реальность такова, что в настоящее время нежелание платить алименты распространилось и на женщин, дети которых по решению суда остались с отцом.

Ключевые слова: экзистенциальная функция, неполная семья, материнская семья, отцовская семья, алименты.

Современная семья выполняет множество социально значимых функций, среди которых особое место отводится специфическим функциям: репродуктивной, экзистенциальной и функции первичной социализации. Важность функций для общества отмечена в Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, где подчеркивается, что государство одной из целей семейной политики определяет задачу создания «необходимых условий для выполнения семьей ее функций» [2].

В настоящее время, когда достаточно высок уровень разводов, исследователи проявляют интерес к изучению экзистенциальной функции, сущность которой сводится к обеспечению содержания и удовлетворению основных потребностей детей. В Конституции Российской Федерации закреплена обязанность родителей содержать своих детей до совершеннолетия, а статья 38 уточняет, что и мать, и отец обладают равными правами и обязанностями в осуществлении заботы о детях. Статья 80 Семейного кодекса РФ поясняет, что оба родителя в равной степени ответственны за содержание несовершеннолетних детей[5]. Для обозначения материальной стороны родительского долга по содержанию детей в практику семейной жизни было введено понятие *алиментов*. Термин alimentum в переводе с латинского означает «иждивение», «содержание», а с французского языка – «продукт питания, пища».

© Хачатрян Л.А., 2018

Понятие алиментов появилось еще в период античной истории, но сводилось к моральной заботе о тех, кто не мог обеспечить собственное существование, специальных законов о материальном содержании алиментов не было. В России в петровское время предпринимались попытки закрепить за матерью и ребенком право на обеспечение содержания со стороны мужа. Со второй половины XIX в. понятие алименты стало пониматься как средство обеспечения содержания детей, а в XX в. в правовое поле социума бы введен институт алиментных обязательств.

Необходимость активного внедрения в социальную практику исполнения алиментных обязательств была вызвана появлением в обществе неполных семей в результате развода супругов. Алиментные обязательства налагаются на того родителя, который отказывается добровольно выделять денежные средства на содержание своих детей, оставшихся с другим родителем.

В семейной структуре современного общества постоянно *увеличивается доля неполных семей*. Неполная семья возникает либо в результате смерти одного из родителей, либо внебрачного рождения детей, либо развода супругов. Например, в США за период с 1970 по 1981 гг. число семей с одним родителем возросло с 10 % до 21 % [8, с.392]. В России в 1979 г. доля неполных семей составляла 14,7 % числа всех семей, имеющих детей, в 1989 г. – 15,2 %, в 2002 г. – 21,7 %, а в 2010 г. уже 48, 6 %.

Предметом нашего интереса является неполная семья, возникшая после развода супругов. В настоящее время, по данным ВЦИОМ, в России в среднем ежегодно распадается около половины числа заключаемых браков. В 2017 г. в расчете на 100 браков пришлось 58 расторгнутых, в Пермском крае годом раньше распалось 62,3% от числа заключенных браков[4, с. 31]. Реальность сегодняшнего дня – 67 % молодых россиян воспитывались в неполных семьях, подавляющая часть из них – в семьях типа «мать–дети». В России 80,0 % материнских семей – это семьи, представленные матерью с одним ребенком, 16,9 % – с двумя детьми и 3,1 % – с тремя и более детьми[7]. В Пермском крае доля семей, состоящих из матери и детей, составила 29,6 % от числа всех неполных семей, абсолютное большинство из них – это семьи, состоящие из матери и одного ребенка, в 16,4 % данных семей – двое детей и в 2,7 % – трое [7].

Важнейшей проблемой неполной семьи во многих странах становится ухудшение материального положения того родителя, с которым остались дети. В первую очередь это относится к семьям типа «мать–дети». Большинство женщин не могут обеспечить ребенку тот уровень жизни, который был у него, когда родители были вместе. Значительная часть разведенных россия-

нок попадает в категорию людей, имеющих низкий уровень жизни. И им нужна помощь со стороны бывшего мужа, на которого налагается алиментное обязательство. Супруги либо договариваются о сумме, которую бывший муж ежемесячно будет выделять на содержание детей, либо он ее выплачивает на основании судебного решения. В США, например, проблема содержания детей для разведенных женщин также имеет особую остроту. Около 40 % разведенных американок имеет «право на некоторую материальную помощь от бывших мужей, но они не получают ее совсем или получают нерегулярно» [8,с. 418]. В Великобритании в 1992 г. насчитывалось 1,3 млн семей «с единственным родителем, в которых воспитывалось примерно 2,2 млн детей–иждивенцнев, «многие из них существуют на грани или действительной бедности» [3,с. 252].

Серьезной проблемой для разведенных женщин становится величина получаемых на содержание детей алиментов. В семейном бюджете россиянки, воспитывающей ребенка без отца, алименты составляют всего 16–17 %. Согласно статистике, величина алиментов равна или превышает уровень прожиточного минимума обеспечения содержания ребенка лишь в 11 % случаев, в 34 % случаев размер алиментов составляет от 50 до 100 % прожиточного минимума ребенка. В более чем в половине случаев размер алиментов бывает менее 50 % прожиточного минимума ребенка, и алименты по величине ниже четверти прожиточного минимума получают 32 % детей[1].

Серьезной проблемой в реализации семьей экзистенциальной функции является уклонение отцов от уплаты алиментов. Российская статистика утверждает, что в России только 16 % разведенных мужчин платят алименты на детей; значительная часть из них либо отказывается исполнять обязанности по содержанию детей, либо скрывает свои доходы, тем самым сокращая величину алиментов. Специалисты утверждают, что каждый третий российский отец не платит алименты вообще, и более 2 миллионов детей в России не получают назначенного им судом содержания. В итоге задолженность по алиментам в стране превышает 100 млрд руб.[6], в т.ч. из них 5,9 млрд руб. средств на содержание несовершеннолетних детей задолжали своим детям 39,5 тыс. отцов Пермского края[9].

Уклонение отцов от выплаты алиментов на своих детей объясняется тем, что:

– многие нынешние отцы выросли в неполных семьях, и они в большинстве своем и не бывают хорошими отцами, потому что не усвоили социальную роль отца;

– современная молодежь еще до брака приобретает сексуальный опыт. Вступив в брак, часть молодых людей считают адюльтер нормальным явле-

нием. В итоге у мужчины возникают сомнения, его ли этот ребенок, и при разводе он может отказаться поддерживать ребенка материально;

– довольно часто мужчина приходит к убеждению, что бывшая жена тратит полученные алименты на себя, а не на ребенка;

– мужчина, живущий в фактическом браке, часто считает себя холостым; появившийся в данном браке ребенок вызывает у мужчины недовольство, и он может просто уйти, не испытывая никакой ответственности за него;

– многие неплательщики алиментов – это безработные и различного рода асоциальные элементы, не имеющие постоянных доходов, из которых можно платить алименты. Например, в Пермском крае на учете в центрах занятости в декабре 2017 г. состояло на учете 19,6 тыс. человек, не занятых трудовой деятельностью, из них 16,7 тыс. человек имели статус безработного. Из всех безработных мужчин 10,8% – это разведенные мужчины. Средний возраст безработного 36,5 лет, 52,6% безработных мужчин имеют среднее профессиональное образование [4, с.17].

Сравнительно новым для России явлением стало появление неполных семей типа «отец–дети». Из общего числа неполных семей в 2010 г. 11,4% – это семьи, состоящие из отцов и детей. Среди семей типа «отец–дети» 84,0% семей представлено отцом с одним ребенком, 13,7% – с двумя и 2,3% – с тремя и более детьми[7]. Судом алиментное обязательство накладывается на мать, которая обычно пополняет ряды неплательщиков алиментов. В Пермском крае таковых насчитывается 4 тыс. В стране разведенные мужчины и женщины сравнялись в нежелании платить алименты.

Таким образом, невыполнение семьей в полуой мере экзистенциальной функции, деформация семейной структуры общества, нарастание числа неполных семей свидетельствуют о наличии кризиса социального института семьи.

Список литературы

1. Возросло число семей с одним родителем. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2012/02/01/deti–site.html (Дата обращения: 18.10.2018)

2. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/420217344 (Дата обращения: 18.10.2018)

3. Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А–Я: Словарь–справочник / Пер. с англ. К.С.Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 608 с.

4. Пермский край в цифрах.2017: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь, 2017. 180 с.

5. Семейный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/939297ca809b2aa9866a81dbe3759fe66c596075/ (Дата обращения: 18.10.2018)

6. Сколько в России алиментщиков. [Электронный ресурс]. URL: departamentsud.ru/skolko–v–rossii–alimentshhikov/ (Дата обращения: 18.10.2018)

7. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (Дата обращения: 18.10.2018)

8. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.

9. 39 тысяч алиментщиков в Прикамье могут стать без вести пропавшими. Электронный ресурс]. URL:https://www.rbc.ru/perm/freenews/5a993a1b9a79475c48701b7e (Дата обращения:18.10.2018)

L.A. Hachatryan

PROBLEMS OF REALIZATION OF EXISTENTIAL FUNCTION RUSSIAN INCOMPLETE FAMILY

In modern society, there is a tendency to increase the number of single–parent families. The main focus is on families whose cause is the divorce of parents. As a result of divorces, families of the “mother–children” and “father–children” types appear. Russian legislation gives parents equal responsibilities for the maintenance and upbringing of children. After the divorce, the parent, who has left the family, is charged with maintenance obligations, which he is not in a hurry to fulfill: every third Russian father after the divorce does not pay alimony to his children. The reality is that at present the reluctance to pay child support has spread to women, whose children, by a court decision, have remained with their father.

Keywords: existential function, incomplete family, maternal family, father family, alimony.

УДК 314.32.

С.В. Черешова

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В работе ставится вопрос о расширении сообщества субъектов родительского труда в современном российском обществе. Автор отмечает, что болезненные экономические сложности, с которыми российское общество столкнулось после 2014 г., стимулировали многих родителей искать дополнительные источники заработка и тратить больше времени на работу, чем прежде. В результате многие из них столкнулись с невозможностью проводить много времени со своими детьми и столкнулись с необходимостью делегирования родительского труда другим людям. Эта ситуация привела к интенсивному вовлечению в процесс родительского труда со стороны других субъектов – в первую очередь, профессиональных специалистов. В ходе эмпирической проверки этой гипотезы автор приходит к выводу, что такое делегирование действительно происходит.

Ключевые слова: труд, родительский труд, субъект родительского труда, делегирование.

Анализ родительского труда в последнее время стал одним из наиболее популярных и перспективных направлений российских фамилистических исследований. Недавние исследования таких авторов, как М.Г. Абилова [1], Д.Г. Быкова [3], М.М. Пшеничникова [6] показывают, что данное исследовательское направление не только обладает собственной проработанной методологией, но и востребовано при изучении практических проблем, связанных с институтом семьи. По всей видимости, высокий эвристический потенциал исследований родительского труда обусловлен принципиальной междисциплинарностью, характерной этому направлению. Традиционно процессы, связанные с рождением и воспитанием детей, рассматривались наукой сквозь призму анализа семейных отношений и частной жизни. В свою очередь, в исследованиях родительского труда такие процессы изучаются сквозь призму экономики и описываются как разновидность целенаправленной и вознаграждаемой трудовой деятельности человека [2, с. 6]. Опора на такой подход позволяет рассматривать рождение и воспитание детей как процессы, органически встроенные в структуру экономики общества, а следовательно – и изучать те эффекты, которые проявляются в этих процессах под влиянием колебаний социально-экономического развития общества. В контексте нестабильности социально-экономического развития общества важность выявления и интерпретации подобных эффектов становится предсказуемо акту-

© Черешова С.В., 2018

альной. В данной работе мы обратимся к результатам собственного социологического исследования и проследим один из возможных частных эффектов такой нестабильности в российском обществе.

Социально-экономические реалии, в которых на данный момент оказалось российское общество, противоречивы. Вероятно, правильнее всего текущую обстановку в стране будет охарактеризовать как период постепенной посткризисной стабилизации, вектор и ожидаемый результат которой пока очень размыты. Сложности, начавшиеся в социально-экономическом развитии страны в 2014 г., сейчас немного сбавили остроту: об этом говорят и сокращающиеся темпы инфляции [4], и снижающаяся тревожность общественного сознания, которая видна по данным социологических опросов. [5, с. 66]. Однако говорить о начале поступательного развития экономики и повышения уровня жизни все же рано. Негативные обстоятельства, которые изначально и вызвали сложности в российской экономике, по-прежнему сохраняются: экономические санкции со стороны стран Европы и США продолжают действовать, а курс национальной валюты и сейчас подвержен серьезным колебаниям. Кроме того, даже несмотря на меньшие темпы инфляции, в стране продолжает падать покупательская способность населения, которая каждый месяц становится на несколько процентов меньше по отношению к предыдущему [7]. Наверное, можно сказать, что экономическая ситуация в российском обществе перешла в своеобразный режим ожидания: кризисные явления пошли на спад, но однозначная уверенность в начале экономического роста пока отсутствует.

Наша гипотеза состоит в том, что столь специфическая ситуация в экономике приводит к обновлению состава тех людей, занятых родительским трудом. Напряженная экономическая ситуация стимулирует людей искать новые формы заработка и увеличивать свою занятость, а это вынуждает их сокращать время, которое могло бы тратиться на заботу о детях. В результате, как мы полагаем, создается благоприятная почва для вовлечения в процесс родительского труда новых, «нетрадиционных» субъектов, которые ранее в нем играли существенно меньшую роль. Стремясь к новым заработкам, родители вынуждены сокращать свое время на выполнение родительского труда и делегировать его на родственников или на профессиональных специалистов: учителей, воспитателей, нянь и других. Соответственно, в российской экономике сейчас сложились потенциально благоприятные условия не только для вовлечения таких специалистов в процесс родительского труда, но и для формирования у них отношения к себе как к исполнителям такого труда.

Для того, чтобы проверить эту гипотезу, мы обратимся к данным собственного социологического исследования. Исследование было выполнено нами в начале 2018–го г. в г. Екатеринбурге. Целью этого исследования была диагностика представлений о родительскому труде, его векторах и формах у тех людей, которые прямо или косвенно вовлечены в процесс реализации такого труда. Исследование выполнялось в форме социологического опроса. Респонденты для опроса отбирались нами в двух разных сегментах: «Родители» (к которому мы причисляли не только самих родителей, но и близких родственников) и «Профессиональные сотрудники» (специалисты, профессионально связанные со сферой родительского труда: педагоги, врачи, сотрудники социальных служб и т.д.). Проверка исходной гипотезы требовала сравнения ответов представителей этих двух сегментов. Поэтому мы стремились к отбору сопоставимого числа респондентов в каждом сегменте: всего было опрошено 319 человек в сегменте «Родители» и 302 человека – в сегменте «Профессиональные сотрудники». В обоих случаях использовалась квотная половозрастная выборка. В выборке по сегменту «Профессиональные сотрудники» дополнительно использовался критерий профессиональной принадлежности.

Ответы, которые были получены по итогам этого опроса, помогают сделать несколько примечательных заключений в контексте выдвинутой гипотезы.

Прежде всего, сам факт восприятия родительского труда именно как формы сложной и вознаграждаемой деятельности приемлет большинство опрошенных как в сегменте «Родители», так и в сегменте «Профессиональные сотрудники». Родительский труд воспринимается как труд, сопоставимый по сложности с другими формами трудовой активности, а необходимость его вознаграждения большинством под сомнение не ставится (См. Табл.). Это говорит о том, что идея восприятия родительского труда как формы вознаграждаемой трудовой активности не вызывает отторжения ни у родителей, ни у профессиональных сотрудников.

Доминанты отношения опрошенных к родительскому труду (% от числа ответивших, по сегментам)

Содержательные характеристики отношения к родительскому труду	Доля согласных	
	«Родители» (%)	«Профессиональные сотрудники» (%)
Родительский труд – такой же сложный, как и другие формы труда	62,1	61,9
Родительский труд должен вознаграждаться, как и любой другой вид труда	67,7	55,3

Кроме того, представители обоих сегментов с сопоставимой частотой отмечают, что само делегирование родительского труда профессиональным сотрудникам имеет определенное распространение в российском обществе. Почти половина опрошенных в обоих сегментах указывают эту тенденцию как одну из главных проблем родительского труда в современной России (См. Рис. 1). Более значимой проблемой в обоих случаях называют только дефицит морали в обществе. Это распределение ответов говорит о том, что

ситуация делегирования осознается большинством опрошенных в обоих сегментах как неизбежный негативный фактор: к этой тенденции относятся как к проблеме, но воспринимают ее как объективную данность и не отрицают.

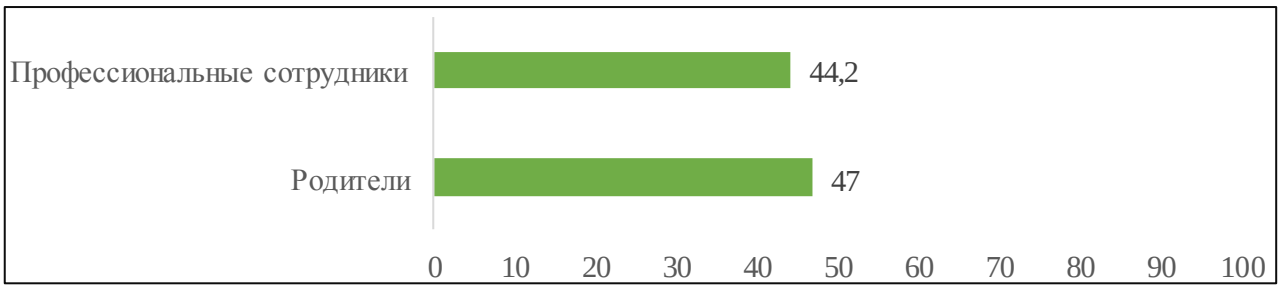


Рис.1. **Готовность опрошенных согласиться с суждением «Родители слишком часто перекладывают свои обязанности на педагогов и других специалистов» (% от числа ответивших, по сегментам)**

Наконец, идентичность как субъектов родительского труда характерна не только самим родителям, но и профессиональным сотрудникам, вовлеченным в работу с детьми. Конечно, у профессиональных сотрудников такая идентичность встречается реже, чем у родителей (См. Рис. 2). Однако большинство из них, как показывает анализ, все равно готовы воспринимать себя именно в таком качестве.

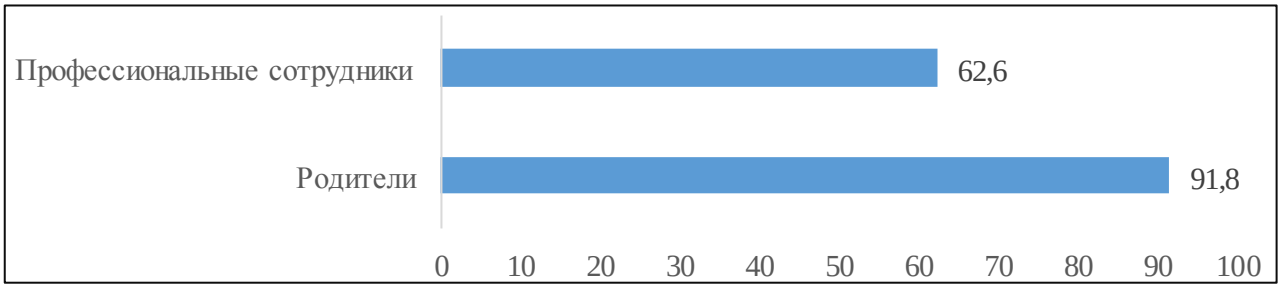


Рис. 2. **Готовность опрошенных воспринимать себя как субъектов родительского труда (% от числа ответивших, по сегментам)**

В целом проведенный анализ, по нашему мнению, показывает, что сложившийся в России социально-экономический контекст действительно

благоприятствует очень специфической ситуации в сфере родительского труда. Выполнение такого труда перестало восприниматься как процесс, выполняемый исключительно родителями и локализованный только в сфере семейных отношений. Родительский труд воспринимается и родителями, и профессиональными сотрудниками профильных сфер как сопоставимый по своей сложности с другими формами трудовой активности, а потому – нуждающийся в вознаграждении. Более того, и теми, и другими осознается сам факт того, что российские реалии благоприятствуют активном включению в этот процесс не только родителей, но и профессиональных сотрудников. И большинство профессиональных сотрудников готовы воспринимать себя в таком качестве. Поэтому в целом, как мы полагаем, наша исходная гипотеза находит свое подтверждение. Специфика социально-экономического развития России привела к расширению сообщества субъектов родительского труда: в него все более активно входят не только родители, но и профессиональные специалисты, занятые в профильных сферах.

Список литературы

1. Абилова, М.Г. Активизация репродуктивного труда в России: методы оценки эффективности процесса и их реализация / М.Г. Абилова // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2010. № 3. С. 64–66.
2. Багирова А.П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. Екатеринбург: Издательство уральского ун-та. 2014. 271 с.
3. Быкова, Д.Г. Оценка результатов родительского труда на примере его дошкольной стадии / Д.Г. Быкова // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление. Материалы ежегодной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений. Воронеж. 2016. С. 33–38.
4. Индексы потребительских цен по Российской Федерации / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab–potr1.htm (Дата обращения: 27.09.2018)
5. Мареева. С.В. Адаптация россиян к последствиям экономического кризиса // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 66.
6. Пшеничникова М.М. Родительский труд как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 39. С. 23–29.
7. Реальные располагаемые денежные доходы по Российской Федерации/ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.

[Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population /urov/urov_12kv.doc (Дата обращения: 27.09.2018)

S.V. Chereshova

DIFFERENTIATION OF PARENT LABOR ACTORS IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC REALITIES OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

The paper deals with matter of expanding the community of subjects of parental labor in modern Russian society. The author notes that current economic difficulties in Russian society stimulated many parents to look for additional sources of income and spend more time on work than before. As a result, many of them are faced with the inability to spend much time with their children and need to delegate parental work to other people. This situation creates an intensive involvement of other actors in the process of parental labor. During the empirical verification of this hypothesis, the author makes a conclusion that such delegation really happens in Russian society nowadays.

Keywords: labor, parental labor, subject of parental labor, delegation.

УДК 316.614

D. Shokanova

SOCIALIZATIONAL PROBLEMS OF ORPHANED CHILDREN

Family dysfunction leads to a large number of children raised without a family. Such children face psychological problems due to lack of parental care and limited integration with adults. The process of their socialization is different from those children who live in a family, and the primary purpose of this article is to describe which socializational problems appear on the way. The research was based on in–depth interviews with the orphanage care system employees. Scientific research have revealed shortcomings of orphanage care. The results have shown that placing children in institutions entails serious psychological risks. The article provides recommendations based on the research data focusing on children's healthy development.

Key words: adaptation, family, orphaned children, socialization.

Family is a unique social institution ensuring full, healthy and harmonious development of a child's personality. It plays a crucial role in the development of social skills. The essential role played by parents cannot be overestimated. From parents a child learns how to socialize, and he/she observes the parents' behaviors, attitudes and emotional reactions. In this way, the family setting gives a child the opportunity to learn how to interact and to socialize with other people.

Sometimes families fail to fulfill their functions; the family may be dysfunctional, or a child may be raised without a family. The loss of family is both traumatic and stressful to a child. Such children face multiple psychological problems due to lack of parental care and limited integration with adults. This adversely affects the child's further personal development, and, consequently, may lead to an isolated type personality that is hostile, and, at the same time, extremely vulnerable. Therefore, the primary aim of this paper is to describe existing problems of socialization and social adaptation of orphaned children.

First, let us clarify what we mean when we use these terms. Socialization is a process of learning one's culture and how to live within it. For the individual it provides skills, system of norms, values, attitudes, beliefs and habits necessary for acting and participating with others within the society. It is most strongly enforced by family, school, mass media and peer groups and continues throughout an individual's lifetime.

In a broad sense, adaptation is a dynamic process, which results in the adjustment to environmental conditions and to others in a given society. Conscious self–regulation mechanisms and underlying subjective personal evaluation of envi-

© Shokanova D., 2018

ronmental and social effects are the main distinctive features of human adaptation. Social adaptation implies social skills and the ability to interact.

Both of these terms are interconnected. These processes assure communication skills development, creation of healthy behavior patterns and interpersonal relations building, which ensure emotional comfort and satisfaction from social interaction.

The research was based on in–depth interviews with the orphanage care system employees (20 expert respondents were interviewed in Minsk, 2016–2017).The analysis of literature relevant to the problem was made as well.

The following research objectives were marked out to facilitate the achievement of the aim:

1) analyzing orphanage care impact on a child;
2) identifying risk factors that affect child's personality development;
3) revealing the consequences of raising children in orphanages.

Scientific theory and research have revealed shortcomings of an orphanage care. It can lead to:

- personality disorders due to strict regulation of the daily routine in an orphanage and incorrectly formed motivation to work;
- problems in interpersonal relationships such as lack of family role models, lack of an extensive network of contacts and reference groups for communication;
- severe parenting difficulties later in life.

Placing children in institutions entails serious psychological risks. The institutionalized care system often fails to ensure adequate development of mental abilities, emotions and personality – a fact that causes social maladaptation of orphans.

The care in state–run care institutions, herding through a maze of social establishments (oftentimes from maternity hospital to orphanages), frequent change of caretakers and relationships with older post institutionalized children – all these factors have far–reaching, dangerous effects on a child's development.

These unfavorable conditions destroy the interpersonal relationships system. That is why orphans suffer more problems with social interaction than other children do. The consequences may have an adverse effect on an entire life, and cause the child's inability to develop his/her potential, discover his/her strength and develop his / her full physical and intellectual capacity. More research should be conducted focusing on the detection of factors impeding social adaptation and socialization of children living in orphanages and boarding schools or neglected children deprived of parental guidance. Children's healthy development should be a key goal in our overall national development.

References

1. Shokanova, D. CH. Issledovaniya deprivacii i socializacii detej, vospityvayushchihsya vne sem'i / D.CH. SHokanova // Mezhdunarodnyj Nauchnyj Institut «Educatio». Ezhemesyachnyj nauchnyj zhurnal. 2015. № 9 (16). S. 94–97.

2. Shokanova, D. CH. Fenomen socializacii lichnosti cherez prizmu klassicheskoj sociologii 19–20 vv. /D.CH. Shokanova//Vestnik BGEHU. 2015. №5. S. 116–124.

3. Shokanova, D. CH. Vzaimodejstvie priemnoj sem'i s organizaciyami social'noj infrastruktury obshchestva v kontekste socializacii ee vospitannikov / D. CH. Shokanova // Gumanitarno–ehkonomicheskij vestnik. 2014. №4. S. 78–84.

4. Shokanova, D. CH. Issledovaniya deprivacii i socializacii detej: faktor sirotstva / D. CH. Shokanova // Naukovij visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Seriya: «Istoriya. Filosofiya. Politologiya». 2014. №8 . S. 61–66.

5. McCall, J. Research On The Psychological Effects of Orphanage Care: A Critical Review / J. McCall // Rethinking Orphanages for the 21st Century. 1998. P. 1–29. [Electronic resource]. Mode of access :

http://www.sagepub.com/librarians/zone/journals/booksProdTOC.nav?prodId=Book7805&currTree=Subjects&level1=D00&level2=D50. (Date of access: 18.09.2017).

6. Orphaned children show higher intelligence and fare better in foster care than in institutions/ ScienceDaily. Dec. 28, 2007. [Electronic resource]. Mode of access :

http://www.sciencedaily.com/releases/2007/12/071221130041.htm.– Date of access: 18.09.2017.

7. Psychological and Socio–cultural Adaptation in Cross–Cultural Transition: Theory and Findings. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/2684/3/Chapter%201.pdf. (Date of access: 27.10.2017).

РАЗДЕЛ 5. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

УДК 316.42

Н.Л. Антонова, А.Д. Сущенко

ЭКСПОРТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СТУДЕНТЫ ИЗ СТРАН БРИКС В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

В статье рассмотрена динамика численности иностранных студентов, получающих высшее образование в Уральском федеральном университете в условиях включения российских вузов в мировое образовательное пространство в. Наибольшая доля иностранных студентов из стран БРИКС представлена образовательными мигрантами из КНР. 87% студентов обучается на контрактной основе и получает образование социального и гуманитарного профилей, а также изучает техники и технологии строительства. Перспективным направлением дальнейшего продвижения образовательных продуктов видится ориентация вуза на потенциальных студентов из Китая, которые могут стать заказчиками востребованных образовательных услуг социально-экономического/ гуманитарного/технического профилей.

Ключевые слова: высшее образование, иностранные студенты, БРИКС.

Глобализационные процессы актуализируют вопросы включения российских вузов в мировое образовательное пространство. Показателями статуса и престижа вуза, качества образования становятся рейтинговые системы, среди которых ведущие позиции занимают – Шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities – ARWU), рейтинг мировых университетов QS («QS World University Rankings»), рейтинг мировых университетов «Times Higher Education» (Times Higher Education World University Rankings – THE). Одним из индикаторов оценки вузов в рейтингах QS и THE выступает доля иностранных студентов, обучающихся в университетах.

С 2017 года по 2025 год в России будет реализован проект «Развитие экспертного потенциала российской системы образования», основная задача которого заключается в повышении привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг в целях увеличения доли несырьевого экспорта Российской Федерации [1]. В соответствии с проектом численность иностранных студентов, обучающихся по очной форме в российских образовательных организациях сред-

© Антонова Н.Л., Сущенко А.Д., 2018

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00236)

него профессионального и высшего образования, должна быть увеличена с 220 тысяч человек в 2017 году до 710 тысяч к 2025 году.

Для реализации поставленной задачи Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (ранее – Министерство образования и науки РФ) определило 39 вузов – участников проекта, среди которых – Уральский федеральный университет. На 01.01.2018 в УрФУ образование получает 25823 студента (очная форма обучения: бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура); из них 2226 студентов – образовательные мигранты. Среди иностранных студентов 1,8% составляют студенты, приехавшие из стран БРИКС. При этом основная доля приходится на студентов из КНР. Индия представлена 3 студентами, Бразилия – 2 студентами. Студенты из ЮАР не обучаются в УрФУ. Как справедливо отмечает А.И. Нефедова: «Если учесть мировой тренд возрастания количества студентов стран Азии, уезжающих за рубеж на обучение, именно этот регион является самым перспективным с точки зрения привлечения потенциальных абитуриентов» [2, с. 162].

Обращаясь к динамике численности иностранных студентов, можно наблюдать, что с 2012 года количество учебных мигрантов из стран БРИКС в УрФУ увеличилось в 12 раз. Следует отметить, что на 01.01.2018 доля иностранных студентов–контрактников (внебюджетная форма обучения) из стран БРИКС составила 87%. Это свидетельствует о привлекательности УрФУ и свидетельствует о позитивном тренде в траектории утверждения своего места на глобальном рынке образовательных услуг. Как отмечает один из руководителей подразделения УрФУ, деятельность которого связана с продвижением университета на мировом рынке образовательных услуг, *«...с точки зрения экспорта образовательных услуг, с одной стороны, мы привлекаем финансовые ресурсы, но с другой стороны, мы отбираем лучших...»* (м., стаж работы 19 лет).

Какие направления/специальности выбирают студенты стран БРИКС? Наибольшая численность образовательных мигрантов получает образование по направлению «Языкознание» и «Литературоведение» (186 чел.); техники и технологии строительства изучают в УрФУ 118 студентов, экономическое/управленческое образование выбрали 77 иностранцев, 47 человек осваивают политические науки и регионоведение.

Статистические данные показывают, что социальные и гуманитарные науки занимают лидирующие позиции в выборе студенческой молодежью из стран БРИКС направлений подготовки. Соответственно, УрФУ можно оценивать как привлекательную площадку для дальнейшего продвижения образовательных услуг указанных профилей за рубежом. Кроме того, важной ви-

дится ориентация вуза на потенциальных студентов из КНР, что требует новых подходов, инструментов, механизмов для презентации и продвижения образовательных продуктов на данной территории.

Список литературы

1. Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/28013/ (Дата обращения 03.11.2018).

2. Нефедова, А.И. Масштабы, структура *и* цели экспорта российского высшего образования / А.И. Нефедова // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 154–174.

N.L. Antonova, A.D. Sushchenko

HIGHER EDUCATION EXPORTS: STUDENTS FROM BRICS COUNTRIES IN THE URALS FEDERAL UNIVERSITY

The article considers foreign students receiving higher education in the Urals Federal University in the conditions of Russian universities inclusion into the world educational space. China is top 1 among the BRICS countries as the country with the largest shares of foreign students in the Urals Federal University. Their share is 87 percent of students who study on a contract basis and choose the social and humanitarian educational programs as well as construction. The prospective direction for the further educational services promotion seems to be the university orientation on the prospective China students as the educational services customers for the socio–economic, humanitarian, technical educational programs.

Key words: higher education, foreign students, BRICS.

УДК 316.35

Е.А. Балезина[1]

ВОСПРИЯТИЕ СУБЪЕКТОВ РИСКА МОЛОДЫМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВУЗА

Реформирование высшей системы образования ведет к увеличению рисков и ситуаций неопределенности. Молодые преподаватели по-разному воспринимают субъектов риска: преподаватели, чей приоритет лежит в области педагогической деятельности, самих себя конструируют как субъектов риска, преподаватели, чьи интересы ближе к осуществлению научно-исследовательской деятельности, субъектами риска видят внешние социальные группы и институты.

Ключевые слова: риск, субъект риска, молодой преподаватель вуза.

В системе высшего образования в России происходят процессы модернизации, амелиоризма [5], что способствует возникновению новых ситуаций неопределенности и возникновения рисков [1]. Сегодня научно-исследовательская работа становится одним из важных направлений деятельности вуза и оценки его эффективности, что ведет к увеличению «прессинга» [2] преподавателей в отношении необходимости проводить исследования и публиковать результаты в высокорейтинговых журналах.

Согласно исследованиям Г. Хофстеде люди с низкой степенью готовности к риску чаще для работы выбирают большие надежные организации, т.к. тревожатся о своем будущем и стараются избегать ситуаций неопределенности, а люди с высокой степенью готовности к риску наоборот выбирают работу в небольших компаниях с высоким уровнем неопределенности и риска. Последние чаще встречаются среди молодых сотрудников [3].

Однако если рассматривать высшее учебное заведение как крупную устойчивую организацию, то предполагается, что в ней работают сотрудники с низкой степенью готовности к риску. Что в условиях социальных изменений и быстрых трансформаций приводит к крайне неохотному принятию инноваций сотрудниками вуза. С другой стороны, среди критериев оценки эффективности работы современных российских вузов значится доля молодых преподавателей (научно-педагогических работников), которые как раз в силу своего возраста, молодости могут стать необходимым для организации ресурсом с высокой степенью готовности к риску. К молодым преподавателям будем относить научно-педагогических работников вуза в возрасте до 35 лет, как имеющих степень кандидата наук, так и без нее. Однако не все молодые преподаватели имеют одинаковый уровень склонности и готовности к риску,

© Балезина Е.А., 2018

это зависит от их адаптированности к условиям работы, эмоционального комфорта [4], они по-разному воспринимают себя и окружающих с позиции рискогенности образовательной среды.

Субъект риска – тот, кто принимает решение [7], приводящее к ситуации неопределенности, опасности. Под субъектами риска в социологической теории понимаются разные акторы социальной жизни: индивиды, малые и большие группы, организации и социальные институты, общество в целом [3]. Активность субъекта риска чаще всего получает выражение через деятельность, действия, которые имманентно или ситуативно включают в себя элементы неопределенности, проблемности, опасности, но риск появляется лишь в осознанном поведении человека, реагирующего на конкретно складывающуюся ситуацию.

Цель данной публикации – описать, кого молодые преподаватели вуза воспринимают в качестве субъектов риска.

Эмпирической базой служат 23 глубинных интервью с молодыми преподавателями ПГНИУ, проведенные весной–летом 2018г. В ходе интервью рассматривались такие темы как вхождение в профессию, текущие трудности, возникающие в педагогической, научно-исследовательской, административной, методической и прочей профессиональной деятельности молодого преподавателя, а также планы на будущее, связанные как с работой в данном вузе, так и с возможностью смены работы и даже видов деятельности. В ходе интервью нас интересовало восприятие молодых преподавателей неопределенностей образовательной среды и связанных с выделяемыми опасностями субъектов риска, т.е. тех, кто несет ответственность за увеличение рискогенности работы преподавателя. Приведенные ниже цитаты выделены курсивом.

По результатам проведенного исследования можно говорить о подтверждении гипотезы о различии в восприятии рискогенности образовательной среды среди разных групп молодых преподавателей. Происходящее в вузах увеличение научно-исследовательской нагрузки преподавателей влияет на ее восприятие и определяет восприятие субъектов риска молодыми преподавателями.

Были выделены 4 группы молодых преподавателей в зависимости от предпочтений и проявления активности в одном из видов профессиональной деятельности (педагогическом или научно-исследовательском). Первая группа включает в себя «активных» молодых преподавателей, которые одинаково сильны как в научно-исследовательской деятельности, так и в педагогической. Вторая группа представлена молодыми преподавателями пассивными в обоих видах работы («пассивные» молодые преподаватели). К третьей группе были отнесены молодые преподаватели, активные в научно-

исследовательской работе и ведущие себя пассивно в педагогической деятельности (так, например, они изначально хотели заниматься наукой, а к педагогической деятельности относятся как к чему–то неизбежному или даже нежелательному для себя) – назовем их «исследователями». И четвертая группа включает в себя тех, кто активно себя проявляет в педагогической работе и пассивен в исследовательской деятельности («педагоги»).

Представители этих групп по-разному воспринимают субъектов риска, акцентируют внимание на разных акторах, переносят ответственность за возникновение или увеличение риска на различные социальные группы и институты (см. рис. 1).

Рис.. **Восприятие группами молодых преподавателей субъектов риска**

Группы «пассивных» молодых преподавателей и преподавателей–«исследователей», для которых преподавательская деятельность не является приоритетной или может выступать даже как нежелательная в сравнении с научно-исследовательской, одинаково расценивают ситуации неопределенности как внешние и ответственность за увеличение таких ситуаций возлагают на руководство университета и отдельные структурные подразделения вуза, которые, по их мнению, не помогают в снижении рисков, хотя это входит в их обязанности. Так, молодые преподаватели ПГНИУ отмечают недостатки в деятельности по снижению рисков ректората, научно-исследовательской части, которые «*должны помогать, людям помогать, факультетам, участвовать, искать какие-то работы*». Необходимо для снижения рискогенности в восприятии молодых преподавателей этих групп

организовывать совместные с подразделениями университета мероприятия, дискуссии по распределению обязанностей в рамках конкретных видов работ по научно-исследовательской деятельности.

Группа – «педагоги», т.е. молодые преподаватели активные именно в преподавательской деятельности, фактически считают самих себя субъектами рисков, связанных в основном со сложностями в написании и публикации статей, а также возникающих из–за собственной «*неспособности оценить временные промежутки*». Они берут на себя ответственность за те риски, с которыми сталкиваются в своей научно-исследовательской работе, отмечают, что их внутренне сковывает «*психологический страх*», который мешает включаться в новые виды деятельности. В данной группе молодых преподавателей ответственность можно рассматривать как «способ самозащиты субъекта риска» [6]. Для этой группы молодых преподавателей целесообразно организовать мероприятия по поддержке их научно-исследовательских интересов, чтобы помочь вписаться в научное сообщество, т.к. они зачастую не владеют информацией, чтобы снизить свои риски.

А группа молодых «активных» преподавателей субъектами рисков называют не себя и не университетские подразделения, а скорее «над–университетские» социальные институты, от которых ждут неких действий по разрешению рисковых ситуаций и снижению уровня рисков. Отмечаются изменения, влияющие на работу молодого преподавателя, связанные с деятельностью министра и министерства науки и высшего образования РФ. Молодые преподаватели этой группы предполагают, что риски будут «*исправлены, будут нивелированы, что министр, который уже сделал в общем немало»,* и дальше будет влиять на снижение рискогенности условий работы преподавателя. Для этой группы необходимо проводить такие мероприятия по снижению рисков, которые смогут привлечь их к принятию решений и соответственно такое распределение ответственности между самими молодыми преподавателями и социальными институтами высшего образования разных уровней приведет к снижению рисков.

Таким образом, существует связь между выбором приоритетного направления своей профессиональной деятельности молодым преподавателем и тем, как он воспринимает риски, кого видит субъектами риска в высшем образовании.

Список литературы

1. Белоусова С.А. Научно-методические основания модели комплексной оценки модернизационных рисков в сфере образования / С.А. Белоусова // Вестник ЮУрГУ. 2009. №18. С.43–48.

2. Беляева М.А. Почему научно-исследовательская работа преподавателя вуза – это «хромая лошадь» современной науки? / М.А. Беляева // Образование и наука. 2015. № 3 (122). С. 130–143.

3. Исмаилов А.А. Социология риска: принятие решений в условиях риска / А.А. Исмаилов // Вестник МГИМО Университета. 2010. №

4. Кленова М.А. Социально-психологическая адаптация молодежи и склонность к риску / М.А. Кленова // Известия Саратовского университета. Сер.Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т.10. вып.3. С. 79–82.

5. Рассадина Т.А. О некоторых рисках в высшем образовании / Т.А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. №3 (43). С. 116–127.

6. Ручкина М.В. Ответственность как способ самозащиты субъекта риска / М.В. Ручкина // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. 2008. №82–1. С.155–161.

7. Ручкина М.В. Субъект риска: философский и междисциплинарный дискурс / М.В. Ручкина // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. 2008. №77. С.155–161.

E.A. Balezina

PERCEPTION OF RISK OF SUBJECTS YOUNG TEACHERS OF THE UNIVERSITY

Reforming the higher education system leads to increased risks and situations of uncertainty. Young higher–school teachers perceive risk subjects differently: teachers, whose priority lies in the field of pedagogical activity, construct themselves as subjects of risk, teachers whose interests are closer to the implementation of research activities, see external social groups and institutions as subjects of risk.

Key words: risk, subject of risk, young higher–school teacher.

УДК 04.316:303; 316:001.8

Я.П. Быканова

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ЗНАЧИМОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ

Получение высшего образования в современном, быстро развивающемся мире является необходимой составляющей развития общества в целом. Тенденции развития высшего образования обеспечат глобальную конкурентоспособность страны. Получению высшего образования сопутствуют государственные программы, включающие проекты и разнообразные платформы, через которые может проходить также самообразование – важнейший компонент высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, самообразование, образовательные платформы.

«Тот, кто не будет заниматься саморазвитием,
самообразованием, тот точно пропадет».

Эпиграфом является цитата, принадлежащая одному из известных космонавтов, Рязанскому Сергею Николаевичу, который видит в развитии страны, прежде всего, развитие каждого ее гражданина. Во время глобальной конкуренции, некой неопределенности будущего победителями окажутся те страны, сделавшие ставки на развитие человека, его потенциала, на способности человека применять предоставляемые страной возможности развития, становления не только себя, но и улучшения культуры, отечества, планету. Человеческий капитал – это все те знания, установки, умения, которые могут позволить человеку создать доход и полезные эффекты, превосходящие первоначальные инвестиции и текущие затраты, для себя, работодателя и для общества в целом. Основную роль в данном тренде современности играет образование.

Предполагается, что место России к 2050 году в глобальном миропорядке будет определяться тем, что произойдет в 2018–2024 годах в детских садах, школах, колледжах, университетах и, конечно же, в сфере непрерывного образования [2, с. 6].

Сегодня возможности получения образования в России многогранны. Россия – в числе лидеров по доступности высшего образования в мире.

Высшее образование как социальная норма: даже если заработные платы сразу после окончания вуза и колледжа были бы одинаковыми, то половина опрошенных советуют выпускнику школы со средними академически-

© Быканова Я.П., 2018

ми показателями поступать именно в вузы. 82% семей хотели бы, чтобы дети получили высшее образование. Необходимо сохранение охвата высшим образованием при увеличении среднего уровня качества подготовки, чтобы в каждом регионе были вузы, обеспечивающие качественным образованием.

Активно действуют как государственные образовательные организации, так и негосударственные, что подтверждают следующие данные:

– 69% государственных образовательных организаций от общего количества образовательных организаций и филиалов (31% негосударственных образовательных организаций);

– 3,8 млн. студентов (90% от общего количества обучающихся) обучается в государственных вузах, когда 0,42 млн. – в негосударственных;

– 1,9 млн. студентов обучается на бюджете в государственных образовательных организациях (0,006 млн. студентов обучается на бюджете в негосударственных образовательных организациях).

Ключевыми драйверами становятся ведущие университеты. Они ведут диалог с руководством страны от лица всей высшей школы, также именно они предлагают образцы программ и исследований высокого качества. Происходит стратификация системы – сформировалась группа из 45 ведущих вузов (федеральные университеты, НИУ, университеты Проекта 5–100, МГУ и СПбГУ), с 2015 года начала формироваться сеть опорных университетов (задача – в перспективе 2–3 лет в каждом регионе иметь не менее одного такого вуза).

Важно подчеркнуть, что образование сегодня – это качество, но не количество. Качественное образование, привлекающее наиболее сильных абитуриентов, остается сконцентрированным в традиционных университетских городах и регионах: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская, Свердловская и Томская области, Татарстан. Эти регионы образуют костяк группы регионов с самым крупным бюджетным набором и при этом лидируют по качеству приема. При этом, значительная часть регионов («экспортеры») находятся в зоне риска – теряют как абитуриентов, так и выпускников университетов. Так, например, Тверская область теряет около 30% абитуриентов университетов. Еще 30% выпускников Тверской области уезжают работать в Москву и 20% выпускников Новгородской области — в Санкт-Петербург.

Качество приема в вузы улучшается: доля вузов, принимающих отличников (баллы ЕГЭ выше 70) на бюджет, выросла с 24 до 39% за 6 лет. При этом в 29 российских регионах вообще отсутствуют вузы со средним баллом ЕГЭ зачисленных студентов, соответствующим оценке отлично.

Сохраняется большая доля вузов, принимающих на очные программы на бюджет более 50% «троечников» – в 2011 году – 22,4%, а в 2017 – 16,5% [1, с. 67].

Выделились перманентно отстающие по качеству приема регионы (Северный Кавказ и Дальний Восток) и направления подготовки (сельское хозяйство, транспорт, ряд технологических направлений). Если региональный аспект определяется внешними по отношению к системе образования факторами, то направления образования нуждаются в радикальной перестройке.

Действуют государственные программы, сопутствующие данному направлению развития образования. Так, помимо получения гражданами России образования у нас в стране, существует возможность получения также за границей. «Глобальное образование» — государственная программа финансирования обучения граждан Российской Федерации, поступивших в ведущие зарубежные университеты, а также их трудоустройства согласно полученной квалификации. Бюджет программы – почти 3,8 млрд рублей, 2,7 млн рублей – сумма гранта на один год на одного участника. Она направлена на обучение 689 участников, и уже завершили обучение и трудоустроились 130 участников программы. 32 страны Мира включены в программу «Глобальное образование», 288 ведущих зарубежных университетов, 748 российских организаций-работодателей. Так, каждый человек, ставящий перед собой цель – получение качественного образования за границей, может стать участником данной программы.

Актуален проект «Современная цифровая образовательная среда», которая совмещает в себе цифровое образование, онлайн-курсы по повышению квалификации и многое другое. Более половины очно обучающихся студентов используют массовые открытые онлайн-курсы на глобальных платформах.

«Сегодня важнейшим конкурентным преимуществом являются знания, технологии, компетенции. Это ключ к настоящему прорыву, к повышению качества жизни» [В.В. Путин, из Послания Президента Федеральному собранию, 2018 год].

Таким образом, образование, как сегодня, так и ближайшем будущем – важнейший фактор развития человека и страны. Тренды, связанные с получением образования набирают обороты, обогащая каждого новыми знаниями, компетенциями и практиками.

Список литературы

1. Andriyanova T.V. Education for all: opportunities for disabled people // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 66–71;

2. Двенадцать решений для нового образования, Доклад центра стратегических разработок и высшей школы экономики. Москва: Изд-во НИУ, 2018. 106 с.

Y.P. Bykanova

HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: IMPORTANCE AND TRENDS

Higher education in the modern, rapidly developing world is a necessary component of the development of society as a whole. Trends in the development of higher education will ensure the global competitiveness of the country. Higher education is accompanied by government programs that include projects and a variety of platforms through which self–education can also pass – an essential component of higher education.

Keywords: higher education, self–education, educational platforms.

УДК 159.99 + 371.2

Р.А. Гнетов

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

В статье рассматриваются проблема использования современных технологий в системе образования России. Автор акцентирует внимание на достоинствах организации процесса обучения в США, актуализирует необходимость внедрения инновационных технологий в российской системе образования.

Ключевые слова: информационные технологии, система образования России, система образования в США.

Современное общество, активно использует информационные технологии во всех сферах жизнедеятельности, компьютерные инновации внедряются во все сферы человеческой деятельности, не является исключением и образование. Современное образование невозможно представить без использования информационных технологий. На сегодняшний день наблюдается тенденция по повышению значимости современных технологий в системе образования России. Использование компьютеров открывает много возможностей: поиск и анализ новой информации, использование различных программ, интерактивного обучения и многое другое. Компьютеризация процесса обучения в школе позволяет активизировать обучающегося, развивать творческие способности, а также организованность, ответственность и самостоятельность. У обучающегося появляется желание учиться, появляется интерес, снижается негативное восприятие воспитывающего воздействия и сопротивления ему.

Имеющиеся исследования рассматривают информационные технологии в образовательном процессе, как правило, в трех аспектах: как объект исследования, как способ обучения и как инструмент автоматизации учебной деятельности. О.И. Пащенко в качестве основного вида информационных средств в образовании выделяет обучающие программы – учебные пособия, которые обучающиеся могут применять, самостоятельно изучая дисциплину. Данные программы дают возможность саморегулирования учебного процесса, повышения качества усвоения материала. Кроме этого, отмечается значимость использования электронных учебников. Электронный учебник подходит, как для самостоятельного изучения материала, так и в качестве основы для лекционного материала. Электронный учебник содержит в себе все темы,

© Гнетов Р.А., 2018

которые предусмотрены учебным планом и так же блок, где обучающийся может проверить и закрепить свои знания, а его заинтересованные родители имеют возможность воспользоваться программой, проверить успеваемость своего ребенка, установить с ним взаимодействие и даже повысить свой уровень образования. Привлечение к процессу обучения современных аудиовизуальных технологий (анимационных, музыкальных, видеофильмов и др.) поднимает систему образования на более высокий качественный уровень. Основным преимуществом учебника подобного вида является наличие гиперссылок (ссылки на другие источники). Благодаря использованию интернета обучающийся может найти всю необходимую информацию [2].

Благодаря развитию информационных технологий все более популярным становится дистанционное образование – взаимодействие преподавателя со студентами на расстоянии, отображающее все компоненты учебного процесса. Дистанционное обучение позволяет получить все необходимые знания удаленно от основного места учебы. На сегодняшний день данная форма обучения активно используется в высших учебных заведениях, дает возможность получать образование в зарубежных странах, находясь в России.

Однако, современный уровень внедрения информационных инноваций в образовательный процесс не позволяет России достичь стандартов современного мира. Вероятно, данная проблема вызвана недостаточностью квалифицированных кадров, преподаванием в привычной, но устаревшей форме. Многие специалисты, пытаясь решить проблемы, существующие в системе образования России, прибегают к изучению и внедрению передового опыта других стран, анализируют все его достоинства и недостатки. По мнению исследователей, одной из ведущих в мире признается образовательная система в США. Молодежь разных стран стремится обучаться в американских университетах, которые занимают ведущие места в рейтинге лучших вузов мира [3].

Система образования в США сложилась под непосредственным влиянием многих экономических, социальных и исторических факторов. Для нее характерны некоторые особенности, которые не совпадают с европейскими стандартами: отсутствие единой государственной системы образования, право штатов Америки самостоятельно определять ее структуру [4]. Компьютерные и информационные технологии в США занимают третье место среди специальностей, наиболее востребованных молодыми людьми. Уже на этапе среднего образования, в школах, каждый класс оборудован современными устройствами, специальными программами, каждый школьник имеет свой планшет.

Система образования с использованием информационных инноваций в США принципиально отличается от существующей системы в России: она четко адаптирована к потребностям, существующим в обществе, ее отличает гибкость и способность к изменениям для осуществления дальнейшего развития научно-технического прогресса.

Обновление системы образования обусловлено прогрессивным развитием цивилизации. Таким образом, современная система образования должна быть направлена на объединение с мировым информационно – образовательным пространством и способствовать развитию способностей и навыков обучающихся, востребованных в высокотехнологичном обществе, воспитывать личность, способную сориентироваться и быть эффективной в современном мире. Школа является самым значимым институтом формирования и развития личности. Процесс социализации учащегося ребенка, подростка сопровождается интенсивными изменениями, трансформацией самовосприятия, сменой актуальных потребностей и направленности, в период обучения в школе формируются требования к себе и окружающим, эмпирически нарабатываются новые стратегии поведения, определяются жизненные перспективы и цели. Подростковый возраст является особо важным периодом в становлении активности субъекта. Новообразования возраста: самосознание, самоопределение, интернальность жизненной позиции, уровень их сформированности и реализации подростком, закладывают базу для наращивания субъектности и являются периодом – основой, определяющим уровень субъектности человека на следующем этапе онтогенеза. Данный период во многом определяет войдет ли социально-прогрессивная активность и высокий уровень владения современными технологиями в коллекцию стратегий, обеспечивающих индивидуализацию личности во взрослом возрасте или для этого сформируются иные способы (регрессивные и неадаптивные) [1]. Система образования, формирующая интеллектуальный потенциал государства, должна развиваться сообразно прогрессу цивилизации и ориентироваться на зону ближайшего развития конкретной личности и потенциального работодателя.

Список литературы

1. Гурова, О.В. Школьный графический вандализм как конфликт между личностью и средой / О.В. Гурова // Конфликтогенность современности: коллективная монография / под ред. Л.А. Максимовой. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. С. 49–65.

2. Пащенко О.И. Информационные технологии в образовании: учебно-методическое пособие. / О.И. Пащенко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. 227 с.

3. Тарасюк, Л.Н., Цейкович, К.Н. Образование в США / Л.Н. Тарасюк, К.Н. Цейкович // Социально-политический журнал. 1997. №1. С. 154–170.

4. Чернов, К.С., Косенко, Е.А. Влияние информационных технологий на образование и главная проблема современного образования в России / К.С. Чернов, Е.А. Косенко, В.В. Ермолаева // Молодой ученый. 2018. № 22. С. 358–360.

R.A. Gnetov

TO THE QUESTION OF USING OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATION SYSTEM OF RUSSIA

The article deals with the problem of using modern technologies in the Russian education system. The author focuses on the advantages of the organization of the learning process in the United States, actualizes the need to introduce innovative technologies in the Russian education system.

Key words: information technologies, education system of Russia, education system in the USA.

УДК 378.147.3

А.С. Карсункина

ВНЕДРЕНИЕ ЛЕКЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КЕЙС-МЕТОДА В ХИМИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

В представленной статье рассмотрен один из современных методов обучения – кейс-метод. Изучена возможность использования кейс-метода для изучения химических дисциплин. Показано, что эффективность применения кейс-метода и стандартного вида занятия сопоставима. Установлено, что эффективность метода при использовании на практических занятиях выше, чем на лекции.

Ключевые слова: кейс-метод, химические дисциплины, решение задач, индивидуальная и групповая работа.

В настоящее время происходит введение в образовательную систему современных методов обучения. Одним из таких методов является кейс-метод (или разбор конкретных ситуаций). Долгое время он применялся для менеджмента и бизнес-аналитики, а также в изучении гуманитарных дисциплин. Сейчас идет его постепенное внедрение в технические и естественно-научные дисциплины.

Кейс-метод представляет собой разбор реальной ситуации, в которой сочетаются выражение действительности, время для принятия решения и возможность вариативного обучения. Способ обучения предполагает деятельность студентов как индивидуально, так и в небольших группах для совершенствования навыков коммуникации. Основными целями решения кейсов является повышение эффективности обучения за счет активизации обучающихся и повышения их мотивации к учебе, появление и отработка уже имеющихся навыков принятия правильного решения, обработки полученной информации, представления полученного решения перед публикой и его аргументированность [1, с. 416–417].

Проведение занятий с использованием кейс-метода состоит из нескольких этапов [2, с. 82–84]:

1. Подготовка самого занятия, заключающаяся в выборе темы, подборе требуемого материала и его анализа.

2. Организационная часть, во время которой объясняется теоретический материал по выбранной тематике.

3. Индивидуальная работа студентов, которая представляет собой получение студентами, поделенными на подгруппы по 3–4 человека, кейсов

© Карсункина А.С., 2018

(заданий), решения которых они должны предложить, аргументируя свой ответ.

4. Проверка усвоения материала, которая может быть в виде устного опроса, тестирования и т.д.

Использование кейс-метода изучено на гуманитарных направлениях обучения, поэтому интерес представляет применение данного метода в технических и естественнонаучных дисциплинах.

Исходя из этого, целью работы является изучение эффективности использования кейс-метода при усвоении химических дисциплин.

Для достижения данной цели необходимо было решить следующие задачи:

1) сравнение эффективности применения кейс-методов по сравнению со стандартными методами проведения занятий;

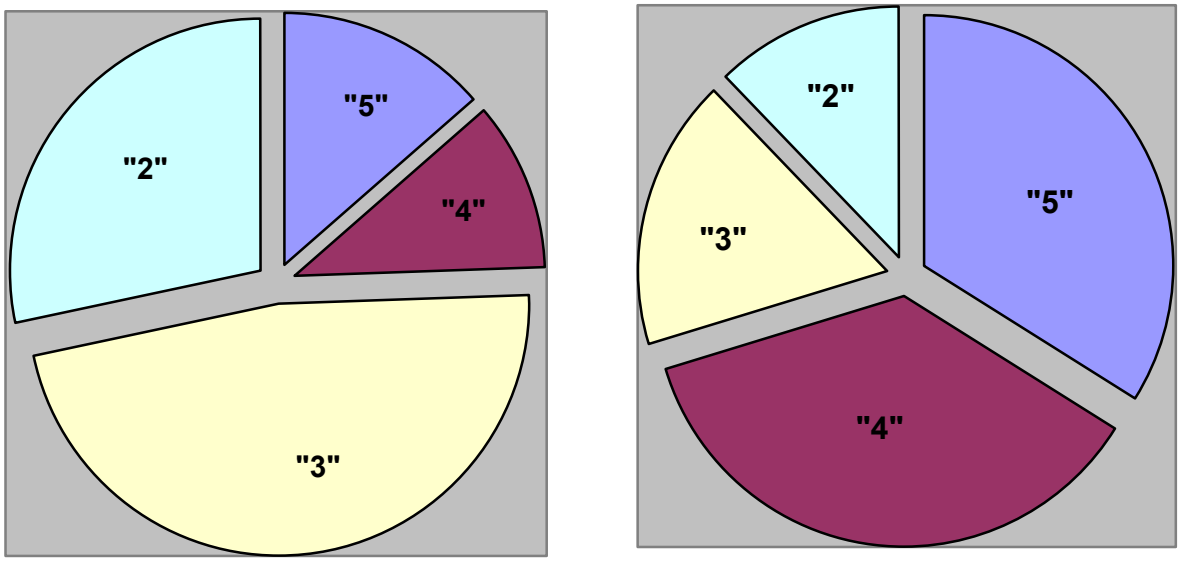
2) сравнение целесообразности использования кейс-метода для лекции и практических занятий.

Для получения сравнительной оценки эффективности внедрения кейс-методов в естественнонаучный профиль была выбрана дисциплина «Общая химия» для обучающихся первого курса бакалавриата. Была проведена стандартная лекция для 4 групп, а также лекция с разбором конкретной ситуации на тему «Способы получения серной кислоты» с последующей проверкой знаний усвоенного материала. Обе лекции были начаты с теоретического материала, а также с примерами возможных реакций, но в первом случае преподаватель рассказывает весь материал самостоятельно, во втором случае – предоставляется время для работы самих студентов. В данном случае учащимся предоставлялись вопросы, решение которых необходимо было найти и обосновать ответ, презентуя его перед группой. В конце обоих занятий был проведен тест из 10 вопросов, показывающий уровень усвоения предложенного материала. При подсчете баллов выявлены сопоставимые результаты, что говорит об одинаковой эффективности применения стандартной лекции и лекции с применением кейс-методов.

Для изучения возможности использования кейс-метода на практических занятиях и сравнения эффективности усвоения материала с лекциями был проведен семинар с использованием данной методики на тему «Окислительно-восстановительные процессы с участием серы» с последующей оценкой качества усвоенных знаний. В начале занятия некоторое время дается для теоретической части, далее каждая группа была разделена на несколько подгрупп по 3–4 человека. Каждой подгруппой были получены кейсы (конверты с заданием), решение которых необходимо было предложить и выступить перед остальными слушателями. В конце занятий также был проведен пись-

менный опрос в виде теста для выявления остаточных знаний студентов. Всего в опросе приняли участие 74 человека – учащиеся 4 групп первого курса.

Результаты исследования (см. рис. 1) подтверждают большую эффективность использования кейс-метода на практических занятиях, чем на лекциях, о чем свидетельствует наличие почти 75% положительных баллов среди опрошенных на семинаре, по сравнению с почти 25% положительных оценок у студентов на лекции.



а **б**

Диаграммы результатов оценки остаточных знаний: после лекции с использованием кейс метода (а), после практического занятия с использованием кейс-метода (б)

Таким образом, в результате проведенного исследования стоит отметить возможность применения в химических дисциплинах кейс-метода, но при этом возникает сложность при подготовке материала для лекции, вызванная подбором именно конкретных ситуаций, которые не всегда можно найти в химической отрасли. Также лекции, в большинстве случаев, проводятся для нескольких групп, которые невозможно разделить на небольшие подгруппы для решения кейсов и невозможно осуществить равное участие представителей каждой подгруппы в решении этого кейса. Наибольшая эффективность в применении кейс-метода наблюдается на практических занятиях, по сравнению с лекциями, что может быть объяснено большим участием студентов в изучении материала.

Список литературы

1. Эктов, А.В. Использование кейс метода в образовательном процессе / А.В. Эктов // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2013. № 3. С. 416–420.

2. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.

A.S. Karsunkina

INTRODUCTION TO THE EDUCATIONAL SYSTEM OF LECTURES USING THE CASE–METHOD

In the presented article, one of the modern teaching methods is considered – the case method. The possibility of using the case method for the study of chemical disciplines has been studied. It is shown that the effectiveness of the use of the case method and the standard type of occupation is comparable. It is established that the effectiveness of the method when used in practical classes is higher than in a lecture.

Key words: case method, chemical disciplines, problem solving, individual and group work.

УДК 378.14

О.А. Крапивина

ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы в системе российского высшего образования, характеризуется структура подачи учебного материала и уровень качества образования; предлагаются новые пути инновационных взаимодействий субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: качество образования, модернизация образования, компетентность, новации в обучении.

Современное высшее образование является важнейшим фактором развития инновационного потенциала общества, опираясь на геополитические, пространственные, интеллектуальные, демографические, технико-технологические и научные ресурсы страны. Российское высшее образование после интеграции в Болонский процесс получило новый стимул для развития, так как в университетах появилась возможность введения образовательных программ, исходя из европейских стандартов и требований, которые непосредственно ориентированы на мировой рынок труда [5, с. 4]. Включение высшего образования в систему Болонского процесса актуализирует задачи обеспечения мобильности, качества профессионального образования и его многоуровневости [7, с. 15].

Недостатки современного российского высшего образования связаны, в первую очередь, со структурой и методикой подачи учебного материала, влияющего на качество образования. Преподавание в высшем учебном заведении сегодня осуществляется по образовательным программам и преподается с помощью традиционного субъект-объектного подхода. Теоретический материал осваивается и изучается в процессе лекционных занятий, далее студенты обобщают полученные знания и готовятся к семинарским занятиям, выполняя различные задания. Образовательная программа включает в себя несколько видов практики, благодаря которой реализуется возможность применения теоретического знания в практической реальности.

Качество образования непосредственно зависит не только от преподавания, но и от целеустремленности в познавательной деятельности самих студентов. Следует отметить, что процесс оценивания качества образования следует анализировать по двум составляющим: оценку знаний, обучающихся

© Крапивина О.А., 2018

и оценку деятельности образовательных учреждений. Оценка качества образования должна включать в себя не только оценку и интерпретацию общих показателей, но и структуру обучения, его содержание, методы и формы, материально-техническую базу, кадровый состав и другие факторы, обеспечивающее развитие профессионального опыта молодежи.

Одними из актуальных проблем современного образования являются: дефицит квалифицированных специалистов; недостатки в профессиональной подготовке профессорско-преподавательского состава; отсутствие студентоориентированного подхода; наличие недостаточной мотивации у студентов к получению качественного знания; низкий уровень организации образовательного процесса; преобладание теоретического материала над практическим [2, с. 191].

ВЦИОМ опубликовал доклад в 2011 году на Всероссийской конференции «Образование и культура в процессе трансформации культуры», где отмечено, что ценность современного высшего образования в России достаточно высока: около двух третей россиян хотели бы, чтобы их дети имели законченное высшее образование [1, с. 8]. Диплом о высшем образовании нужен, в первую очередь, для карьеры и удачного трудоустройства, а потом уже для повышения социального статуса или расширения кругозора. По мнению опрошенных, главное — найти подходящую работу, получив профессиональные знания и навыки. Распространенной оказалась точка зрения, что для поступления в высшее учебное заведение нужны скорее деньги, а не знания [1, с. 9]. Вследствие этого, к актуальным проблемам высшего образования добавились проблемы дороговизны и коррупции. Ссылаясь на данные социологического опроса, примерно треть респондентов считают, что качество российского высшего образования ниже мирового уровня [1, с. 10].

В настоящее время конкурентоспособность выпускника вуза на рынке труда зависит не только от владения теоретическими знаниями, а в большей степени от навыков, полученных в процессе практической подготовки. Основная задача обновления и перестройки высшего образования заключается в том, чтобы найти пути формирования у будущего специалиста деятельностной позиции в процессе обучения, которая способствует становлению опыта целостного системного видения профессиональной деятельности, системного действия в ней, решения новых проблем и задач [3, с. 176].

Компетентностный подход формирует новый взгляд на результат образования по сравнению с когнитивным («знаниевым») подходом и требует постепенного перехода на него, но тем самым затрагивает почти весь спектр проблем модификации образования в ходе Болонского процесса. По мнению Л.А. Витвицкой, понятие «компетентность» ограничивается не только инди-

видуальными знаниями или умениями, но и включает в себя операционную, мотивационную, социальную и этическую составляющие [3, с. 176]. Обучение студента в высшем учебном заведении – это процесс овладения опытом будущей специальности и профессиональный рост, осуществляемый в настоящем времени, но спроектированный в будущее. Таким образом, стратегическая задача обновления системы высшего образования заключается в формировании студентоцентрированного подхода и развития аксиологического потенциала субъектов образовательного процесса. Согласно студентоцентрированному подходу, профессиональная деятельность преподавателя заключается в возвращении истинного смысла его назначения – в ведении, поддержке и сопровождении обучающихся. Преподаватели часто обращаются к понятию фасилитации, характеризующегося как приведение в действие многочисленных ситуаций взаимодействия [4, с. 24]. Критериями фасилитации являются открытость, истинность, доверие, эмпатическое понимание. Фасилитация выполняет функцию стимулирования педагогической деятельности, а именно способствует рациональному построению модели обучения и принципам взаимодействия. В результате, повышается продуктивность деятельности студента или целой группы и происходит побуждение реализовать идеи в конкретных деяниях как формах проявления активности.

Помимо роли фасилитатора, преподаватели в целях повышения качества образования используют также и другие образовательные технологии. К примеру, преподаватель–консультант в обучении студентов использует методику консультирования вместо обычного традиционного изложения теоретического материала. Цель, которую преследуют преподаватели такого подхода – научить студента учиться [4, с. 25]. Преподаватель–модератор помогает найти внутренний потенциал студента, используя во взаимодействии инновационные технологии для того, чтобы обучающиеся сами приходили к тому или иному логическому результату. В частности, такой преподаватель выступает в качестве посредника, способствующего взаимодействию между студентами. Деятельность преподавателя–тьютера, на основе анализа познавательных намерений, интересов и потребностей обучающихся, направлена на субъектный опыт студентов [4, с. 25].

Образовательный процесс высшего учебного заведения, согласно субъект-субъектному подходу, осуществляется на основе взаимодействия его субъектов – студентов и преподавателей. Рассмотренные подходы к обучению способствуют эффективному образовательному взаимодействию и развитию индивидуальной позиции студента.

В настоящее время процесс создания и внедрения образовательных новаций сопряжен с методом проб и ошибок. В большинстве случаев новации

неотделимы от их носителей, то есть появляется проблема их воспроизводимости и передачи другим [6, с. 32]. Чтобы процесс создания и внедрения образовательных новаций не приобрел спонтанный характер, нужно понять, к чему надо стремиться. Должно быть сформировано стремление к развитию самостоятельности обучающихся в выборе методов и способов обучения, поиске путей решения определенных задач. Инновационная методика является средством формирования и изменения способов реализации жизни и деятельности людей и выполняет три основных функции: исследование, изучение и решение проблем. Тем самым, выполняется переход от жестких технологий обучения к мягким, то есть от предельно запрограммированного результата обучения, одинаковому для всех, к индивидуализированному [6, с. 32]. Следует заметить, что инновации актуальны при условии, если они не только внедряются сверху, но и сами участники принимают активное участие в их разработке.

Таким образом, основные проблемы в системе российского высшего образования заключаются в структуре подачи учебного материала и стремлении к познанию обучающихся. В целях улучшения настоящего положения изучаются и разрабатываются методология и методика преподавания, применяются инновационные технологии в виде практически–ориентированных разработок.

Список литературы

1. Аймалетдинов, Т.А. Социологическая оценка качества высшего образования: теоретико-методологические подходы к исследованию / Т. А. Аймалетдинов, И.Е., Кузнецова // Изд-во: Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2013. № 5 (117). С. 3–12.

2. Банников, С.А. Проблемы и перспективы развития системы управления качеством высшего образования в российской федерации / С. А. Банников // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. №2. С. 190–196.

3. Витвицкая, Л.А. Компетентностный подход в университетском образовании / Л.А. Витвицкая // Вестник Оренбургского государственного университета. № 11 (130). С. 176–182.

4. Витвицкая, Л.А. Позиции преподавателя в процессе взаимодействия со студентами / Л. А. Витвицкая // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 9 (103). С. 24–25.

5. Жураковский, В.М. Модернизация российского высшего образования: проблемы и пути решения / В. М. Жураковский // Высшее образование в России. 2006. №1. С. 3–14.

6. Сорокина, Н.Д. Проблемы качества образования в современной Высшей школе: философские и социологические аспекты / Н. Д. Сорокина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 3 (7). С. 27–34.

7. Фуряева, Т.В. Качество высшего образования: проблема экспертизы / Т. В. Фуряева // Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г.Красноярск. 2009. № 3. С. 15–20.

O.A. Krapivina

PROBLEMS IN THE SYSTEM OF MODERN HIGHER EDUCATION AND PROSPECTS FOR ITS FURTHER DEVELOPMENT

This article discusses current problems in the higher education system, characterizes the structure of knowledge delivery and the level of quality of education; New ways of innovative interactions of subjects of the educational process are proposed.

Key words: quality of education, modernization of education, competence, innovations in education.

УДК 378

О.В. Курыло

МЕСТО ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

В настоящее время в современной системе образования необходимо опираться на гуманистический и антропологический характер педагогической деятельности, что требует расширения возможностей вариативного обучения, построенного на различных способах понимания и объяснения мира. В статье проанализирован опыт внедрения в учебный процесс элементов технологий стимулирования студентов к созданию своего смысла при изучении учебных текстов разного характера.

Ключевые слова: образование, педагогическая технология, герменевтика, студент, педагог.

Необходимость усиления в современном образовании гуманистического и антропологического характера педагогической деятельности требует расширения возможностей вариативного обучения, построенного на различных способах понимания и объяснения мира. Следовательно, возникает острая необходимость развития у студентов умений пользоваться метатеорией, метазнаниями и металогикой.

Основой такой работы со студентами может стать опыт средневековых университетов по использованию методов герменевтики, помогающих пониманию неясных текстов, выявлению разных смыслов и построению новых идей и смыслов изучаемых культурных ценностей. Педагогический смысл герменевтики заключается в научении пониманию. В самом общем виде герменевтика является не только искусством объяснения непонятных текстов, но и наукой по выявлению смысла, содержащегося в источниках информации и культуры в неявном виде. В современных условиях расширения возможностей интерактивных образовательных технологий более интересны возможности герменевтики в стимулировании студентов к новым смыслам, идеям и проектам [1].

Герменевтический подход к современному образованию отличается рядом особенностей:

– введение в учебный процесс диалоговых технологий стимулирует активность студентов в выражении собственных смыслов в одинаковых для всех научных знаниях–истинах;

– исторический процесс отражает мировоззренческие жизненные установки людей разных эпох;

© Курыло О.В., 2018

– преемственность идей и идеалов образования требует возврата к герменевтическим кругам в постановке аксиологических целей образования;

– в точных науках познание опирается на научные методы, а в гуманитарных науках герменевтика сама становится методом познания [2].

Понимание как смыслосозидающий механизм обеспечивает перевод предметного содержания на ментальный язык внутренней речи познающего. При этом обращение к смыслам культурных текстов требует способности студентов умело ставить вопросы с разных позиций и сравнения их для выявления истины или выхода на новые мысли и интерпретации, что обуславливает необходимость широкого использования в обучение диалоговых технологий.

Исходя из этих позиций, нами были внедрены в учебный процесс Учреждения образования «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия» элементы технологий стимулирования студентов к созданию своего смысла при изучении известных в содержании образования учебных текстов разного характера.

Так, технология структурирования знаний основывается на представлении учебных текстов в виде разноуровневых, причинно-обусловленных и обобщенных знаниевых конструкций. Они могут выступать в учебном процессе в разных формах: как готовые схемы, которые студенты развертывают и объясняют на занятии и в домашних заданиях; учебные тексты, из которых студены путем выделения основных знаний и их связей составляют обобщенные схемы или схемы в электронном варианте; как динамические средства с возможностью движения отдельных блоков по степени их значимости в общей схеме темы [4].

Технология составления таких структурно-логических схем включает следующие логические действия:

– разбивка текста на относительно самостоятельные части;

– выделение в каждой части основных мыслей, идей и знаний;

– группировка выделенных смысловых частей текста в блоки, имеющие разнохарактерные отношения к тексту;

– выделение главного, сущностного, стержневого компонента конструкции;

– установление структурно-органических связей выделенных блоков;

– наглядное представление всей структурно-логической схемы.

Использование подобных учебных технологий помогает студентам освоить следующие приемы герменевтики: рассуждение от противного, рассуждение по аналогии, формулировка существа проблемы, сравнение разных смыслов одной проблемы, принятие альтернативного решения, обращение к

историческому опыту решения проблем, выражение собственного участия в описываемых событиях в учебной тексте, оперативная реакция на неожиданные вопросы и смыслы других студентов, уточнение собственной позиции в сравнении с мнением других [3].

К герменевтическим методам мы относим и учебный диалог, который является основным способом достижения истины в гуманитарных науках. В нем могут перекликаться три герменевтических круга: пристройка сверху по логике педагога; пристройка снизу, ориентированная на возможности и стиль общения студента, и пристройка рядом как принятие партнерских отношений преподавателя и студентов. Диалог, будучи интерактивной формой взаимодействия в педагогическом процессе, возникает, как правило, в области несовпадения, значительного отличия позиций преподавателя и студентов или позиций и уровня понимания самих студентов. Чем разнообразнее и значительнее эта область несовпадения, тем активнее диалог, тем ярче проявляется индивидуальность каждого студента.

Основными признаками отражения в учебном диалоге герменевтических приемов понимания являются следующие проявления:

– два или более говорящих создают общую мысль, знание, метод на основе заданного текста или другого источника смысловой информации;

– каждый участник воспринимается как источник свободной мысли или смысла относительно заданной смысловой информации;

– свободно высказанная мысль относительно информации известного текста является его интерпретацией с учетом психических, познавательных или нравственных позиций современного человека, уже отличной от авторского замысла;

– различие позиций участников выступает вариативным потенциалом заданного текста;

– степень близости, созданной в диалоге общей обобщенной мысли к авторскому замыслу служит показателем понимания участниками диалога знаний, включенных в учебные тексты;

– степень отдаленности мыслей и мнений участников от авторского замысла является показателем интеллектуального потенциала и способностей участников в создании новых идей, смыслов и проектов.

С учетом этих признаков нами был апробировано несколько видов диалога в зависимости от характера взаимодействия участников диалогического общения: эмоциональный, функциональный, инсценировка, ассоциация, логический диалог, диалог–воображение, ловушка, интерпретация, диалог поколений, диалог–альтернатива, диалог–догадка, диалог–коллоквиум, эписто-

лярный диалог и др. Все указанные виды диалогов можно разделить по потенциалу диалогичности на следующие группы:

– классические, которые можно использовать как образцы демонстрации механизмов диалога;

– формально-логические, которые целесообразны в отработке логики мысли и раскрытии структурных связей и взаимодействий участников диалога;

– структурно-органические диалоги с широкими возможностями импровизации, столкновения разных позиций, стимулирования свободных мыслей и мнений и вариативных столкновений авторского смыслового потенциала текстов;

– технико-органические, позволяющие увлечь студентов цветовыми, звуковыми и мультимедийными эффектами.

При этом у герменевтики есть еще и возможность стимулирования собственный идей и смыслов студентами на основе авторской позиции. Для реализации данной функции мы использовали следующие герменевтические методы: метод ключевых слов, комментирование текстов и изобразительных средств, ситуации диалектических противоречий, размышления над ассоциативной информацией, диалогическое равенство участников спора, «мозговой штурм» и сенектика, ситуации перспективы.

Внедрение элементов указанных технологий герменевтики показало, что они способствуют развитию у студентов следующих интерактивных умений:

– решимость и способность видеть в обобщенных знаниях неопределенность, возможность иного объяснения и изменения в перспективе;

– понимание материала; оперативность реакции на неожиданность, противоречивость или подвох в вопросах, в учебных ситуациях или в характере заданного текста;

– обращение к дополнительной информации по разным источникам и аргументам для обоснования своей позиции и оценок обсуждаемых проблем;

– способность оценить реальное влияние ситуаций размышления и создания своего смысла в изучаемых знаниях на собственное эмоциональное, умственное и духовное развитие;

– решимость на корректную критику, принятие иного мнения и защиту собственной позиции в споре, диалоге и поиске перспективных педагогических идей.

Список литературы

1. Закирова, А.Ф. Концептуальные основания педагогической герменевтики / А.Ф. Закирова // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. №5. С. 8–18.

2. Самойлов, Л.П. Герменевтика и образование: от диалога к методологии / Л.П. Самойлов // Известия Волг ГТУ, 2006. №6. С.92–96.

3. Племенюк, М.Г. Проблема понимания в педагогической науке / М.Г. Племенюк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. № 83. С. 16–28.

4. Фролова Н.Г. Социально-философские аспекты герменевтики в современном образовании: Дис. … канд. филос. наук. Красноярск, 2001. С.116–121.

O.V. Kurylo

HERMENEUTICAL APPROACH TO MODERN EDUCATION

At present, in the modern educational system, it is necessary to rely on the humanistic and anthropological nature of pedagogical activity, which requires the expansion of the possibilities of variational learning built on various ways of understanding and explaining the world. The article analyzes the experience of introducing elements of technologies that stimulate students to create their own meanings in the learning process when studying educational texts of various kinds.

Key words: Education, pedagogical technology, hermeneutics, student, teacher.

УДК 316.628

П.М. Лапин

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматриваются мотивы студентов к занятию научно-исследовательской деятельностью. В результате анализа ряда исследований были выделены пять групп мотивов, приведены конкретные примеры, выявлены особенности изучения этого понятия.

Ключевые слова: мотивация, студенты, научно-исследовательская деятельность.

Современный этап развития общества характеризуется изменениями в области науки, техники, экономики и образования. Эти явления порождают активную конкуренцию на рынке труда и повышают востребованность образовательных услуг [8, с. 173].

Отвечая на требования современного общества, система высшего образования должна дать студентам следующие навыки: грамотное применение теоретических знаний на практике; критическое мышление; нахождение нестандартных, новых путей решения проблем; прогнозирование ситуации. Чтобы достичь эту цель, вузу необходимо осуществить подготовку студентов к научно-исследовательской деятельности. Этот процесс отражён в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) и является обязательным элементом подготовки студента [6, с. 132]. Например, выпускник, освоивший программу бакалавриата по направлению социология, должен быть готов решать следующие профессиональные задачи: проводить фундаментальные и прикладные социологические исследования; обрабатывать социальную, демографическую и экономическую информацию с помощью современных информационных технологий; интерпретировать данные социологических исследований и другую эмпирическую информацию [11, с. 4].

Результаты современных исследований говорят о том, что научно-исследовательская деятельность для молодых людей стала одной из самых непопулярных сфер: только 2% из них хотели бы связать свою карьеру с наукой, и всего лишь 0,5% считают этот вид деятельности престижным [3, с. 124].

Таким образом, необходимо повысить научную активность студентов, создать нужные условия для включения студентов в исследовательскую деятельность, повысить уровень мотивации научно-исследовательской деятель-

© Лапин П.М., 2018

ности студентов [6, с. 132]. Цель работы – рассмотреть операционализацию понятия мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности в контексте нескольких исследований, выявить закономерности и различия в исследовательских методиках, произвести классификацию мотивов.

Научно-исследовательская деятельность студентов (НИДС) представляет собой «деятельность, направленную на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей природной среды и их применение для достижения практических целей» [5, с. 72].

В результате анализа представленных в научных публикациях методик изучения мотивации научно-исследовательской деятельности студентов [1, 2, 4, 9] выявлены основные группы мотивов.

Первая группа мотивов – «службистские» мотивы – не предполагающие наличия у студента истинной заинтересованности в научно-исследовательской деятельности, т.к. выполнение данной работы является средством для достижения других целей [9, с. 168]. Например: потребность в высокой зарплате и хороших условиях работы [4, с. 173]; получение высшего профессионального образования, учёной степени, желание стать профессионалом в избранной сфере деятельности [1, с. 8]; подготовка к будущей профессиональной деятельности, освобождение от воинской обязанности [2, с. 128].

Вторая группа мотивов связана с мотивами славы, в данном случае научно-исследовательская деятельность выступает как ресурс, необходимый для достижения славы. Мотив направлен на желание сделать важное открытие, получить известность и авторитет в научной сфере [9, с. 168]. Например: потребность во влиятельности и власти, в ощущении востребованности, потребность в завоевании признания [4, с. 173]; стремление к успеху и достижению цели, желание занять достойное положение в обществе [1, с. 8]; желание внести собственный вклад в решение общественно значимых проблем [2, с. 128].

К третьей группе мотивов можно отнести ценностные мотивы. Данный тип мотивации говорит об осознанном принятии решения заниматься научно-исследовательской деятельностью, в первую очередь, из–за познавательного интереса и желания внести вклад в решение актуальных научных проблемы [9, с. 168]. Сюда относится потребность ставить для себя сложные цели и достигать их [4, с. 173]; стремление к приобретению новых знаний и навыков, интерес к определённой области знаний, желание находить и решать проблемы [1, с. 8]; стремление к научному поиску и изучению сложных разделов и тем программ учебных дисциплин [2, с. 128].

Четвертая группа: мотивы, связанные с потребностью в коммуникации. Например, потребность в социальных контактах, потребность формировать и поддерживать долгосрочные взаимоотношения [4, с. 173]; общение с выдающимися учёными и педагогами, работа в научных коллективах [1, с. 8]; воздействие научно-педагогического коллектива вуза [2, с. 128].

И пятая группа включает в себя мотивы, связанные с личностным ростом: сюда можно отнести потребность в совершенствовании [4, с. 173]; познание самого себя, открытие скрытых способностей, возможность творческого самовыражения и саморазвития [1, с. 8]; способ самореализации, желание оценить свои профессиональные навыки [2, с. 128].

В анализируемых методиках недостаточно внимания уделяется изучению ситуативных мотивов, которые формируются благодаря случайным факторам: научным открытиям, моде на науку, популярностью выбранной проблематики [9, с. 168]. Например, в современном обществе активно развивается сфера информационных технологий, поэтому этой тематике посвящается большое количество исследований [10, с. 258].

Только в одном из четырёх исследований был сделан акцент на взаимодействие преподавательского состава со студентами. Стоит отметить, что активное взаимодействие преподавателя и студента является эффективным условием профессиональной подготовки обучающихся [7, с. 354], поэтому на это стоит обратить особое внимание.

Таким образом, существуют такие типы мотивации студентов к осуществлению научно-исследовательской деятельности, которые рассматривают большинство исследователей. Сюда можно отнести «службистские» и ценностные мотивы, мотивы славы, а также мотивы, связанные с коммуникацией и саморазвитием.

Список литературы

1. Анжаурова, И.Г., Кузнецова, Л.А., Соловьёва, О.А. Мотивация студентов к научно-исследовательской деятельности / И.Г. Анжаурова, Л.А. Кузнецова, О.А. Соловьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. С. 7–10.

2. Балашов, В.В., Пацула, А.В., Леньков, Р.В., Гайдукова, Е.А. Проблема мотивации научной деятельности студентов вуза / В.В. Балашов, А.В. Пацула, Р.В. Леньков, Е.А. Гайдукова // Социологические исследования № 4. 2016. С. 127–130.

3. Большакова, О.Н. Готовность студентов к научно-исследовательской деятельности / О.Н. Большакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки, 2011. №2. С. 124–131.

4. Долганов, Д.Н., Законнова, Л.И., Седовских, М.Е. Мотивационная готовность и отношение студентов технического вуза к осуществлению научно-исследовательской деятельности / Д.Н. Долганов, Л.И. Законнова, М.Е. Седовских // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2015. С. 172–180.

5. Колдина, М.И. Подготовка к научно-исследовательской деятельности будущих педагогов профессионального обучения в вузе : дис. Канд. Пед. Наук : 13.00.08 / М.И. Колдина – Нижний Новгород, 2009. – 189 с.

6. Матерова, А.В. Мотивация научно-исследовательской деятельности студентов / А.В. Матерова // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. С. 132–137.

7. Николаева, Л.В., Саввинова, Р.В. Взаимодействие преподавателя и студента как условие эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов / Л.В. Николаева, Р.В. Саввинова // Современные наукоёмкие технологии. 2015. №12. С. 351–354.

8. Петрова, С.Н. Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки специалистов / С.Н. Петрова // Молодой ученый. 2011. №10. С. 173–175.

9. Разина, Т.В. Метасистемный подход к исследованию мотивации научной деятельности / Т.В. Разина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2012. С. 155–169.

10. Трескинский, А.С. Ценностные ориентации студенческой молодёжи и интернет-коммуникации / А.С. Трескинский // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. №13. С. 258–264.

11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 39.03.01 Социология (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/390301.pdf (Дата обращения: 13.10.2018 г.).

P.M. Lapin

THE MOTIVATION OF SCIENTIFIC–RESEARCH ACTIVITY OF STUDENTS AT THE UNIVERSITY

The paper considers the motives of students to the scientific–research activity. Based on the analysis of a number of studies, regularities and peculiarities in the study of this subject were identified. The paper classifies some of this motives.

Key words: motivation, student, scientific–research activity.

УДК 159.9

Д.М. Логинова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ

В статье показана значимость управления временем личности как способа повышения ее продуктивности. Проведен опрос у современных студентов с целью выявления особенностей планирования ими собственного времени. Полученные результаты показали, что большинство студентов не умеют должным образом организовать свое время, не используют (а порой и не знают) эффективные методы управления им, что снижает их работоспособность и успешность деятельности в целом.

Ключевые слова: «тайм–менеджмент», студенты, методы управления временем.

В настоящее время в связи с расширением социально-экономических возможностей, научно-технического прогресса темп жизни людей постепенно ускоряется. Люди хотят достичь все более далеких горизонтов и, соответственно, ежедневно планируют все большее количество дел. При этом остро встает вопрос нехватки временного ресурса, причем особенно этому подвержены люди молодого возраста. Мы пытаемся угнаться за всеми важными для нас делами, но, к сожалению, не всегда находим возможность воплотить все задуманное в жизнь. Перед нами начинают вставать стандартные вопросы: «Как все успеть?», «Как научиться организовывать свой день?», «Как повысить свою продуктивность?».

Ответ кроется в становящемся все более актуальным на сегодняшний день термине «тайм–менеджмент» («time–managment»), который содержательно отражает технологию организации времени и повышения эффективности его использования [2, с. 134].

Мысли о самоорганизации личности возникли еще 2000 лет назад в Древнем Риме. Знаменитый мыслитель Сенека предположил, что, деля время на потраченное с пользой и бесполезное, можно повысить свою производительность [3, с. 72]. Кроме того, он одним из первых стал вести письменный учет времени. В дальнейшей истории управления временем эти идеи легли в основу такого понятия как «личная эффективность», которое обозначает результативность в поставленных для себя задачах.

Личная эффективность базируется на трех составляющих:

А) Осознание своих намерений и постановка целей.

Б) Умение управлять своими ресурсами (временем).

В) Наличие «правильного» окружения и умение общаться.

© Логинова Д.М., 2018г.

В XV веке итальянский писатель и ученый Альберти утверждал, что тот, кто умеет управлять своим временем с пользой, всегда будет добиваться успеха. При этом им было выдвинуто два правила:

1. Ежедневно утром составлять список дел.

2. Распределять дела на более и менее важные.

На протяжении долгого времени эти принципы оставались на теоретическом уровне. И только в 80–х годах XX века их стали применять в практической деятельности. В современной науке существуют различные методы тайм–менеджмента, позволяющие увеличить свою производительность за счет эффективного использования временного ресурса [1, с. 89–90].

В связи с вышесказанным, нами было проведено исследование с целью выявления особенностей организации собственного времени современными студентами. Проведенное среди студентов анкетирование было направлено на определение влияния самоорганизации респондентов на их общую работоспособность и эмоциональную стабильность. В процессе исследования нам необходимо было подтвердить или опровергнуть рабочую гипотезу о том, что наличие четкого распорядка дня и стабильность биологических ритмов улучшает эмоциональное состояние студентов и обеспечивает высокий уровень их работоспособности.

В исследовании приняло участие 200 студентов Самарского государственного социально-педагогического университета. Полученные данные показывают, что 72% студентов не планируют четко свое время и, соответственно, не придерживаются в своей повседневной жизни определенного режима дня. В значительно меньшей степени (в 28% случаев) такой режим дня у студентов присутствует.

Рассматривая отдельные показатели режима дня студентов, нас интересовала стабильность утреннего пробуждения. Результаты исследования показывают, что в группе студентов, имеющих четкий распорядок дня, стабильность ежедневного пробуждения в одно и то же время больше на 25%, чем в группе, включающей студентов, не планирующих собственный временной график.

На фоне указанного показателя не менее информативным, на наш взгляд, выступает и фактор стабильности засыпания. Полученные результаты выявляют тенденцию ежедневного засыпания после 00:00 ч. у студентов, не имеющих четкого распорядка дня, что проявляется на 26% чаще, чем в группе студентов, планирующих свой временной график.

Определив режимные моменты, связанные с биологическими ритмами организма и регулированием времени современными студентами, нашей за-

дачей стало выявление особенностей их работоспособности в течение дня. Полученные результаты отражены на рис. 1.

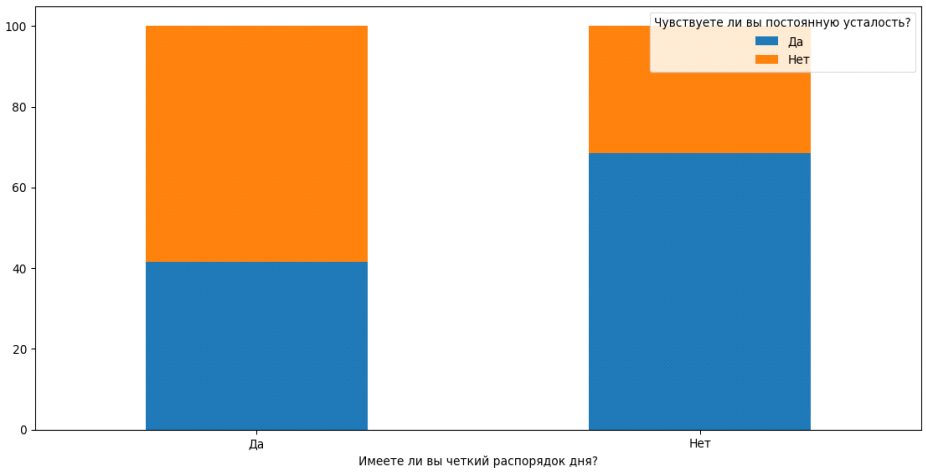


Рис. 1. **График зависимости чувства усталости студентов от наличия четкого распорядка дня**

Полученные данные относительно активности и работоспособности студентов (Рис. 1) свидетельствуют о том, что респонденты, не имеющие четкого распорядка дня, чаще испытывают усталость, эмоциональный дискомфорт и нестабильность настроения (на 27%) по сравнению со студентами, планирующими собственное время. Указанные эмоциональные состояния, по мнению самих студентов, напрямую влияют на уровень их работоспособности и усвоение учебной информации, получаемой в течение дня.

Уточняя у студентов, используют ли они какие-либо известные им методы управления временем, мы выявили, что больше половины студентов (61,4%) не применяют таковые, несмотря на то, что знают их из курса «Основы самоорганизации личности», преподаваемого им на начальном этапе обучения, и, соответственно, планируют свой график чаще интуитивно, чем логически и взвешенно. Полученные результаты отражены на рис. 2. Они позволяют отметить, что только 38,6% опрошенных применяют как минимум один метод планирования собственного времени. Наиболее эффективными и действенными студенты считают Метод «АБВГД» (15,8%) и Принцип Парето (14,9%). Наиболее часто используемый студентами Метод «АБВГД» отражает принцип приоритетности планируемых дел по алфавиту от самых важных к наименее важным. В силу простоты и доступности применение данного метода оказывает «скорую помощь» студентам в организации их собственного времени.

Рис. 2. **Показатели студентов по использованию методов планирования времени**

Интересным является тот факт, что выбор Принципа Парето отражает экономический тип мышления современных студентов, которые готовы тратить 20% усилий на 80%–й результат, и принимают позицию бесполезности остальных 80% усилий, которые смогут дать лишь 20% результата. Самое главное в использовании этого метода – правильно выбрать минимум самых важных действий, которые позволят быстро получить значительную часть планируемого результата.

Редко используемый студентами, но все-таки вошедший в рейтинг, оказался Метод Эйзенхауэра (7,9%). Деление в рамках данного метода всех дел на категории «важные и нужные», «неважные, но нужные», «важные, но ненужные», «неважные и ненужные» (и графическое их представление) позволяет лучше запомнить и содержательно структурировать собственные планы студентов и сделать первый шаг к их умелому управлению временем.

Таким образом, на основании анализа полученных данных отметим эмпирическое подтверждение гипотезы, что позволяет нам сформулировать следующие выводы исследования:

- Более половины респондентов не придерживаются в своей повседневной жизни четкого режима дня и определенной системы планирования времени.
- Студенты, управляющие своим временем и имеющие четкий распорядок дня, способны понять и отрегулировать собственные биологические ритмы (время засыпания и пробуждения), что обеспечивает им стабильный сон и большие возможности для организации собственной жизни.
- Студенты, не имеющие четкого распорядка дня, чаще испытывают усталость, эмоциональный дискомфорт и нестабильность настроения по

сравнению со студентами, планирующими собственное время, что отрицательно влияет на их активность и работоспособность в учебно-профессиональной деятельности.

- Большинство студентов, зная некоторые методы управления собственным временем, не используют их вовсе, вследствие чего их показатели работоспособности и сосредоточенности на учебном материале гораздо ниже, чем результаты респондентов, использующих методы планирования.

Подводя итоги исследования, важно отметить недостаточные умения современных студентов управлять своим временным ресурсом, низкую осведомленность в практическом применении методов самоорганизации личности. Однако студенческий возраст, знаменующий переход во взрослую жизнь, на наш взгляд, является наиболее сенситивным периодом для приобретения навыков управления собственной жизнью в целом и планирования времени в частности. Поэтому в процессе обучения в высших учебных заведениях необходимо вводить курсы, дополнительные факультативы и, возможно, проводить мастер-классы по самоорганизации личности, что позволит повысить личную и профессиональную эффективность будущих специалистов.

Список литературы

1. Аллен Д. Как привести дела в порядок. Искусство продуктивности без стресса. / Д. Аллен. 7–е изд. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер». 2014. 183 с.

2. Бусыгина Т.А., Цыганов К.Г. Как научиться хорошо учиться. Основы самоорганизации учебной деятельности / Т.А. Бусыгина, К.Г. Цыганов. Самара: Издательство СГПУ, 2008. 210 с.

3. Моргенстерн Д. Тайм–менеджмент. Искусство планирования / Д. Моргенстерн. М.: ООО Издательство «Добрая книга». 2016. 256 с.

D.M. Loginova

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF TIME MANAGEMENT BY MODERN STUDENTS

The article shows the importance of time management of the individual as a way to increase its productivity. A survey was conducted among modern students in order to identify the features of their own time planning. The results showed that the majority of students do not know how to properly organize their time, do not use (and sometimes do not know) effective methods of managing them, which reduces their efficiency and success of the activity as a whole.

Key words: time management, students, time management methods.

УДК 37.018

С.В. Ляликова

СЕМЕЙНО-ДОМАШНЕЕ ОБУЧЕНИЕ КАК РЕАКЦИЯ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

В работе определены негативные аспекты современной образовательной системы и проанализированы результаты социологических исследований по вопросам качества образования в нашей стране. Зафиксировано растущее недоверие населения к качеству российского образования, что обуславливает среди населения одновременный рост интереса к альтернативным формам обучения. В работе представлен феномен семейного образования, набирающий популярность в современном мире. На основании авторского эмпирического исследования проведен сравнительный анализ мнений хоумскулеров и родителей обычных школьников на цели общего образования, а также выделены ключевые причины выбора семейной формы обучения для своих детей.

Ключевые слова: семейное образование, система жизненных ценностей, трансформация, качество образования.

Отечественные и зарубежные ученые, фиксирующие кризисное состояние образовательной системы, долгое время ведут поиски выхода из сложившейся ситуации [1, с.3]. Суть ее заключается в разрыве между качеством специалистов, прошедших через образовательную систему, и «потребностями развивающегося производства» [9, с.193]. На фоне реализации компетентностного подхода в образовании [6, с.58–59], воспеваемого Болонским процессом, разработки наиболее усовершенствованных вариантов федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС 3++, ФГОС 4), сокращения номинального числа образовательных учреждений, снижения престижа образования, недостаточного финансирования, а также нехватки и низкой квалификации преподавательского состава, среди населения складывается негативная оценка российской образовательной системы в целом. По данным ВЦИОМ каждый пятый участник исследования считает, что нынешнее состояние системы образования можно оценить, как плохое/очень плохое, еще 41% респондентов считает его посредственным [7].

В рамках рыночной экономики «образование» теряет свою ценность, приобретая черты услуги, за которую можно и нужно платить. Попытка ис-

© Ляликова С.В.., 2018

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037.

следователей ВЦИОМ в 2016 г. выяснить ключевой фактор, от которого преимущественно зависит, какое образование получит ребенок, показала значимость материального фактора (47%, в сравнении с 1991г. – 34%), а также стремления родителей дать ребенку образование, число выбравших данный вариант ответа за 25 лет увеличилось почти на 10 процентных пунктов, достигнув в 2016 г. – 38%. Традиционное российское образование не соответствует запросам современного общества. По данным ФОМ с 2011 г. по 2016г. увеличилась доля тех, кто считает, что качество школьного образования ухудшается, так в 2011г. 37% респондентов придерживались данной точки зрения, к 2016г. их число достигло 46% [4].

Респонденты убеждены, что учат сегодня хуже, чем во времена их молодости (56%), особенно популярен данный ответ, среди лиц с высшим образованием (60%). Свое недовольство участники исследования выражают в первую очередь к программам обучения (16%), снижению качества образования (11%) и как следствие росту безграмотности, а также повсеместным введением тестовой системы (9%). Именно на фоне критики, адресованной к традиционным формам обучения, разработки новых образовательных стандартов, возрастает интерес к альтернативным формам обучения, одной из которых является семейная.

Семейное обучение – это возможность получения образования вне образовательных организаций и учреждений, осуществляемая преимущественно родителями (ближайшими родственниками). Образовательный процесс должен быть выстроен согласно ФГОС, что регулярно проверяется с помощью периодической аттестации учащихся в семье, фиксируя усвоение ребенком пройденного материала. Следует подчеркнуть, что семейное образование (семейно-домашнее обучение, хоумскулинг) не является синонимом экстерната, а также очной или очно-заочной формы обучения.

Ежегодно численность приверженцев альтернативных форм обучения, в частности хоумскулинга, растет. Наилучшим образом отражает данную тенденцию заголовок исследования, опубликованного Институтом Фрейзера «Домашнее образование: от экстрима к мейнстриму» [12]. Эсперты Института Гэллапа зафиксировали с 1985 года тенденцию более одобрительного отношения к семейному образованию [13]. Значительная исследовательская база по проблемам семейного образования уже сформирована в США [10] и Канаде [11], однако, всплеск на проведение фундаментальных исследований данного феномена к настоящему времени

несколько спал, а те, что проводятся сосредоточены в первую очередь на изучении академических успехов «хоумскулеров», а также на их эмоциональном состоянии и проблемах социализации [5]. В России феномен семейно-домашнего обучения для большинства населения остается «диковинкой», несмотря на прописанную в законе «Об образовании» от 1992г. [3] возможность перевода ребенка на семейную форму образования. Число хоумскулеров в нашей стране за последние несколько лет увеличилось вдвое, так в 2007г. таковых было 3940 человек [8], а в 2015/16 гг. – 8452 человек, впрочем, от общего числа лиц, получающих общее образование, это составляет всего 0,058% [2], для сравнения, в США число «хоумскулеров» уже превысило значения в 3,4% [14].

Для изучения особенностей семейного образования в России и его восприятия в глазах общественности кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2017 г. было проведено инициативное межрегиональное социологическое исследование: "Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего?" В ходе которого было опрошено 818 респондентов (среди них представители хоумскулинга, а также приверженцы классической формы образования).

На основе полученных данных можно провести сравнительный анализ мнений «хоумскулеров» и родителей обычных школьников по поводу причин перехода на семейное образование, а также цели общего образования. Наиболее существенной причиной, обуславливающей переход на семейную форму обучения, респонденты, практикующие семейно-домашнее образование, видят в низком качестве школьного образования (66,1%), а также в желании сохранить здоровье ребенка, избежав при этом чрезмерных нагрузок (55,6%). В то время как родители обычных школьников в числе ведущих причин перехода на семейное обучение указывают на ограниченные возможности здоровья ребенка (62,1%).

Оказалось, что топовые позиции по ответам на вопрос о целях общего образования среди двух категорий родителей едины («развитие познавательных качеств»; «найти «призвание» ребенка, понять, что ему интересно»; «развитие индивидуальных способностей»), однако уровень предпочтительности каждого из вариантов ответа существенно различается (см. табл.).

Наиболее важные цели общего образования (Ответ на вопрос: "Какие цели общего образования Вы считаете наиболее важными?"), в (%)

Категории для оценки	Семейники	Родители школьников
Развитие творческого потенциала	34,1	20,9
Развитие познавательных качеств, "научить учиться"	75,5	58,5
Развитие индивидуальных способностей	50,6	36,9
Привитие общественных норм и ценностей	15,2	33,6
Подготовка к профессиональной деятельности	18,9	27,6
Подготовка к поступлению в ВУЗ	14,0	36,0
Найти "призвание" ребенка, понять, что ему интересно	56,8	45,2
Духовно-нравственное воспитание	29,2	27,1
Воспитание свободной личности	35,4	16,0
Другое	4,1	1,2

На статистически значимом уровне было выявлено, что родители, отдающие предпочтение классическому образованию, в противовес семейникам нацелены преимущественно на интеграцию ребенка в существующую общественную систему. Они выше ценят такие цели общего образования как «поступление в ВУЗ», «подготовку к профессиональной деятельности», а также «привитие общественных норм и ценностей». Для семейников наиболее важным оказывается развитие индивидуальных характеристик ребенка, воспитание свободной и творческой личности, говоря о целях общего образования, они чаще указывают на «развитие познавательных качеств у ребенка» и «индивидуальных способностей», а также «воспитание свободной личности» и «развитие творческого потенциала» ребенка. Следует отметить существенные расхождения в ценностной системе исследуемых групп.

Таким образом, основываясь на результатах эмпирического исследования, можно заключить, что несмотря на господствующий в обществе стереотип о переходе ребенка на семейную форму обучения по причине болезни (инвалидности), реальная популярность надомной формы образования связана в первую очередь с несовершенством образовательной системы и переосмыслением самого понятия образования. Знания перестают быть самоцелью и больше не связаны с конкретным временем и местом, для ребенка открываются широчайшие возможности поиска себя, гармоничного развития личности в комфортном психологическом климате в кругу семьи. Более детальное изучение особенностей семейной формы обучения, в частности ее преимуществ позволит внести соответствующие коррективы в

сложившуюся образовательную систему, и выведет ее на новый уровень, соответствующий высоким требованиям родителей и современным вызовам.

Список литературы

1. Алехин, И.А, Герасимова, Т.Н. Философия образования: история, проблемы, перспективы / И.А. Алехин, Т.Н. Герасимова // История и философия образования, 2017. №2 (66). С.3–16.

2. Единая информационная система обеспечения деятельности Минобрнауки России. [Электронный ресурс]. URL: http://eis.mon.gov.ru/education/SitePages/Общее%20образование-Формы_2015–2016.aspx (Дата обращения: 15.01.2018).

3. Закон РФ «Об образовании» N 3266–1 (от 10.07.1992). [Электронный ресурс]. URL: http://dokipedia.ru/document/5161859 (Дата обращения: 29.12.2017).

4. О школьном образовании. О характере и динамике изменений в школьном образовании. «ФОМнибус». 20.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/Nauka–i–obrazovanie/12868 (Дата обращения: 15.09.2018).

5. Поливанова, К.Н., Любицкая, К.А. Семейное образование в России и за рубежом / К.Н. Поливанова, К.А. Любицкая // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. №2. С.73.

6. Севастьянов, Д.А. Образовательные стандарты и кризис образования / Д.А. Севастьянова // Высшее образование в России, 2018. Т.27. №4. С. 57–65.

7. Система образования в России: 1991–2016. Опрос ВЦИОМ 22 января 2016г., [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556 (Дата обращения: 01.11.2018).

8. Статистика российского образования. [Электронный ресурс]. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=fd_5_8&group=sub&ttype=1&Field=J1&Field=J2&Field=J3 (Дата обращения: 15.02.2018).

9. Степанов, В.И. Кризис образования в современной России и пути его преодоления / В.И. Степанов // Вестник ТГПУ, 2014. №11 (152). С.193–197.

10. Academic Statistics on Homeschooling. 2004. [Электронный ресурс]. URL: https://hslda.org/docs/nche/000010/200410250.asp (Дата обращения: 20.01.2018).

11. Fifteen Years Later: Home–Educated Canadian Adults, Canadian Centre for Home Education. 2009. С.33. [Электронный ресурс]. URL: http://www.naturalchild.org/research/fifteen_years_later.pdf (Дата обращение: 10.12.2017).

12. Home Schooling: From the Extreme to the Mainstream by Patrick Basham, The Fraser Institute, Vancouver, B.C., Canada, 2001. [Электронный ре-

сурс]. URL: https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/HomeSchooling.pdf (Дата обращения: 11.01.2018).

13. Lyons Linda, Gordon G. Homeschooling: Expanding Its Ranks and Reputation, 2002. [Электронный ресурс]. URI: http://news.gallup.com/poll/5941 /Homeschooling–Expanding–Its–Ranks–Reputation.aspx (Дата обращения: 15.12.2017).

14. The National Center for Education Statistics uses a statistical adjustment for estimates of total homeschoolers in 2012. For more information about this adjustment, please see Homeschooling in the United States: 2012 (NCES 2015–019, forthcoming). [Электронный ресурс]. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest /d15/tables/dt15_206.10.asp?current=yes (Дата обращения: 5.01.2018).

S.V. Lyalikova

FAMILY EDUCATION AS A REACTION TO TRANSFORMATION OF THE VALUE OF EDUCATION IN THE MODERN WORLD

The paper presents the negative aspects of the modern educational system and analyzes the results of sociological research on the quality of education in our country. Mistrust of the population to the quality of Russian education is growing. This explains the growing interest in alternative forms of learning from the public. The paper presents the phenomenon of family education, which is becoming increasingly popular every year. Based on the author's empirical research, a comparative analysis of the opinions of homeschoolers and schoolchildren parents on general education, as well as highlighted key reasons for choosing a family form of education for their children, are conducted.

Key words: home education, system of vital values, transformation, quality of education.

УДК 316.4.06

Л.Г. Мирзоян

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проблемам влияния глобализации на развитие современного российского образования. В статье проанализированы процессы интеграции национальных образовательных систем в единое мировое образовательное пространство. Также в статье дан анализ организации процесса обучения с применением дистанционной формы обучения.

Ключевые слова: глобализация, системы образования, дистанционное обучение.

Глобализация как процесс сближения людей оказывает влияние на все сферы жизни человека. Как любое явление она получает и положительную, и отрицательную оценку её последствий со стороны исследователей. Для одних исследователей глобализация – это спасение человечества, другие видят в ней ее гибель, есть и те, кто объективно оценивает этот процесс, указывают и плюсы, и минусы. Нельзя не отметить, что глобализация затронула, в первую очередь, экономическую сферу жизнедеятельности человека, однако всё в обществе взаимосвязано, а значит, невозможно было избежать её воздействия на все остальные, а том числе на сферы культуры. В эпоху глобализации развитие человеческого разума и развитие науки и техники становятся основными критериями общественного прогресса, тем самым повышая интерес государств к вопросам образования. Еще Ф. Фукуяма предсказывал, что главной основой для стратификации людей будут различия в уровне образования.

Как же трансформируется система образования? Как глобализация сказывается на образовании? Модернизационные процессы, по большей части, происходят потому, что государства, видя сближение других на образовательном поле, понимают необходимость такого объединения. Этим обусловливает не только схожесть образовательных программ различных государств, но и развитие дистанционного образования. Именно эти два явления мы будем раскрывать далее.

Основная тенденция высшего образования в условиях глобализации заключается в создании единого образовательного пространства, которое должно быть построено на определенных общепризнанных принципах. Это объясняет стремление всех университетов быть частью единой образовательной системы, изоляция от которой может иметь негативные последствия для любого университета.

© Мирзоян Л.Г., 2018

Поэтому решение о принятии Болонского процесса России в 2003 году вполне объяснимо. С одной стороны, Россия не может принять европейскую модель образования ввиду нескольких причин. В первую очередь, принцип «копи–паст» не реализуем, так как без учета национальных особенностей и российского менталитета невозможно построить систему образования, которая является важнейшей формой духовной культуры. Система ценностей формируется главным образом в процессе воспитания в семье, и только потом в образовании, поэтому первостепенно воспитание, игнорирование этого момента чревато для всей системы образования. Специфика народа, особенности мышления, отличия системы ценностей осложняют копирование системы образования, а адаптирование западного образца под российское общество требует достаточно долгого времени. Но с другой стороны, необходимость приспособления к единой образовательной платформе должно решить проблему изолированности российского образования. С подписанием Болонской Декларации российская система образования принимает курс на либерализацию и демократизацию образования, что становится возможным благодаря интеграции в европейское образовательное пространство.

В условиях глобализации помимо вопроса о качестве образования на первоочередной план выходит вопрос о необходимости создания и поддержания конкурентоспособности на международной арене. Для достижения этой цели необходимо совершенствование всех направлений образования, начиная с повышения квалификации преподавателей, заканчивая улучшением материально-технической базы университета.

Еще одной немаловажной проблемой российского образования является низкая мобильность преподавателей вуза. В большинстве случаев преподаватели российских вузов, в отличие от западных, работают в определенном образовательном учреждение и «закреплены» за ним. Безусловным плюсом такого положения становится возможность создания научных школ и научно-исследовательских лабораторий при университетах. Однако низкая степень мобильности сужает круг возможных знакомств в профессиональной сфере. Поэтому модернизация в данном направлении ставит цель создать условия для повышения мобильности преподавателей, и в то же время сохранить потенциал для создания научных школ.

Как упоминалось выше, для повышения качества образования, как главного показателя престижности образовательного учреждения, необходимо также наличие материальной базы, на формирование которой должны быть выделены определенные средства. Материально-техническая база включает в себя оборудование аудиторий необходимым минимумом для внедрения информационных технологий в образовательный процесс, наличие большого объема литературы в общем доступе. Также стоит отметить, что

помимо традиционных библиотек, необходимо создание электронной платформы для просмотра или скачивания материалов.

Помимо оборудования аудиторий определенной техникой необходимо и формирование культуры обращения с ней, а также умения большую часть работы реализовывать в новом формате. Всем известный факт, что в большинстве своём «новое» пугает людей и, откровенно говоря, только незначительная часть людей, выбирая между попробовать новое и использовать то, что детально изучено и близко, предпочтет второе, поэтому несложно сделать вывод, что по своей воли только меньшая часть обучающихся и преподавателей перейдет на новый формат обучения посредством экрана. Однако парадокс современного общества в том, что информационные технология настолько быстро распространяются и захватывают собой всё пространство, что у человека просто не остаётся возможности выбора. На этом материально-техническая база не ограничивается, однако именно тут целесообразнее было бы перейти к вопросу об использовании дистанционных технологий в образовании.

Повсеместное распространение информационных технологий и тенденция к приданию образованию свойства открытости создают базу для появления дистанционного обучения. Для детального изучения такого феномена современности необходимо разобраться с дефинициями в этой сфере, предлагаемыми в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников. Будущее образования, безусловно, в онлайн-образовании, сегодня оно набирает обороты не только в западной системе образования, но и в отечественной. Многие ведущие университеты страны уже предлагают программы обучения и курсы с применением дистанционных образовательных технологий не только как вспомогательных в традиционном образовании, но и в качестве самостоятельных.

Таким образом, глобализация затрагивает многие сферы жизнедеятельности человека, ставя и государства, и отдельных людей в новые рамки, к которым необходимо адаптироваться. Система образования значительно

трансформируется, и эти изменения, в первую очередь, связаны с изменением требований к современному человеку как профессиональному кадру. Постоянное повышение требований к рабочим кадрам, их трудовым способностям, повышение степени их ответственности за результаты своей деятельности, профессионализм становятся причиной модернизационных процессов в образовании. Однако необходимо помнить, что Россия представляет собой цивилизацию, отличающуюся и от западной, и от азиатской, а значит, слепое копирование западной системы образования без учета национальной специфики неприемлемо.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – М.: Эксмо, 2015.–224 с.

2. Андриянова, Т.В. Цели образования для всех сегодня и завтра / Т.В. Андриянова // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции, 13–14 апреля 2018 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 233 – 236.

3. Лебедева М. Б., Дистанционные образовательные технологии: проектирование и реализация учебных курсов /Агапонов С. В., Горюнова М. А. СПб. 2010.

4. Фукуяма Ф. Конец истории? [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt (Lата обращения 05.11.2017).

5. Штатская, Т.В. Глобализация образования / Т.В. Штатская // Успехи современного естествознания. 2009. № 11. С. 65–65

6. Клюй, И.Е., Разинькова, Н.С., Молчанова, Е.С. Проблемы высшего образования / И.Е. Клюй, Н.С. Разинькова, Е.С. Молчанова // Успехи современного естествознания. 2010. №5. С. 109–109.

L.G. Mirzoyan

TRANSFORMATION OF RUSSIAN EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article is devoted to problems of influence of globalization on development of modern Russian education system. I analyze the processes of integration of national system into common education space of the world. The article examines the problems of the learning process organization with help of distant education.

Key words: globalization, distant teaching, education system.

УДК 316.35

Н.И. Мясникова, А.Д. Дорофеева, А.Б. Закирова

ФЕНОМЕН ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

В статье анализируется процесс включения во вторичную занятость студентов медицинского вуза. Установлены различные параллели между группами работающих и неработающих студентов. Показано влияние вторичной занятости на успешность учебной деятельности, жизненные ориентации, перспективы профессионального развития в медицинской сфере; на формирование представлений студентов о профессиональной работе врача. Представлены возможные причины, создающие отличие установок между рассмотренными группами студентов.

Ключевые слова: вторичная занятость, успеваемость, выбор специальности, студенты.

Время обучения в высшей медицинской школе – важный период процесса формирования будущего врача. Специфичность данного этапа заключается в большой учебной нагрузке на студента, как теоретической, так и практической, при обучении на базе лечебно-профилактических организаций города, и самом сроке учебы, который занимает 6 лет. За этот период происходит трансформация личности, овладение новыми навыками и умениями, переосмысление целей и потребностей. Немаловажную роль в формировании будущего врача играют социально-экономические преобразования общества и сферы здравоохранения. Вопросы экономического положения и материального обеспечения студентов на фоне снижения уровня жизни приобретают острый характер, способствуя активному включению молодых людей во вторичную занятость.

Вторичная занятость – важная часть рынка труда. Конкретизируя данное понятие, чаще всего, описывают его как еще один способ заработка помимо основной работы. В последнее время к вторичной занятости начали относить и дополнительную занятость у незанятых слоев населения: обучающиеся, пенсионеры, безработные.

Изучение вопросов вторичной занятости достаточно важный аспект в силу его распространенности в высшей школе среди обучающейся молодежи на фоне трансформаций, происходящих в стране. По данным исследований в России работает почти половина студентов вузов очной формы обучения [1]. Почему это происходит?

Молодые люди не имеют достаточного практического и производственного опыта при выходе на рынок труда. Низкая социальная компетент-

© Мясникова Н.И., Дорофеева А.Д., Закирова А.Б., 2018

ность не позволяет им претендовать на престижные должности и высокий уровень заработной платы сразу после окончания вуза. Это выступает одним из катализаторов к началу трудовой деятельности в период получения высшего медицинского образования. С одной стороны, для обучающихся на первом месте находиться непосредственно учеба, с другой – овладение опытом и практическими компетенциями не менее важная составляющая в формировании профессиональных навыков, что особенно актуально для студентов медицинских ВУЗов. В процессе обучения в высшей школе происходит трансформация представлений о будущей специальности, требованиях работодателей и др.. Поэтому особенно важно уделять большее внимание вопросам трудовой занятости [2]. Включение обучающихся во вторичную занятость способно оказывать значительное влияние на академическую успешность, уровень самореализации, а так же на уровень жизни. Таким образом, изучение вторичной занятости студентов–медиков является актуальной проблемой исследования.

Цель: оценить влияние вторичной занятости на формирование целевых установок студентов выпускных курсов медицинской академии.

Материалы и методы. Для оценки вторичной занятости студентов–медиков был организован опрос методом анкетирования. В исследовании принятии участие студенты 6 курса лечебного и педиатрического факультетов, 5 курса – стоматологического, очной формы обучения Ижевской государственной медицинской академии, выразивших добровольное согласие на участие в анкетировании. Нами проанализированы данные 401 анкеты студентов–медиков, в том числе вовлеченных во вторичную занятость. Для получения интересующих данных анкетирование проводилось с сентября по октябрь 2018 года. Половозрастная структура, полученная в результате опроса, имела особенности, характерные для обучающихся медицинских вузов в целом: общее преобладание женщин над мужчинами (74,3% против 25,7%), возраст опрошенных в среднем составил 23,0±0,1 год. Из общего числа опрошенных 79,6% человек совмещали учёбу с работой, 20,4% не имели дополнительной занятости.

Полученные результаты: Высшая медицинская школа в новых социально-экономических условиях должна готовить будущего специалиста, обладающего высоким уровнем профессиональных компетенций, имеющего не только теоретическую подготовку, но и владеющего практическими навыками, способным к оказанию квалифицированной медицинской помощи в любой ситуации. Основным показателем освоения специальности в процессе обучения выступает академическая успешность. Если учитывать, что помимо учебных занятий в медицинском вузе от студента требуется большой объем

самоподготовки и самообучения, то можно предположить, что вторичная занятость негативным образом сказывается на оценках и качестве обучения. Однако в процессе изучения успеваемости обучающихся выявлено, что оценки «удовлетворительно» чаще получали неработающие студенты–медики (17%), в отличие от их работающих сокурсников (9,4%). Это может быть связано с тем, что подрабатывающие студенты–медики более тщательно планируют свой график свободного времени, в процессе дополнительной занятости получают практические знания и навыки коммуникации на рабочем месте, что помогает им в учебном процессе.

Исследование показало, что подавляющее число респондентов медицинского вуза (90%) считает, что выбранная специальность им по душе и только лишь 10% отмечают обратное. Стоит отметить, что практически все студенты (95%) заинтересованы в учёбе. Однако, именно студенты, включенные во вторичную занятость, к выпускным курсам задумываются о смене врачебной специальности. У обучающихся, не имеющих подработки, этого не наблюдается. Данную зависимость можно объяснить тем, что студенты, преимущественно работая в медицинских организациях (76%), имеют возможность еще ближе познакомиться с особенностями своей будущей специальности, отмечая ее плюсы и минусы, а так же могут «примерить на себе» дальнейшую трудовую деятельность, оценить коллектив лечебного учреждения как возможного места постоянной работы. Неработающие молодые люди (24%) имеют такую возможность только во время учебного процесса, который проходит на клинических базах. По этим же причинам работающие студенты (43,3%) к окончанию ВУЗа располагают несколькими вариантами трудоустройства, среди неработающих данный показатель ниже в два раза (23,2%).

Однако не все обучающиеся стремятся подрабатывать в бюджетном секторе экономики. Размеры современных стипендий и уровень доходов родителей не всегда способны обеспечить потребности студентов, поэтому они ищут дополнительные способы привлечения денежных средств, объем которых превышает предложение в секторе здравоохранения. Часть студентов (19,5%) трудоустраивается в коммерческую сферу и сферу обслуживания для улучшения своего материального положения.

Прослеживается закономерность в осознании призвания личности к медицинской деятельности. По результатам опроса не работающие студенты определялись с выбором специальности еще в детстве или в школьные годы. Студенты, включенные в дополнительную занятость, выбирали медицинский вуз по разным причинам, однако именно в процессе обучения и работы в ле-

чебных учреждениях, окончательно определялись, что медицина – это их призвание.

Данные проведенного исследования показали значительные различия у работающих и не работающих обучающихся, касательно их планов на жизнь после окончания вуза. Каждый шестой студент, не вовлеченный во вторичную занятость, планирует в ближайшее время после получения диплома о высшем образовании создать семью. Среди работающих данный показатель почти в два раза ниже (7,2%).

Вне зависимости от наличия дополнительной занятости, проучившись шесть лет, часть студентов (10,5%) не планирует работать в здравоохранении т.к. медицина не его призвание, некоторые готовы сменить сферу деятельности по экономическим мотивам, кто-то желает работать на более спокойной и менее ответственной работе.

В современном мире невозможно быть хорошим врачом, изучая только теоретические аспекты специальности. В связи с чем, студенты старших курсов активно включаются во вторичную занятость в медицинских организациях для закрепления полученных знаний и практических навыков, наработки опыта, делая попытку изучить свою будущую профессию в целом и одновременно получить дополнительный заработок.

Выводы. Несмотря на большую учебную нагрузку, большинство студентов старших курсов медицинского вуза успешно совмещают учебу с дополнительной занятостью. Студенты, работающие в медицинских организациях, имея возможность ближе познакомиться с будущей профессией и приобрести ряд практических и коммуникативных навыков, определяются со специальностью в медицине и вариантом трудоустройства после окончания учебы значительно быстрее. Не планирует работать в здравоохранении каждый десятый выпускник медицинского ВУЗа из–за низкой заработной платы в данной сфере, большой ответственности, отсутствия призвания к медицине.

Список литературы

1. Декин Е.И. Вторичная занятость российского студенчества в разные исторические периоды // Организация работы с молодежью. 2014. № 6. [Электронный ресурс]. URL: www.es.rae.ru/ovv/235–1044 (Дата обращения: 30.10.2018).

2. Мясникова, Н.И. Жизненные стратегии поведения работающих студентов–медиков / Н.И. Мясникова // Вестник Удмуртского университета, 2018. Т.1. С.249–254.

N.I. Myasnikova, A.D. Dorofeeva, A.B. Zakirova

PHENOMENON OF SECONDARY EMPLOYMENT OF STUDENTS OF MEDICAL SCHOOL

In article process of inclusion in secondary employment of students of medical school is analyzed. Various parallels between groups of the working and unemployed students are established. Its influence on success of educational activity, vital orientations, the prospects of professional development in the medical sphere is shown; on formation of ideas of students of professional work of the doctor. The possible reasons creating difference of installations between the considered groups of students are presented.

Keywords: secondary employment, progress, choice of specialty, medical students.

УДК 304

Н.Ш. Пермякова[1]

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА АДАПТАЦИЮ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В данной статье рассматриваются основные факторы, оказывающие существенное влияние на адаптацию студентов Финансового университета. Проводится исследование в форме опроса, при котором выявляются условия быта, процесс обучения и характер воздействия социальной среды на студентов в период обучения в вузе и позволяющие сделать определенные заключения.

Ключевые слова: адаптация, здоровье, студенты вуза, двигательная активность.

На сегодняшний день здоровье подрастающего поколения является важнейшим показателем благополучия общества, отображающий не только текущую ситуацию в стране, но и дающий наиболее точный прогноз на будущее. Состояние здоровья молодого поколения непосредственно оказывает влияние на безопасность страны, трудовые ресурсы, политическую стабильность, экономическое благополучие и морально-нравственный уровень народонаселения. В настоящее время здоровье считается важнейшей ценностью и составляющей активной творческой жизни и благополучия человека. В то же время существуют определённые проблемы, которые отрицательно влияют на состояние здоровья подрастающего поколения, такие как социально-экономические и политические преобразования, глобализация мировых процессов и экологические проблемы.

На успехи в обучении студентов в вузе, помимо здоровья, в большей степени влияют домашние условия и состояние окружающей среды. На адаптацию студента в период обучения в вузе влияет наличие неплохого здоровья, резервы в высокофункциональном состоянии организма, обусловленном активным участием в разнообразных видах двигательной активности. При общении студентов друг с другом, их деятельность и поступки, сведения, распространяемые в сети Интернет, и различные социальные воздействия оказывают влияние на состояние здоровья студентов, их трудоспособность и адаптивность к факторам, которые непосредственно на них воздействуют [1, с. 64].

© Пермякова Н.Ш., 2018

Способность к правильной организации учебной деятельности, досугу, быту и владению навыками, а также правильному выбору полезной информации является целесообразной предпосылкой в создании уравновешенной, целенаправленной, здоровой и дееспособной личности. На успешность адаптации к обучению в вузе влияют такие факторы, как личные качества индивида. Главную роль играет организованность, физиологическое и многофункциональное самочувствие обучающегося, его положительные навыки и умения в постоянной адаптации к жизни [2, с. 70].

В ходе данного исследования изучаются технологии, представляющие собой комплекс организационных, просветительских и оздоровительных мероприятий. Данные мероприятия направленны на вырабатывание и укрепление социального, физиологического, здоровья молодого поколения, на помощь в использовании различных методик культурно-спортивной деятельности. Данные методики используются для обслуживания образовательного процесса, снижения рисков и осуществления комплекса мер по произведению социально-адаптированной образовательной сферы.

В процессе данной работы был проведен опрос 120 студентов Финансового университета (102 девушки и 18 юношей). В наблюдении исследовались домашние условия студентов, процесс обучения и характер воздействия социальной среды. Данное исследование проводилось на протяжении двух недель, в период обучения (5 дней) и в свободные дни от учебы (2 дня). Проведение данного исследования осуществлялось в форме анкетирования. Результаты исследования представлены в табл. 1, по которым видны существенные расхождения по времени в исполнении каждодневной деятельности в учебные и свободные от учебы дни. Помимо этого, у девушек и у юношей некоторые показатели различных видов деятельности заметно расходятся. К примеру, мышечная нагрузка в выходные дни у юношей намного больше (4,30 часа), чем у девушек (2,34 часа). Однако девушки приготовлению еды уделяют достаточно существенное внимание (2,20 часа), нежели юноши (1,54 часа). Похожие расхождения существуют и по иным видам деятельности, поскольку присутствуют половые различия, которые независимо от нашего желания формируют обусловленный тип поведения.

Продолжительность различной деятельности студентов в дни обучения

Род занятий (обследование мужского пола)	В период обучения	Во время отдыха
Домашние дела	1,41	2,01
Готовка еды	1,48	1,54
Незначительная двигательная активность, такая как поездка в транспорте, отдых с друзьями и другая	3,80	3,04
Активная мышечная нагрузка (различные виды спорта: бег, комплексные тренировки, волейбол, баскетбол и другие)	1,50	4,30
Культурно-образовательный и просветительский род занятий (просмотр фильмов, поход в театр и другие)	1,57	3,0
Учебно-тренировочный род занятий по программе обучения, предусмотренной в университете	0,61	0,01
Учебный процесс (написание лекций, подготовка семинаров)	5,05	0,01
Время сна	7,18	9,60
Домашние дела	1,98	2,10
Готовка еды	1,60	2,20
Незначительная двигательная активность, такая как поездка в транспорте, отдых с друзьями и другая	3,88	3,50
Активная мышечная нагрузка (различные виды спорта: бег, комплексные тренировки, волейбол, баскетбол и другие)	1,90	2,34
Культурно-образовательный и просветительский род занятий (просмотр фильмов, поход в театр и другие)	1,41	2,60
Учебно-тренировочный род занятий по программе обучения, предусмотренной в университете	0,60	0,03
Учебный процесс (написание лекций, подготовка семинаров)	4,84	0,04
Время сна	6,40	8,45

Полученные результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что современные студенты зачастую нецелесообразно распределяют выполнение домашней и социальной деятельности, не в надлежавшей мере принимают во внимание позитивные и отрицательные стороны факторов воздействий, с которыми они соприкасаются в повседневной жизни. Так же студенты во время обучения и в выходные дни недостаточное внимание уделяют активной мышечной нагрузке, различным видам спорта, утренней зарядке и обычной ходьбе. Небольшое повышение двигательной активности у обучающихся в вузе в выходные дни не восполняет того дефицита в работе мышечной системы, который отмечается во время учебы. Одноразовые учебно-тренировочные занятия во время учебного процесса, составляющие всего полтора часа времени, не восполняют недостаток физической активности у студентов. А если учитывать, что концентрация выполняемых нагрузок отдельными студентами бывает низкой и не отвечает запросам преподавателя,

составляя в наилучшем случае 50% от заданной нагрузки, в этом случае объем «чистой» мышечной активности обучающегося может существенно урезаться и составлять по времени примерно 20 мин в день, что равнозначно обыкновенной утренней зарядке.

Следовательно, можно подвести итог, что современные студенты уделяют недостаточно внимания увеличению потенциала двигательной активности, что негативно сказывается на физиологических механизмах, которые определяют адаптационные процессы, в том числе при влиянии на организм обыденных факторов, учебной нагрузки и разнообразных воздействий социальной сферы. Главное место в данном аспекте занимает физическая культура и спорт, поскольку продуктивность физиологических систем находится в тесной связи с уровнем двигательной активности.

Список литературы

1. Бежанова С.В., Ганина Е.В. Оптимизация процесса психологической адаптации иностранных студентов в экономическом вузе / С.В. Бежанова, Е.В. Ганина // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: сборник статей I Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов: в 2 ч. М.: РУДН, 2017. С. 64–67.

2. Симеонова Н.М. Формирование интегральной индивидуальности студента–первокурсника: вызовы и перспективы / Климова И.И., Ганина Е.В., Гисин В.Б., Мельничук М.В., Федорова М.В. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 2017. № 3. С. 72–82.

N.Sh. Permyakova

FACTORS INFLUENCING ADAPTATION OF STUDENTS OF INSTITUTION OF HIGHER ECONOMIC EDUCATION

This article examines the main factors that have a significant impact on the adaptation of students at the Financial University. The research is conducted in the form of a survey, which reveals the conditions of life, the learning process and the nature of the impact of the social environment on students in the period of study at the university and allows to make certain conclusions.

Key words: adaptation, health, students of the University, motor activity.

УДК 155.9

В.В. Пяткин

ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрывается значимость невербальных средств общения в процессе общения преподавателей со студентами в условиях высшего учебного заведения. Описано эмпирическое исследование, направленное на выявление частотности и содержательных характеристик используемых в ходе аудиторных занятий преподавателями разных средств общения: мимики, интонации, жестов, дистанции общения, визуального взаимодействия, тактильной коммуникации. Результаты исследования показали, что преподавательскому составу более свойственна сдержанная мимика и движения, а также спокойный тон и темп речи, что является прямым свидетельством серьезного отношения к собственной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: невербальное общение, преподаватели, студенты.

Педагогическое общение как важнейшая психологическая составляющая труда учителя является необходимым условием освоения обучающимися опыта и достижений исторического развития человечества. Коммуникативные навыки являются одним из главных критериев профессиональной компетентности и основой успешной деятельности педагогов любой образовательной ступени. При этом на фоне требований к языковой культуре учителя в психологической науке все чаще уделяется внимание невербальным средствам общения, играющим немаловажную роль в учебно-воспитательном процессе.

Выдающиеся американские и европейские ученые установили, что именно средства невербальной коммуникации передают основной объём информации. Альберт Мейерабиан, исследуя данный вопрос, определил, что передача информации происходит за счет вербальных средств (только слов) – на 7%, за счет звуковых средств (включая тон голоса, интонацию звука) – на 38%, и за счет других невербальных средств на – 55% [5, с. 5–6]. Профессор Бердвиссл, проведя аналогичные исследования, выявил, что в среднем человек общается вербально только в течение 10–11 минут в день, при этом каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунд [3, с. 34–39]. Им обнаружено, что словесное общение в беседе занимает менее 35%, а более 65% информации передается с помощью невербальных средств общения. Исследования крупнейшего отечественного психолога Л.С. Выготского убедительно доказали, что речевое мышление – лишь поздняя форма, возникшая за

© Пяткин В.В., 2018

счет соединения двух психических функций, имеющихся у животных, – доречевого мышления (И.П. Павлов его называл «ручным») и «языка» животных как совокупности средств общения их между собой [2, с. 20–22]. Современные зарубежные исследования (Дж. Фаст, Дж. Ниренберг) раскрывают закономерности влияния невербальных способов общения на установление контактов и взаимопонимания между партнерами [1, с. 78–83].

Таким образом, на сегодняшний день значимость невербальных средств межличностного общения является общепризнанным и научно доказанным фактом. В изучаемой нами сфере высшего профессионального образования невербальные средства общения играют существенную роль в процессе взаимодействия между преподавателями и студентами. Нами замечено, что часто различные средства невербального общения, используемые преподавателями, оказываются более выразительными и действенными, чем их словесные рассуждения и инструкции.

С целью выявления особенностей невербального общения преподавателей вуза со студенческой аудиторией нами было проведено эмпирическое исследование на базе Самарского государственного социально-педагогического университета. В процессе исследования в протоколе наблюдения фиксировались частотность и содержательная направленность используемых преподавателями средств невербального общения в ходе аудиторных занятий, процентное соотношение которых представлено в Табл..

Процентное соотношение использования преподавателями вуза невербальных средств общения

Средства невербального общения	Частотность использования невербальных средств общения
Мимика	92,3%
Интонация	92,3%
Жесты	76,9%
Дистанция общения	69,2%
Визуальное взаимодействие	53,8%
Тактильная коммуникация	15,4%

Данные табл. показывают, что преподаватели чаще всего на своих занятиях используют мимические выражения (92,3%) и интонирование (92,3%), сопровождающие их объяснения и рассуждения. При этом аналогичное процентное выражение данных показателей выявляет тесную взаимосвязь между ними и тенденцию единовременного использования в невербальной коммуникации разных модальностей (визуальной и аудиальной). Кроме того, мы наблюдаем достаточно широкое применение жестикуляции (76,9%), а также наличие в большинстве случаев определенной дистанции

общения (69,2%) между преподавателями и студентами. Визуальное взаимодействие преподавателей со студентами отмечено в 53,8% случаев.

Дальнейшее исследование выявило важные особенности невербальной коммуникации преподавателей, что потребовало более детального анализа ее отдельных компонентов.

Рассматривая особенность мимики преподавателей как наиболее распространенного средства невербальной коммуникации, замечено как подвижное, так и сдержанное (статичное) выражение лица преподавателей в процессе аудиторных занятий. Подвижность мимики, обусловленная профессиональной необходимостью реагирования педагога на возникающие внешние обстоятельства, выражена в 35,7% случаев. Подвижная мимика, отражающая весь спектр эмоций на лице преподавателя, существенно помогают студентам понять его внутреннее состояние. Сдержанность мимики, выражающаяся в отсутствии резкости и мимической лабильности, выявлена у преподавателей в 64,3% случаев, что проявляется в серьезном взгляде, статичном положении головы, уверенном, сосредоточенном, вдумчивом выражении лица. Данные результаты показывают тенденцию преобладания у преподавателей мимической сдержанности, что, вероятно, связано с серьезным отношением к собственной профессии и общепринятым мнением, что педагог в любых ситуациях «должен держать себя в руках». Необходимо отметить, что в идеале сдержанность мимики не выступает альтернативой ее подвижности. Эти характеристики, с точки зрения большинства ученых, должны выступать в тесном союзе и гармонии.

Интонирование, сопровождающее речевое высказывание, определяется В.А. Лабунской как совокупность звуковых средств языка, организующих речь [4, с. 15–17]. Ее основными элементами являются мелодика речи, ее ритм, интенсивность, темп, тембр, а также фразовое и логическое ударение. В рамках нашего исследования было установлено, что уровень эмоциональной насыщенности речи, а также соотношение экспрессии и монотонности в речи достаточно отличается у разных преподавателей. В целом можно выделить три основные группы, наглядно представленные на Рис. 1.

Рис. 1. **Особенности интонационного воздействия преподавателей на аудиторию**

Анализ результатов (Рис. 1) показывает, что большинство преподавателей (58,8%) отдают предпочтение спокойной и уверенной речи. Некоторые педагоги (23,5%) используют яркое интонирование с целью лучшего донесения учебного материала до студентов. Лишь 17,6% преподавателей ведут занятия монотонно, не выделяя значимые смысловые моменты, что коррелирует с более низкими баллами студентов по данным дисциплинам.

Важное место в невербальном общении педагога занимает система жестов, то есть выразительных телесных движений, отражающих его отношение к окружающей ситуации. С опорой на классификацию Аллана Пиза, различающего указательные, подчеркивающие (усиливающие), касательные и демонстративные жесты [5], мы выявили их выраженность у преподавателей вуза, что отражено на Рис. 2.

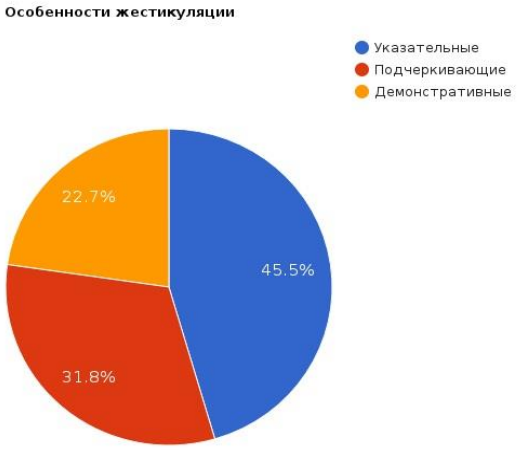


Рис. 2. **Особенности использования жестикуляции преподавателями вуза**

Полученные данные (Рис. 2) показывают, что чаще преподаватели используют указательные жесты (45,5%), это является достаточно логичным в соответствии с их социальной ролью и функциональной направленностью. Достаточно ярко представлены подчеркивающие жесты (31,8%), с помощью которых осуществляется активизация восприятия, памяти, словесно-логического мышления студентов. Важную роль жесты играют и в обеспечении внимания учащихся, для привлечения которого преподаватели используют не касательные (таковые вообще отсутствуют), а демонстративные жесты (22,7%), что обусловлено их высоким статусом и индивидуальными личностными особенностями.

Немаловажное значение в аудиторных занятиях имеет дистанция общения. Наблюдая за работой педагога, можно заметить, что зона наиболее эффективного контакта – это первые 2–3 парты, которые попадают в личную зону преподавателя. Полученные результаты показывают, что преподаватели вуза чаще занимают статичную позицию в аудитории (62,5%) либо за преподавательским столом (за кафедрой), либо у доски, фиксируя на ней учебную информацию. Более динамичная преподавательская позиция встречается в 37,5% случаев, когда педагог постоянно перемещается по аудитории в процессе общения со студентами.

Визуальное взаимодействие (контакт глаз), являясь важнейшим компонентом педагогического общения, выполняет как роль управляющего воздействия, так и сигнальную функцию. Нами отмечено, что в большинстве случаев преподавательский состав предпочитает взаимодействовать с аудиторией через иные средства невербальной коммуникации. Лишь 35,7% используют прямой зрительный контакт с аудиторией, в то время как 64,3% предпочитают не использовать визуальное взаимодействие.

Для преподавателей вуза применение тактильной коммуникации характерно в незначительной степени, что выражено лишь в 15,4% случаев, проявляемого в крайне редком использовании похлопывания по плечу или рукопожатиях. Это объясняется, на наш взгляд, возрастными особенностями и социальным статусом преподавателей и студентов, а также существующей в связи с этим психологической дистанцией между ними. Мы предполагаем, что использование прикосновений в педагогическом общении характерно, скорее, в работе с детьми младшего школьного возраста, а для субъектов образовательной деятельности вуза не является значимым.

Таким образом, анализируя коммуникативный процесс субъектов учебно-педагогического процесса, мы можем сделать вывод о специфическом, качественно ином уровне невербального общения в сфере профессиональной компетентности преподавателя вуза, понимание которого студента-

ми является одним из продуктивных способов получения информации. Однако мы понимаем, что представленные результаты и сделанные на их основании выводы носят самый общий характер. Помимо профессиональной сферы деятельности, особенности невербального общения обусловлены и индивидуальными свойствами преподавателей (характером, темпераментом и т.д.), что послужит предметом наших дальнейших научных изысканий.

Список литературы

1. Вербер Р. Психология общения / Р. Вербер, К. Вербер. СПб:Прайм–Еврознак, 2005. 320 с.
2. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении / В.А. Кан-Калик. М.: Слово, 2001. 179 с.
3. Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев ; 3–е изд. М.: Смысл, 1999. С. 68.
4. Митина А.К. Учитель как личность и профессионал / А.К. Митина. М.: Дело, 2002.
5. Пиз А. Язык телодвижений. Расширенная версия / Аллан Пиз, Барбара Пиз ; пер. с англ. Т. Новиковой. М.: Эксмо, 2015. 464 с.

V.V. Pyatkin

FEATURES OF NEVERBAL COMMUNICATION OF UNIVERSITY TEACHERS IN THE PROCESS OF PEDAGOGICAL ACTIVITY

The article reveals the importance of non–verbal means of communication in the process of communication of teachers with students in a higher educational institution. An empirical study aimed at identifying the frequency and meaningful characteristics of various means of communication used by teachers in the classroom: facial expressions, intonation, gestures, distance of communication, visual interaction, and tactile communication. The results of the study showed that there are various facial means of communication used by teachers in the classroom: facial expressions, intonation, gestures, distance of communication, visual interaction, and tactile communication.

Keywords: nonverbal communication, teachers, students.

УДК 331.548

И.Н. Разварина

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

В статье представлены результаты апробации методики «Готовность детей 14–17 лет к реализации трудового потенциала» в школах Вологодской области в 2017–2018 гг. Определены противоречия: хотя большинство старшеклассников готовы к трудовой деятельности, в то же время у них не сформированы представления о том, в какой области себя реализовать, что является причиной неэффективного использования трудового потенциала в экономике региона в будущем. Результаты и выводы исследования могут использоваться администрацией школ, Департаментом образования для оценки эффективности профориентационной работы в образовательных организациях.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональные предпочтения, трудовой потенциал, обучающиеся старших классов.

В современном обществе с его экономическими, социальными, политическими изменениями, ещё более остро встают проблемы профориентации школьников[1]. По результатам социологических опросов получено, что около 70% выпускников из 9–11 классов не знают о реальных потребностях рынка труда, поэтому чаще всего выбор профессии становится случайным, что влечёт за собой проблемы реализация трудового потенциала детей во взрослой жизни. Проблема состоит в том, что, несмотря на широкий спектр предлагаемых методик, междисциплинарных исследований трудового потенциала детского населения нет. В то же время наблюдается несовершенство взаимодействия рынка труда, системы образования и семьи в реализации профориентационной работы с детьми.

Методологической предпосылкой исследования в рамках экономики народонаселения и демографии является тезис, что состав и связи компонент трудового потенциала детей сходны с теми, которые выделяются в структуре трудового потенциала населения в целом. Важно учитывать, что в детстве закладывается мотивы отношения к труду и профессиональные предпочтения [2]. Исходя из этого, считаем, что особое внимание в развитии трудового потенциала детей должно быть уделено профессиональному самоопределению. Это сложный процесс, итогом которого становится формирование и осознание личностных свойств и профессиональных требований [3].

В 2017 – 2018 гг. на базе образовательных организаций Вологодской области для получения информации о сформированности профессионального

© Разварина И.Н., 2018

самоопределения, направленности, предпочтениях школьников было проведено исследование определения уровня готовности детей 14–17 лет к эффективной реализации трудового потенциала.

Методика включает триединую оценку параметров, основанную на самооценке учащихся, экспертной оценке педагогов и родителей по таким составляющим: здоровье, образование, коммуникативная компетентность [4;с.9–13]. Такой подход использован впервые. Выборка составила 428 человек: 204 обучающихся 9–11 классов общеобразовательных школ Вологодской области; 204 родителя и 20 классных руководителей. Результаты были сгруппированы и выделены следующие уровни:

«Высокий» уровень подразумевает гармоничное физическое и психоэмоциональное развитие, успешную социализацию, которая определяется способностью ребёнка справиться с учебной нагрузкой, выполнять бытовые обязанности и поддерживать дружеские отношения со сверстниками, членами семьи и другими окружающими.

Уровень «выше среднего» показывает наличие у ребёнка незначительных проблем в одной из рассматриваемых сфер. Это могут быть проблемы с общением (недостаточно развиты коммуникативные навыки), трудности в усвоении знаний и получении навыков или проблемы со здоровьем.

«Средний» уровень характеризуется пограничными состояниями здоровья, значимыми трудностями в обучении, ситуативными проблемами межличностного общения с окружающими.

Уровень «ниже среднего» – свидетельствует о наличии отрицательной мотивации к школьному обучению, низкой успеваемости, наличием хронических заболеваний и сформированностью социально-неодобряемого поведения.

Исследование позволяет сделать следующие выводы:

Большая доля опрошенных детей имеет уровень готовности к реализации трудового потенциала выше среднего – 66%, высокий – 33%. К «среднему» уровню относятся 3% респондентов, что составляет группу риска по реализации потенциала ребенка в будущем. Показательно, что юноши имеют более низкие показатели по сравнению с девушками. Уровень готовности к реализации трудового потенциала «ниже среднего» не был выявлен.

Для будущей профессиональной деятельности важен именно осознанный выбор профильных учебных предметов, особенно в 9–11 классах, так как к старшему школьному возрасту у детей формируется интерес к определенной отрасли знания. По данным опроса, востребо-

ванными стали гуманитарные науки (42%), физико-математические и филологические (36 и 34%), естественно-научные и искусство (31 и 22%), информационные технологии (21%). Далее по рейтингу – физкультура и трудовое обучение (19 и 18%). Меньше всего предпочтений подростки отдают изучению экономики (15%).

Отметим, что наиболее важным для учеников старших классов является получение высшего образования (60%), на втором месте – среднего (38,0%), из них 17,5% хотели бы освоить рабочие специальности. По данным опроса только треть (29%) детей знают, какую профессию хотели получить; не определились – 37%, сомневаются в своем выборе еще 35%. Это объясняется тем, что в подростковом возрасте намерения подростков еще неопределенны, это романтические представления о будущей трудовой занятости, когда профессиональный выбор чаще всего определяется мотивацией.

Всего две трети детей владеют информацией об образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования. Не имеют данных – 13%, что позволяет сделать вывод о недостаточно организованной профориентационной работе в образовательных организациях области.

Более значимыми для подготовки к будущей трудовой деятельности дети назвали такие личностные характеристики, как: общительность (70%), эмоциональная устойчивость, устойчивость внимания (по 67%), наблюдательность (63%), развитость функциональных анализаторных и организаторских способностей (53% и 50%), яркое воображение (48%). Менее половины считают недостаточно важными: склонность к практическому труду, малоподвижной работе, технический склад мышления, способности к геометрии и физике. На основании этого можно сделать вывод о гуманитарной направленности профессиональных предпочтений подростков 14–17 лет данной выборки.

Тем не менее, отметим, что мотивы профессионального выбора достаточно осознанны старшеклассниками, важно не только материальное благополучие и высокая заработная плата (33%), но и интерес (83%), перспектива карьерного роста (44%), возможность совершенствовать свои навыки и повышать квалификацию (37%).

Оценивая себя, дети отметили личностные характеристики, которые на момент исследования у них не сформированы, это навыки общения и трудности с усвоением предметов физико-математической направленности. При этом они считают самообразование самым распространенным способом развития профессиональных качеств, а дополнительная подготовка в школе, по их мнению, не является эффективной.

Подводя итог, нужно сказать, что большинство детей выборки готовы к трудовой деятельности, в то же время у них не сформированы представления о том, в какой области себя реализовать, что является причиной неэффективного использования трудового потенциала в экономике региона в будущем.

Результаты исследования позволяют сформулировать адресные рекомендации для школьника, родителей, педагогов, направленные на решение вышеизложенных проблем.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662–р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf. (Дата обращения 05.07.2018).

2. Римашевская, Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России / Н.М. Римашевская //Безопасность Евразии. 2004. № 1. С.14–32.

3. Шишкина, Е.А. Особенности профессиональной ориентации выпускников школ: проблемы и решения [Электронный ресурс]. Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2012. №6. URL: http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/ journal_ec/journal_arch/ N6/shikina.pdf (Дата обращения 05.07.2018).

4. Разварина, И.Н. Результаты исследования по методике оценки готовности детей 14–17 лет к реализации трудового потенциала / И.Н. Разварина // Социальное пространство. 2018. № 4 (16).

I.N. Razvarina

ASSESSMENT OF PROFESSIONAL SELF–DETERMINATION OF TRAINERS–9,11 CLASSES OF SECONDARY SCHOOLS OF THE VOLOGDA REGION

The publication presents the results of approbation of the methodology “Readiness of hildren of 14–17 years old for the realization of labor potential” in schools of the Vologda region in 2017–2018. The following contradictions have been identified: although the majority of respondents are ready to work, at the same time, they have not formed an idea about which area they should realize themselves, which is the reason for the inefficient use of labor potential in the regional economy in the future. The scientific novelty consists in the development and testing of an assessment methodology for children of senior school age, which makes it possible to assess the level of readiness for future professional activity. The data obtained can be used by the school administration, the department of education to assess the effectiveness of career guidance in educational institutions.

Key words: professional self–determination, professional preferences, labor potential.

УДК 376.3

И.В. Цыплякова

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ*1*

В статье рассматриваются понятия инклюзивного образования и системы инклюзивного образования в России. Перечисляется ряд зарубежных и отечественных авторов, занимающихся разработками системы инклюзивного образования на современном этапе развития общества. Рассматриваются проблемы инклюзивного образования в России с точки зрения различных подходов.

Ключевые слова: образование, система образования, инклюзивное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Помимо социальной защиты населения демографический аспект в последние годы приобрела гарантированная Конституцией поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. В связи с задачей преодоления демографического кризиса, выделенной в качестве приоритетного направления на национальном уровне, общество обращает первоочередное внимание на семьи с малолетними детьми и многодетные семьи. Региональные власти, для которых остро стоит проблема депопуляции, низкой рождаемости, разрабатывают свои программы демографического развития, в которых определяют основные меры поддержки семей с детьми на ближайшую перспективу.

Ратификация Российской Федерацией Конвенции ООН «О правах инвалидов» обусловила необходимость принятия соответствующих мер по расширению доступности образования для этой категории граждан.

В современном мировом образовательном пространстве обучение детей с ограниченными возможностями здоровья представляет собой сферу деятельности не специальных учебных заведений, а массовой школы, обращенной к гуманистической парадигме о включении каждого ребенка в социум, его праве на признание индивидуальных особенностей со стороны окружающих и пребывание в благоприятной для себя среде. В законе «Об образовании в РФ» № 273–ФЗ впервые в отечественной практике учащиеся с ограниченными возможностями здоровья получили права на инклюзивное обучение [1, с. 29].

В России на данный момент одновременно применяются два подхода в обучении детей с ограниченными возможностями здоровья:

1. Интегрированное обучение в специальных классах (группах) в общеобразовательных учреждениях.

© Цыплякова И. В., 2018

2. Инклюзивное обучение, когда дети с особыми образовательными потребностями обучаются в классе вместе с детьми, имеющими нормальное развитие [3, с.110].

Подробнее остановимся на рассмотрении инклюзивного образования. Оно представляет собой одну из форм общего образования, основанную на понимании того, что инвалиды в современном обществе могут быть активно вовлечены в социум. Инклюзивное образование – это обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [1, с. 77]. В современном понимании речь идет о процессе и способе мышления, согласно которому все учащиеся, несмотря на ограниченные возможности и дееспособность, а также другие особенности, учатся в ближайшей школе в своей возрастной группе.

Вопросы разработки теоретических оснований и проблемы практической реализации инклюзивного образования представлены в работах таких русских и зарубежных ученых, как: M. Ainscow, С. В. Алехиной, C. Barnes, Е. Н. Кутеповой, Н. М. Назаровой, L. Redd Л. М. Шипицыной и др. [2, 4].

Уже сейчас для того, чтобы развивать систему совместного образования детей с ограниченными возможностями здоровья и здоровых детей, Правительство Российской Федерации реализует ряд мероприятий, направленных на развитие основных направлений инклюзивного образования [4, с. 77]:

1. Создание нормативной правовой базы, на основе которой происходило бы инклюзивное образование;

2. Раннее выявление и комплексная помощь ребенку с ограниченными возможностями в развитии;

3. Психолого-педагогическое сопровождение интегрированных детей;

4. Программно-методическое и учебно-дидактическое обеспечение образования общего типа для удовлетворения особых потребностей детей;

5. Кадровое обеспечение;

6. Материально-техническое оснащение организаций образования общего типа для удовлетворения особых потребностей детей;

7. Проведение специальных научных исследований по определению потребностей детей–инвалидов.

Вопросы организации инклюзии, установленные в законе «Об образовании», нуждаются в дальнейшем уточнении и изучении с тем, чтобы свести к минимуму имитацию этого процесса и обеспечить детям с ОВЗ качественное образование. Цели образовательной политики в отношении этих групп детей должны соотноситься с уровнем социально-экономического развития страны, с задачами социальной поддержки семей с детьми и инвалидов, с

финансовыми возможностями региональных систем образования и ресурсами медико-педагогической базы образовательных учреждений. Изменения, предшествующие организации инклюзии, требуют комплексных решений и увеличения объемов финансирования на эти цели.

Список литературы

1. Кузьмина, С.Н. Инклюзивное образование в России: к чему надо приготовиться / С. Н. Кузьмина, В. В. Закурдаева // Наука и практика регионов. 2017. №3 (8). С. 76–80.

2. Кулагина, Е.В. Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями здоровья: тенденции и условия развития в России / Е. В. Кулагина // Народонаселение. 2013. №4 (62). С. 29–38.

3. Сулейманова, Е.Е. Инклюзивное образование в России: проблемы на современном этапе развития / Е.Е. Сулейманова // инновационное обеспечение уровневого образования студентов в высших учебных заведениях : сборник научных статей, 14 апреля 2017 г. ; Курганский государственный университет. Курган, 2017. С. 109–113.

4. Терехова, А.Н. Инклюзивное общее образование детей–инвалидов в России: направления и приоритеты развития / А.Н. Терехова // Образование. Наука. Карьера : сборник научных статей по материалам Международной научно-методической конференции, 24 января 2018 г. / под общ. ред. А. А. Горохова ; Закрытое акционерное общество «Университетская книга». Курск, 2018. С. 76–78.

I.V. Tsyplyakova

INCLUSIVE EDUCATION IS A NEW DIRECTION OF DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN RUSSIA

The article deals with the concepts of inclusive education and the system of inclusive education in Russia. A number of foreign and domestic authors who are engaged in the development of a system of inclusive education at the present stage of the development of society are listed. The problems of inclusive education in Russia are considered from the point of view of different approaches.

Key words: education, education system, inclusive education, children with disabilities.

РАЗДЕЛ 6. ЗДОРОВЬЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

УДК 316.344.6

М.М. Акулич, М.Ю. Семёнов

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗДОРОВЬЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ[1]

В статье рассматривается взаимосвязь между образовательным процессом в различных типах образовательных организаций и субъективной оценкой состояния здоровья, субъективным отношением к здоровью учащейся молодёжи. Анализируется наличие ориентаций на здоровый образ жизни среди старшеклассников и обучающихся в вузах и средне-профессиональных образовательных учреждениях на основании данных анкетного опроса.

Ключевые слова: здоровье, образование, старшеклассники, студенты.

Здоровье молодого поколения – стратегически значимая характеристика успешного функционирования и развития всего государства. Среди факторов, влияющих на состояние здоровья индивида, можно выделить, с одной стороны, объективные, на которые каждый отдельный человек имеет незначительное влияние (биологически наследуемые особенности, передающиеся по наследству, природно-климатические условия). С другой стороны, субъективные, связанные с социальными проявлениями, включенностью и социальным взаимодействием индивидов внутри определённых групп и институтов, их экономическим положением образом жизни и отношением к здоровью. Среди социокультурных факторов здоровья молодёжи часто выделяют влияние семьи, образовательной организации и образовательного процесса, субъектом которого является подавляющее большинство представителей молодого поколения.

Согласно отчету Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения «Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков» существует взаимосвязь между образовательным процессом в общеобразовательном учреждении и специфичностью стереотипов поведения учащихся в отношении здоровья [4]. Таким образом, рассматри-

© Акулич М.М., Семёнов М.Ю., 2018

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики», проект № 28.2941.2017/4.6 (руководитель – академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Тюменского государственного университета Г. Ф. Шафранов-Куцев).

вая образовательную среду, в которую включен молодой человек как фактор, влияющий на формирование и утверждение позитивной установки в отношении к своему здоровью, на наш взгляд, появляется ряд вопросов. Во-первых, различаются ли мнения молодёжи о важности ведения здорового образа жизни относительно различных типов образовательных организаций, в которых они обучаются как на уровне общего, так и профессионального, высшего образования? Во-вторых, на сколько значима разница субъективной оценки собственного здоровья среди обучающихся различных типов общеобразовательных учреждений, высших учебных заведений или средних профессиональных образовательных организаций? Предполагаем, что получение ответов на подобные вопросы отчасти может показать роль образовательной системы в формировании и развитии культуры здоровья в молодёжной среде.

Эмпирические данные были получены в ходе реализации государственного задания Минобрнауки РФ «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» коллективом социологической лаборатории Тюменского государственного университета (ТюмГУ). Проведен анкетный опрос учащихся старших классов (10–11 класс) общеобразовательных организаций на территории Тюменской области. В опросе приняли участие 1087 старшеклассников, доля учащихся в 10 классе составила 53% (575 человек), в 11 классе – 47% (512 человек). Генеральная совокупность старшеклассников на территории Тюменской области в период исследования равнялась 19,8 тыс. человек. Таким образом, ошибка выборки не превышает 3%, что обеспечивает достоверность полученных результатов. В ходе нашего анализа общеобразовательные учреждения, поучаствовавшие в исследовании, сгруппированы по трём направлениям: «элитные» образовательные учреждения, имеющие статус лицеев и гимназий (320 человек, 29% респондентов); обычные муниципальные автономные общеобразовательные учреждения (школы) (507 человек, 47% респондентов); гимназия Тюменского государственного университета (260 человек, 24% респондентов).

В исследовании также приняли участие 1196 студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования, проживающих в городах Тюменской области: Тюмени (963 человека), Тобольске (135 человек), Ишиме (98 человек), и 164 участника XVI слета лучших академических групп России, проводившегося в Тюмени в мае 2017 г. Таким образом, общий массив опрошенной учащейся молодёжи составил 2283 человека.

Данные опроса свидетельствуют о том, что для представителей учащейся молодёжи крайне важным является ведение здорового образа жизни. Так, среди всех опрошенных старшеклассников 67% опрошенных считают важным вести здоровый образ жизни, скорее важным, чем нет ещё 29%. Только для 4% респондентов это является не важным или скорее не важным, чем важным. Исходя из этого, можно зафиксировать положительную ориентацию среди старшеклассников на ведение здорового образа жизни, при этом различия относительно типов общеобразовательных учреждений являются незначительными.

У студентов высших учебных заведений и учащихся, получающих среднее профессиональное образование эти показатели находятся на таком же высоком уровне, как и у старшеклассников (важно – 71%, скорее важно, чем нет – 26%, скорее не важно – 2%, не важно – 1%). При дифференциации на группы по типу учебного заведения, можно заметить, что среди обучающихся в СПО, несомненно важным ведение здорового образа жизни считают 76%, а вот среди студентов вузов таких 69%. Предполагаем, что возможно тут сказывается разница в уровне нагрузки в ходе образовательного процесса, который определяет различия в иерархии системы ценностей среди выделенных групп учащейся молодёжи.

В ходе опроса респондентов попросили оценить состояние своего здоровья. Среди старшеклассников 20% оценили его как «очень хорошее», 48% как «хорошее», 27% – «среднее», 3% – «плохое», 1% – «очень плохое», 1% респондентов затруднился с ответом. Отметим, что зафиксирована разница в ответах старшеклассников, которые безоговорочно оценили своё здоровье как «очень хорошее». Так, среди представителей университетской гимназии таких только 10%, когда в «элитных» общеобразовательных учреждениях – 22%, а в обычных школах – 23%. Также, если доля учащихся обычных школ, оценивших своё здоровье как «среднее» и ниже составила 29%, то в гимназии ТюмГУ таких 34%. Полагаем, что причина кроется всё также в повышенном объёме нагрузки в университетской гимназии по сравнению с иными общеобразовательными организациями.

Среди студенческой молодёжи 18% оценивают свою здоровье как «очень хорошее», 52% как «хорошее», 26% как «среднее», 3% как «плохое» и «очень плохое». Также доля студентов вузов, оценивших своё здоровье как «очень хорошее» в два раза ниже, чем среди студентов СПО (16% против 32%). К тому же, «среднее» здоровье присуще только 17% обучающимся в колледжах и 28% – в университетах и академиях. На наш взгляд, подобные различия определены не только разницей в образовательной нагрузке, которая сказывается как на психическом, так и физическом самочув-

ствии, но и самом возрасте обучающихся, который в среднем ниже среди учащихся СПО, чем в высших учебных заведениях.

Исследования последних десятилетий свидетельствует о том, что здоровье среди учащейся молодёжи занимает наивысшие позиции в иерархии ее системы ценностей. Это фиксировали как в середине 2000–х годов [1;3], так и в настоящее время [2]. Исходя из результатов нашего исследования можно также отметить высокий уровень осознания важности ведения здорового образа жизни, что, на наш взгляд, напрямую свидетельствует о наличии явной ценностной ориентации на здоровье среди учащейся молодёжи. Помимо того, отсутствие серьезных различий во мнениях среди различных групп обучающихся может быть обосновано тем, что на данный момент основными агентами формирования позитивного отношения к здоровью как ценности выступают не субъекты образовательного процесса, а семья, близкое окружение, средства массовой информации.

Субъективные оценки состояния здоровья среди учащейся молодёжи свидетельствуют о том, что существуют определённые различия в психофизиологическом самочувствии обучающихся с увеличением образовательного уровня. Естественно, получение качественного образования требует от человека колоссальных временных, умственных, психофизиологических затрат. Отметим, что аспектам здоровья учащихся в общем (среднем) образовании отведена достаточная часть в федеральном государственном стандарте [6], чего нельзя сказать о стандарте для обучающихся в системе высшего образования, к примеру, по направлению подготовки «социология» (квалификация бакалавр) [5]. Таким образом, существует необходимость в формировании системы управления здоровьем и повышения уровня культуры здоровья среди учащейся молодёжи.

Список литературы

1. Вишневский Ю.Р., Шапко, В.Т. Парадоксальный молодой человек / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36.

2. Самарин А.В., Мехришвили, Л.Л. Здоровье в системе жизненных ценностей студенческой молодёжи: по результатам социологического исследования / А.В. Самарин, Л.Л. Мехришвили // Международный научно-практический журнал. 2017. № 1–3 (55). С. 151–154.

3. Семенов, В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи / В.Е. Семенов // Социологические исследования. 2007. №4. С. 37–43.

4. Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков. Исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья»:

международный отчет по результатам обследования 2009–2010 гг. / Под ред. Currie C и др. Копенгаген, Европейское региональное бюро ВОЗ, 2012 г. (Серия «Политика охраны здоровья детей и подростков», выпуск № 6)

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 39.00.01 Социология. [Электронный ресурс]. URL: http://www.osu.ru/docs/fgos/vo/bak_39.03.01.pdf (Дата обращения: 03.11.2018).

6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10–11 кл.). [Электронный ресурс]. URL: https://xn—80abucjiibhv9a.xn—p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2365 (Дата обращения: 03.11.2018).

M.M. Akulich, M. Yu. Semenov

THE ROLE OF EDUCATIONAL DETERMINANTS FOR STUDENTS HEALTH

The article deals with the relationship between the educational process in different types of educational organizations and the subjective state of health of students. The article analyzes the presence of orientation to a healthy lifestyle among high school students and students in universities and secondary professional educational institutions based on questionnaire data.

Keywords: health, education, high school students, university students.

УДК 316.4

П.О. Антонова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕЛА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматривается феномен конструирования тела как его внешняя модификация. Факторами, влияющими на конструирование телесности молодежью, в современном обществе выступают следование модным трендам, подражание медийным личностям. Неудовлетворенность своим телом, которое задано биологической природой, становится условием становления маргинальных деструктивных практик, влияющих на здоровье и вызывающих необратимые процессы в человеческом организме. Отсюда важным видится определение границ конструирования тела.

Ключевые слова: тело, конструирование тела, молодежь.

Конструирование тела – социальный феномен, который последние десятилетия активно проявляется в современных обществах и охватывает практически все социальные группы, в том числе молодежь. Э. Гидденс отмечает, что конструирование тела – это проект, который позволяет человеку создать самого себя [1]. Конструирование тела – это его внешняя модификация, физическое изменение структуры биологической природы сложившегося человеческого тела, путем хирургической/косметической коррекции (татуировки, пирсинг, пластическая хирургия и пр.).

Развитие биотехнологий и медицины делает возможным трансформацию человеческой телесности, а поддержка индивидуальности в общественном мнении и в модной индустрии трансформируют нормативность внешнего облика человека. Однако, молодежь стремится к стандартизации и унификации своей телесности в соответствии с новыми образцами, транслируемыми СМИ. Медийные личности, известные блоггеры, любимцы журналистов сегодня задают эталоны телесности, а также практики ее конструирования. Так, например, по мнению И.В. Сохань «заложницей императива худобы оказывается преимущественно женщина, телесность которой является прицельным объектом давления разнообразных риторик социокультурного поля: моды и рекламы, стандартов гламура, требованиям социальной успешности» [2, с. 68].

Первые модификации с телом, как отмечают А.Ю. Петрова и Н.В. Плотичкина начинаются с подросткового возраста. Анализируя нарративные интервью авторы пишут: «В нарративах фиксировалось осмысление информантами бытования собственного тела в рамках сложившихся стереотипов о до-

© Антонова П.О., 2018

пустимых границах телесных репрезентаций и их повседневных воплощений» [3, с. 61]. Речь идет о том, что неудовлетворенность своей биологически заданной природой «толкает» подростков к экспериментальной деятельности, позволяющей модифицировать свою телесность.

В связи с этим, А.В Меренков и Н.Л. Антонова, по нашему мнению, верно замечают: «...самой трудной проблемой, стоящей перед человечеством, является определение границ, в рамках которых природа позволит приводить эксперименты над организмом, созданным в процессе ее творчества» [4, с. 57]. Молодежь как мобильная открытая к экспериментальным видам практик группа становится наиболее уязвимой с точки зрения воспроизводства маргинальных деструктивных действий, направленных на изменение своего тела. Конечно, Россия – не лидер по количеству пластических операций проводимых за год. Первое место в этой сфере занимает Южная Корея: каждая пятая кореянка, проживающая в Сеуле ложилась под нож пластического хирурга с целью улучшения внешности [5].

В целом, конструирование тела – актуальный исследовательский вопрос для современной Социологии тела. Важным видятся исследования перспектив развития модификационных практик в молодежной среде для нивелирования маргинальных невозвратных телесных изменений, которые могут нанести непоправимый вред человеческому здоровью.

Список литературы

1. Giddens A. Modernity and Self–Identity. Cambridge: Polity Press 1991. 256 p.

2. Сохань, И.В. Производство женской телесности в современном массовом обществе: культ худобы и тирания стройности / И.В. Сохань // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 68–77.

3. Петрова, А.Ю., Плотичкина, Н.В. Возрастные конструкты в нарративах студенток Кубанского государственного университета / А.Ю. Петрова, Н.В. Плотичкина // Человек. Сообщество. Управление. 2017. №3. С. 53–68.

4. Меренков, А.В., Антонова, Н.Л. Конструирование тела как трансформация биосоциальной природы человека: социологическая концептуализация и интерпретация / А.В. Меренков, Н.Л. Антонова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. Т. 13. № 1 (173). С. 51–58.

5. Страны, занявшие первые места в рейтинге пластических операций! [Электронный ресурс]. URL: https://econet.ru/articles/5042–strany–zanyavshie–pervye–mesta–v–reytinge–plasticheskih–operatsiy (Дата обращения 02.11.2018).

P.O. Antonova

BODY CONSTRUCTION AS A SOCIAL PHENOMENON IN THE YOUTH ENVIRONMENT

The article deals with the phenomenon of body construction as its external modification. Factors that influence the construction of body by youth in modern society, are: following fashion trends, imitating media personalities. Dissatisfaction with one's body, which is defined by biological nature, becomes a condition for the formation of marginal destructive practices that affect health and cause irreversible processes in the human body. From here it seems important to define the boundaries of the body design.

Key words: body, body construction, youth.

УДК 316:303; 366.4

А.О. Барг

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В АНАЛИЗЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРОДУКТОВ ДЕТЬМИ РАННИХ ВОЗРАСТОВ (ДЛЯ ЗАДАЧ ОЦЕНКИ ЭКСПОЗИЦИИ N–НИТРОЗАМИНОВ)

В статье приведены результаты исследования фактического потребления детьми в возрасте от 6 месяцев до 3 лет отдельных видов продуктов питания для демонстрации эффективности применения социологических методов в процедуре оценки риска, связанного с питанием.

Ключевые слова: социологические методы, риски здоровью, оценка фактического питания детей

Обеспечение высокого качества пищевой продукции как важнейшей составляющей укрепления здоровья населения, в т.ч. детского, является одной из ключевых стратегических целей государственной политики России, определенных в Стратегии повышения качества пищевой продукции в РФ до 2030 г. [6]. Реализация поставленной цели предполагает минимизацию загрязнения пищевой продукции контаминантами, формирующими повышенные уровни риска для здоровья потребителей. Одними из наиболее опасных для здоровья детского населения контаминантов являются нитраты и нитриты [1], способствующие образованию канцерогенных N–нитрозаминов. Ряд исследований мясных консервов детского питания, реализующихся на отечественном продовольственном рынке, показал наличие в данной продукции опасного высокотоксичного вещества – N–нитрозодифениламина [3; 5]. Аналогичные результаты получены и для сухих каш (молочных и безмолочных) для детского питания [2]. Выявленные концентрации вредных веществ в детской пищевой продукции актуализируют задачу оценки риска здоровью населения. Важнейшим этапом процедуры оценки риска является идентификация опасности, предполагающая, наряду с определением потенциально опасных агентов, объем их поступления в пищу. Оценка фактического питания населения и его отдельных групп является довольно сложной задачей. Существуют разнообразные методики, например, лабораторные, статистические, методы записи и социологические. Последние позволяют довольно точно охарактеризовать ситуацию, при этом являются доступными в материальном отношении, за счет чего получили широкое распространение в последнее время [4]. В частности, анкетирование родителей детей ранних возрастов наиболее адекват-

© Барг А.О., 2018

ный метод для определения фактического потребления детьми отдельных видов продуктов.

Специалистами ФБУН «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий» в августе–сентябре 2018 г. было проведено социологическое исследование с целью оценить фактические объемы потребления отдельных видов продуктов (мясные консервы, сухие молочные каши) детьми г. Перми в возрасте от 6 месяцев до 3 лет для реализации процедуры оценки риска здоровью. Было проведено анкетирование родителей (n = 183), тип выборки целевая. Отбор респондентов осуществлялся в местах скопления респондентов: во всех детских клинических больницах, клинических поликлиниках и поликлиниках г. Перми (n = 6). Помимо демографического блока, анкета включала вопросы, касающиеся роста и веса ребенка, а также блок о потреблении мясных консервов и сухих молочных каш (анализ вопросов позволяет получить следующую необходимую для проведения процедуры оценки риска информацию: присутствует ли в рационе ребенка данный вид продукта, какова длительность, частота и объем его потребления).

Выборочная совокупность была разделена на три подгруппы по критерию возраста ребенка (1 группа – дети от 6 до 12 месяцев (35,4%); 2 группа – от 13 до 24 месяцев (36%); 3 группа – от 25 до 36 месяцев (28,6%)), в каждой из групп мальчики и девочки представлены в равных долях ±5%.

Потребление мясных консервов.

Более половины детей в возрасте от 6 месяцев до 3 лет (62,6%) употребляют в пищу мясные консервы. Прикорм ребенка как правило начинают именно с 6 или 7 месяцев (35,7% и 33% соответственно) и дают мясо 1–2 раза в день. Среди тех, кто употребляет данный вид продукта более трети детей до года (34,1%) в сутки получает не более 50 граммов продукта, еще столько же малышей съедают около 100 граммов (33%), остальные – от 100 до 250 граммов. Детям от года до двух лет дают бóльшие порции мясных консервов. От 50 до 100 граммов съедают около трети детей (29,4%), от 100 до 200 граммов – 13,7% детей и свыше половины (52,9%) от 200 граммов и больше (рис. 1).

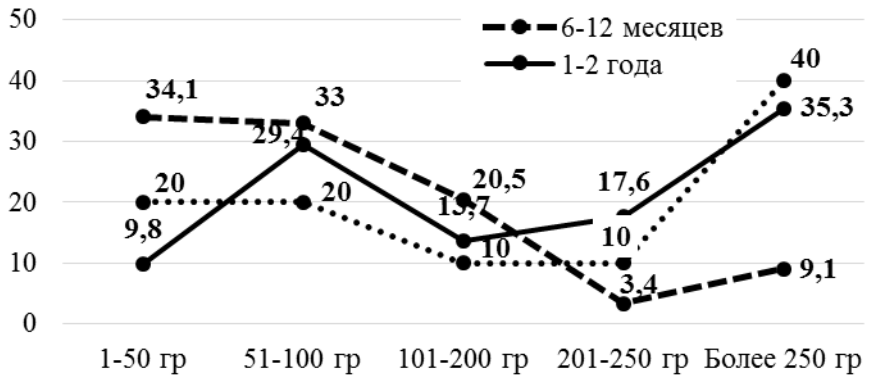


Рис. 1. **Суточное потребления мясных консервов детьми в возрасте от 6 месяцев до 3 лет (в % к общему числу ответивших)**

Как видно из рис.1 дети старшей возрастной группы (2–3 года), в рацион которых входят мясные консервы, в половине случаев съедают их более, чем 200 граммов в сутки. Таким образом порция увеличивается с ростом детей, но чем старше ребенок, тем реже его кормят мясными консервами.

Различное содержание опасных веществ наблюдается в мясных консервах разных производителей. В ходе исследования определено, что самой популярной среди родителей детей до 3 лет является марка «Тёма» (получают 58,3% детей), «Бабушкино лукошко» (52,2%), «ФрутоНяня» (49,6%) и «Агуша» (35,7%) (табл.).

Потребление мясных консервов разных производителей детьми в возрасте от 6 месяцев до 3 лет

Производитель	**Дети в возрасте от 6 месяцев до 3 лет** *(% от общего числа употребляющих мясные консервы)*
Тема	58,3
Бабушкино лукошко	52,2
ФрутоНяня	49,6
Агуша	35,7
Gerber	26,1
Heinz	25,2
Hame	7,8
Semper	7,0

Таким образом, очевидно, что родители предпочитают отечественных производителей детского питания зарубежным, что может быть связано с более высокой ценой на товары не российского производства.

Потребление сухих молочных каш.

Большинство детей употребляют в пищу сухие молочные каши. Среди всех ответивших родителей 53% кормят или кормили кашами своих детей в

возрасте от 6 до 12 месяцев (1–2 раза в день в 84% случаев и 3–4 раза еще в 16%). На втором году жизни данный вид продуктов потребляют 40% детей (1–2 раза в день в 40% случаев и 3–4 раза еще в 6%). Детей в возрасте от 2 до 3 лет кормят сухими кашами 26% ответивших. Пятая часть родителей начали прикорм сухими молочными кашами с 4–5 месяцев, около 70% – с 6 до 8 месяцев, остальные позже. Важно отметить, что сухие молочные каши производят как с содержанием сахара, так и без него. Анализ результатов исследования показал, что в 40% случаев среди детей в возрасте от 6 до 12 месяцев и в 51% случаев среди детей в возрасте от 1 до 2 лет они едят или ели каши с сахаром (рис. 2).

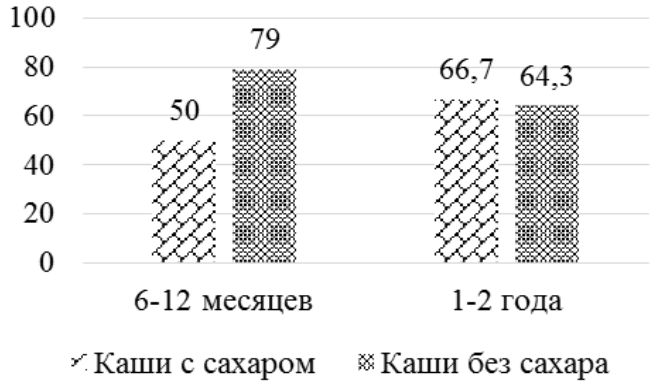


Рис. 2. **Потребление сухих молочных каш с содержанием сахара и без него детьми в возрасте от 6 месяцев до 2 лет[1] (в % к общему числу ответивших)**

На рис. 2 показано, что содержание в рационе детей ранних возрастов сахаросодержащих продуктов довольно значительно. Также можно добавить, что среднесуточное потребление каш с сахаром у детей первой возрастной когорты в 24% случаев составляет более 250 граммов, во второй группе таких 46%.

Полученные данные о фактическом потреблении детьми отдельных видов продуктов подтверждают адекватность применения метода анкетирования для задач оценки экспозиции и могут быть использованы при дальнейшей оценке риска здоровью детей от 6 месяцев до 3 лет, связанного с питанием.

[1] В сумме по значениям переменных нет 100%, т.к. ребенок часто ест и тот и другой вид каши.

Список литературы

1. Бельмер, С.В., Гасилина, Т.В. Некоторые аспекты проблемы гигиенической безопасности детского питания / С.В. Бельмер, Т.В. Гасилина // Вопросы детской диетологии. 2008. Т. 6. № 2. С. 27–31.

2. Зайцева, Н.В., Уланова, Т.С. Контроль содержания высокотоксичных n–нитрозаминов (n–нитрозодиметиламин и n–нитрозодиэтиламин) в детских кашах / Н.В. Зайцева, Т.С. Уланова, Т.В. Нурисламова, Г.И. Терентьев, К.С. Ершова, О.А. Мальцева // Вопросы питания. 2016. Т. 85. № 3. С. 82–90.

3. Зайцева Н.В., Уланова Т.С. Определение n–нитрозодифениламина в детских мясных консервах методом хромато-масс-спектрометрии / Н.В. Зайцева, Т.С. Уланова, Т.В. Нурисламова, Г.И. Терентьев, Н.А. Попова, О.А. Мальцева // Вопросы питания. 2017. Т. 86. № 5. С. 56–62.

4. Методические рекомендации по вопросам изучения фактического питания и состояния здоровья населения в связи с характером питания (утв. Минздравом СССР 08.02.1984 N 2967–84). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15960#0781230849952596. (Дата обращения: 04.11.2018)

5. Нурисламова, Т.В., Уланова, Т.С., Попова, Н.А., Мальцева, О.А. Методическое обеспечение контроля содержания n–нитрозодифениламина в пищевых мясо- и мясорастительных продуктах / Т.В. Нурисламова, Т.С. Уланова, Н.А. Попова, О.А. Мальцева // Гигиена и санитария. 2018. Т. 97. № 1. С. 85–89.

6. Стратегия повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 1364–р).

A.O. Barg

SOCIOLOGICAL METHODS IN THE ANALYSIS OF CONSUMPTION OF INDIVIDUAL PRODUCTS BY CHILDREN OF EARLY AGES (FOR ASSESSING EXPOSURE TO N–NITROSAMINES)

The article presents the results of the study of the actual consumption of children aged 6 months to 3 years of certain types of food to demonstrate the effectiveness of sociological methods in the procedure of assessing the risk associated with nutrition.

Key words: sociological methods, health risks, assessment of actual nutrition of children.

УДК 316.774:654.1

М.Б. Колесниченко

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ

Выделены основные задачи на пути внедрения телемедицины в медико-социальном пространстве и сопровождающие их актуальные социальные процессы. Освоение телемедицины всеми участниками описано как новая социальная практика, новая конструкция отношений врач – пациент. Обозначены основные проблемы, связанные с совершенствованием законодательной практики, согласования работы экспертов различных областей знания, восприятия населения новой медицинской услуги.

Ключевые слова: телемедицина, технология, отношение врач – пациент, социальная роль.

В современном российском обществе, как и в любом другом, по-прежнему актуальны вопросы распространения здорового образа жизни граждан, повышения качества оказания медицинской помощи. Развитие и распространение новых технологий в области медицины явно отразилось в области телемедицины, связанной с оказанием медицинских услуг дистанционно.

После принятия Федерального Закона о телемедицинских технологиях [5], по аналогии, например, с законом о медиации, т.е. о негосударственном институте защиты прав граждан (ФЗ РФ от 27.07.2010 № 193–ФЗ), утверждены и прописаны определенные процедуры взаимодействия в правовых полях, однако нет в публичном пространстве разъяснений по поводу того, как именно осуществлять социальную коммуникацию основным участникам процессов в области здравоохранения, как вырабатывать и закреплять новую социальную практику. Медиаторами между медицинскими работниками и пациентами могут выступать журналисты, которые слишком широко освещают сущность телемедицины, ее основные задачи. К актуальным задачам, выдвинутым в процессе внедрения телемедицины в пространство современного общества, можно отнести следующие:

– использование новых телекоммуникационных технологий на стыке разных научных дисциплин;

– повышение эффективности, доступности медицинского обслуживания, диагностики, ускорение при проведении лечения;

– профилактика заболеваний пациентов на регулярной основе;

– повышение квалификации врачей (видеоконференции), коллегиальное принятие решений в плане лечения;

– экономический эффект (снижение стоимости медицинских услуг).

© Колесниченко М.Б., 2018

Следствием успешного внедрения телемедицины могут быть такие социальные процессы, как:

– гуманизация медицинского поля, которая, в частности, проявляется в теледерматологии, трансформация телесности, развитие рефлексивного мониторинга, в том числе на дому [4, с. 203, 205];

– синхронизация прежних правил и стандартов с инновационными предложениями, с развитием новых технологий;

– перераспределение социальных ролей, при котором, как правило, расширяются функции младшего медицинского персонала, фармацевтов и др., усиление партисипативного эффекта пациентов в процессе лечения (умение делать выбор среди множества медицинских манипуляций, особенно выбор родителей в случае болезни детей).

Социологи медицины в последние годы много внимания уделяли ОВП (взаимоотношениям Врач – Пациент), которые наблюдаются в кабинетах на традиционном приеме у врачей. Так называемая биомедицинская модель ОВП, описанная Т. Парсонсом на основе структурного функционализма, рассматривала статусно-ролевое взаимодействие. Однако в условиях современного общества пришло время исследовать ОВБП, включающие Базу данных, или единую информационную систему, находящуюся в Интернет-пространстве. От того, на каких уровнях база данных выстроена и кто имеет доступ к данным, зависит успех взаимоотношений и эффективность оказания медицинской помощи. Актуализируется и цепочка отношений Врач – Врач в тех случаях, когда врач принимает решение обратиться за консультацией к более компетентному врачу или к помощи консилиума (ОВВБП). Внутри разных направлений и специализаций медицины действует собственная корпоративная логика, которая на уровне телемедицины потребует согласования. Усложняются сети взаимодействия между представителями различных ведомств внутри медицинского поля (институциональные практики), таких как технические специалисты, IT–специалисты, провайдеры, сотрудники службы охраны и др. [3, с. 149].

Распространение и распределение информационных потоков в поле медицины, в том числе рекламных, имеет значение как в традиционном здравоохранении, так и в новой области телемедицины. По данным контент-анализа Интернет-форумов [1, с. 39–40], преобладающими классификационными индексами, как положительными, так и отрицательными, стали те, которые обозначали доступность информации по сравнению с эмоциями и результатом лечения. При недостаточно высоком уровне доверия к медицинской информации, зафиксированном в социологических исследованиях, возрастают требования к телекоммуникационным технологиям.

В январе 2018 года Федеральный закон вступил в силу [5], однако остается вопрос, что представляет собой единая информационная система, к которой должны быть подключены и правительственные структуры, и медицинские учреждения, и граждане. Изучение новой модели отношений ОВП в области телемедицины началось с юридических поправок в новом законе, а также с усиления социального контроля над пациентами, особенно над лицами, «в отношении которых проводятся медицинские экспертизы, медицинские осмотры и медицинские освидетельствования» [5, ст. 94]. Тем самым реализуется скорее технократическая модель ОВП М. Фуко и институционально-интерпретативная модель И. Гофмана, опирающиеся на приоритет «давления» статуса и роли врача либо медицины как социального института [2, с. 49]. Социальный контроль над пациентами может проявляться и в отношении ограничения доступа к определенной информации под предлогом безопасности баз данных (например, общая информация об организации медицинского осмотра, решение проблем медикализации), в ослаблении прозрачности принципов и регламента оказания медицинских услуг, в повороте от индивидуализации и персонализации к прежней «биомедицинской» модели.

Недоработанными остаются также экономические (страховая медицина), медицинские (несовершенство нормативной базы), социальные (отсутствие готовности пациентов к переходу на новые формы обслуживания, недоверие и страх и т.д.), управленческие аспекты телемедицины. Так, в сфере социальной коммуникации экспертов на рынке предложений телекоммуникационных услуг можно предположить оформление сословно-иерархической структуры – выход на арену представителей медицинского сообщества и корпораций с большим социальным капиталом, который ориентирован в первую очередь на высокие статусно-символические характеристики (территориальная общность, корпоративная принадлежность, научный статус и др.), нежели реальные достижения в лечебной практике.

Список литературы

1. Гущин, А.В. Интернет-общение как материал для анализа отношений врача и пациента / А.В. Гущин // Социология медицины, 2012. № 1 (20). С. 38 – 41.

2. Иванова, Т.В. Социология. Медицинская социология / Т.В. Иванова. Сумы: Изд-во СумГУ, 2013. 252 с.

3. Колесниченко, М.Б. Социальные аспекты внедрения телемедицины / М.Б. Колесниченко // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2017. Т. 1. С. 146 –151.

4. Мельникова, О.О. Теория нормализации процессов: объяснительная модель инноваций в медицине (некоторые критические замечания) / О.О. Мельникова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 1 (17). С. 201 – 214.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: ФЗ РФ от 29.07.2017 № 242–ФЗ.

M.B Kolesnichenko

SOCIAL PROBLEMS IN THE FIELD OF TELEMEDICINE

The work highlights main tasks related to introduction of telemedicine in medico–social space and accompanying current social processes. The familiarization of telemedicine by all stakeholders is described as a new social practice, a new structure of doctor–patient relationship. The main problems associated with improvement of legislative practice, coordination of works of experts in various fields of knowledge, perception of a new medical service by consumers are identified.

Key words: telemedicine, technology, doctor–patient attitude, social role.

УДК 316.62

А.В. Короленко

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье проведен анализ физической активности населения Вологодской области и ее ключевых факторов по данным социологического опроса. Установлено, что основным видом физической активности для жителей региона выступает ходьба пешком. В целом большинство жителей региона проявляют или недостаточную физическую активность, или вовсе физически не активны. Физкультурой и спортом в свободное время занимаются 32% респондентов. Наиболее распространенными видами физкультуры и спорта оказались фитнес, зарядка, гимнастика и йога, командные виды спорта, плавание, бег, легкая атлетика. В детерминации физической активности населения области большую роль играют как материальные, так и мотивационно-психологические факторы.

Ключевые слова: физическая активность, здоровый образ жизни, физкультура и спорт, детерминанты, население Вологодской области.

Недостаточная физическая активность наряду с употреблением табака, неправильным питанием и чрезмерным употреблением алкоголя выступает важнейшим фактором риска наиболее распространенных неинфекционных заболеваний – повышенного артериального давления, избыточной массы тела, гипергликемии и гиперлипидемии [1, с. 13]. На ее долю приходится 6% от общего числа случаев смерти в мире [3, с. 10].

С начала 2000 гг. проблеме низкой физической активности международным сообществом уделяется большое внимание. В 2004 г. Всемирной ассамблеей здравоохранения была принята «Глобальная стратегия по питанию, физической активности и здоровью», содержащая руководства для стран мира по повышению уровня физической активности населения [2, с. 3]. В 2010 г. ВОЗ опубликованы «Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья», раскрывающие различные варианты государственной политики для достижения рекомендуемых уровней физической активности в странах мира [3]. В 2014 г. был принят «Глобальный план действий по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними на 2013–2020 гг.», одним из целевых ориентиров которого стало сокращение на 10% распространенности недостаточной физической активности к 2025 г. [4].

Что касается российского опыта, то в июле 2018 г. на федеральном уровне был утвержден паспорт приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни» на период до 2025 г., в качестве главной цели которого обозначено увеличение до 60% к 2025 г. доли граждан, приверженных здоровому образу жизни. В том числе в рамках его реализации предполагается по-

© Короленко А.В., 2018

высить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, с 34% в 2017 г. до 45% к 2025 г.

В связи с необходимостью научного сопровождения и мониторинга показателей здорового образа жизни населения приобретают актуальность исследования, посвященные такому его немаловажному компоненту, как физическая активность и другим аспектам поведения населения в отношении своего здоровья. *Целью данного исследования* стало изучение физической активности населения и выявление ее факторов на материалах социологического опроса населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 г. и в предшествующие годы. Опрос осуществлялся в форме раздаточного анкетирования на территории городов Вологды и Череповца, а также 8 муниципальных районов. Объем выборки составил 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Выборка многоступенчатая, квотная. Ошибка выборки не превышала 3%.

Под физической активностью понимается какое-либо движение тела, производимое скелетными мышцами, которое требует расхода энергии, в том числе активность во время работы, игр, выполнения домашней работы, поездок и рекреационных занятий [3, с. 7].

Самым распространенным среди жителей региона видом ежедневной физической активности является ходьба пешком: ей занимаются 50% респондентов (табл. 1). Зарядку ежедневно практикуют только 11% опрошенных. Ежедневно или несколько раз в неделю спортом и кардионагрузками занимаются лишь 7% жителей региона, упражнениями на гибкость и равновесие – 9%. Большинство респондентов никогда не занимались силовыми упражнениями (69%), упражнениями на гибкость и равновесие (65%), зарядкой (58%), спортом и кардионагрузками (по 57% соответственно).

Табл.1.

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы занимаетесь разными видами физической активности?» (в % от числа ответивших), 2018 г.

Виды физической активности	Ежедневно	2–3 раза в неделю	Несколько раз в месяц	Сейчас не занимаюсь	*Никогда не занимался(ась)*
Ходьба пешком	**49,9**	12,5	3,5	7,3	*26,7*
Спорт (футбол, баскетбол, волейбол, танцы и др.)	1,3	5,3	4,7	31,7	***57,0***
Кардионагрузки (бег, велосипед, плавание и др.)	1,2	6,0	7,4	28,6	***56,8***
Силовые упражнения	1,7	4,3	4,3	21,1	***68,6***
Утренняя (вечерняя) зарядка	**11,3**	5,0	6,2	**19,3**	***58,2***
Упражнения на гибкость, равновесие	3,9	5,1	4,9	21,3	***64,9***

Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области 2018 г., ФГБУН ВолНЦ РАН.

На такой вид физической активности, как ходьба пешком, в среднем за неделю тратят до 1 ч – 21% респондентов, от 1 до 3 ч – 25%, от 3 до 6 ч – 8%, от 6 до 9 ч – 5%, от 9 ч и выше – 8%, тогда как вовсе не занимаются ходьбой 35% опрошенных (табл. 2). На остальные виды физической активности у населения региона уходит значительно меньше времени.

Табл. 2.

Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени, в среднем в неделю, уходит у Вас на разные виды физической активности?» (в % от числа ответивших), 2018 г.

Виды физической активности	До 1 ч	От 1 до 3 ч	От 3 до 6 ч	От 6 до 9 ч	От 9 до 12 ч	Свыше 12 ч	*Не занимаюсь*
Ходьба пешком	21,1	24,6	8,0	4,9	2,2	4,8	*34,5*
Спорт (футбол, баскетбол, волейбол, танцы и др.)	2,4	5,4	2,2	1,0	0,1	0,3	*88,5*
Бег	4,5	7,2	2,4	0,6	0,1	0,1	*85,1*
Езда на велосипеде (в теплое время года)	4,7	6,9	4,4	1,5	0,4	0,4	*81,7*
Плавание	5,8	5,5	2,4	0,9	0,1	0,3	*85,0*
Силовые упражнения	4,1	4,4	1,5	0,8	0,1	0,1	*88,9*
Утренняя (вечерняя) зарядка	14,2	6,3	1,7	1,0	0,1	0,1	*76,6*
Упражнения на гибкость, равновесие	6,9	4,7	2,1	0,6	0,2	0,0	*85,5*

Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области 2018 г., ФГБУН ВолНЦ РАН.

Как показало исследование, в среднем около 80% респондентов из числа жителей региона проявляют или недостаточную физическую активность (уделяют физической активности умеренной интенсивности менее 150 минут в неделю [3, с. 8]), или вовсе физически не активны.

Важным проявлением физической активности служат занятия физкультурой и спортом. Согласно результатам опроса 32% респондентов занимаются физкультурой и спортом в свободное время. Наибольшим удельный вес таких людей оказался среди населения областного центра (43%), наименьшим – среди сельских жителей (21%).

Самыми распространенными среди жителей области видами физкультуры и спорта оказались фитнес, зарядка, гимнастика и йога (18%), командные виды спорта (12%), плавание (11%), бег, легкая атлетика (11%).

Главными причинами, побуждающими жителей региона заниматься физкультурой и спортом, выступают желание укрепить здоровье (69%), сохранить физическую форму, фигуру (48%), увеличить продолжительность

жизни (31%). Несколько реже респонденты отмечали желание получить психологическую разрядку и снять стресс (25%), получить удовольствие (22%), поддержать работоспособность (22%), пообщаться с друзьями (21%) и приятно провести досуг на занятиях (20%). Наименее распространенным мотивом оказалась «мода» на занятия физкультурой и спортом (6%).

У 56% респондентов никто из членов семьи не занимается физкультурой и спортом, у 36% – только некоторые члены семьи. И лишь 5% жителей региона отметили, что занимаются физкультурой и спортом всей семьей.

Примечательно, что у респондентов, занимающихся физкультурой и спортом, в отличие от тех, кто этого не делает, в основном кто-либо из членов семьи также вовлечен в подобные занятия (52% против 29%). У большинства людей, не занимающихся физкультурой и спортом, в отличие от первых, в семьях также никто не практикует эти занятия (67% против 33%). Можно предположить, что практики занятия физкультурой и спортом кого-либо из членов семьи с большой долей вероятности служат фактором вовлечения в них других членов семьи.

Осложняет проблему низкой физической активности то, что б*о*льшая часть занятого населения и на работе ведут «сидячий» образ жизни. Так, в течение дня в сидячем положении от 7 ч и более проводят 25% работающих жителей региона, 5–6 ч – 32%, 3–4 ч –30%.

В 2018 г. среди причин низкой физической активности респондентов лидировали отсутствие необходимости в физической активности (26%), недостаток свободного времени (23%) и лень, личная неорганизованность (23%; рис.). Изменения, наблюдаемые в ответах жителей региона по сравнению с 2012 г., свидетельствуют о том, что у населения появилось больше свободного времени на физическую активность, улучшились необходимые для этого условия, они стали меньше лениться. Вместе с тем вызывает опасение факт заметного роста доли респондентов, не видящих смысла в физической активности (на 17 п.п.).

По мнению жителей региона, увеличению их физической активности могут поспособствовать увеличение дохода (33%), снижение цен на спортивный инвентарь и абонементы в спортклубы (27%). Несколько реже респонденты выбирали такие стимулы, как наличие навыков самоорганизации (19%), близость расположения спортивных площадок, катков, бассейнов (16%), увеличение числа спортивных площадок (14%). В меньшей степени, по мнению опрошенных, их физической активности будут способствовать повышение доступности и качества информации о здоровом образе жизни (9%), наличие благоприятных для этого условий на работе, «мода» на занятия спортом (3%).

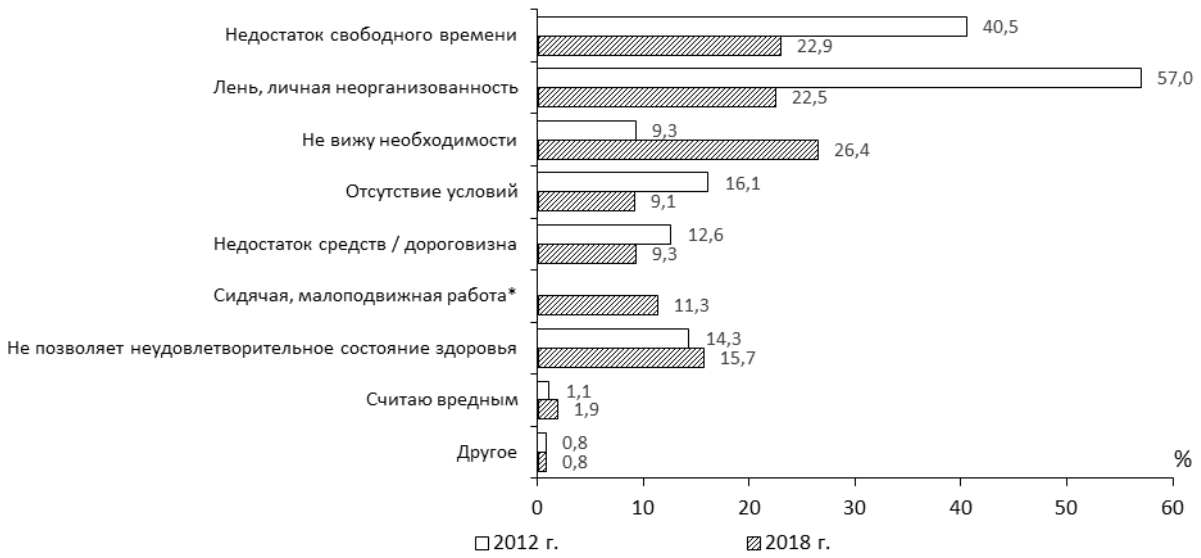


Рис. **Распределение ответов на вопрос: «Если у Вас низкая физическая активность, то укажите причину» (в % от числа опрошенных), 2012 и 2018 гг.**

* вариант ответа впервые был включён в анкету в 2016 г.

Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области 2012 и 2018 гг., ФГБУН ВолНЦ РАН.

Таким образом, физическую активность большинства жителей Вологодской области можно охарактеризовать как *недостаточную*. Даже среди тех, кто занимается физической активностью, часть людей делают это либо недостаточно часто, либо недостаточно интенсивно в соответствии с нормами ВОЗ. В детерминации физической активности населения региона большую роль играют как материальные, так и мотивационно-психологические факторы. Именно поэтому представляется необходимой реализация следующих направлений по ее увеличению:

– Экономическое стимулирование населения к повышению их физической активности (например, оплата или частичная компенсация спортивных занятий государством, работодателем).

– Повышение территориальной доступности объектов спортивной инфраструктуры.

– Повышение информированности населения о грамотном управлении личным временем, в том числе об организации физической активности.

– Вовлечение населения в практику семейных занятий физкультурой и спортом.

– Стимулирование работодателей к внедрению здоровьесберегательных технологий на рабочих местах.

Реализация данных направлений сможет помочь достижению стратегических целей – увеличения продолжительности здоровой жизни населения и народосбережения.

Список литературы

1. Накитанда, А.О., Швиреб, Г., Армстронг, Т. Растущее бремя неинфекционных заболеваний и роль физической активности / А.О. Накитанда, Г. Швиреб, Т. Армстронг // Профилактическая медицина. 2014. №1. С. 12–17.

2. Глобальная стратегия по питанию, физической активности и здоровью. Женева: ВОЗ, 2004. 18 с.

3. Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья. Женева: ВОЗ, 2010. 60 с.

4. Глобальный план действий по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними на 2013–2020 гг. Женева: ВОЗ, 2014. 107 с.

5. Паспорт приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 26 июля 2017 г. №8) // Официальный сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/Soj3PKR09Ta9 BAuW30bsAQpD2qTAI8vG.pdf (Дата обращения: 04.11.2018).

A.V. Korolenko

POPULATION PHYSICAL ACTIVITY AND ITS FACTORS (ON MATERIALS OF THE VOLOGDA OBLAST)

The article has the analysis of the physical activity of the Vologda Oblast population and its factors on the materials of sociological survey. It is established that walking is the main form of physical activity for of the region residents. In general most of the region inhabitants show either insufficient physical activity, or are not physically active. 32% of respondents are involved in physical culture and sports in their free time. The most common types of physical culture and sports are fitness, gymnastics and yoga, team sports, swimming, running, athletics. Both material and motivational and psychological factors play an important role in the determination of the region's population physical activity.

Keywords: physical activity, healthy lifestyle, physical culture and sport, determinants, Vologda Oblast population.

УДК 314.44+316.012

М.Ю. Цинкер, Н.А. Лебедева–Несевря

МОДЕЛИРОВАНИЕ СВЯЗЕЙ МАКРОСОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ РИСКА И ПОТЕРЬ ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ*

На основе статистических данных по субъектам РФ за 2014–2016 г. с помощью методов регрессионного анализа осуществлено моделирование влияния социально-экономических и социально-гигиенических факторов, а также показателей здравоохранения на формирование потерь здоровья работающего населения, выраженных в заболеваемости с временной утратой трудоспособности. Показано, что социально-экономические факторы являются ключевыми в детерминации состояния здоровья работающих. Получены достоверные модели связей «инвестиций в основной капитал на душу населения», «расходов на образование», «среднедушевых денежных доходов населения» и ответов со стороны здоровья.

Ключевые слова: здоровье, заболеваемость с временной утратой трудоспособности, трудоспособное население, макросоциальные факторы

Значимость влияния макросоциальных факторов на формирование здоровья на популяционном уровне доказана в многочисленных зарубежных и отечественных исследованиях [1–3]. В частности, обосновано влияние социально-экономических предикторов (например, уровня и интенсивности дифференциации доходов граждан) на заболеваемость и инвалидизацию взрослого населения [4], а также самооценку здоровья [5], состояния системы здравоохранения – на медико-демографические показатели здоровья [6], роста уровня образования населения – на динамику смертности [7]. Однако публикаций, посвященных анализу воздействия социальной среды обитания на здоровье работающих, не так много, особенно на фоне исследований, концентрирующих свое внимание на влиянии производственных факторов (повышенной и пониженной температуры и химического загрязнения воздуха рабочей зоны, повышенных уровней шума и вибрации и пр.) на заболеваемость работающих граждан [8].

Цель исследования – установить связь отдельных показателей макросоциальных факторов риска и ответов со стороны здоровья работающего населения современной России.

Материалы и методы. Для моделирования причинно-следственных связей между макросоциальными факторами риска и состоянием здоровья

© Цинкер М.Ю., Лебедева-Несевря Н.А., 2018

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (проект МД-281.2017.6).

работающего населения использовались статистические данные в разрезе субъектов РФ за 2014–2016 гг.

Макросоциальные факторы описывались набором социально-экономических и социально-гигиенических показателей, а также показателей здравоохранения (табл.).
В качестве маркера потерь здоровья работающих использовался показатель «число случаев временной нетрудоспособности на 100 работающих» (данные федерального статистического наблюдения в сфере здравоохранения (Форма № 16–ВН)).

Перечень макросоциальных показателей, включенных в моделирование

Обозначение показателя	Наименование показателя
x_1	Уровень безработицы (%)
x_2	Инвестиции в основной капитал на душу населения (тыс. руб.)
x_3	Расходы на образование (тыс. руб./чел.)
x_4	Среднемесячная заработная плата работающих в экономике (руб.)
x_5	Стоимостный объем национального богатства (стоимость основных фондов отраслей экономики) на душу населения (руб.)
x_6	Среднедушевые денежные доходы населения (тыс. руб./чел.)
x_7	Удельный вес жилой площади, оборудованной центральным отоплением (%)
x_8	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума
x_9	Расходы на здравоохранение (руб./чел.)
x_{10}	Процент лиц с доходами ниже прожиточного минимума (%)
x_{11}	Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия, отнесенное к численности населения
x_{12}	Количество врачей всех специальностей (на 1000 человек населения)
x_{13}	Количество среднего медперсонала (на 1000 человек населения)
x_{14}	Процент квартир, не имеющих водопровода (%)
x_{15}	Процент квартир, не имеющих канализации (%)
x_{16}	Количество жилой площади на 1 человека ($м^2$/чел.)

Моделирование зависимостей показателя «число случаев временной нетрудоспособности» от макросоциальных показателей выполнялось в рамках общей линейной модели с применением методов регрессионного анализа. Получаемые модели соответствовали критерию статистической адекватности (критерий Фишера) и отвечали требованиям биологического правдоподобия (ухудшение социально-экономической ситуации негативно сказывается на состоянии здоровья).

Результаты. По итогам моделирования было получено пять достоверных моделей связей между числом случаев временной нетрудоспособности и

показателями а) x_2 «Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб.)», б) x_3 «Расходы на образование (руб./чел.)», в) x_4 «Среднемесячная номинально начисленная заработная плата работающих в экономике (руб.)», г) x_5 «Стоимостный объем национального богатства (стоимость основных фондов отраслей экономики) на душу населения (руб.)», д) x_6 «Среднедушевые денежные доходы населения (руб./чел.)».

Все перечисленные показатели, относящиеся к социально-экономической группе, были исследованы на наличие внутренних связей. Матрица корреляций позволила установить средние статистические связи показателей «Среднемесячная заработная плата работающих в экономике (руб.)» и «Стоимостный объем национального богатства (стоимость основных фондов отраслей экономики) на душу населения (руб.)» с остальными показателями, в связи с чем модели с данными показателями были исключены из анализа.

Таким образом, было установлены три достоверные связи ($p<0,05$):

$$y = -0,0082x_2 + 49,365, \quad (F = 9,42), \tag{1}$$

$$y = -0,067x_3 + 49,702, \quad (F = 8,30), \tag{2}$$

$$y = -0,069x_6 + 50,292, \quad (F = 4,47), \tag{3}$$

где y – число случаев временной нетрудоспособности на 100 работающих.

Полученные модели характеризуют различные механизмы влияния социально-экономических показателей на здоровье работающих. Инвестиции в основной капитал (x_2) отражают сформированность условий для высокого уровня и качества жизни граждан, развитость систем поддержания и укрепления здоровья; повышение уровня доходов работающих граждан (x_6) расширяет их возможности доступа к данным условиям и системам; расходы на образование (x_3) влияют на уровень гигиенической и медицинской грамотности, как следствие – определяют более ответственное отношение населения к своему здоровью.

Выводы. Состояние здоровья работающего населения является многофакторно обусловленным. Очевидно, производственные факторы риска (особенно – связанные с занятостью во вредных и опасных условиях труда), вносят существенный вклад в формирование потерь здоровья работающих граждан. Однако, немаловажно влияние и макросоциальных факторов. Результаты реализованного регрессионного моделирования позволили установить достоверную связь между заболеваемостью с временной утратой трудоспособности работающего населения регионов России и такими показателя-

ми как инвестиции в основной капитал, среднедушевые денежные доходы населения и расходы бюджета страны на образование.

Список литературы

1. Galea S., Putnam S. The Role of Macrosocial Determinants in Shaping the Health of Populations. In: Macrosocial Determinants of Population Health. Springer, New York, NY. 2007. P. 3–12.
2. Putnam S., Galea S. Epidemiology and the macrosocial determinants of health // Journal of public health policy. 2008. Vol. 29, №3. P. 275–289.
3. Боев В.М. Методология комплексной оценки антропогенных и социально-экономических факторов в формировании риска для здоровья населения / В.М. Боев // Гигиена и санитария. 2009. № 4. С. 4–8.
4. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone. London: Penguin Books. 2009.
5. Кислицына, О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений / О.А. Кислицына // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 289–302.
6. Захаренков, В.В. и др. Научное обоснование влияния социально-экономических факторов и финансирования здравоохранения на формирование здоровья населения / В.В. Захаренков, И.В. Виблая, С.А. Коровин, В.А. Хаптанова, А.Д. Гольменко. Новокузнецк, 2013. 187 с.
7. Baker D.P. et al. The education effect on population health: a reassessment / D.P. Baker, J. Leon, E. G. Smith Greenaway, J. Collins, M. Movit // Population and development review. 2011. Vol. 37(2). P. 307–332.
8. Щербо, А.П. Оценка риска воздействия производственных факторов на здоровье работающих / А.П. Щербо, А.М. Мельцер, А.В. Киселев. Санкт-Петербург, 2005. 115 с.

M.Yu. Tsinker, N.A. Lebedeva-Nesevria

MODELING OF RELATIONS BETWEEN MACROSOCIAL FACTORS AND WORKING POPULATION HEALTH LOSSES IN RUSSIA

The objective of the study was to describe the relation between macrosocial risk factors and health losses among working population in modern Russia. We used data from Russian Federal State Statistic Service (socio–economic and socio–hygienic indicators, morbidity with temporary work incapacity) as a basis for our research and the regression analysis as the main method. It was shown that socio–economic factors are the key determinants of the health losses, especially – “investments in fixed capital per capita”, “expenses for education”, and “average per capita money income of population”.

Key words: macrosocial factors, health risk, health losses, regression analysis.

УДК 316.334.56

Прокофьева А.В.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЕОРИЕНТИРОВАННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЕКТАХ “AGE–FRIENDLYCITY” И “CHILD–FRIENDLYCITY”

Создание здоровьеориентированного городского пространства требует анализа его основных элементов. На основе анализа проектовHealthy–, Age–friendly– иChild–friendlycityрассмотрены ключевые: безопасная и экологичная среда, условия для обеспечения базовых потребностей, спортивная инфраструктура.

Ключевые слова: здоровый город, age–friendlycity, child–friendlycity, здоровьеориентированное городское пространство.

Городское пространственное развитие можно рассматривать в рамках управленческой практики градостроительных мероприятий и городского планирования, т.е. принятия и реализации совокупности решений, «направленных на рационализацию размещения на территории города различных объектов (зданий, предприятий, транспортных магистралей и развязок, инженерных коммуникаций, мест массового отдыха и т.д.) с целью обеспечения благоприятной среды для жизни и деятельности горожан» [10, с.161]. Учитывая акцент на создании и поддержании благоприятной среды жизнедеятельности, городское развитие представляет собой совершенствование планировочной структуры, пространственную дифференциацию городской среды, повышение ее комфортности для проживания, посредством различных технологий (зонирование, установление правил застройки, регулирование использования территории, городской дизайн и т.п.) [10, с.161]. Повышение комфортности проживания городской среды направлено на создание условий для удовлетворения различных потребностей горожан, в т.ч. потребности в здоровье.

Отсутствие согласно ряду исследований прямой и однозначной связи между средой города и здоровьемего населения может быть связано с рядом обстоятельств, которые условно можно разделить на две группы – «город» и «здоровье». Во-первых, вариативным понятием «город» обозначаются территориальные образования различного типа, динамично развивающиеся в условиях того или иного общества и содержащие большое число постоянно меняющихся компонентов (материально-вещных, социальных, культурно-символических), учесть влияние которых на здоровье каждого по отдельности крайне сложно. Учет интегрального эффекта влияния всех элементов города на индивидуальное и общественное здоровье требует разработки мето-

© Прокофьева А.В., 2018

дик комплексной оценки [9, с.76]. Во-вторых, при анализе такого сложного феномена как здоровье необходимо принимать во внимание проблему соотношения биологического и социального его компонентов, различение индивидуального и общественного (популяционного) здоровья, а также его трактовку не только как отсутствия болезней и физических дефектов, но и как «состояния полного физического, душевного и социального благополучия», «способность жить гармонично в меняющихся условиях среды» [12, с.1–2].

Город и городской образ жизни лишь один из факторов в ряду 4 групп детерминант здоровья (генетических и биологических, состояния окружающей среды, качества и уровня развития медицинского обеспечения и образа жизни человека)[5]. Здоровье жителей города представляет таким образом баланс функциональных и дисфункциональных последствий. Окружающая среда крупных городов, порождающая высокие риски смертности от новообразований, риски развития хронических заболеваний, смертей и получения травм в автомобильных авариях, а также характерные для городского образа жизни нерегулярность и некачественность питания, низкий уровень двигательной активности, ведущие к избыточному весу, сердечно-сосудистым заболеваниям и др., зачастую являясь неблагоприятными для здоровья факторами, могут нивелироваться большей доступностью и более высоким качеством предоставляемого медицинского обслуживания, развитостью спортивной инфраструктуры.

Под здоровьесбережением понимается «система действий, направленных на улучшение собственного здоровья и (или) здоровья социального окружения», при этом его можно рассматривать и как постоянно действующую государственную политику и как технологию поддержания и укрепления здоровья [8, с.671–672]. Значимыми в данном случае оказываются несколько компонентов: (1) ценностное отношение к здоровью, наличие необходимых для поддержания и укрепления здоровья знаний, умений и навыков, которые выражаются в (2) определенном поведении (здоровьесберегающей деятельности), для осуществления которой необходимы (3) определенные условия. Сложившиеся у горожан представления о здоровьесберегающих функциях города получают свое воплощение в их повседневных практиках, которые как протекают в заданных физических условиях, так и влияют на их (ре)организацию. Здоровьеориентированное городское пространство-представляет собой физическую, социальную и смысловую среду города, которая своими ресурсами (природными, материальными, социокультурными и др.) создает возможности для индивидов и социальных групп сохранять и укреплять свое здоровье.Актуальной в связи с этим становится задача анализа основных компонентовздоровьсбережениях городской среде и оценки уровня их развития. В соответствии со «Стратегией формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболе-

ваний на период до 2025 года» в первое приоритетное направление (снижение популяционного риска неинфекционных заболеваний в масштабах всего населения за счет уменьшения распространенности поведенческих и корректируемых биологических факторов риска) входит в числе прочего обеспечение условий для ведения здорового образа жизни. Достижение данных целей предполагает создание свободной от табачного дыма среды, ограничение доступности алкоголя, табака, вредных продуктов питания, повышение доступности продуктов для здорового питания, доступности повседневной физической активности и занятий физической культурой, создание экологически безопасной среды обитания и жилищных условий, соответствующих санитарным нормам[11].

Поиск взаимосвязи городского пространства и здоровья начался в Новое время с проектов устранения вредных факторов, воздействующих на популяционное здоровье в городской среде (И.П. Франк, Э. Чедвик, Р. Вирхов), сейчас же представлен большим числом международных проектов (“Healthycity”, “Age–friendlycity”, “Disabled–accessiblecity”, “Child–friendlycity”, “Sustainablecity”, “Eco–city”, “Cittaslow” и др.), в которых акцент делается не только на устранение вредных факторов здоровья, но и на создание факторов его устойчивости. Обобщающей для них можно считать концепцию «Здоровых городов», принятой в качестве одной из программ развития в большом числе городов по всему миру, и строящейся на холистическом подходе и междисциплинарном анализе, и акцентирующей внимание на процессе создания возможностей поддержания и укрепления здоровья людьми [4].Наиболее близкими к концепту «здорового города» является концепция города для пожилых (age–friendlycity) и города для детей (child–friendlycity) с учетом динамики состояния здоровья в разных возрастных группах. Общим для указанных проектов является то, что они направлены на приоритезацию создания в городах условий как для активного и здорового становления и развития личности, так и для продуктивного и здорового старения. Поскольку healthycity и age–friendlycity – проекты ВОЗ, они в большей степени ориентированы на вопросы здоровья, тогда как child–friendlycity, инициатива ЮНИСЕФ, акцентирует внимание на защите прав детей, в которые в т.ч. входит право на медицинское обслуживание, право на уровень жизни необходимый для развития ребенка и др.[3]. Из пяти целей инициативы child–friendlycity лишь одна посвящена созданию безопасной и чистой среды, тем не менее, индикаторы child–friendlycitytесно связаны с индикаторами устойчивых городов (sustainablecity), и имеют ряд параллелей с индикаторами оценки здоровых городов и городов для пожилых.

При сравнении всех трех проектов обращают на себя внимание 3 группы параметров городской среды, способствующие здоровьесбережению: качество физической среды (чистота, безопасность, отсутствие загрязнения),

создание инфраструктуры для обеспечения базовых потребностей (жилье, источники воды и пищи, медицинская помощь), дизайн городской среды, стимулирующий здоровьесберегающее поведение. Каждая группа параметров по-разному может конкретизироваться в каждой из концепций. В первой группе схожими являются такие индикаторы безопасности экологической среды как процент озелененного пространства в общей территории города [4], доля земель, покрытых лесом [2], поскольку именно они позволяют решать задачи защиты от пыли, избыточной солнечной радиации, сокращения неблагоприятного воздействия промышленности и транспорта на окружающую среду и т.п. Акцент на безопасности городской среды в отношении дорожно-транспортного травматизма делается только в проекте child–friendlycity (% детей, использующих пешеходные переходы рядом со школами, больницами и жилыми домами) [2]. Проект «Здоровый город» также предлагает в качестве индикатора наличие закона о запрете на курение в публичных пространствах. Во второй группе элементов, направленных на обеспечение базовых потребностей, общими для всех трех проектов являются параметры доступности и качества жилья (в т.ч. индикатор – доля городского населения, проживающего в трущобах) [4], удовлетворение потребностей в воде и продовольствии (индикаторы – доля населения, использующего улучшенные источники питьевой воды и потребляющего энергию из рациона питания ниже минимального уровня) [2], доступность ключевых объектов в районе или квартале [6;7]. Стоит отметить, что по этой группе параметров в age–friendlycity на первый план выходят проблемы увеличения пешей и транспортной доступности ключевых объектов, общественного транспорта и остановок в силу снижения двигательной активности в более старших возрастах, а также публичных пространств для сохранения нормального уровня их социальной вовлеченности. В проектах инициированных ВОЗ «Healthycity» и «Age–friendlycity» также акцент делается на доступности и качестве первой медицинской помощи, ухода на дому и доступность местных источников информации о проблемах со здоровьем и предоставляемых услуг по их решению. Третья группа параметров – дизайн городской среды, стимулирующий здоровьесберегающее поведение – представлена такими индикаторами как доля жителей, практикующих профилактическое поведение в сфере здоровья (диета или упражнения), общая удовлетворенность состоянием здоровья [4;6;7], % детей регулярно занимающихся спортом и использующих местную спортивную инфраструктуру[2].

В силу того, что в западных странах наблюдается старение населения, концепция age–friendlycity, как правило, доминирует в градостроительной повестке. Также считается, что город, ориентированный на пожилых априори становится и городом жизнепригодным для других возрастных групп. В меньше степени это относится к child–friendlycity, однако и для его продви-

жения используют почти зеркальную формулу – «создание среды, удовлетворяющей потребности ребенка, равно созданию образцовой среды, жизнепригодной для всех». В частности такой подход используется в рамках работы зарубежных архитекторов и дизайнеров городской среды по вовлечению местного сообщества (в т.ч. детей) в предпроектные исследования и обсуждение новых общественных пространств с использованием интерактивных технологий. В целом можно говорить о всёвозрастающей актуализации подхода «интергенерационного городского пространства», которое учитывает потребности разных групп и позволяет им взаимодействовать между собой в том числе по вопросам сохранения и укрепления своего здоровья [1]. Управление городским пространственным развитием с опорой на указанные параметры, а также в сочетании с изменением ценностного отношения к здоровью самих горожан, и с совершенствованием институциональной структуры в области здравоохранения, физической культуры и спорта, позволит создать необходимые условия для развития практик здоровьесбережения городского населения.

Список литературы

1. Biggs S., Carr A. Age– and Child–Friendly Cities and the Promise of Intergenerational Space // Journal of Social Work Practice: Psychotherapeutic Approaches in Health, Welfare and the Community. – 2015. – Vol. 29, Issue 1. – P. 99–112, DOI: 10.1080/02650533.2014.993942

2. Carvalho M.A., Koteng Z. Systematic assessment of the Child Friendly City/District (CFC/D) initiative in Indonesia 2014 https://www.unicef.org/indonesia/CFC_ assessment_in_Indonesia_–_Final_Report.pdf(дата обращения: 10.09.2018)

3. Child friendly cities and communities: handbook. (byThivantL.) UNICEF:2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://s25924.pcdn.co/wp–content/uploads/2018/04/unicef–child–friendly–cities–and–communities–handbook.pdf (дата обращения: 10.09.2018)

4. Hancock T., Duhl L. Promoting Health in the Urban Context. WHO Healthy Cities Papers No. 1. Copenhagen, Denmark: FADL Publishers, 1988. 54 p.

5. Health Impact Assessment. The determinants of health. // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.who.int/hia/evidence/doh/en/ (дата обращения: 20.08.2018)

6. Kano M., Rosenberg P.E., Dalton S.D. A Global Pilot Study of Age–Friendly City Indicators // Social Indicators Research. 2018. Vol. 138, Issue 3. P. 1205–1227. DOI: doi.org/10.1007/s11205–017–1680–7

7. Measuring the age–friendliness of cities: a guide to using core indicators. Japan: WHO, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665

/203830/9789241509695_eng.pdf;jsessionid=7ACFF95EE100B50DD6A9AE1B18D81EB1?sequence=1 (дата обращения: 10.09.2018)

8. Арстангалиева З.Ж., Чернышкова Е.В., Андриянов С.В. Здоровьесбережение пожилых людей как проблема социологии медицины (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2014. – № 10 (4). С. 670–674.

9. Заборова Е.Н. Город и здоровье горожан // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 76–78.

10. Метелева Е.Р. Уточнение содержания понятий «город», «городское развитие» и «управление городским развитием» / Е.Р. Метелева// Известия Байкальского государственного университета. 2011.№3 (77).С. 160–164.

11. Проект Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года // Официальный сайт ФГБОУ «Национальный медицинский исследовательский центр профилактической медицины» Министерства здравоохранения РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gnicpm.ru/UserFiles/stragedy_project_fin_2512.pdf (дата обращения: 20.08.2018)

12. Устав (конституция) всемирной организации здравоохранения (с дополнениями от 2005 г.).// Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 20.08.2018)

Prokofyeva A.V.

THE FORMING OF HEALTH–FRIENDLY URBAN SPACE N THE AGE–FRIENDLY CITY AND CHILD–FRIENDLY CITY PROJECTS

The creation of a health–oriented urban space requires an analysis of its basic parameters. Based on the analysis of the projects Healthy–, Age–friendly– and Child–friendly city, key (safe and environmentally friendly environment, conditions for providing basic needs, sports infrastructure) were considered.

*Keywords:*healthy city,age–friendly city, child–friendly city.

УДК 159.9

Д.А. Уварова, Е.Г. Копалкина

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕРЫ И ЗДОРОВЬЯ В ПРАВОСЛАВИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ ВЛАДЕТА ЕРОТИЧА)

В статье представлены основные религиозные и психологические взгляды сербского врача и доктора богословия Владета Еротича, в работах которого обосновывается главный его вывод о том, что настоящая вера и глубинная психология всегда идут вместе, помогая человеку пробудить в себе «архетип спасителя».

Ключевые слова: религия, вера, здоровье, В. Еротич, православие.

Жизнь современного человека, несмотря на повышенный уровень качества его жизни, комфорта, изобилия вещей, наполнена болями, страданиями и болезнями. Более того, известный американский психиатр Дональд Каплан описал некоторые психологические явления, возникающие после длительного смотрения телевизора, назвав их «телевизионной наркоманией». Он обратил внимание, в первую очередь, на тесную связь, существующую между долгим времяпрепровождением перед телевизионным экраном и увеличением веса человека вследствие усиленного потребления не только еды, но и сигарет и алкоголя» [5]. Таких «скрытых самоубийц», которые … с течением времени «убивают себя» посредством, алкоголя, наркотиков, курения, переедания, вождения машины с превышенной скоростью, азартных игр и чаще всего посредством хронических психосоматических болезней (язва, колит, гипертония, астма, кожные болезни и т. д.) [3] из года в год становится все больше и больше. Причины данного явления, как считают многие исследователи, заключается в том, что «человечество стоит перед опасностью гораздо более серьезной, чем ядерная, эта опасность – распад духа» [2]. Ведя неразборчивый образ жизни, не веря в Бога, гоняясь за прагматическими и материальными ценностями, многие люди болезнь воспринимают как наказание за те грехи, которые они совершили в своей жизни. Многих людей перед лицом своей болезни приводит человека к вере, к религии, к работе над собой, воздержанию, которые дают силы для победы над своим недугом.

Суть концепции взаимосвязи веры и здоровья в православии раскрывается на официальном сайте Русской Православной Церкви в документе «*Основы социальной концепции Русской Православной Церкви*», в котором излагаются базовые положения ее учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем. *С православной точки зрения здоровье*, которое является безусловной ценностью и

© Уварова Д.А., Копалкина Е.Г., 2018

объектом заботы церкви*, нельзя рассматривать односторонне*: физическое здоровье в отрыве от духовного, поскольку и физическое и духовное здоровье есть отражение целостного человеческого бытия. Здоровье человека *не обладает самодостаточностью*, его нужно поддерживать и сохранять, поэтому большую роль играют профилактические мероприятия, создание реальных условий для занятия физической культурой и спортом.

Православная церковь безусловно положительно оценивает врачебную деятельность, но *различает* 1) *древнюю медицину*, представители которой являли собой образ святости, и считались бессребрениками и чудотворцами, и *современную*, у представителей которой зачастую критерий «рыночных отношений» превалирует над критерием «жизненных потребностей»; 2) врачевание в лечебных учреждениях и *врачевание с помощью спасительных Таинств*, более того в этом документе православная церковь рекомендует преподавателям и обучающимся в медицинских образовательных учреждениях познать основы православного вероучения, чтоб в будущей своей профессиональной деятельности создавать в лечебных учреждениях «*молитвенную атмосферу*»; 3) *истинное врачевание* (через участие в церковных Таинствах и молитвах) – от заклинаний, заговоров, иных магических действий и суеверий. 4) «болезни, развившиеся «от естества», и недуги, вызванные бесовским воздействием либо ставшие следствиями поработивших человека страстей» [8]. В целом болезни и связанные с ними страдания (особенно психические заболевания) церковь рассматривает как следствие личных грехов, а также общей поврежденности и ограниченности человеческой природы. Самыми распространенными человеческими страстями и болезнями являются наркомания и алкоголизм, согласно которым человек попадает в иллюзорный мир вследствие своей *духовной опустошенности, болезни, потери смысла жизни и размытости нравственных ориентиров*.

Одним из наиболее известных в области психотерапии, плодотворно сочетающих пастырскую и врачебную помощь при надлежащем разграничении сфер компетенции, является **Владета Еротич (Йеротич),** сербский ученый, православный психолог, доктор богословия, который занимается практикой большую часть своей жизни. В своих произведениях *Владета Еротич* совмещает глубокое знание православной духовности с опытом современной мировой психологии и психотерапии. Многие психоаналитики вслед за Фрейдом видят в религии лишь дополнительный источник человеческих страхов и неврозов. С другой стороны, некоторые специалисты безудержно верят во всемогущество психологических методов и техник. Но как точно отмечает А. Зайцев: «Истина, как обычно, лежит где-то посередине, что и подтверждают работы сербского психолога Владеты Йеротича» [1].

В центре внимания исследовательских работ сербского врача–богослова находится понятие невроза как одной их важнейших категорий психоанализа. Причинами невроза являются внутренние конфликты человека. Анализируя человеческие неврозы, *Владета Еротич* отмечает сходства между отдельными положениями психоанализа и христианским учением о человеке. По мнению *Владеты Йеротича*, настоящая вера и глубинная психология всегда идут вместе, помогая человеку пробудить в себе «архетип спасителя» [4]. Раскрывая роль боли и страдания в жизни каждого человека как объекта изучения и психологии, и религии, *Владета Еротич* пишет, что «от боли и болезни, как и от смерти, нас не сможет защитить ни сильный дух, ни слабый, ни философский, ни научный». Христианство предлагает несколько способов преодоления или примирения со страданиями: от их терпеливого перенесения до идеи очищения через скорби и наказания за грехи. По мнению *Владеты Еротича* «… и боль и страдание суть синонимы жизни. Остается одна защита от них – наше к ним отношение. В подобной оценке боли и страданий сходятся и религия, и психология, но человеку необходимо большое мужество, чтобы смело взглянуть в лицо страданиям, не прячась за ширмы псевдохристианства и псевдопсихологии» [6].

Раскрывая значение веры для душевного здоровья современного человека, *Владета Еротич* отмечает, что «оказывать отравленному духовному климату нашего сегодняшнего дня сознательное и, особенно, бессознательное сопротивление может лишь такой верующий, который непосредственно проживает и переживает религиозную истину. Именно переживание веры заполняет целое существо человека и дает ему силу сопоставлять, а тем самым и противостоять сторонним воздействиям» [7]. При этом не следует бояться того, что можно оказаться в меньшинстве. В своей работе «Препятствия для веры социально-психологического и религиозно-психологического характера» [5] *Владета Еротич* выделяет два основных препятствия на пути к активной и практической религиозной жизни, приносящей верующему человеку преодоление своих недугов и болезней: 1) механистичность и ритуализация религиозной жизни; 2) обилие детских представлений о Боге, добре и зле, рае и аде, религиозных действиях в христианском мире. «К инфантильной набожности по праву можно причислить и религиозный эгоизм, распространенную привычку среди верующих людей требовать от Бога именно то, что им необходимо; этот эгоизм временами вырастает до вымогательства у Бога».

В личности доктора Владеты Еротича, психиатра и профессора пастырской психологии Православного богословского факультета в Белграде, гармонично и плодотворно соприсутствуют религиозный человек, христиа-

нин и мыслитель, подвижник веры и работник науки, психолог и богослов. О таком двуедином составе автора, особо поощрительном в наше время односторонне монофизитской «духовности», идеологического идолопоклонства и одномерных людей, не доросших до личностного способа существования, свидетельствуют все его тексты, опубликованные до сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Зайцев А. Не прятаться за авторитеты [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/printing/2003–12–17/7_vera.html (Дата обращения: 10.10.2018 г.).
2. Залевский, Г.В. От «демонической» до «биопсихосоционоэтической» модели психического расстройства / Г.В. Залевский // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 57–64.
3. Йеротич В. Вера и болезнь. [Электронный ресурс] URL: http://www.donor.org.ua/index.php?module=articles&act=show&c=2&id=2744 (Дата обращения: 10.10.2018 г.).
4. Йеротич В. Корабль спасения / В. Йеротич. Пер. с серб. М.: Сибирская благозвонница, 2009. 194 с.
5. Йеротич В. Препятствия для веры социально-психологического и религиозно-психологического характера [Электронный ресурс] URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2010/12/23/prepyatstviya_dlya_very_socialnopsihologicheskogo_i_religioznopsihologicheskogo_haraktera/ (Дата обращения: 10.10.2018 г.).
6. Йеротич В. Психологическое и религиозное бытие человека / В. Йеротич. Пер. с серб. М.: Изд-во ББИ, 2004. 216 с.
7. Йеротич В. Христианство и психологические проблемы человека / В. Йеротич. М.: Издательский Совет РПЦ, 2009. 480 с.
8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XI. Здоровье личности и народа. Официальный сайт Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] URL: https://mospat.ru/ru/documents/social–concepts/xi/ (Дата обращения:10.10.2018 г.).

D.A. Uvarova, E.G. Kopalkina

THE RELIGION AND HEALTH RELIGION IN ORTHODOXY (ACCOUNTING BY OWNER OF EROTICH)

The article presents the main religious and psychological views of the Serbian doctor and doctor of theology, Vladeta Erotich, whose work substantiates his main conclusion that real faith and deep psychology always go together, helping a person to awaken the «archetype of the savior» in himself.

Keywords: religion, faith, health, V. Erotic, Orthodoxy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Акулич Мария Михайловна – д-р социол. наук, профессор Тюменского государственного университета.

2. Андриянова Татьяна Владимировна – канд. социол. наук, доцент Курского государственного университета.

3. Антонова Наталья Леонидовна – д-р социол. наук, профессор Уральского федерального университета.

4. Антонова Полина Олеговна – студент Санкт-Петербургского государственного университета.

5. Балезина Екатерина Андреевна – старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.

6. Барг Анастасия Олеговна – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

7. Бахтин Евгений Леонидович – студент Уральского федерального университета.

8. Безрукова Ирина Геннадьевна – студент Ульяновского государственного технического университета.

9. Бельский Александр Михайлович – студент Белорусского государственного университета.

10. Блохин Виктор Николаевич – старший преподаватель Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.

11. Бобрулько Валерия Сергеевна – студент Курского государственного университета.

12. Бородина Ангелина Владимировна – доцент Башкирского государственного университета.

13. Бруцкая Юлия Петровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

14. Булгакова Дарья Александровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

15. Быканова Яна Павловна – студент Курского государственного университета.

16. Васильева Елена Александровна – д-р социол. наук, профессор Северо-Западного института управления – филиал Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

17. Вассерман Юрий Михайлович – канд. экон. наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета.

18. Вожакова Марина Александровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

19. Волегов Владимир Сергеевич – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

20. Воронова Ксения Андреевна – старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.

21. Ганина Ольга Александровна – старший преподаватель Пермского национального исследовательского политехнического университета.

22. Гимранова Гузель Айдаровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

23. Гнетов Роман Алексеевич – студент Пермского института ФСИН России.

24. Городкова Юлия Вячеславовна – смм–менеджер агенства Медиалид.

25. Гурова Ольга Валерьевна – преподаватель Пермского института ФСИН России.

26. Данилова Анна Владимировна – канд. социол. наук, доцент Института развития образования Свердловской области.

27. Дорофеева Александра Дмитриевна – студент Ижевской государственной медицинской академии.

28. Дубровина Анастасия Станиславовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

29. Ефимов Дмитрий Игоревич – студент Пермского института ФСИН России.

30. Жуланова Елена Александровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

31. Жумадилова Марал – докторант Жетысуского государственного университета И.Жансугурова.

32. Жусупбекова Мадина Койшибаевна – канд. юрид. наук, доцент Кызылординского государственного университета имени Коркыт Ата.

33. Закирова Азалия Булатовна – студент Ижевской государственной медицинской академии.

34. Заломова Юлия Игоревна – студент Астраханского государственного университета.

35. Зеленская Инна Владимировна – студент Пермского института ФСИН России.

36. Зыбина Юлия Петровна – студент Курского государственного университета.

37. Зырянова Александра Николаевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

38. Кабанова Елизавета Олеговна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

39. Каргаполова Екатерина Владимировна – д-р социол. наук, профессор Астраханского государственного университета.

40. Кардаш Оксана Игоревна – преподаватель Волгоградского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации.

41. Карпова Вера Михайловна – канд. социол. наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

42. Карсункина Алеся Сергеевна – студент Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева.

43. Киселева Надежда Сергеевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

44. Климова Наталья Леонидовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

45. Козюто Елизавета Вячеславовна – студент Волгоградского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации.

46. Колесниченко Милана Борисовна – студент Пермского национального исследовательского политехнического университета.

47. Комарова Вера – доктор экономики, ведущий исследователь Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского Университета.

48. Комиссаров Альберт Александрович – студент Поволжского строительно-энергетического колледжа им. П. Мачнева.

49. Копалкина Евгения Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета.

50. Коробкина Екатерина Михайловна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

51. Короленко Александра Владимировна – младший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.

52. Крапивина Ольга Александровна – студент Оренбургского государственного университета.

53. Кропачева Дарья Степановна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

54. Кузнецов Александр Евгеньевич – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

55. Курыло Ольга Владимировна – старший преподаватель Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.

56. Лавренюк Наталья Михайловна – канд. социол. наук, доцент Башкирского государственного университета.

57. Лапин Павел Михайлович – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

58. Лебедева-Несевря Наталья Александровна – д-р социол. наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета.

59. Липина Полина Александровна – студент Пермского института ФСИН России.

60. Лихачева Мария Игоревна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

61. Логинова Дарья Михайловна – студент Самарского государственного социально-педагогического университета.

62. Ляликова Софья Викторовна – старший лаборант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

63. Максименко Мария Эдуардовна – учащаяся МАУО «СОШ № 115» г. Перми.

64. Маркова Анастасия Сергеевна – студент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

65. Маркова Юлия Сергеевна – старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.

66. Меньщикова Анна Евгеньевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

67. Мирзоян Лиана Грачьвена – студент Курского государственного университета.

68. Мухутдинова Алина Ильясовна – аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

69. Мясникова Надежда Игоревна – начальник отдела по воспитательной работе Ижевской государственной медицинской академии.

70. Накарякова Александра Игоревна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

71. Нацун Лейла Натиговна – младший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.

72. Пермякова Надежда Шоимбековна – студент Финансового университета при Правительстве РФ.

73. Пибаева Мария Александровна – студент Пермского национального исследовательского политехнического университета.

74. Плотникова Елена Борисовна – канд. ист. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

75. Погадаева Галина Дмитриевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

76. Полетаева Ольга Владимировна – старший преподаватель Ульяновского государственного технического университета.

77. Попов Андрей Васильевич – научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.

78. Прокофьева Алёна Викторовна – старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.

79. Пяткин Владимир Владимирович – студент Самарского социально-педагогического университета.

80. Разварина Ирина Николаевна – младший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.

81. Рассказчикова Арина Андреевна – студент Пермского института ФСИН России.

82. Романова Мария Дмитриевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

83. Ростова Анна Владимировна – канд. социол. наук, доцент Тольяттинского государственного университета.

84. Ротарь Екатерина Михайловна – студент Курского государственного университета.

85. Рубцова Мария Владимировна – д-р социол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

86. Салдаева Ксения Витальевна – студент Новосибирского государственного педагогического университета.

87. Селеткова Гюзель Ильясовна – старший преподаватель Пермского национального исследовательского политехнического университета.

88. Селиванова-Фёдорова Наталья – магистр социальных наук в экономике Даугавпилсского Университета.

89. Селиверстова Мария Игоревна – студент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

90. Семёнов Максим Юрьевич – ассистент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета.

91. Симонян Аревик Вардановна – студент Тольяттинского государственного университета.

92. Синкеевич Данил Вячеславович – студент Пермского института ФСИН России.

93. Слепова Ольга Михайловна – директор Централизованной библиотечной системы г. Ульяновска.

94. Сокрута Лидия Валерьевна – преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.

95. Сомхишвили Кристина Отариевна – старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.

96. Старикова Анастасия Вячеславовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

97. Сущенко Анастасия Дмитриевна – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета.

98. Тельгузова Виктория Арамовна – студент Самарского государственного института культуры.

99. Тер-Никогосова Наталья Александровна – студент Тольяттинского государственного университета.

100. Тунева Анастасия Павловна – заведующий кабинетом кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

101. Уварова Диана Александровна – студент Иркутского национального исследовательского технического университета.

102. Федотова Вера Александровна – старший преподаватель Пермского национального исследовательского политехнического университета.

103. Филиппова Елена Николаевна – студент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

104. Хачатрян Людмила Александровна – канд. ист. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

105. Холкина Кристина Дмитриевна – студент Ульяновского государственного технического университета.

106. Цинкер Михаил Юрьевич – младший научный сотрудник Федерального научного центра медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения.

107. Цыплякова Ирина Васильевна – студент Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева.

108. Черешова Светлана Васильевна – аспирант Института государственного управления и предпринимательства. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина.

109. Швецова Олеся Александровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

110. Шибанова Наталья Андреевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

111. Шитова Дарья Андреевна – аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета.

112. Шоканова Диана Черменовна – канд. социол. наук, доцент Белорусского государственного университета.

113. Шуклина Зинаида Николаевна – д-р экон. наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА **4**

И.Г. Безрукова АДРЕСНОСТЬ КОММУНИКАЦИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ **4**

О.А. Ганина, Г.И. Селеткова, В.А. Федотова, Ю.В. Городкова ОСОБЕННОСТИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНЫХ КАЧЕСТВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ЖИТЕЛЯМИ ПЕРМИ И ЧАЙКОВСКОГО **9**

М.А. Вожакова, А.С. Дубровина ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННЫХ КОМИКСАХ DC И MARVEL **14**

Д.И. Ефимов К ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ **19**

Е.А. Жуланова, О.А. Швецова ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СЕТИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ) **22**

М. Жумадилова, М.К. Жусупбекова НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН **27**

Ю.И. Заломова, Е.В. Каргаполова ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АСТРАХАНЦЕВ ОБ ИТОГАХ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ FIFA–2018 ..... **32**

П.А. Липина ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА **36**

Ю.С. Маркова, Е.Б. Плотникова МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ: МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ АКТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ **40**

А.И. Мухутдинова ВЛИЯНИЕ ЖУРНАЛОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ О МОДЕ **44**

А.И. Накарякова ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ **48**

Г.Д. Погадаева ТРЕТЬЕ ЛИЦО ВЛАСТИ: ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ **53**

А.В. Ростова МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (ЭТАП РАЗРАБОТКИ ИННОВАЦИЙ) **58**

К.В. Салдаева ВЛИЯНИЕ ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЙ НА РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ 62
Л.В. Сокрута ПЕНСИОННЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ И МИРЕ..... 66
А.В. Старикова РОЛЬ СМИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....**69**
Н.А. Тер-Никогосова ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....**74**
К.Д. Холкина ИМИДЖ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ **77**
Н.А. Шибанова ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....**80**
З.Н. Шуклина ОМНИКАНАЛЬНОСТЬ В ПОВЫШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ.....**85**

РАЗДЕЛ 2. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.....89
Е.Л. Бахтин ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА ЗАНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ **89**
А.М. Бельский ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (КЕЙС УЧАСТИЯ В ГОЛОСОВАНИИ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ).....**94**
А.В. Бородина НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ ЕВРОПЕЙСКИХ И ВСЕРОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....**101**
Д.А. Булгакова, А.П. Тунева СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОКУСА ИССЛЕДОВАНИЯ.....**107**
В.С. Волегов ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГОТОВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ: ОПЫТ ПЕРМСКОГО КРАЯ **111**
Г.А. Гимранова ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНОВ.....**116**
Ю.П. Зыбина КОМПОНЕНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ) **121**

В.М. Карпова МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА В ИЗУЧЕНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК **128**
Н.Л. Климова ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ **133**
В.Комарова, Ю.М. Вассерман, Н. Селиванова–Фёдорова КАКИМ ОБРАЗОМ СТРАНЫ МИРА ДИФФЕРЕНЦИРУЮТСЯ ПО УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА **138**
А.А. Комиссаров ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ **145**
А.Е. Кузнецов СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СХИЗМА **148**
М.И. Лихачева ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВОЛОНТЕРСКИХ ДВИЖЕНИЙ **152**
А.Е. Меньщикова ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ЧУВСТВА ПРОТИВ ДОСТАТКА **157**
М.Д. Романова К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИЕМЛЕМОСТИ РИСКА **163**
К.О. Сомхишвили ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА. ДЕТЕРМИНАНТЫ ДОВЕРИЯ **168**
Д.А. Шитова КАЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА АДАПТАЦИЮ ДЕТЕЙ-СИРОТ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ **173**

РАЗДЕЛ 3. БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАЦИЙ И РЕГИОНОВ **178**
Т.В. Андриянова «ПАСПОРТ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ» РЕГИОНА КАК ИНСТРУМЕНТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОКАЗАТЕЛЕЙ **178**
В.Н. Блохин СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКИМИ ТЕРРИТОРИЯМИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ **183**
В.С. Бобрулько ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА **188**
Ю.П. Бруцкая УПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ **194**
Е.А. Васильева, М.В. Рубцова К ВОПРОСУ О СОГЛАСОВАННОСТИ ЦЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) **198**
К.А. Воронова СОЦИАЛЬНО-КОНТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ... **204**

А.В. Данилова РЫНОК ТРУДА МОНОГОРОДА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ **211**
И.В. Зеленская, М.Э. Максименко ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **214**
Н.С. Киселева ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ **220**
Е.М. Коробкина ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА УРОВНЕ РЕГИОНА **226**
Н.М. Лавренюк СТРАТЕГИЧЕСКОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН **233**
А.С. Маркова, М.И. Селиверстова, Е.Н. Филиппова НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ **239**
Л.Н. Нацун УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ РАБОТАЮЩИХ ИНВАЛИДОВ СВОИМ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА, ПРОВЕДЁННОГО В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) **243**
М.А. Пибаева СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КУНГУРА **248**
О.В. Полетаева, О.М. Слепова СОКРАЩЕНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА НАСЕЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ В РЕГИОНЕ* **253**
А.В. Попов ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПЕРИОД 1997–2017 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) **259**

РАЗДЕЛ 4. СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ **264**
А.Н. Зырянова ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОПЫТ СТРАН СНГ **264**
Е.О. Кабанова ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) **269**
Е.В. Козюто, О.И. Кардаш СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТРОНАЖ НЕПОЛНОЙ МАТЕРИНСКОЙ СЕМЬИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ **276**
Д.С. Кропачева ВЛИЯНИЕ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА НА РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **280**

А.А. Рассказчикова, О.В. Гурова ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....285
Е.М. Ротарь СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....288
А.В. Симонян ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ.....292
Д.В. Синкеевич РАЗВИТИЕ ДЕПРИВАЦИОННОГО СОСТОЯНИЯ У ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА.....295
В.А. Тельгузова ФОТОАЛЬБОМ КАК СПОСОБ КОНСОЛИДАЦИИ СЕМЬИ И ВИЗУАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ МЕЖПОКОЛЕННЫХ СВЯЗЕЙ.....300
Л.А. Хачатрян ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НЕПОЛНОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕЙ.....304
С.В. Черешова ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....309
D. Shokanova SOCIALIZATIONAL PROBLEMS OF ORPHANED CHILDREN.....315

РАЗДЕЛ 5. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ.....318
Н.Л. Антонова, А.Д. Сущенко ЭКСПОРТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СТУДЕНТЫ ИЗ СТРАН БРИКС В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....318
Е.А. Балезина ВОСПРИЯТИЕ СУБЪЕКТОВ РИСКА МОЛОДЫМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВУЗА.....321
Я.П. Быканова ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ЗНАЧИМОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ.....326
Р.А. Гнетов К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ.....330
А.С. Карсункина ВНЕДРЕНИЕ ЛЕКЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КЕЙС-МЕТОДА В ХИМИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ.....334
О.А. Крапивина ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ.....338
О.В. Курыло МЕСТО ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ.....343

П.М. Лапин МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ **348**

Д.М. Логинова ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ **352**

С.В. Ляликова СЕМЕЙНО-ДОМАШНЕЕ ОБУЧЕНИЕ КАК РЕАКЦИЯ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ **357**

Л.Г. Мирзоян ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ **363**

Н.И. Мясникова, А.Д. Дорофеева, А.Б. Закирова ФЕНОМЕН ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА **367**

Н.Ш. Пермякова СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА АДАПТАЦИЮ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ **372**

В.В. Пяткин ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ **376**

И.Н. Разварина ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ **382**

И.В. Цыплякова ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ **386**

РАЗДЕЛ 6. ЗДОРОВЬЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ **389**

М.М. Акулич, М.Ю. Семёнов РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗДОРОВЬЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ **389**

П.О.Антонова КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕЛА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ **394**

А.О. Барг СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В АНАЛИЗЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРОДУКТОВ ДЕТЬМИ РАННИХ ВОЗРАСТОВ (ДЛЯ ЗАДАЧ ОЦЕНКИ ЭКСПОЗИЦИИ N–НИТРОЗАМИНОВ) **397**

М.Б. Колесниченко СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ **402**

А.В. Короленко ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ **406**

М.Ю. Цинкер, Н.А. Лебедева–Несевря МОДЕЛИРОВАНИЕ СВЯЗЕЙ МАКРОСОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ РИСКА И ПОТЕРЬ ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.....**412**

А.В. Прокофьева ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЕОРИЕНТИРОВАННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЕКТАХ “AGE–FRIENDLYCITY” И “CHILD–FRIENDLYCITY”.....**416**

Д.А. Уварова, Е.Г. Копалкина ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕРЫ И ЗДОРОВЬЯ В ПРАВОСЛАВИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ ВЛАДЕТА ЕРОТИЧА).....**422**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....**426**

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы V Международной
научно-практической конференции
(5–6 декабря 2018 года)

Издается в авторской редакции

Техническая подготовка материалов: *С. Ю. Елисеева*

Подписано к использованию 18.12.2017
Объем данных 4,64 Мб

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15